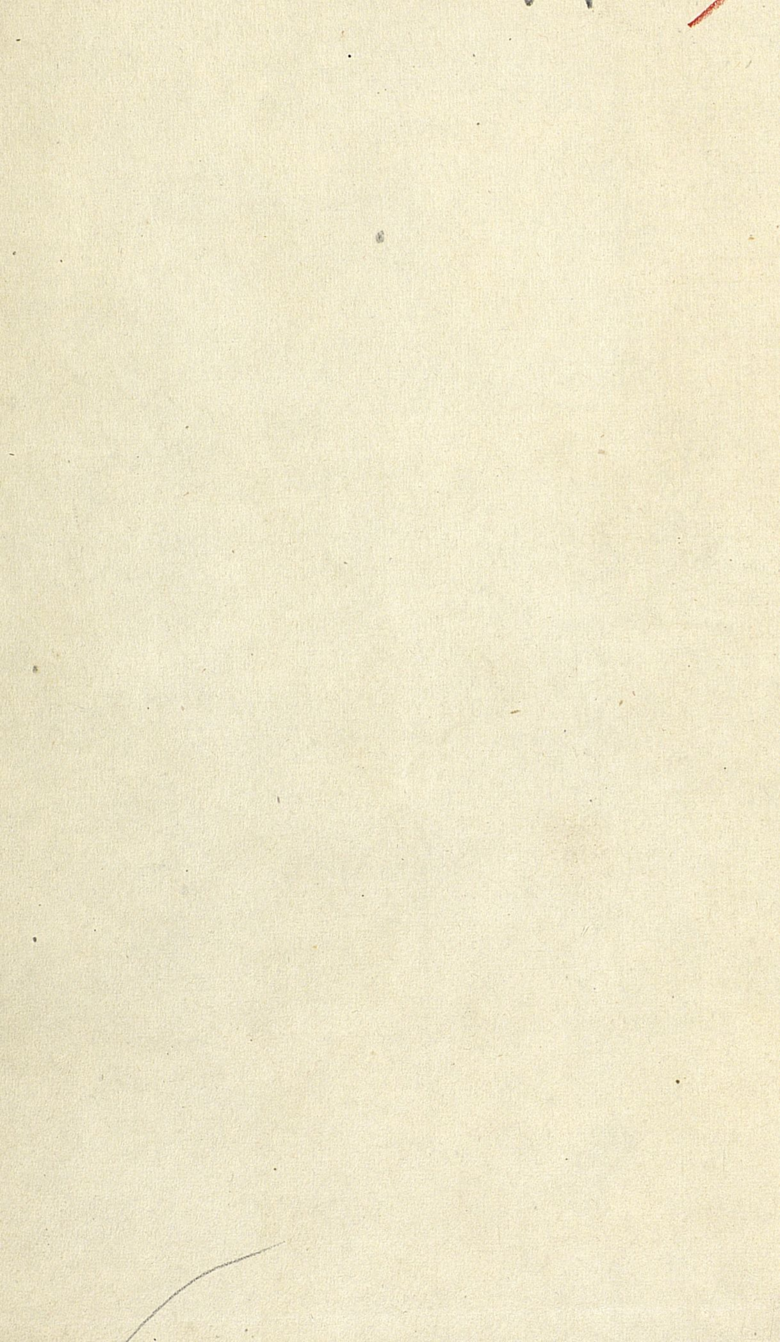
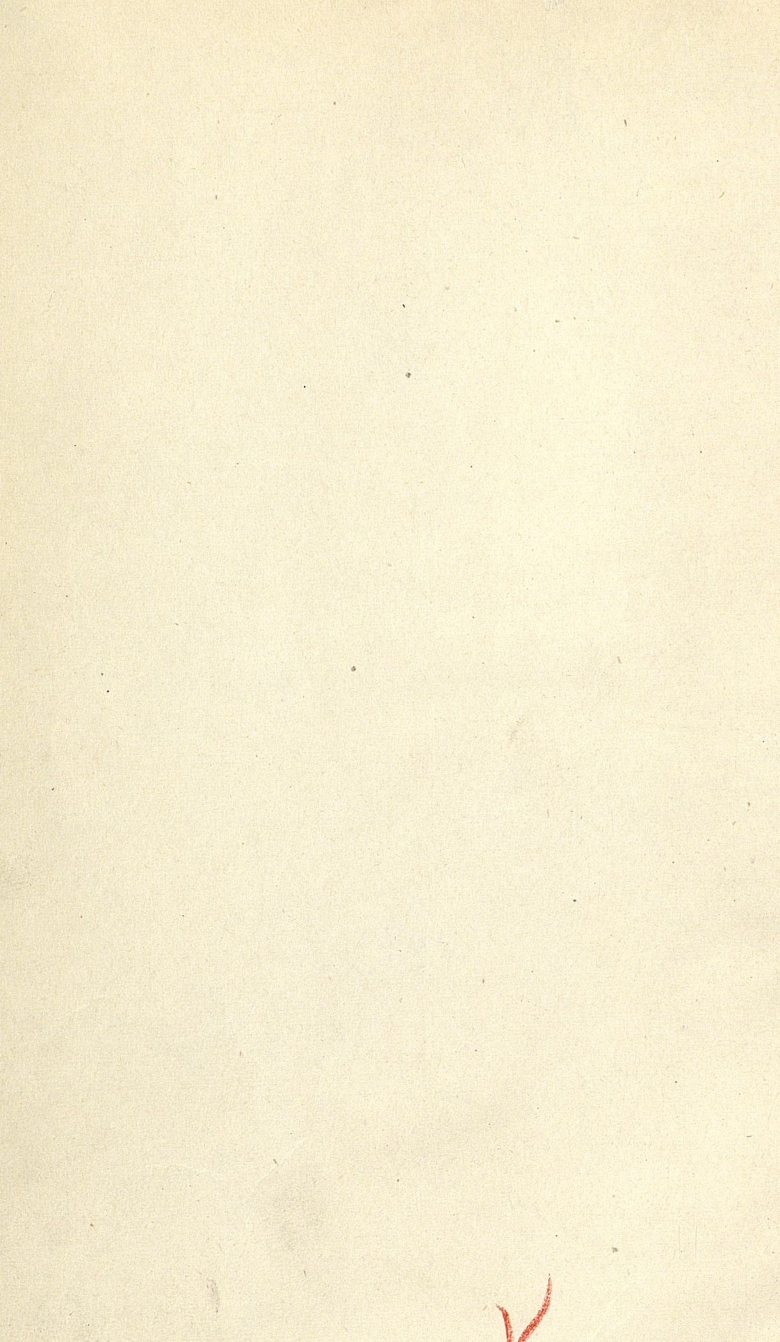
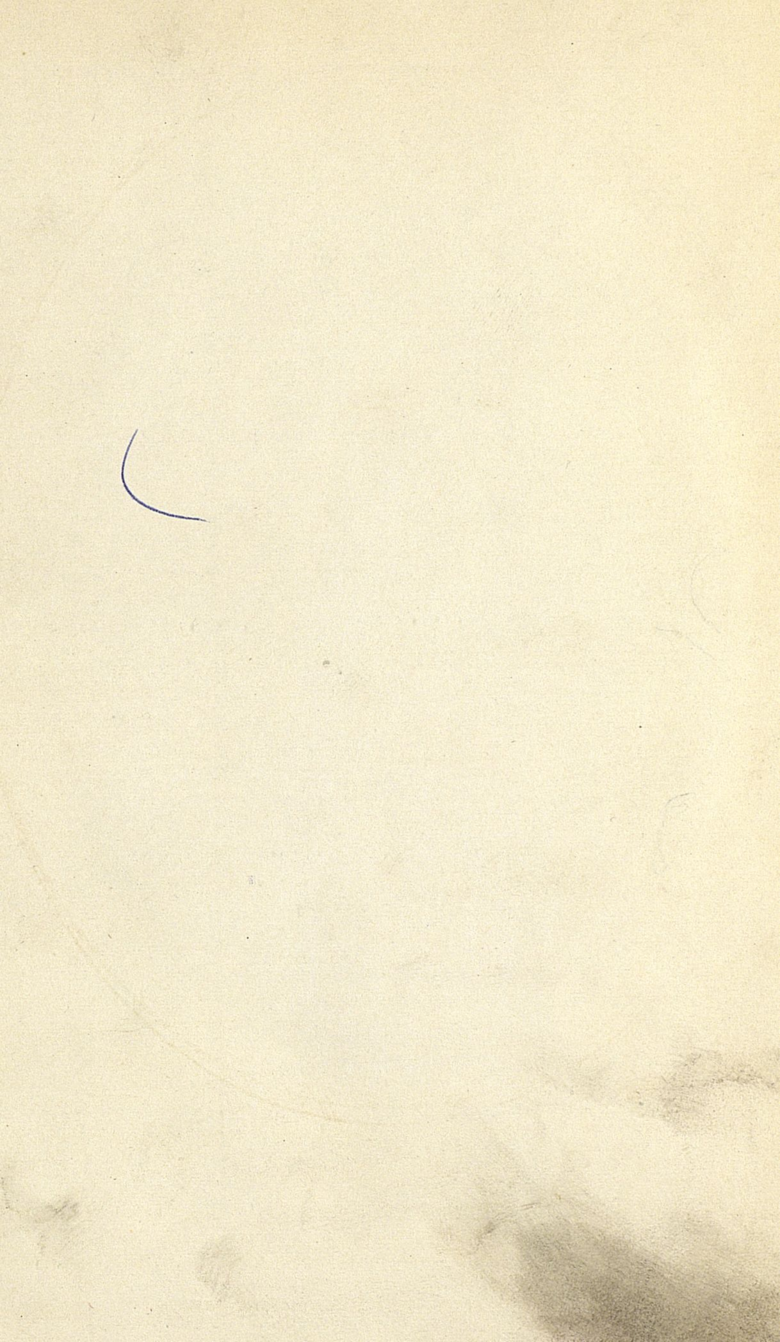

ПИСЬМА

О

ПУТЕШЕСТВІИ

ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА

ПО РОССІИ

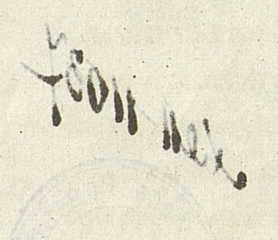
ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО КРЫМА

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРАЧЕВА И КОМП.

1864.

Дозволено цензурою. Москва, Марта 9 дня 1864.

Всѣ рускіе люди слѣдили, конечно, съ живѣйшимъ интересомъ за путешествіемъ по Россіи Наслѣдника Рускаго Престола, лѣтомъ прошлаго 1863 года. Мы радовались, что могли въ то время хотя отчасти удовлетворить всеобщему желанію — желанью знать о томъ, что встрѣтилъ и что видѣлъ Государь Наслѣдникъ на пути своемъ. Въ „Московскихъ вѣдомостяхъ" съ іюня по октябрь прошлаго года печатались наши письма съ дороги о путешествіи Его Высочества. Мы старались, сколько могли и сколько дозволяло время, показать любопытнымъ читателямъ все, что сами видѣли и слышали, чего сами были свидѣтелями, — то есть все, на чемъ останавливалось вниманіе Высокаго Путешественника.

Теперь, дополнивъ прежнее изложеніе новыми свѣденіями о тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя лежалъ путь, мы издаемъ свои письма отдѣльною книгой. Каковы бы ни были недостатки нашего описанія и изложенія, мы не сомнѣваемся, что книга эта, по самому

содержанію своему, будетъ имѣть интересъ для многихъ. Цѣль наша — оживить въ памяти и участниковъ и свидѣтелей подробности путешествія, столь богатаго разнообразными и незабвенными для рускаго сердца впечатлѣніями.

Свѣденія о народной промышленности и о хозяйствѣ мѣстностей, по которымъ лежалъ путь Его Высочества, очерки быта народнаго и т. п. собраны нами и изъ собственныхъ наблюденій и, въ особенности, изъ указаній, разсказовъ и записокъ, которыхъ было повсюду много: всѣ, отъ кого можно было ожидать вѣрныхъ свѣденій, стремились удовлетворить желанію Государя Наслѣдника — ознакомиться съ нуждами и съ внутреннею жизнію края, по которому совершалось Его путешествіе. Наша задача — передать во всей правдѣ все, что мы видѣли и слышали, и мы почтемъ себя счастливыми, если рускій читатель раздѣлитъ съ нами хотя отчасти тѣ впечатлѣнія, которыя оставило намъ на цѣлую жизнь свободное движеніе народа на встрѣчу Сыну и Наслѣднику Царя-Освободителя.

К. Побѣдоносцевъ.

И. Бабстъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР

ГЛАВА I. Отъѣздъ изъ Петербурга Ладожскій каналъ. Рѣка Свирь. Петрозаводскъ. Александровскій пушечный заводъ. Свѣденія объ округѣ Олонецкихъ заводовъ. Поѣздка въ с. Соломенное и на Кивачь. Отъѣздъ изъ Петрозаводска. . 1

ГЛАВА II. Вытегра. Осмотръ шлюзовъ. Опять Петръ. Деволанъ и Сиверсъ. Аннинскій мостъ. Ковжа. Бѣлозерскъ. Горицкій и Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Шексна. Череповецъ. Рыбинскъ. Маріинская система и улучшенія на ней производимыя. Мнѣнія Рыбинскихъ купцовъ о необходимости желѣзной дороги изъ Рыбинска въ Бологово. 27

ГЛАВА III. Обѣдня въ Рыбинскомъ соборѣ. Слово Протоіерея Родіона Путятина. Обѣдъ въ биржевомъ залѣ. Канатный и пильный заводы гг. Журавлевыхъ. Описаніе канатнаго производства. Сорты пеньки Генералъ-троссъ. О канатномъ производствѣ въ Россіи. Лѣсопильня. Механическое заведеніе. Пристань и доки. Туэрное пароходство и его будущность. Значеніе Рыбинска. 54

ГЛАВА IV. Отъ Рыбинска до Ярославля. Романовъ-Борисоглѣбскъ. Народная встрѣча въ Ярославлѣ. Ярославское училище для дѣвицъ духовнаго званія. Основаніе этихъ училищъ, значеніе ихъ и настоящее положеніе. Иллюминація. Спасо-преображенскій монастырь. Николаевскій дѣтскій пріютъ и богадѣльня Пастухова. Лечебница для приходящихъ больныхъ. Осмотръ Успенскаго собора въ Ярославлѣ. Архіерейскій домъ. Ярославская семинарія.

Выставка произведеній промышленности Ярославской губерніи. Вечернее гулянье и иллюминація въ загородномъ саду. Толгскій монастырь. Паровая мукомольная мельница Крохоняткина. Церковь Іоанна Предтечи въ Толчковской слободѣ. 84

ГЛАВА V. Отъ Ярославля до Костромы. Мели на Волгѣ между Ярославлемъ и Костромой. Николо-Бабаевскій монастырь. Народная встрѣча въ Костромѣ. Вечерняя иллюминація. Ипатьевскій монастырь и его древности. Кельи Михаила Ѳеодоровича. Представленіе. Костюмъ Галичанокъ. Замѣчательныя церкви въ Костромѣ. Церковь Воскресенія на Дебряхъ. Развалины Богоявленскаго монастыря. Дѣвичій монастырь. Выставка произведеній промышленности Костромской губ. Лыковое, мочальное и рогожное производство. Желѣзныя и войлочныя издѣлія. Красносельскій и Сидоровскій товаръ. Деревянная посуда. Химическія произведенія и заводъ Шипова. Хлопчато бумажныя и льняныя издѣлія. Кожевенный товаръ. . . . 121

ГЛАВА VI. Внѣшній видъ Костромы. Посѣщеніе Костромскихъ фабрикъ и заводовъ. Льнопрядильня и ткацкая Зотова. Состояніе нашей льняной промышленности и виды на ея будущность. Фабрика Брюханова и Михина. Гвоздильное заведеніе Колодезникова. Механическій заводъ Шипова. Положеніе нашего механическаго производства. Завтракъ на заводѣ Шиповыхъ. 152

ГЛАВА VII. Обѣдъ, данный Костромскимъ дворянствомъ. Отъѣздъ въ с. Иваново. Нерехта. Фабрика Дьяконовыхъ. Вечеръ въ с. Ивановѣ. Очеркъ Иванова и Вознесенскаго посада. Фабрика Зубкова. Выставка. Фабрика Гарелина. Ситцевое заведеніе вдовы Гандуриной. Соборъ въ Ивановѣ. Завтракъ у Гарелина. Обратный путь въ Кострому. Посѣщеніе Цесаревичемъ Губернскаго присутствія. Отъѣздъ изъ Костромы. Мели на Волгѣ. Нижній при вечерней иллюминаціи. 181

ГЛАВА VIII. Поѣздка въ село Павлово Характеръ построекъ въ Павловѣ. Устройство пожарной команды. Промышленность Павлова и ея характеристическія особенности. Заведеніе Варыпаева и Калякина. Выставка издѣлій села Павлова Отъѣздъ изъ Павлова. Стоянка у Дуднева монастыря. 214

ГЛАВА IX. День въ Нижнемъ Новгородѣ. Встрѣча Великаго Князя казанскимъ обществомъ подъ Свіяжскомъ. Обѣдъ въ Казани. Николаевская слобода. Первый вечеръ на *Туристѣ*. Плаваніе по Камѣ. Чистополь. Симбирскъ. Вечеръ въ Клубѣ. Удѣльное училище для крестьянскихъ дѣвицъ. Механическое заведеніе Зотова. Рысистые бѣги и скачка. Соборъ. Симбирская старина. Балъ отъ дворянства. Отъѣздъ изъ Симбирска. Проводы дворянства подъ Сенгилеемъ. Рѣзныя деревянныя блюда, поднесенныя Великому Князю. 239

ГЛАВА X. Путь отъ Симбирска до Самары. Виды на Волгѣ. Жигулевскія горы. Пріѣздъ въ Самару. Песчаный буранъ въ Самарѣ. Обѣдъ въ Струковскомъ саду. Кумысо-лечебное заведеніе Постникова. Верблюжья тройка. Осмотръ матокъ и жеребятъ туземной породы. Мнѣніе Кн. Голицына о коневодствѣ въ Оренбургскомъ краѣ. Выставка произведеній Самарской губ. Обратный путь съ выставки на пристань. 263

ГЛАВА XI. Отъ Самары до Саратова. Ночь на Волгѣ. Сызрань. Хвалынскъ. Вольскъ. Народная встрѣча въ Саратовѣ. Пожертвованія. Обозрѣніе старинныхъ актовъ. Обѣдъ отъ дворянства. Вечерняя прогулка по городу. Соколова гора. Испытаніе возовыхъ лошадей. Саратовскій институтъ для дѣвицъ. Переѣздъ отъ Саратова до Сарепты. Встрѣча на пристани и въ колоніи. 301

ГЛАВА XII. Богослуженіе въ Сарептской церкви. Горчичный заводъ Глича и горчичное производство въ Сарептѣ. Сарептскіе водопроводы. Начало Сарепты и ея исторія. Общественное управленіе колоніи. Промышленное значеніе

Сарепты. Обѣдъ въ домѣ правленія. Прогулка по колоніи. Домашній бытъ Сарептянъ. Миссіонерская дѣятельность Гернгутеровъ. Обученіе молодежи и внутренняя дисциплина Гернгутерскихъ общинъ. Возвращеніе на пароходъ. Общее заключеніе о Сарептѣ. 316

ГЛАВА XIII. Отъ Сарепты до Астрахани. Станицы казаковъ астраханскаго войска. Тюменевка. Домъ владѣльца и кибитки хозяекъ. Зачатки Калмыцкой осѣдлости въ Тюменевкѣ и въ степи. Попытки Замьяна и Тюменей къ заведенію поселеній между Калмыками. Астрахань. Первыя впечатлѣнія на пристани и въ городѣ. Новые типы населенія. Вечерняя иллюминація на площади. 341

ГЛАВА XIV. Представленіе инородцевъ. Посѣщеніе Института. Армянскій соборъ. Обѣдъ отъ купечества. Казачій бугоръ и прогулка по городу. Поѣздка на Камызякъ и осмотръ работъ для углубленія волжскаго фарватера. Каспійское море. Рыбная ватага на Чаганѣ. Возвращеніе въ Астрахань. Иллюминація на Волгѣ. Астраханскій соборъ. Адмиралтейство и военный Портъ. 360

ГЛАВА XV. Поѣздка въ Тюменевку. Встрѣча у хурула и ламайская священная музыка. Обстановка богослуженія и внутренность хурула. Обрядовыя вещи и одежды духовенства. Впечатлѣніе отъ хурула. Священныя книги въ хурулѣ. О священной литературѣ буддизма. Курду. Характеръ буддизма. Буддійская іерархія. Новѣйшія изслѣдованія о буддизмѣ. Сущность буддійскаго ученія . 389

ГЛАВА XVI. Обѣдъ въ Тюменевкѣ. Калмыцкой праздникъ. Скачка, борьба, соколиная охота. Ловля дикихъ лошадей. Перекочевка. Джигитовка. Пѣсни и пляски. Гонка водки изъ молока. Прощанье съ Тюменевкой. Плаваніе до Царицына. Вечерняя охота на Волгѣ. Царицынъ. Память Петра Великаго. Послѣдній вечеръ на Волгѣ. 415

ГЛАВА XVII. Калачевская пристань. Встрѣча на Дону. Наказный Атаманъ П. Х. Граббе. Плаванiе до Нижнечирской станицы. Казачiй типъ. Образованiе казачьяго населенiя. Черты общежитiя и внутренняго управленiя въ старомъ казачествѣ. Развитiе гражданственности и преобразованiя въ управленiи. Нижнечирская станица. Первый вечеръ на Дону. Крестный ходъ на воду, старинный казачiй нарядъ. Плаванiе отъ Нижнечирской станицы. Перекаты на Дону 426

ГЛАВА XVIII. Видъ Цымлянской станицы. Виноградники и винодѣлiе на Дону. Утренняя поѣздка въ виноградники. Вечернiй видъ на Цымлянскую станицу и окрестности. Ночь на пароходѣ. Романовская станица. Донскiе Калмыки, ихъ устройство и управленiе. Богослуженiе въ хурулѣ. Калмыцкiе табуны и ловля лошадей въ табунахъ. Константиновская станица. Раздорская станица и ея вина. О донскихъ лѣсахъ. Мелиховская станица . . . 449

ГЛАВА XIX. Старо-Черкасскъ и его историческое значенiе. Старый соборъ и его исторiя. Дѣвичiй монастырь. Родъ Ефремовыхъ. Церковь Петра и Павла. Вечерняя прогулка по станицѣ. Черкасскiя воды. Образованiе Черкасской станицы. Церковь Преображенiя. Вечеръ въ Черкасскѣ. Отъѣздъ изъ Старо-Черкаска. Монастырское урочище. Переѣздъ до Аксая и виды по дорогѣ. Аксайская станица. Полковникъ Быхаловъ. Церковь Успенiя. 474

ГЛАВА XX. Переѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Аксайской станицы въ Ново-Черкасскъ. Встрѣча Цесаревича въ Ново-Черкасскѣ и церемонiя въ Войсковомъ Кругу. Новочеркасскъ, его исторiя и нынѣшнее положенiе. Новый Соборъ. Вечернее гулянье и танцы въ саду. Присутственныя мѣста казачьяго управленiя. Органы мѣстнаго управленiя въ землѣ Войска Донскаго. Обѣдъ Цесаревичу отъ дворянства. Смотръ учебному полку. Новочеркасская гимназiя. Отдѣленiе восточныхъ языковъ, цѣль его и значе-

ніе. Маріинскій Донской институтъ. Обѣдъ Великому Князю отъ торговыхъ казаковъ. Устройство торгующаго класса на Дону. 494

ГЛАВА XXI. Прощанье съ Новочеркаскомъ. Вопросы о преобразованіяхъ въ землѣ Войска Донскаго и журнальная полемика. Важность вопросовъ о поземельномъ владѣніи. Дорога до Грушевки. Антрацитовыя копи и состояніе антрацитоваго промысла на Дону. Значеніе Грушевской желѣзной дороги, ея устройство и виды на будущее. Завтракъ въ павильонѣ изъ антрацита. Обратный путь мимо Новочеркасска въ Аксай. 525

ГЛАВА XXII. Встрѣча и обѣдъ въ Нахичевани. Ростовъ на Дону. Прежнее и нынѣшніе его состояніе. Нужды Ростовской администраціи Донскія гирла. Картины нижнихъ станицъ. Азовское море и Таганрогъ. Обѣдъ въ городскомъ саду. Домъ Императора Александра. Вечеръ въ домѣ Алфераки. Бердянскъ. Болгарская колонія. Вечеръ на Аргонавтѣ. Керчь. Осмотръ новыхъ укрѣпленій. Музей. Керченскія древности. Царскія могилы. Керченскій институтъ. Еврейская школа и синогога. Плаваніе по Черному морю до Ялты. 548

ГЛАВА I.

Отъѣздъ изъ Петербурга Ладожскій каналъ. Рѣка Свирь. Петрозаводскъ. Александровскій пушечный зоводъ. Свѣденія объ округѣ Олонецкихъ заводовъ. Поѣздка въ с. Соломенное и на Кивачь. Отъѣздъ изъ Петрозаводска.

Великій Князь Цесаревичъ выѣхалъ 11-го іюня съ пристани С.-петербургско-волжскаго пароходства на компанейскомъ пароходѣ *Петрозаводскъ*. Путь отъ пристани и до Шлиссельбурга, при совершенно тихой и ясной погодѣ, продолжался около 10 часовъ и совершился вполнѣ благополучно. На пельскихъ порогахъ фарватеръ вездѣ обозначенъ бакенами, вполнѣ удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ судоходства. Нечего говорить, что все вниманіе высокаго путешественника было обращено на тщательное ознакомленіе съ искусственнымъ воднымъ путемъ, который былъ заложенъ

великимъ кормчимъ Россіи прошлаго столѣтія. Это было и желаніе и цѣль Цесаревича, избравшаго для своего путешествія такой неудобный и съ многочисленными затрудненіями сопряженный путь. Въ 7 часовъ путешественники прибыли въ Шлиссельбургъ, а въ 8 часовъ Цесаревичъ былъ уже на новомъ каналѣ и осматривалъ молъ со стороны крѣпости, составляющій оконечность новаго канала. Работы здѣсь подвигаются быстро и находятся въ слѣдующемъ положеніи: 1) отъ Шлиссельбурга до деревни Бугры на десятой верстѣ, каналъ оканчивается копкою. Работы на этомъ участкѣ были весьма затруднительны по причинѣ большой твердости грунта; 2) отъ деревни Бугровъ до сел. Лавы, на протяженіи 20 верстъ, каналъ окончательно выкопанъ и наполненъ водой; 3) отъ Лавы и до Кабоны (8 верстъ), половина работъ сдѣлана, такъ что вся часть канала отъ Шлиссельбурга до Кабоны, на 44 версты, должна скоро отстроиться. Все же протяженіе канала будетъ составлять около 102 верстъ. Подрядчикъ работъ, потомственный почетный гражданинъ Григорій Гладинъ, принялъ сооруженіе канала оптомъ за 4 милл. 600 тысячъ р., обязавшись окончить его въ 1866, такъ чтобы весной того же года было открыто судоходство. До сихъ поръ ассигновано на сооруженіе канала въ 1861 году 600,000 р., 1862 г. 1,000,000, въ 1863 г. 1.000.000 р.

Цесаревичъ принялъ обѣдъ, данный уѣзднымъ предводителемъ Чоглоковымъ. Въ продолженіе его играла

музыка гвардейскаго экипажа и усердно палили двѣ маленькія пушки хозяина, къ величайшему удовольствію всей публики, отвѣчавшей на каждый выстрѣлъ громкимъ *ура*. По окончаніи обѣда, раздались хороводныя пѣсни шлиссельбургскихъ крестьянокъ, пришедшихъ изъ окрестностей въ своихъ оригинальныхъ нарядахъ, весьма богатыхъ, если только жемчугъ, которымъ нарядъ унизанъ, настоящій. Послѣ обѣда Цесаревичь посѣтилъ тюрьму, крѣпость, арестантскія и казематы, не занятые преступниками, и входилъ во всѣ подробности, касающіяся до крѣпости. Изъ Шлиссельбурга вышли въ Ладожское озеро, 12 іюня, около 8 часовъ утра. Погода была тихая и ясная. Сначала предполагалось осмотрѣть Ладожскій каналъ во всѣхъ его подробностяхъ, но Цесаревичь чувствовалъ себя нездоровымъ, и потому рѣшено было отправиться немедленно въ дальнѣйшій путь. Его Высочество почти цѣлый день не выходилъ на палубу. Раза два только онъ оставлялъ свою каюту, чтобы принять рыбу отъ хозяевъ ватагъ, мимо которыхъ проходили. Всѣ мелкія мѣста были обставлены бакенами и вехами. Село Сермаксу миновали, не приставая къ берегу, и только къ вечеру поднялись рѣкою Свирью до города Лодейное Поле, сдѣлавъ съ небольшимъ 177 верстъ въ 11 часовъ. Ночлегъ былъ на пароходѣ. Къ великому огорченію жителей, собравшихся у пристани, они не могли видѣть Цесаревича. Онъ уже почивалъ. Всѣ радушныя приготовленія Лодейнопольцевъ были напрасны, и чтобы утѣшить хозяевъ дома, назначеннаго

для ночлега, флигель-адъютантъ Рихтеръ поѣхалъ къ нимъ и торжественно обѣщалъ передать Его Высочеству все, что было сдѣлано ими для принятія дорогаго гостя. Пароходъ отъѣхалъ отъ пристани въ 5 часовъ утра. Утро было дивное. Живописныя берега Свири разстилались передъ нами, и каждый поворотъ, каждая извилина открывали новую картину, въ глубинѣ которой видны были многолюдныя большія селенія, придававшія много жизни прекраснымъ пейзажамъ, а народонаселеніе ихъ толпилось на берегу и громкимъ *ура* провожало проходящій пароходъ.

Во время перехода до с. Вознесенья на Свири, дистанціонные офицеры корпуса путей сообщенія обращали вниманіе Цесаревича на пороги, объясняя ему работы, здѣсь произведенныя и правила, которыми руководствуются для устраненія опасностей. За сиговскимъ и медвѣдицкимъ порогами, насъ захватила грозовая туча и пошелъ сильный дождь. Но гроза прошла стороной, и мы благополучно подошли къ Вознесенской пристани.

Улучшенія, производимыя на рѣкѣ Свири, состоятъ въ настоящее время въ загражденіи протоковъ между островами и въ разрывкѣ нѣкоторыхъ камней. Дальнѣйшее же улучшеніе будетъ зависѣть отъ предполагаемаго сооруженія отводныхъ дамбъ въ самомъ руслѣ рѣки, отъ спрямленія и углубленія мѣстами фарватера до 7 футъ и отъ исправленія бечевыхъ путей. У Вознесенской пристани, на правомъ берегу Свири, насъ ожидали уже пароходы

ды *Фонтанка*, *Ординарецъ* и *Катеръ*, назначенные для плаванія по Вытегрѣ, и мы отправились тотчасъ же далѣе, потому что Вознесенская пристань и селеніе не представляютъ сами по себѣ ничего замѣчательнаго. Оно важно только какъ мѣсто, въ которомъ перегружаются суда, идущія въ Свирь. Здѣсь же простились мы и съ начальникомъ I-го округа генераломъ Лебедевымъ. Онъ пошелъ изъ Вознесенья къ Чернымъ Пескамъ, чтобы встрѣтить тамъ Его Высочество 17-го іюня, а Великій Князь отправился въ дальнѣйшій путь на сѣверъ, въ Петрозаводскъ, куда и прибылъ въ 4 часа утра. Туда было уже дано знать, что Его Высочество не выйдетъ ранѣе 9 часовъ на берегъ, дабы не безпокоить начальство города и не продержать жителей ночь на берегу въ ожиданіи гостя.

Вотъ она—Петровская слобода или Петровскіе заводы. Извѣстно, что Петръ Великій, возвратившись послѣ своего путешествія въ 1698 году изъ-за границы, посѣтилъ заонежскіе погосты и найдя, что болота здѣшняго пустыннаго края изобилуютъ рудой, вызвалъ сюда опытныхъ рудокоповъ и искусныхъ мастеровъ и поручилъ имъ разработку олонецкихъ рудъ. Привлекаемые надеждами на барыши, многіе частные люди бросились также въ эти мѣста на разработку минеральныхъ богатствъ онежскаго края, тѣмъ болѣе, что государственная потребность въ желѣзѣ росла и тульскіе заводы одни не могли имъ удовлетворять. Нѣсколько лѣтъ прошло въ поискахъ, дѣло не клеилось, капита-

лы лопались, рвеніе стало охладѣвать и опять пришлось великому хозяину земли Русской ѣхать учить неумѣлыхъ.

Въ 1701 году поѣхалъ онъ самъ съ эрдпробиромъ Блюгеремъ въ заонежскіе погосты, осмотрѣлъ олонецкія горы и озера, нашелъ желѣзную и мѣдную руду, заложилъ плавильныя печи, а потомъ при устьѣ рѣки Лососинки, впадающей въ Онежское озеро, устроилъ пушечный заводъ, остатки котораго видны до сихъ поръ. Одновременно съ этимъ заводомъ основаны были заводы въ Кончеозерѣ и Повѣнцѣ, а на рѣкѣ Свири учреждена была верфь, и здѣсь подъ руководствомъ самого Царя были выстроены олонецкими рабочими первыя суда, вышедшія подъ русскимъ флагомъ въ Балтійское море.

Но отъ временъ петровскихъ уцѣлѣло въ Петрозаводскѣ не много памятниковъ: Петропавловская церковь, сооруженная имъ въ 1703 году, общественный садъ, гдѣ, если вѣрить преданію, нѣсколько деревъ посажено его руками, да на склонѣ сада къ озеру, подъ тѣнью столѣтнихъ березъ, указываютъ камень, на которомъ была устроена походная церковь основателя Петрозаводска.

Нечего описывать встрѣчи, и восторга народонаселенія Петрозаводска. Неумолкаемое *ура* гремѣло, народъ толпился отъ самой пристани до собора, и желаніе народа видѣть Цесаревича отзывалось нѣсколько на бокахъ сопровождавшей его свиты.

Въ 10 часовъ Цесаревичъ поѣхалъ на Александровскій пушечный заводъ.

Полковникъ Фелькнеръ объяснялъ Государю Цесаревичу всѣ подробности завода и всѣ условія производства въ Олонецкомъ горномъ округѣ. Два слишкомъ часа продолжалось посѣщеніе, и время прошло совершенно незамѣтно, такъ интересны и поучительны были разсказы почтенныхъ горныхъ офицеровъ, передававшихъ Его Высочеству всѣ подробности, относящіяся до горнаго производства и до хозяйственнаго быта здѣшнихъ заводскихъ крестьянъ.

«Округъ Олонецкихъ заводовъ, въ настоящемъ своемъ составѣ расположенъ въ петрозаводскомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи и въ Салминской вотчинѣ Выборской губерніи. Онъ заключаетъ въ себѣ заводы Александровскій, Кончозерскій, Суоярвскій, вновь строющійся Валазминскій и Салминскій. Омываемый водами Онежскаго и Ладожскаго озера, онъ пользуется удобнымъ и дешевымъ сообщеніемъ съ Петербургомъ, прибалтійскимъ краемъ и Волгою, богатъ лѣсами и рудами, дающими литейный чугунъ высокаго качества. Главный заводъ, Александровскій пушечно-литейный былъ заложенъ 17 мая 1773 года воспитанникомъ горной школы Оберъ-Бергмейстеромъ Ярцовымъ и названъ Александровскимъ по Высочайшему повелѣнію, состоявшемуся въ 1774 году 7 іюня. Въ томъ же году отлита была 30 іюня Ярцовымъ первая чугунная пушка.

Въ 1786 году техническая и хозяйственная части

Олонецкихъ заводовъ были поручены Карлу Гаскоину, директору учредителю извѣстнаго Карронскаго пушечно-литейнаго завода въ Шотландіи. Принявъ въ управленіе Олонецкій округъ, онъ пригласилъ изъ Англіи лучшихъ литейныхъ мастеровъ, выписалъ машины и ввелъ въ Александровскомъ заводѣ корронскую систему литья чугунныхъ орудій, которая, конечно съ различными измѣненіями, сообразно съ новыми усовершенствованіями въ литейномъ дѣлѣ, ведется здѣсь безостановочно до сихъ поръ. Съ 1786 года на Александровскомъ заводѣ отлито 35031 орудіе разнаго калибра и до 32,000 поступило на службу.

Кромѣ орудій въ Александровскомъ заводѣ приготовляются артиллерійскіе снаряды и другія чугунныя и желѣзныя издѣлія по нарядамъ морскаго и военнаго министерствъ. Выполняются также разнаго рода отливки по частнымъ заказамъ, и производится выплавка чугуна и выдѣлка желѣза. Сверхъ того опредѣлено ввести здѣсь выдѣлку стали, по способу Бессемера.

Кончозерскій заводъ, расположенный въ 45 верстахъ на сѣверъ отъ Петрозаводска основанъ въ 1707 году. Прежде онъ былъ мѣдиплавиленнымъ, потомъ пушечнолитейнымъ, а въ настоящее время онъ чугуноплавиленный. Впрочемъ имѣется въ виду установить въ немъ отливку издѣлій и выковку различныхъ мелкихъ предметовъ для продажи.

Суоярвскій заводъ находится въ Суоярвско-Салминскомъ имѣніи въ 194 верстахъ на сѣверъ Петрозавод-

ска, присоединенъ къ округу въ 1856 году, занимается выплавкою чугуна, отливкою различныхъ издѣлій и посуды и выковкою мелкихъ сортовъ желѣза на продажу.

Вновь устроиваемый Валазминскій заводъ находится въ Повѣнецкомъ уѣздѣ Олонецкой губерніи въ 146 верстахъ отъ Петрозаводска, расположенъ въ центрѣ рудниковъ и лѣсовъ, и предназначается для выплавки чугуна и выдѣлки грубыхъ сортовъ желѣза, нужныхъ для дѣйствія Александровскаго завода.

Салминскій заводъ расположенъ на сѣверномъ берегу Ладожскаго озера, въ 233 верстахъ отъ Петрозаводска въ Суоярвско-Салминскомъ имѣніи. Онъ назначался для выплавки чугуна и выдѣлки желѣза въ небольшомъ количествѣ, но въ прошломъ году, по удобству сообщенія селенія Салмы съ Петербургомъ, и по избытку лѣсныхъ матеріаловъ въ этой мѣстности, опредѣлено основать здѣсь заводъ для выдѣлки желѣзной брони для судовъ, и съ этою цѣлью приступлено уже къ подробнымъ изысканіямъ.

Обработываемыя въ округѣ Олонецкихъ заводовъ руды припадлежатъ къ разряду извѣстныхъ въ металлургіи подъ именемъ озерныхъ и болотныхъ. Лучшія видоизмѣненія первыхъ употребляются здѣсь на выплавку пушечнаго чугуна, второй сортъ даетъ чугунъ, особенно пригодный для отливки машинныхъ частей, металлъ же, получаемый изъ третьяго сорта болотныхъ рудъ, отличается хорошими литейными качествами, по-

чему и назначается на отливку артиллерійскихъ снарядовъ. Для выдѣлки желѣза предпочитаютъ чугунъ, выплавленный изъ озерныхъ рудъ, богатыхъ марганцемъ. Озерныя руды по наружному виду и нахожденію, а отчасти также и по химическому составу отличаются отъ болотныхъ. Первыя образуютъ зерна и лепешки болѣе или менѣе правильной формы, величиною отъ полулиніи до нѣсколькихъ дюймовъ, залегаютъ на отмеляхъ озеръ, расположенныхъ бо̀льшею частью по сосѣдству и по направленію большихъ рѣкъ. Болотныя руды находятся въ низменностяхъ и болотахъ подъ дерномъ и составляютъ неправильныя ноздреватыя скопленія или въ отдѣльныхъ кускахъ или въ видѣ сливныхъ массъ. Оба видоизмѣненія рудъ состоятъ изъ водной окиси желѣза, смѣшанной съ кварцевымъ пескомъ, глиною, известью, окисью марганца и частью съ фосфоромъ и сѣрою; но послѣднія два тѣла чаще встрѣчаются въ низшихъ сортахъ озерныхъ рудъ и во всѣхъ болотныхъ въ небольшомъ количествѣ. Среднее содержаніе желѣза въ здѣшнихъ рудахъ не превышаетъ 33%. Образованіе обоихъ этихъ сортовъ до сихъ поръ еще не вполнѣ объяснено. Можно сказать положительно, что лучшія озерныя руды по легкоплавкости и чистотѣ получаемаго изъ нихъ металла, даютъ прекрасный пушечный чугунъ, которой по стойкости и литейнымъ качествамъ своимъ не уступаетъ такому же металлу, выплавляемому изъ рудъ коренныхъ горныхъ мѣсторожденій. Но надобно замѣтить, что послѣ-

днія имѣютъ то преимущество передъ первыми, что вдвое богаче ихъ желѣзомъ и бо́льшею частью образуютъ неисчерпаемые запасы для заводовъ, почему и представляютъ много выгодъ въ хозяйственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ озерные и болотные рудники истощаются несравненно скорѣе. Примѣромъ этому могутъ служить рудники Олонецкаго горнаго округа, изъ которыхъ ближайшія къ Александровскому заводу, лучшія рудоносныя озера, отъ постоянной разработки ихъ въ продолженіи почти ста лѣтъ, совершенно истощились, и для того, чтобы этотъ заводъ могъ имѣть постоянные запасы лучшаго пушечнаго чугуна, къ Олонецкому округу присоединенъ въ 1856 году Суоярвскій чугуноплавиленный заводъ, расположенный въ центрѣ лучшихъ озерныхъ рудниковъ и для той же цѣли устроивается въ настоящее время Валазминскій заводъ въ мѣстности обильной прекрасными озерными рудами и лѣсами.

Говоря о рудахъ Олонецкихъ заводовъ нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вытегорскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ, а также близь Суоярвскаго завода открыты горныя желѣзныя руды, но пока еще не въ значительномъ количествѣ и о богатствѣ ихъ безъ болѣе подробныхъ и тщательныхъ развѣдокъ судить еще невозможно.

Выплавка чугуна во всѣхъ заводахъ округа производится древеснымъ горючимъ матеріаломъ на холодномъ дутьѣ въ невысокихъ доменныхъ печахъ, а пе-

реплавка его дѣлается въ вагранкѣ тѣмъ же древеснымъ углемъ, но только при нагрѣтомъ дутьѣ и въ самодувныхъ печахъ сухими дровами. Желѣзо выдѣлывается малокричнымъ способомъ. Во всѣхъ заводахъ дѣйствующею силою служитъ вода, кромѣ Александровскаго, въ которомъ, сверхъ восьми гидравлическихъ колесъ, имѣется паровая машина высокаго давленія въ 40 и локомобиль въ 9 силъ, и сверхъ того опредѣлено, для приготовленія орудій изъ бессемеровой стали, устроить здѣсь еще нѣсколько паровыхъ машинъ, всего на 150 паровыхъ силъ.

Суровый климатъ, продолжительныя зимы, малонаселенность Прионежскаго края и Кареліи и вообще недостатокъ здѣсь рабочихъ рукъ указали на необходимость основать, при учрежденіи заводовъ Олонецкаго округа, сословіе обязательныхъ крестьянъ и мастеровыхъ, которые за извѣстную задѣльную и окладную платы должны были выполнять заводскія работы.

Мастеровые Олонецкихъ заводовъ, со времени ихъ основанія, постоянно находились въ распоряженіи заводскаго начальства, раздѣлялись по статьямъ и получали на хлѣбъ, одежду и прочіе расходы годовое или окладное жалованье.

Еще въ 1788 году, по ходатайству Гаскоина и по распоряженію Олонецкаго намѣстника Тутолмина, окладное жалованье мастеровыхъ было обращено въ провіантный окладъ, рабочіе же, смотря по роду выполняемыхъ ими работъ, раздѣлены на артели и за трудъ на-

значены имъ задѣльныя платы, которыя долгое время были общими артельными. Потомъ къ заработкамъ была прибавлена плата, сначала на содержаніе однихъ артельныхъ матеріаловъ, а потомъ и инструментовъ, и наконецъ, при общемъ артельномъ хозяйствѣ, опредѣлена личная задѣльная плата. Въ такомъ видѣ артельное хозяйство сохраняется и до сихъ поръ въ Александровскомъ и Кончозерскомъ заводахъ, гдѣ такимъ образомъ и возникъ артельный трудъ при возкѣ рудъ и угля, рубкѣ дровъ, и образовались артели свѣдущихъ мастеровыхъ въ Александровскомъ и Кончозерскомъ заводахъ. Право, предоставленное заводскому управленію высылать крестьянъ для производства обязательныхъ работъ, дозволило ввести при выполненіи ихъ правильное исполненіе его. Вотъ почему, не смотря на отдаленность рудниковъ отъ заводовъ, краткость времени, удобнаго для перевозки заводскихъ матеріаловъ, и отсутствіе постоянныхъ зимнихъ дорогъ, исполненіе крестьянами обязательныхъ заводскихъ работъ шло безнедоимочно и способствовало къ развитію сельской промышленности. Проложенныя воловою высылкою крестьянъ въ рудники и лѣсосѣки зимнія дороги давали возможность цѣлому населенію уѣзда заниматься въ зимнее время перевозкою заводскихъ матеріаловъ за выгодныя рядныя платы. Количество этого рода работъ было несравненно значительнѣе сравнительно съ обязательными и доставляло крестьянамъ возможность къ значительнымъ зароботкамъ въ мѣстахъ ихъ осѣдлости.

Прямая же зависимость приписныхъ крестьянъ отъ Олонецкаго горнаго правленія и законное право послѣдняго высылать ихъ къ выполненію урочныхъ и договорныхъ работъ, дали заводскому управленію возможность заготовлять нужныя для дѣйствія заводовъ главные матеріалы не только обязательнымъ трудомъ, но и по подрядамъ, непосредственно чрезъ тѣхъ же горнозаводскихъ крестьянъ съ обезпеченіемъ исправности исполненія договора ихъ, круговымъ ручательствомъ. На этомъ основаніи невольно рождается мысль, что ежели приписные къ заводамъ крестьяне будутъ при освобожденіи ихъ отъ обязательнаго труда перечислены по управленію въ другое вѣдомство, то круговое ручательство крестьянъ уже не составитъ достаточнаго обезпеченія для заводоуправленія, и заводскія работы, исполняемыя крестьянами, должно будетъ, въ избѣжаніе риска и хлопотливой переписки съ властями послѣднихъ, передавать подрядчикамъ, обезпечивая исправную поставку матеріаловъ вѣрными залогами. Такое измѣненіе подрядной системы заготовленія рудъ, угля и дровъ поведетъ, конечно, къ повышенію цѣнъ за работы и не будетъ прибыльно ни крестьянамъ, которые устранятся подрядчиками, ни заводамъ. Что это такъ, видно ясно на заготовкѣ и перевозкѣ рудъ и угля, выполняемой тѣмъ и другимъ способомъ въ Суоярвскомъ заводѣ.

Ограниченные размѣры работъ, выполнявшихся до сихъ поръ въ округѣ крестьянами обязательнымъ тру-

домъ, въ сравненіи съ отработанными ими же вольнымъ наймомъ, доказываютъ, что сословіе крестьянъ находящихся въ непосредственномъ завѣдываніи заводскаго управленія, весьма полезно не по стоимости выполняемаго ими обязательнаго труда, а по подчиненности ихъ власти, распоряжающейся хозяйствомъ заводовъ. Благодаря только этому сложилась разумная совокупность дѣйствій между распорядительною частью заводскаго дѣла и исполнителями работъ. Нельзя также не замѣтить, что выгоды заводовъ и крестьянъ были всегда тѣсно между собой связаны, и связь эта можетъ остаться и при переходѣ отъ прежняго обязательнаго положенія къ свободѣ. На этомъ основаніи общій голосъ людей, близко знающихъ положеніе здѣшняго заводскаго дѣла, тотъ, что, освобождая крестьянъ отъ обязательнаго труда, необходимо было бы оставить ихъ на первое время въ прямомъ завѣдываніи заводскаго управленія. Опытъ 1806 года доказалъ ясно, какъ невыгодно отдѣлять управленіе крестьянъ, исполняющихъ на заводахъ работы, отъ заводскаго управленія. Крестьяне Петрозаводскаго уѣзда издавна уже пользуются всѣми преимуществами, предоставленными законами свободнымъ сельскимъ сословіямъ, управляются по выборному началу волостными и сельскими властями и отправляютъ всѣ натуральныя и денежныя повинности наравнѣ съ государственными крестьянами, кромѣ 52-хъ копѣечнаго сбора съ души, взимаемаго съ послѣднихъ на содержаніе чиновъ Палаты Государствен-

ныхъ Имуществъ, отъ котораго горнозаводскіе крестьяне были избавлены въ уваженіе исполняемыхъ ими заводскихъ работъ. Наконецъ нельзя не обратить еще вниманія на одно важное обстоятельство—на рѣдкость народонаселенія Петрозаводскаго и Повѣнецкаго уѣздовъ, въ которыхъ расположены заводы Олонецкаго горнаго округа, Александровскій, Кончозерскій и Валазминской. Для содѣйствія умноженію народонаселенія и рабочей силы этого края, было бы не безполезно замѣнить натуральную рекрутскую повинность денежною, подобно тому, какъ это допущено по 1 пунк. 9 ст. Уст. Рекрут. въ Архангельской губерніи.

Естественно, что лучшимъ средствомъ привязать мастеровыхъ къ заводскимъ работамъ, могутъ служить самыя работы на заводахъ, постоянно правильно вознаграждаемый трудъ и заработки, достаточные для обезпеченія безбѣднаго существованія мастеровыхъ съ ихъ семействами въ возрастѣ зрѣломъ и подъ старость. Россія бѣдна хорошими ремесленниками и горнозаводская промышленность ея не имѣетъ правильной организаціи. Вотъ почему освобожденіе мастеровыхъ не только Олонецкихъ, но и прочихъ горныхъ заводовъ, отъ натуральной рекрутской повинности, а болѣе искусныхъ и заслуженныхъ горнозаводскихъ людей даже отъ денежной рекрутской повинности, принесло бы большую пользу заводской промышленности, далеко еще у насъ не окрѣпшей. А это дало бы возможность образовать въ Россіи свободное сословіе заводскихъ ремесленни-

ковъ. Для Россіи не составитъ особенной важности 1000 человѣкъ рекрутъ, между тѣмъ какъ эти же люди, оставаясь въ средѣ мастеровыхъ и занимаясь работою на заводахъ, усилятъ производительность и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ способствовать къ обезпеченію средствъ правительства по вооруженію флота и крѣпостей. Въ настоящее время несравненно легче намъ пополнить ряды войскъ, нежели довести до необходимаго совершенства отечественныя механическія заведенія, столь необходимыя для предстоящихъ преобразованій, которыя послужатъ средствомъ для внѣшней обороны государства. Наконецъ есть основаніе предполагать, что при тѣхъ улучшеніяхъ, какія сдѣланы въ послѣдніе годы въ артиллеріи и во флотѣ, численность войскъ въ государствѣ можетъ быть значительно уменьшена и потому недоборъ тысячи рекрутъ изъ горнозаводскихъ мастеровыхъ и крестьянъ не будетъ стѣснителенъ для правительства и не обременитъ остальныхъ сословій, отбывающихъ натурою рекрутскую повинность.

Говоря о мастеровыхъ Олонецкихъ заводовъ, уволенныхъ уже отъ обязательной службы, была между прочимъ высказана совершенно справедливая мысль, что слѣдовало бы обратить въ неотъемлемую ихъ собственность богадѣленный капиталъ Олонецкихъ заводовъ, составленный изъ разнаго рода сборовъ съ лицъ, служащихъ въ округѣ, и вкладовъ экономическихъ заводскихъ суммъ, отчисленіе которыхъ изъ оборотнаго капитала заводовъ не составило бы для хозяйства

ихъ убытка и не увеличило бы расходовъ, падающихъ на металлъ. Въ настоящее время въ Александровскомъ и Кончозерскомъ заводахъ состоитъ по найму много престарѣлыхъ мастеровыхъ, которые, чувствуя съ годами упадокъ силъ, скоро не будутъ въ состояніи заниматься заводскими работами, и чрезъ то лишатся средствъ къ пропитанію, не имѣя способовъ откладывать что либо на черный день изъ настоящихъ заработковъ, по ограниченности получаемаго ими содержанія. Такъ какъ оставить безъ поддержки этихъ ветерановъ горнозаводской службы въ года ихъ преклонной старости было бы несовмѣстно съ долгомъ совѣсти, то просвѣщенный начальникъ заводовъ полагаетъ, что богадѣленный капиталъ Олонецкихъ заводовъ, собранный трудами мастеровыхъ, по всей справедливости долженъ быть обращенъ въ вспомогательную пенсіонную кассу горнозаводскаго товарищества, и служить для поддержанія нуждающихся изъ уволенныхъ отъ обязательной службы мастеровыхъ. Извѣстное число лѣтъ безупречной и усердной службы на заводахъ округа и похвальное поведеніе должны давать право на поступленіе означенныхъ рабочихъ въ число пенсіонеровъ этой кассы, которая тогда только можетъ пополнятся вкладами мастеровыхъ, когда послѣдніе будутъ получать отъ заводскаго управленія заработки, достаточные для безбѣднаго существованія и оплаты своихъ повинностей, и когда въ учрежденіи товарищества мастеровые сознаютъ пользу. Касса же

безъ денегъ—плохой фундаментъ для начала образованія такого общественнаго учрежденія. Чтобы могли осуществиться горнозаводскія товарищества, опредѣленныя 55 ст. Положенія о горноз. насел. 8 марта 1861 года, то необходимо, чтобы заводское управленіе положило въ кассу ихъ какую либо сумму, не ожидая денежныхъ взносовъ отъ мастеровыхъ, которые еще не привыкли заботиться о своихъ нуждахъ и недостаточно еще развиты, чтобы предвидѣть пользу отъ означеннаго общественнаго учрежденія. Молодое поколѣніе, видя эту попечительность заводскаго управленія о престарѣлыхъ и заслуженныхъ рабочихъ, будетъ стараться поступать на заводскія работы и прослужить одобрительно опредѣленное число лѣтъ въ заводскомъ округѣ съ тѣмъ, чтобы получить право попасть въ число заводскихъ пенсіонеровъ. Сверхъ того примѣръ, поданный и указанный самимъ заводскимъ управленіемъ, можетъ вызвать и самихъ мастеровыхъ на вклады въ кассу горнозаводскаго товарищества и на образованіе послѣдняго въ округѣ Олонецкихъ заводовъ.

Въ послѣдніе 6-ть лѣтъ въ Олонецкомъ округѣ было приготовлено:

чугунныхъ орудій .	354.285 пуд.	по 1 р. 52 к.	на 539.644 р.
сферическихъ снарядовъ	760.641 »	» 1 » 15¾	» 878.612 »
различныхъ чугунныхъ отливокъ .	546.411 »	» 99¾	» 545.303 »

желѣзныхъ поковокъ	49.199	»	»	6 » 14	»	301.997	»
выплавлено чугуна въ свинкахъ . .	835.355	»	»	$68^{1}/_{4}$	»	568.303	»

Цифры этѣ, выражая производительность округа, важны для насъ еще и тѣмъ, что изъ нихъ видно, какъ, не смотря на высокія цѣны свиночнаго чугуна, вызываемыя бѣдностью здѣшнихъ рудъ и отдаленностью перевозки съ мѣстъ добычи на заводы, приготовляемыя изъ этого чугуна издѣлія обходятся правительству почти вдвое дешевле противу подобныхъ же издѣлій, получаемыхъ изъ иностранныхъ литейныхъ. Но это возможно только при правильномъ хозяйствѣ заводовъ и при полномъ кругѣ дѣйствія ихъ, т. е. при постоянныхъ и притомъ значительныхъ заказахъ казенныхъ или частныхъ: иначе расходы на содержаніе заводоуправленія и на заготовку запасовъ чугуна и другихъ главныхъ матеріаловъ, нужныхъ для выполненія непредвидѣнныхъ заказовъ для артиллеріи и флота, будетъ для заводскаго хозяйства затруднительно и возвыситъ весьма естественно цѣну приготовляемыхъ на заводахъ округа издѣлій, сбытъ которыхъ станетъ отъ этого встрѣчать затрудненія. Къ несчастію господствующая страсть пріобрѣтать нужныя для флота и артиллеріи издѣлія за границей, а за тѣмъ неблагопріятное для отечественной горнозаводской промышленности торговая политика послѣднихъ годовъ и сложность администраціи на нашихъ горныхъ заводахъ, все это приводитъ

къ убѣжденію, что на успѣшное развитіе нашего горнозаводскаго и механическаго дѣла нечего разсчитывать безъ энергическаго содѣйствія правительства. События же нынѣшняго года ясно доказали, во что обходится Россіи быстрое вооруженіе, когда нѣтъ въ странѣ въ достаточномъ количествѣ собственныхъ механическихъ заводовъ.

Въ дополненіе свѣденій объ Олонецкомъ округѣ замѣтимъ еще, что крестьяне Петрозаводскаго уѣзда, въ которомъ по послѣдней ревизіи числится 24,962 души мужскаго пола, раздѣляются въ административномъ отношеніи на 7 волостей и 37 мірскихъ обществъ, а количество земли, которою они владѣютъ, пока не приведено въ точную извѣстность, за неокончаніемъ размежеванія угодій; но по имѣющимся свѣдѣніямъ о состояніи ихъ земледѣлія оказывается, что на приведенную выше цифру населенія имѣется:

пахотныхъ земель	до 43.000 десят.
сѣнокосныхъ	30.000 »
	73.000 десят.

или по три десятины на ревизскую душу. Впрочемъ крестьяне Петрозаводскаго уѣзда имѣютъ право на надѣлъ землею по 15 десятинъ на душу, и въ 64-хъ деревняхъ уже надѣлены этимъ количествомъ угодій, но при суровости климата и скудости почвы уѣзда, они не въ состояніи расширить хлѣбопашество, такъ что по общей сложности имъ достаетъ собственнаго хлѣ-

ба на 6 и много на 7 мѣсяцевъ въ году. Главное обезпеченіе благосостоянія здѣшнихъ крестьянъ заключается въ работахъ по заготовкѣ рудъ, угля и другихъ матеріаловъ для заводовъ, а частью въ лѣсномъ, рыбномъ и звѣриномъ промыслахъ. Въ Суоярвско-Салминскомъ имѣніи Олонецкихъ заводовъ, населенномъ Финнами и частью Корелами, въ числѣ 6075 ревизскихъ душъ, крестьяне не пользуются тѣмъ благосостояніемъ, которымъ отличаются поселяне семи волостей Петрозаводскаго уѣзда. Между тѣмъ послѣдніе постоянно исполняли обязательныя заводскія работы, отъ которыхъ будутъ окончательно уволены только въ слѣдующемъ году, и выполняютъ всѣ натуральныя и денежныя повинности; въ Финляндскомъ же имѣніи крестьяне, платя подать въ казну, пользуются правами арендаторовъ и по произволу своему условливаются съ заводоуправленіемъ въ размѣрѣ платимыхъ ими оброковъ. Явное довольство первыхъ и бѣдность послѣднихъ происходитъ преимущественно отъ того, что производительность заводовъ округа, расположенныхъ собственно въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, значительно болѣе противу Суоярвскаго завода, такъ что на долю крестьянъ перваго ежегодно выдается за разнаго рода выполняемыя ими на заводахъ работы до 200.000 руб., а въ Суоярвско-Салминскомъ имѣніи до 40.000 рублей.

При настоящемъ составѣ Олонецкаго Горнаго округа и средствахъ его заводовъ ежегодно можетъ быть приготовляемо;

артиллерійскихъ орудій . .	отъ 60 до 90.000	пуд.
цилиндро-овальныхъ снарядовъ .	50.000	штукъ
сферическихъ	111.000	пуд.
чугуна въ свинкахъ	400.000	»

Не одинъ Петрозаводскъ обязанъ здѣсь Петру своимъ происхожденіемъ. Онъ вызвалъ къ новой жизни цѣлый Олонецкій край, и память о немъ жива въ разсказахъ о его словахъ, дѣлахъ и начинаніяхъ. Близь Маткоозера, въ Вытегорскомъ уѣздѣ, показываютъ мѣсто, гдѣ царственный мастеръ-хозяинъ отдыхалъ въ шалашѣ, помышляя о соединеніи Волги съ Олонецкими водами. Олонецкія марціальныя воды, открытыя крестьяниномъ Рябоевымъ, были не разъ посѣщаемы Петромъ и обращали на себя особенное его вниманіе.

Іюня 15-го, вечеромъ въ 7 часовъ, Цесаревичь поѣхалъ въ село Соломенное, находящееся въ 6 верстахъ отъ Петрозаводска, на правомъ берегу пролива, соединяющаго Онежское озеро съ Логмоозеромъ. На огромной скалѣ возвышается красивая каменная церковь, построенная въ 1781 г. на мѣстѣ бывшаго мужскаго монастыря. По дорогѣ на пристань Его Высочество заѣхалъ въ семинарію. Переѣздъ же въ Соломенное продолжался не болѣе 20 минутъ. Изъ замѣчательныхъ вещей въ церковной ризницѣ должно упомянуть о ризѣ, подаренной царевной Софьей Алексѣевной. Прогулка эта вообще удалась какъ нельзя лучше. Вечеръ былъ чудесный, живописное озеро оживлялось лодками, съ

которыхъ раздавались пѣсни, на озерѣ горѣли смоляныя бочки, и громогласное *ура* народа, толпившагося по обоимъ берегамъ, сопровождало каждый шагъ и каждое появленіе Цесаревича. Ему представили здѣсь 90-лѣтняго слѣпаго пѣвца, котораго взяли съ собой на пароходъ. Это была личность весьма интересная. Ослѣпнувъ на 4-мъ году своей жизни, Козьма Ивановъ Романовъ взятъ былъ какимъ-то старымъ слѣпцомъ и разскащикомъ, который и обучилъ его своему искусству. Тихимъ, но внятнымъ голосомъ пропѣлъ онъ Цесаревичу былины про древнихъ богатырей, про Добрыню Никитича и другихъ героевъ древняго нашего эпоса, и Великій Князь, у котораго свѣжъ въ памяти курсъ профессора Буслаева, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и долго съ нимъ бесѣдовалъ.

На другой день, 16-го іюня, мы разсѣлись по коляскамъ, каретамъ и тарантасамъ и поѣхали смотрѣть водопадъ Кивачь въ 57 верстахъ отъ Петрозаводска. Дорога до Кивача чрезвычайно живописна, но природа носитъ на себѣ вполнѣ сѣверный характеръ. Кругомъ мелкіе и чахлые хвойные лѣса, скалы, озера; но скалы покрыты дикимъ шиповникомъ, и розы смягчаютъ ихъ угрюмый и дикій видъ. Деревни, которыя мы проѣзжали, поражаютъ своею чистотой и своими постройками. Избы просторныя, горницы высокія, чистыя; полы и лавки вымыты. Такую чистоту и такой просторъ можно встрѣтить только въ богатыхъ зажиточныхъ сибирскихъ селахъ. На Кончозерѣ, главномъ

мѣстѣ добыванія руды, мы завтракали, и Его Высочество посѣтилъ церковь, куда съ марціальныхъ водъ привезли нѣкоторыя замѣчательныя древнія вещи, кадило—подарокъ боярина Стрѣшнева, деревянный крестъ работы Петра Великаго и ризу вышитую Екатериной I.

Послѣднія шесть верстъ до Кивача сдѣлали мы въ большой лодкѣ, частью на веслахъ, частью же бечевой. Уже за нѣсколько верстъ до Кивача, рѣка покрывается клубящеюся пѣной, и поверхность воды начинаетъ мало по малу скрываться подъ ея толстымъ слоемъ. Все громче и громче слышенъ гулъ, все яснѣе виденъ столбъ водяной пыли, поднимающейся до облаковъ. Лодка пристала у высокаго, густого лѣса, за которымъ скрывается водопадъ. Еще нѣсколько шаговъ и вотъ —

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми.
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

На берегу Кивача построена красивая бесѣдка, гдѣ мы обѣдали и откуда можно было любоваться прекраснымъ видомъ и слѣдить за паденіемъ толстыхъ бревенъ, сплавляемыхъ съ верховья рѣки. Въ 4½ часа тронулись мы въ обратный путь. Цесаревича на обратномъ пути встрѣчали съ такимъ же неописаннымъ восторгомъ. Особенно усердствовало женское народонаселеніе; оно устилало ему дорогу платками, когда

онъ выходилъ изъ коляски, и бросало цвѣты въ экипажъ.

По пріѣздѣ въ Петрозаводскъ Его Высочество простился со всѣми властями на пристани и взошелъ на пароходъ, который при громкихъ крикахъ *ура!* отвалилъ отъ пристани.

ГЛАВА II.

Вытегра. Осмотръ шлюзовъ. Опять Петръ. Деволанъ и Сиверсъ. Аннинскій мостъ. Ковжа. Бѣлозерскъ. Горицкій и Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Шексна. Череповецъ. Рыбинскъ. Маріинская система и улучшенія на ней производимыя. Мнѣнія Рыбинскихъ купцовъ о необходимости желѣзной дороги изъ Рыбинска въ Бологово.

Путь отъ Петрозаводска совершился благополучно, и въ 4 часа утра мы стали на якорь у м. Черныхъ Песковъ, маленькаго селенія, находящагося на Онежскомъ каналѣ и Онежскомъ озерѣ, въ 28 верстахъ отъ Вытегры. Здѣсь на устьѣ старой части Онежскаго канала стоятъ деревянные молы и маякъ для судовъ, спускающихся съ озера, а на устьѣ новой части канала памятникъ его открытія. Здѣсь ожидали уже насъ прибывшіе заблаговременно изъ Вытегры пароходы *Фонтанка* и *Ординарецъ* съ баржею и катеромъ. Такъ какъ воды на барѣ было всего 4 фута, то мы пере-

правились на суда въ шлюпкахъ, и переѣздъ этотъ совершился очень благополучно, благодаря тихой погодѣ. Дождь, лившій цѣлую ночь, пересталъ, далъ возможность перебраться и пошелъ снова, когда мы всѣ были уже въ каютахъ. Черезъ два часа съ половиной мы были въ Вытегрѣ, центрѣ управленія 1-го округа путей сообщенія. Здѣсь на пристани ожидало Цесаревича, все, можно сказать, народонаселеніе. Градскій голова поднесъ хлѣбъ-соль, выразивъ въ теплой рѣчи всю радость жителей видѣть среди себя Цесаревича, и дружный неумолкаемый, радостный крикъ народа подтвердилъ его слова.

Съ пристани вмѣстѣ съ генераломъ Лебедевымъ, начальникомъ перваго округа, Его Высочество, сопровождаемый бѣжавшею толпою народа, поѣхалъ въ церковь, а послѣ молебствія, прямо въ домъ генерала. Музыка, игравшая *Боже Царя Храни* и неумолкаемые радостные клики народа вызвали Цесаревича на балконъ. Оркестръ помѣщался на подмосткахъ, построенныхъ черезъ улицу. По усердію своему и по исполненію, онъ показался намъ что-то знакомымъ — и мы не ошиблись. Это былъ дѣйствительно родной братъ петрозаводскому, съ тою только разницей, что замысловатые и мудреные пассажи выдѣлывала здѣсь уже не скрыпка, а изъ всей мочи кларнетъ. Кларнетистъ, какъ намъ передавали, родомъ изъ Ганновера, и поселился въ Вытегрѣ. Сюда стали ему посылать мальчиковъ для обученія музыкѣ, и онъ умѣлъ соста-

вить нѣсколько оркестровъ, въ томъ числѣ и петрозаводскій. Цесаревичу показывали здѣсь шлюзъ Св. Сергія съ плотиной, имѣющею напоръ до 7 футовъ, а потомъ онъ ѣздилъ по городу, но не долго. Кромѣ шлюзовъ, и смотрѣть здѣсь нечего. Вытегра теперь замѣтно падаетъ. Положеніе города на Маріинской системѣ способствовало много его процвѣтанію, но съ устройствомъ обходнаго канала Онежскаго уничтожилась существовавшая до того пристань, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и перегрузка товаровъ, слѣдующихъ изъ разныхъ губерній въ С.-Петербургъ. Теперь здѣшняя торговля служитъ только для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей обывателей.

Пароходамъ надо было дать подняться до Аннинскаго моста, и потому мы поѣхали въ экипажахъ. Эта дорога въ высшей степени живописна. Она идетъ по большей части между горами; горизонтъ воды спускается постоянно уступами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣка стискивается въ скалахъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ. Отъ самой Вытегры и до Аннинскаго моста осмотрѣны были во всей подробности шлюзы, причемъ Его Высочеству объясняли со всею подробностью ихъ устройство. Въ с. Марковѣ особенно подробно осмотрѣнъ былъ шлюзъ Св. Натальи, имѣющій паденіе воды до 35¼ футовъ, и находящаяся здѣсь плотина, а въ Девятинахъ старая и новая линія много-камерныхъ шлюзовъ Св. Павла, Владиміра, Ѳомы и плотина, общая для всѣхъ шлюзовъ, поддерживающая судоходный го-

ризонтъ для всѣхъ ихъ, свыше 42-хъ футовъ. Въ присутствіи Его Высочества спущена была черезъ шлюзъ барка, чтобы наглядно показать ему процессъ прохожденія судовъ по искусственному водному пути. Въ Девятинахъ, гдѣ осмотръ сооруженій занялъ много времени, былъ ночлегъ, а на другой день мы поѣхали сухимъ путемъ до Аннинскаго подъемнаго моста. Цесаревичь выходилъ два раза изъ экипажа: въ с. Рубежѣ для осмотра больницы для судорабочихъ, и у шлюза Св Петра для поклоненія памятнику императора Петра Великаго. И здѣсь на каждомъ шагу живетъ память о великомъ зодчемъ Земли Русской. Показываютъ двѣ сосны, гдѣ въ 1711 году Петръ, обозрѣвая эти мѣста, и задумавъ соединить рѣки Ковжу и Вытегру, составляющія и теперь главную нить этой водной системы, заснулъ, и гдѣ у него украли кафтанъ. Отсюда и поговорка: Вытегоры—воры. На этомъ-то мѣстѣ и поставленъ памятникъ. Ходитъ также много разсказовъ объ одномъ замѣчательномъ для здѣшняго края дѣятелѣ, генералѣ Деволанѣ, строителѣ всѣхъ видѣнныхъ нами сооруженій. Еще жива 90-лѣтняя старушка, живо помнящая генерала. Старушка, кажется, недовольна современностью и мягкостью обращенія на службѣ. По ея мнѣнію, народъ избаловался.

Графу Сиверсу, знаменитому управляющему путями сообщенія Россіи въ концѣ прошлаго столѣтія, обязаны мы тѣмъ, что славный инженеръ, много пострадавшій отъ интригъ всякаго рода, вступилъ снова въ рус-

скую службу. Деволанъ былъ приглашенъ въ 1787 году въ Россію, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими инженерами, изъ Голандіи. Это были все громкія имена, заслуга которыхъ давно уже признана Россіей: де Витте, Сухтеленъ, Вергюэль. Деволанъ былъ долгое время въ Америкѣ, служилъ потомъ въ Англіи и хорошо изучилъ ея каналы. По пріѣздѣ въ Россію его тотчасъ же опредѣлили къ Потемкину на Югъ, гдѣ онъ занимался крѣпостными постройками. Въ 1797 году больной, заслуженный генералъ долженъ былъ выйти въ отставку по интригамъ съ пенсіономъ въ 370 р. Перебирая свои бумаги, онъ нашелъ нѣсколько проэктовъ водяныхъ сообщеній (въ послѣдствіи приведенныхъ въ исполненіе) между Чернымъ и Балтійскимъ моремъ. Онъ передалъ ихъ Сиверсу и вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на одного молодаго офецера, который бы могъ сообщить ему всѣ подробности. Самъ Деволанъ уѣхалъ въ Австрію на воды. Сиверсу, занятому постоянно мыслью о новыхъ путяхъ сообщенія, такой человѣкъ былъ находкой, и вотъ Деволанъ снова былъ вызванъ, и отказался отъ предложенія вступить въ Австрійскую службу, съ жалованьемъ въ 1600 червонцевъ.

Маріинскій каналъ съ полнымъ правомъ носитъ имя Императрицы Маріи Өедоровны. Ея содѣйствіемъ приведено въ исполненіе водяное сообщеніе, имѣющее такое великое значеніе въ нашей промышленной жизни. Она предложила Императору ссуду въ 400,000 р. изъ суммъ воспитательнаго дома на пять лѣтъ для соору-

женія канала между Вытегрой и Ковжей. Это было въ январѣ 1799 года, а въ мартѣ были уже генералы Деволанъ и Гергардъ на мѣстѣ, для изслѣдованія новой линіи. Величайшее затрудненіе представляли, по мнѣнію Деволана, на Свири заколы или забойки для удержанія рыбы, обычай, который онъ нашелъ только у дикихъ въ Америкѣ. Заколы эти портили русло. Неутомимый генералъ дѣятельно продолжалъ свои изысканія, не смотря на ужасныя затрудненія, противупоставляемыя страшными снѣгами, наступающею оттепелью и наконецъ раннимъ наступленіемъ пасхи, а въ праздникъ ни за какія деньги нельзя было заставить крестьянъ работать. Къ апрѣлю работы были готовы, и двѣ линіи представлены на выборъ.

Любопытны слова Деволана въ письмѣ къ Сиверсу. „Намъ нужно торопиться. Каждое дѣло, для котораго потребуется болѣе двухъ или трехъ лѣтъ, и которое не представляетъ прямыхъ выгодъ столицѣ, можно считать въ этой землѣ потеряннымъ“. Въ маѣ прибылъ сюда Сиверсъ и осмотрѣлъ предположенныя къ исполненію линіи канала, которыя въ сущности шли тѣмъ же путемъ, который начерталъ Великій Петръ, но не привелъ въ исполненіе, потому что свѣденія ему доставленныя о Вытегрѣ и Матко-озерѣ были невѣрны. „Деволанъ безцѣнный человѣкъ своею неутомимостью, пишетъ Сиверсъ. Ему удалось найти линію весьма удобную, которая даетъ мнѣ надежду въ три, четыре года окончить каналъ. Рыть придется не болѣе пяти верстъ,

но за то намъ необходимо соорудить до 30 шлюзовъ. Это ужасно! Грустнѣе же всего, что надо строить изъ дерева, потому что во всемъ округѣ нѣтъ строительнаго каменнаго матерьяла, а доставка его съ сѣверныхъ береговъ Онежскаго озера увеличитъ расходы на нѣсколько милльоновъ, и задержитъ работы лѣтъ на десять. Водяное наше сообщенiе не будетъ, конечно, подходить къ римскимъ сооруженiямъ. Это будетъ маленькiй каналъ, да нѣсколько плотинъ съ каменными сооруженiями для провода излишней воды къ раздѣльному пункту". Сиверсъ осмотрѣлъ съ Деволаномъ Вытегру, и пробылъ два дня въ городѣ (также его созданiе, во время его Новгородскаго губернаторства.) Отсюда поѣхалъ онъ вдоль по Онежскому озеру, обдумывая проэктъ Онежскаго канала. Вездѣ ему сопутствовалъ безцѣнный, неутомимый Деволанъ, какъ онъ его постоянно называетъ; дѣйствительно неутомимый, потому что осенью того же года мы его встрѣчаемъ уже въ Бѣлоруссiи и Литвѣ трудящимся надъ проэктами улучшенiя водяныхъ сообщенiй въ бассейнѣ Днѣпра и Западной Двины. Онъ изслѣдовалъ Днѣпръ до самыхъ пороговъ, равно какъ и многiе изъ его побочныхъ рѣкъ. Онъ рѣшительно объявилъ, что для улучшенiя воднаго пути по Днѣпру не представляется много затрудненiй, что легко можно расчистить русло до Ненасытскаго порога, гдѣ уже необходимо прибѣгнуть къ шлюзамъ. Онъ отсюда проѣхалъ на Днѣстръ и былъ, можетъ быть, изъ первыхъ, обратившихъ вниманiе на важное торго-

вое значенiе этой, къ сожалѣнiю до сихъ поръ еще заброшенной рѣки. Четыре мѣсяца неутомимо онъ трудился, воротился только въ ноябрѣ въ Петербургъ, и цѣлая зима посвящена была двумя друзьями на разработку добытыхъ матерьяловъ и на приготовленiе къ будущимъ работамъ. Въ февралѣ 1800 года можно было уже представить полный и окончательно обработанный проэктъ новаго водянаго пути — Марiинскаго.

Вся мѣстность по рѣкамъ Вытегрѣ и Свири до самаго ея устья, докладывалъ Сиверсъ, берега Онежскаго озера и Ладожскаго, до устья Сяси, весьма точно и подробно изслѣдована генераломъ Деволаномъ, который составилъ подробные планы и смѣты. На основанiи сихъ изысканiй горизонтъ воды въ каналѣ долженъ быть на одной высотѣ съ горизонтомъ озера, и въ шлюзахъ не предстоитъ надобности. Глубина канала предполагается въ 7 футовъ, ширина въ 13 саженей. Каналъ для обхода Онежскаго озера (въ 63 версты 482 сажен. длиною) долженъ по смѣтѣ обойтись въ 1,840,785 р. На другой каналъ для обхода Ладожскаго озера (въ 39 верстъ и 450 сажень) требовалось по смѣтѣ 1,325,355 р. Въ 6 лѣтъ предполагалось все окончить, каналъ же Марьинскiй могъ быть оконченъ и въ три года. Новое водяное сообщенiе должно осуществить давнишнее желанiе—дать возможность баркамъ возвращаться назадъ съ грузомъ,—что сохранитъ безъ того уже рѣдѣющiе лѣса. Барки идущiя изъ Рыбин-

ска могутъ изъ Петербурга возвращаться назадъ къ Волгѣ; только для этого необходимо измѣнить постройку барокъ и полубарокъ. Февраля 18-го проэктъ былъ утвержденъ, и возникла Марьинская система, осуществилась мысль Великаго Петра. Полное движеніе по системѣ началось не ранѣе 1808 года."

Наши читатели извинятъ насъ за это небольшое отступленіе. Но мы считаемъ грѣхомъ не почтить здѣсь добрымъ воспоминаніемъ людей, которымъ Россія обязана однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ искусственныхъ водныхъ сообщеній, имѣвшимъ громадное значеніе на развитіе нашихъ производительныхъ силъ. Поблагодаримъ же старушку, напомнившую намъ о Деволанѣ, и повѣримъ ей охотно, что энергіи вѣроятно уже такой нѣтъ, какая была при неутомимомъ строителѣ, крайне и къ себѣ и къ другимъ требовательномy. Мягкостью же обращенія, конечно, не отличались въ его время на службѣ.

Отсюда къ Аннинскому подъемному мосту ѣхали мы уже безъ остановокъ, и весь путь отъ Девятинъ до этого моста (31 верста) проѣхали въ 4 часа. Мостъ весьма замѣчателенъ по своему устройству, точно также какъ и шлюзъ Св: Анны, съ паденіемъ до 8³/₄ фут., находящійся по срединѣ ложа рѣки. Плотинами служатъ здѣсь два водоспуска по бокамъ шлюза, и черезъ все это сооруженіе построенъ для сообщенія по архангельскому тракту подъемный мостъ. Отсюда во всю длину рѣки устроенъ новый, возвышенный бечевникъ,

весьма облегчающій тягу на бечевѣ судовъ, которыя идутъ свободно отъ самой Волги до Аннинскаго моста. Здѣсь у Аннинскаго моста ожидали насъ уже пришедшіе изъ Вытегры всѣ три парохода. Путь шлюзованною частью рѣки Ковжи до шлюза Св. Константина (25 верстъ), потомъ свободною частью рѣки Ковжи, около 37 верстъ, и 44 версты Бѣлозерскимъ каналомъ съ подъемомъ парохода *Фонтанки* въ одномъ шлюзѣ на рѣкѣ Ковжѣ на 9 футъ, а всего 106 верстъ, сдѣланъ былъ въ 12 часовъ времени.

Въ Бѣлозерскъ прибыли въ 1-мъ часу ночи. Пристань была иллюминована, и съ обѣихъ сторонъ канала густыя толпы народа привѣтствовали Цесаревича восторженными криками. Депутація отъ города ожидала Высокаго гостя съ хлѣбомъ-солью и стерлядями. На другой день депутація отъ всѣхъ сословій просила Государя Цесаревича принять адресъ для поднесенія Его Императорскому Величеству.

Значеніе Бѣлозерска началось недавно. Чтó теперь Бѣлозерскъ, тѣмъ былъ еще недавно Крохинъ посадъ, у самаго выхода Шексны изъ Бѣлаозера, или, какъ его называютъ въ народѣ, *Крохино*. Здѣсь происходила перегрузка товаровъ съ мелкихъ плоскодонныхъ судовъ на суда озерныя, особой конструкціи, примѣненныя къ плаванію по озеру, на которыхъ грузы перевозились прямо въ Ковжу. На Крохинской пристани помѣщалось не рѣдко до 500 судовъ.

Пристань кипѣла народомъ, и Крохино богатѣло. Но вотъ уже слишкомъ десять лѣтъ, какъ началось въ посадѣ запустѣніе. Выгоды торговли и судоходства настоятельно требовали, чтобы выходъ судовъ изъ Шексны былъ семью верстами ниже Крохина, на мѣстѣ называемомъ Чайка, откуда и начинается обходный Бѣлозерскій каналъ. Удобства, доставляемыя каналомъ, состоятъ въ устраненіи перегрузки на озерныя суда, сопряженной съ весьма значительными издержками и съ не менѣе значительною потерей времени. Случалось еще нерѣдко, что противный вѣтеръ задерживалъ выходъ судовъ въ озеро по цѣлымъ недѣлямъ, и, наконецъ, главною побудительною причиной было то, что волны Бѣлоозера, нагоняемыя сѣверными вѣтрами, накладывали ежегодно толстые слои песку и илу и стали образовывать значительныя отмели.

Каналъ положилъ конецъ озерному судоходству, и Крохино пало. Думали-было, сначала, крохинскіе капиталисты о прорытіи небольшаго рукава отъ Крохина до канала, полагая, что тогда посадъ сохранитъ свое значеніе; собрали, говорятъ, даже для этого и деньги, но умные люди убѣдили ихъ, что искусственный рукавъ занесется непремѣнно пескомъ и иломъ. Мысль эта была брошена, и часть крохинскихъ капиталистовъ перенесла свою дѣятельность въ Бѣлозерскъ *).

---

*) Ф. Арсеньевъ Шексна въ геогр. и пром. отн Вѣстн. пром. 1860.

Въ 11 часовъ три парохода съ баржей и катеромъ тронулись изъ Бѣлозерска по каналу до рѣки Шексны.

Перила на берегу гнулись подъ тяжестью густой толпы народа. Ежеминутно можно было ожидать, что они рухнутъ въ воду, но ни просьбы, ни приказанія полиціи тутъ не дѣйствовали. Каждый старался пробиться и протолпиться впередъ, чтобъ увидѣть поближе Цесаревича. Въ первомъ ряду стояли бѣлозерскія жительницы въ своихъ красивыхъ народныхъ костюмахъ, съ головными уборами, унизанными повѣнецкомъ жемчугомъ. Много труда стоило уговорить почтенныхъ матронъ и дѣвицъ надѣть эту старинную народную одежду, вытѣсняемую европейскимъ платьемъ и современною кринолиноманіей, и только увѣреніе, что имъ отведутъ первыя мѣста, заставило ихъ облечься въ красивый нарядъ.

Выйдя изъ Бѣлозерска каналомъ, суда спустились въ двухъ шлюзахъ у самой рѣки Шексны на высотѣ до 13 футовъ, прошли затѣмъ рѣкою Шексной въ плесѣ 33 версты, и пристали къ Горицкому монастырю. Здѣсь Его Императорское Высочество вышелъ на берегъ для осмотра монастыря. Путь этотъ продолжался около 3-хъ часовъ съ половиной.

Горицкій женскій монастырь, кромѣ кельи, въ которой, какъ намъ передавали, жила въ заточеніи супруга царя Ивана Васильевича Грознаго, ничего не представляетъ замѣчательнаго. Въ немъ находится въ настоящее

время до 500 монахинь и бѣлицъ. Отъ Горицъ до Кирилова мы ѣхали въ экипажахъ. Кириловъ-Бѣлозерскій монастырь куда поѣхалъ Цесаревичъ не отвѣчалъ ожиданіямъ. Мы думали встрѣтить тамъ гораздо болѣе предметовъ древности, а главное въ бо̀льшемъ порядкѣ. Уваженіемъ къ святой старинѣ и бережнымъ съ ней обращеніемъ здѣсь видимо не отличались. Въ такъ-называемомъ арсеналѣ хранится нѣсколько старинныхъ пищалей, бердышей, шишаковъ и сѣкиръ, но все это въ безпорядкѣ и въ самомъ жалкомъ видѣ. Древности разложены, или лучше сказать разбросаны безъ всякой системы, и никто здѣсь не знаетъ, къ какому времени что̀ относится, кѣмъ подарено или отъ кого досталось. А заботиться и есть о чемъ, и есть кому. Это производитъ грустное впечатлѣніе. Стѣны монастыря хорошо сохранились. Весьма замѣчательны башни, высокія и толстыя; внутри стѣнъ есть еще отдѣленныя рвомъ другія башни (мѣшки), служившія темницами. Древнія стѣны выдержали теперь новую осаду, потому что народъ буквально штурмовалъ двери и ворота, чрезъ которыя проходилъ Цесаревичъ. Когда онъ выѣхалъ изъ монастыря и поѣхалъ въ городъ, коляски могли двигаться только шагомъ. Въ Кириловѣ данъ былъ обѣдъ Его Высочеству отъ имени всѣхъ сословій и поднесенъ адресъ на имя Государя Императора.

Пароходъ и гребныя суда спустились къ Иванову бору, находящемуся въ 12 верстахъ отъ Горицкаго монастыря, и въ то же самое время снизу отъ города

Череповца поднялся частный пароходъ купца Малютина *Смѣлый*

Глубина воды въ Шекснѣ стояла въ этотъ день около 3 футовъ и 9½ дюймовъ; пароходы *Фонтанка и Вѣстовой*, имѣющіе осадки до 5 футовъ, не могли идти далѣе, и потому рѣшено было сдѣлать пробные рейсы пароходамъ *Смѣлый и Самоѣдъ* (послѣдній принадлежитъ правленію II округа путей сообщечія.) Опыты были окончены къ утру на слѣдующій день, и доказали, что оба парохода могутъ пройти самые мелкіе пороги совершенно безопасно. Государь Наслѣдникъ со свитой поѣхалъ на *Смѣломъ*, а остальные пассажиры и тяжести отправились на *Самоѣдѣ*. Такъ шелъ путъ до Червповца, всего 127 верстъ, что заняло до 12 часовъ времени, и въ Череповецъ пршли только къ 7 часамъ. Въ 8½ часовъ вечера 21 числа перешли съ пароходовъ *Смѣлый и Самоѣдъ* на пароходъ *Поспѣшный* общества «Самолетъ», и остановились на ночлегъ передъ селомъ Любецъ, въ 37 верстахъ отъ Череповца. Отъ Череповца путь шелъ прекрасно и спокойно до самого Рыбинска, куда и прибыли въ 7 часовъ вечера 22-го іюня.

Набережная Волги была покрыта народомъ, густо толпившимся у пристани Самолета и покрывавшимъ всю набережную. Противъ собора, на томъ же мѣстѣ, гдѣ вышла на берегъ Императрица Екатерина II, возвышалась арка, на которой крупными буквами означены были года 1767—1863, то-есть первое посѣщеніе Рыбинска

Екатериной II и настоящее Государемъ Цесаревичемъ. Суда на Волгѣ пестрѣли разноцвѣтными флагами съ различными характеристическими изображеніями, громкое, нескончаемое, оглушительное *ура*, раздававшееся съ набережной и съ судовъ, покрытыхъ народомъ, и разносившееся далеко вдоль по Волгѣ—все это представляло собой зрѣлище, котораго долго не забудешь. Восторгъ народа былъ неописанный; онъ бѣжалъ за экипажемъ, хватался за крылья коляски, бабы-блинщицы бѣжали, предлагали свою хлѣбъ-соль, блины. Густыя волны ликующаго народа провожали экипажъ отъ собора до биржи, гдѣ рыбинское и иногородное купечество ожидало Цесаревича съ хлѣбомъ-солью и рыбой, и поднесло на серебрянномъ блюдѣ великолѣпный альбомъ съ фотографическими снимками города Рыбинска и серебряный ларецъ, изображающій крестьянскую житницу съ отдѣленіями, наполненными главными видами хлѣба и продуктовъ сельскаго хозяйства, которыми торгуетъ Рыбинскъ. Предсѣдателемъ биржеваго комитета г. Журавлевымъ произнесено было привѣтствіе.

Вечеромъ городъ былъ великолѣпно иллюминованъ; на многихъ домахъ горѣли щиты съ различными изображеніями и подписями. Почти на каждомъ домѣ горѣли слова *Боже Царя храни*. Биржа была буквально залита огнемъ. На одномъ домѣ, въ Крестовой улицѣ, горѣлъ щитъ и на немъ слова «*Веди насъ къ счастію и чести, какъ ведетъ насъ твой отецъ*». Народъ не от-

ходилъ отъ дома купца Переславцева, гдѣ остановился Цесаревичъ; многіе провели ночь на улицахъ, ни однимъ крикомъ, ни шумомъ не тревожа покой дорогаго гостя; многіе изъ нихъ не имѣли, впрочемъ, и пристанища, потому что пришли изъ-за нѣсколько десятковъ верстъ. Здѣсь сошелся коренной Великороссіянинъ, собравшій и скрѣпившій во едино нашу матушку Россію. Пришелъ онъ изъ Мологи, изъ Мышкина, изъ Романова посмотрѣть на первенца царскаго и еслибы можно было, то хоть дотронуться до него. И ни разу порядокъ не былъ нарушенъ, а между тѣмъ не забудемъ, что полиціи въ Рыбинскѣ, можно сказать, не было, если принять въ разсчетъ громадное стеченіе народа и ничтожную численность полицейскихъ служителей да двухъ жандармовъ. Городское общество умѣло само распорядиться, и до 60 выборныхъ мѣщанъ сохраняли порядокъ и благочиніе.

Тяжелый, но въ высшей степени интересный путь Маріинскою системою оконченъ былъ Цесаревичемъ совершенно благополучно, и впечатлѣнія, вынесенныя Имъ изъ этого путешествія останутся живы на долго. Маріинская система — это, по общему отзыву, главный въ настоящее время путь, которымъ сплавляются грузы въ сѣверную столицу. Ее предпочитаютъ какъ путь и болѣе выгодный и болѣе безопасный. Отправка судовъ Вышневолоцкимъ путемъ уменьшается, потому, что судоходство встрѣчаетъ здѣсь болѣе препятствій отъ мелководія на Волгѣ и отъ долговременнаго скопленія

каравановъ въ Вышнемъ Волочкѣ для спуска въ пороги. Отъ этого провозная плата обходится много дороже чѣмъ по Маріинскому пути. Тихвинскій водяной путь, правда, короче обѣихъ системъ, и по немъ доставляется кладь въ Петербургъ изъ Рыбинска въ 30 или 40 дней, но за то большою помѣхой считается здѣсь мелководіе рѣкъ, вслѣдствіе чего кладь доставляется въ соминкахъ, маломѣрныхъ лодкахъ, поднимающихъ груза отъ 2 — 2½ тысячъ пудовъ, и во всю навигацію проходитъ въ оба пути не болѣе пяти милліоновъ пудовъ, провозная же плата обходится гораздо дороже, почти что въ полтора раза. Оттого то этимъ путемъ отправляются только товары болѣе цѣнные. Изъ подвозимыхъ къ Рыбинску снизу товаровъ отправляется, по оффиціальнымъ даннымъ, по Маріинской системѣ до 25 милл. пудовъ на 30¼ милл. рублей, по Вышеволоцкой до 16½ милл. пудовъ на 14¼ милл. рублей по Тихвинской до 3¼ милл. пудовъ на 3½ милл. рублей. Но не смотря на громадное значеніе Маріинской системы, какъ пути величайшей важности для успѣховъ нашей торговли и промышленности, затрудненія встрѣчаются и здѣсь весьма значительныя. Причина ихъ — мелководіе, къ устраненію котораго необходимо было бы принять самыя энергическія мѣры. Суммы, разрѣшенныя правительствомъ въ 1.600.000 р. (съ 1858 года), дали возможность произвести на Маріинской системѣ слѣдующія улучшенія: 1) поддержать ветхія сооруженія, 2) устроить въ трехъ мѣстахъ, гдѣ

паденіе воды въ шлюзахъ доходитъ отъ $17\frac{1}{2}$ до 42 футовъ, другіе параллельнные шлюзы, 3) удлинить камеры шлюзовъ съ 15 до 22 хъ сажень, 4) сдѣлать на рѣкѣ Ковжѣ перекопы и тѣмъ самымъ спрямить рѣку, 5) устроить на рѣкѣ Ковжѣ бечевникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была топкая и болотистая низменность, на протяженіи 70 верстъ, 6) произвести разнородныя мелочныя работы на рѣкѣ Свири и на Шекснѣ, и наконецъ расширить узкую часть Свирскаго канала отъ Шурякскаго колѣна до Загубы на 13 верстъ. Для этой послѣдней цѣли изъ 1.600.000 р. отчислено до 600.000 р., а для улучшенія собственно рѣки Шексны 180.000 р. Изъ производимыхъ на Шекснѣ работъ особенно замѣчательны каменныя и фашинныя дамбы между островами для собранія водъ рѣки въ одно русло и для образованія по этимъ дамбамъ бечеваго пути. Но несмотря на всѣ старанія улучшить путь, суда, идущія отъ Рыбинска съ грузомъ, должны на меляхъ неминуемо остонавливаться для разгрузки кладей въ паузки. Караваны отъ этого задерживаются, и очень часто, почти даже каждый годъ, многочисленные грузы не доходятъ до Петербурга, а останавливаются зимовать на пути. Это умножаетъ издержки провоза и ложится тяжело на цѣну товаровъ, а слѣдовательно и на нашъ отпускъ за границу. Такое обстоятельство вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, о которыхъ не разъ было упоминаемо и представляемо, вызвало давно уже мысль о необходимости и важности проведенія желѣзнаго пути отъ Рыбинска

до Бологова, для соединенія его съ Николаевскою желѣзною дорогою. Мысль эта давно уже занимаетъ Рыбинское купечество и главнѣйшихъ хлѣбныхъ торговцевъ. Но проекту этому какъ-то не посчастливилось съ самого начала и онъ далеко не встрѣтилъ такого же сочуствія и радушнаго пріема, какъ другія разрѣшенныя дороги, обезпечиваемыя гарантіями и разными льготами. Не беремся судить какія были причины, заставившія менѣе благосклонно посмотрѣть на сооруженіе Рыбинско-Бологовской дороги, но не можемъ не сознаться, что доводы, проводимые защитниками ея весьма важны, и заслуживаютъ самого обстоятельнаго и глубокаго изслѣдованія, особенно въ настоящее время, когда вопросъ объ умноженіи и усиленіи нашего отпуска, какъ единственномъ средствѣ выйдти изъ финансовыхъ затрудненій, сталъ давно уже вопросомъ первой важности, и когда для этой цѣли необходимо должны быть направлены вся энергія и всѣ заботы государства. Приводимъ въ общихъ чертахъ главные доводы, которыми Рыбинское купечество подкрѣпляетъ свои убѣжденія относительно необходимости вышеупомянутой желѣзной дороги. Въ запискѣ, имѣющейся у насъ подъ руками, указывается между прочимъ и на другія стороны того же дѣла, именно изысканія средствъ къ удешевленію доставки товаровъ въ Петербургъ. Всѣ соображенія здѣсь предлагаемыя весьма важны и заслуживаютъ самого серьезнаго и тщательнаго изслѣдованія.

Въ двѣнадцати Великороссійскихъ губерніяхъ*), говоритъ записка, хлѣбъ и прочіе товары свозятся для продажи на пристани, расположенныя по Волгѣ, Унжѣ, Окѣ, Цнѣ, Сурѣ, Свіягѣ, Камѣ, Вяткѣ, Бѣлой и Чусовой. Товары эти: рожь, пшеница, льняное сѣмя, овесъ, греча, пшено, горохъ сало и масло конопляное. Зерновой хлѣбъ обдѣлывается и насыпается, большею частію, въ пару мочальныхъ кулей крестьянскаго издѣлія. Рожь преимущественно размалывается на мѣстныхъ водяныхъ и вѣтряныхъ мѣльницахъ, и ржаная мука набивается въ одинокіе и парные мочальные кули. Размольная пшеница отправляется въ розсыпи; сало и масло разливаются въ бочки и, съ наступленіемъ весны и со вскрытіемъ рѣкъ, перевозятся буксирными и кабестанными пароходами и на судахъ разнаго рода до Рыбинска. Цѣны за перевозку товаровъ снизу до Рыбинска стоятъ: отъ 20-ти до 10-ти коп. сер. съ пуда. Разность же происходитъ отъ разстоянія пристаней до Рыбинска, но принимается также въ расчетъ количество заготовленныхъ товаровъ на мѣстахъ, время первыхъ и позднихъ рейсовъ, дѣлаемыхъ пароходами по Волгѣ. За первые рейсы платятъ 2 и 3 коп. сер. съ пуда дороже, потому что это даетъ возможность отправить товары изъ Рыбинска весенней водою, и доставить ихъ къ С.-Петербургскому порту въ августѣ мѣсяцѣ. Пер-

---

*) Костромской, Нижегородской, Владимірской, Тамбовской, Казанской, Вятской, Оренбургской, Пермской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Пензенской.

вые рейсы буксирныхъ пароходовъ совершаются до Рыбинска, смотря по разстоянію пристаней, отъ 25-ти до 10-ти дней. Время прибытія ихъ съ грузами въ Рыбинскъ зависитъ отъ времени ранняго и поздняго вскрытія рѣкъ, начиная съ послѣднихъ чиселъ апрѣля до половины мая. Товары, доставляемые въ Рыбинскъ, перегружаются въ легкогрузныя суда и отправляются по системамъ: Маріинской, Вышневолоцкой и Тихвинской къ С.-Петербургскому порту. Плаваніе судовъ съ товарами отъ Рыбинска до С.-Петербурга, при хорошемъ состояніи въ рѣкахъ водъ, беретъ времени среднимъ числомъ: по Маріинской системѣ—три мѣсяца; по Вышневолоцкой—до трехъ съ половиною мѣсяцовъ; по Тихвинской: срочные отъ 20-ти до 25-ти дней, безъ срока отъ 30-ти до 40 дней. Доставка товаровъ отъ Рыбинска до С.-Петербурга: по Маріинской системѣ стоитъ 13, по Вышневолоцкой 15-ть, по Тихвинской 20-ть коп. сер. съ пуда. Къ этимъ расходамъ слѣдуетъ еще прибавить расходы на пристаняхъ: за наемъ помѣщеній для складки хлѣба, квартиры и содержаніе прикащиковъ; акцизы въ городахъ за право купли и продажи товаровъ — 3 коп. сер. съ пуда; сборъ на улучшеніе судоходства три четверти процента со стоимости товаровъ; страхованіе стоитъ, смотря по роду товаровъ, отъ 1 р. 80-ти к. до 26-ти коп. со ста рублей ихъ стоимости; за привалъ къ пристанямъ въ Петербургѣ 2 коп. сер. съ куля и мѣшка; за наемъ кладовыхъ и выгрузку въ нихъ изъ судовъ 12 коп. сер. съ куля

9-ти пудоваго вѣса; акцизъ за право торговли, куртажные за продажу товаровъ, исправленіе порчи хлѣба въ пути и въ кладовыхъ, содержаніе прикащиковъ, конторщиковъ, артельщиковъ, наемъ квартиры—25 коп. сер. съ куля; потери при отпускѣ товаровъ въ кредитъ—отъ 10-ти до 15-ти коп. сер. съ куля.

Но кромѣ такихъ тяжелыхъ расходовъ, ложащихся на поставляемые въ Петербургъ для отпуска за границу продукты, нельзя не упомянуть и о другихъ затрудненіяхъ, въ такой же точно мѣрѣ препятствующихъ удешевленію нашего хлѣба. Прежде всего слѣдуетъ указать на затрудненія водяныхъ путей, по которымъ товары перевозятся изъ отдаленныхъ губерній къ Петербургскому порту. Необходимо прежде всего обратить вниманіе на искусственное углубленіе рѣки Волги отъ Овсяниковскихъ мѣлей до устья рѣки Камы. Когда купечество было обложено сборомъ съ товаровъ на улучшеніе судоходства, то въ 1847-мъ году бывшій Главноуправляющій путями сообщенія графъ Клейнмихель обѣщалъ ему, въ бытность свою въ Рыбинскѣ, углубить искусственными сооруженіями рѣку Волгу, начиная отъ Овсяниковскихъ мѣлей до устья рѣки Камы, дабы суда съ грузами могли слѣдовать при осадкѣ въ водѣ не менѣе десяти четвертей аршина. Обѣщаніе это до сихъ поръ не осуществилось и рѣка Волга остается пока въ первобытномъ своемъ состояніи и воды ея, на всемъ вышеозначенномъ пространствѣ, достигаютъ не рѣдко на мелкихъ мѣстахъ, или такъ назы-

ваемыхъ перекатахъ, до 5-ти четвертей аршина, тогда какъ судоходство требуетъ воды не менѣе 10-ти четвертей аршина, чтобы пароходы, съ причаленными къ нимъ баржами, могли слѣдовать съ осадкой въ водѣ, по крайней мѣрѣ, на 9-ть четверт. аршина. Если бы достигнута была искусствомъ эта благодѣтельная мѣра, тогда перевозка продуктовъ значительно бы удешевилась. Работы для углубленія рѣки Волги отъ Овсяниковскихъ мелей до устья рѣки Камы не будутъ много стоить, потому что матерьялы, необходимые для запруды рукавовъ и устройства стѣснительныхъ плотинъ на перекатахъ: лѣсъ, фашинникъ и камень, находятся въ большомъ количествѣ по берегамъ Волги. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо озаботиться и объ открытіи каменнаго угля въ мѣстностяхъ рѣкъ, впадающахъ въ Волгу. Топливо дровяное дорожаетъ съ каждымъ годомъ. Дрова 7-мь лѣтъ тому назадъ покупались на Волгѣ отъ 7-ми до 20-ти руб. сер. за пятерикъ; теперь же дрова въ 5-ть погонныхъ саженъ, называемые пятерикомъ, отъ 12 до 15 вершковъ длины покупаются отъ 14 до 38 руб. сер. а при постоянномъ огромномъ истребленіи дровъ пароходами на Волгѣ, нѣтъ надежды, чтобы дрова остались надолго и въ тѣхъ цѣнахъ, какія еще теперь существуютъ. Но нельзя еще не замѣтить, что даже эти средства и пожертвованія правительства для улучшенія искусственныхъ водныхъ сообщеній отъ Рыбинска до С.-Петербурга не въ состояніи будутъ много удешевить цѣны провоза и сокра-

тить цѣны доставки. Разстоянія по воднымъ системамъ отъ Рыбинска до С.-Петербурга слишкомъ значительны, а мелководіе въ рѣкахъ: Шекснѣ, Волгѣ и Тверцѣ иногда представляетъ неимовѣрныя препятствія для судоходства. Нельзя далѣе не имѣть въ виду, что лѣса, сплавляемые съ рѣкъ Суды, Шексны, Чагоды и Мологи, отъ большаго истребленія ихъ на постройку судовъ въ Рыбинскѣ, и выше—по рѣкамъ Мологѣ, Судѣ и Шекснѣ, и на дрова для пароходовъ, съ каждымъ годомъ рѣдѣютъ и удаляются отъ береговъ сплавныхъ рѣкъ. Естественно, что цѣны за вывозку ихъ изъ отдаленныхъ мѣстностей до мѣстъ сплава постоянно дорожаютъ, и что черезъ нѣсколько лѣтъ цѣны на лѣсъ въ Рыбинскѣ увеличатся, а строители судовъ лишены будутъ возможности строить суда по тѣмъ цѣнамъ, какія существуютъ на нихъ въ настоящее время. Это опять ляжетъ бременемъ на сплавъ товаровъ отъ Рыбинска до Петербурга а, слѣдовательно, и на нашу отпускную торговлю. Всѣ эти обстоятельства привели Рыбинскихъ торговцевъ къ убѣжденію, что устройство желѣзной дороги отъ Рыбинска до Бологова есть одна изъ насущныхъ потребностей нашей внутренней промышленности. Дорога эта будетъ имѣть возможность перевозить тяжелые и дешевые товары за 12 к. сер. съ пуда отъ Рыбинска до Петербурга, такъ что товаръ будетъ изъ Рыбинска доставленъ въ Петербургъ въ двое сутокъ, и купцы всегда будутъ имѣть возможность отправлять его изъ Рыбинска, когда пред-

ставится въ томъ надобность, не затрачивая капитала своего на преждевременную перевозку, и не оставляя товаръ на зимовкѣ выше Рыбинска безъ всякаго хозяйственнаго присмотра за нимъ, какъ это бываетъ теперь при отправленіи по нашимъ воднымъ системамъ. Мало того, эта желѣзная дорога въ 275 верстъ, отъ Рыбинска и до Бологова, можетъ и должна развить не тронутую еще доселѣ отрасль отпуска крупичатой нашей муки за границу.

Конечно весьма было бы полезно обратить вниманіе на улучшеніе путей подвоза къ пристанямъ, гдѣ они представляютъ значительное неудобство. Подвозъ къ пристанямъ Чусовой, Бѣлой, Камы и Волги не встрѣчаетъ еще большихъ затрудненій. Крестьяне цѣнятъ здѣсь свой трудъ въ зимнее время дешево, а слѣдовательно за провозъ берутъ не дорого. Степныя дороги во всѣхъ отношеніяхъ еще сносны и насущной потребности въ шоссированіи не видно, но за то наши сѣверныя губерніи, по болотистой своей почвѣ, необходимо требуютъ устройства шоссейныхъ дорогъ для облегченія сообщенія и перевозки товаровъ, такъ напримѣръ между Рыбинскомъ и Ярославлемъ, на разстояніи 80-ти верстъ, и между губернскимъ городомъ Вологдой и Рыбинскомъ, на пространствѣ 150-ти верстъ. Здѣсь весною и осенью дороги дѣлаются отъ топи и грязи не проходимыми. Въ случаѣ же неурожая хлѣба въ Вологодской губерніи, какой былъ въ прошедшій 1862 годъ, при хорошемъ сообщеніи съ Рыбин-

скомъ, онъ легко могъ бы удовлетворить хлѣбомъ по умѣренной цѣнѣ сосѣдственную Вологодскую губернію.

Существующія цѣны въ Рыбинскѣ землекопамъ, плотникамъ и каменьщикамъ отъ $4^{1}/_{2}$ до 4 рублей въ недѣлю; слесарямъ, кузнецамъ и машинистамъ отъ 50 до 18 руб. сер. въ мѣсяцъ; чернорабочимъ отъ 70-ти до 50 к. сер. въ день на ихъ харчевомъ содержаніи.

Капиталы для постройки желѣзной дороги отъ Рыбинска до Бологовской станціи, при гарантіи въ $5^{0}/_{0}$, въ Россіи, по мнѣнію главныхъ поборниковъ желѣзной дороги, найдутся. Правда, жаль, говорятъ они, что до сихъ поръ мало заботились при постройкѣ дорогъ, чтобы всѣ потребныя чугунныя и желѣзныя издѣлія и машины, были дѣланы Русскими заводчиками и изъ своихъ собственныхъ металловъ. Для постройки желѣзныхъ дорогъ, лѣсу и камня въ здѣшнихъ мѣстностяхъ подъ руками довольно, работниковъ много и цѣны за трудъ ихъ еще не высокія. А участіе, въ мирное время, войскъ въ работахъ могло бы еще значительно удешевить постройку. Тогда бы капиталы, заплаченные до сихъ поръ иностранцамъ чистымъ золотомъ и серебромъ за чугунъ и желѣзо, остались бы дома, осталось бы дома золото и серебро, которое такъ дорого От иностранныхъ компаній нельзя ожидать сочуствія къ сооруженію необходимыхъ въ Россіи путей; а потому и слѣдуетъ позаботиться о возведеніи и улучшеніи желѣзныхъ и механическихъ заводовъ у себя дома,

которые могли бы готовить свои рельсы, локомотивы, вагоны и желѣзные мосты, и избавили бы насъ отъ постоянной зависимости и кабалы.

Таково мнѣніе многихъ изъ главнѣйшихъ рыбинскихъ хлѣбныхъ торговцевъ. Сколько можно было замѣтить изъ ихъ словъ, вопросъ этотъ ихъ чрезвычайно интересуетъ и составляетъ, по ихъ мнѣнію, предметъ величайшей важности для нашей хлѣбной опускной торговли.

ГЛАВА III.

Обѣдня въ Рыбинскомъ соборѣ. Слово Протоіерея Родіона Путятина. Обѣдъ въ биржевомъ залѣ. Канатный и пильный заводы гг Журавлевыхъ. Описаніе канатнаго производства. Сорты пеньки. Генералъ-троссъ. О канатномъ производствѣ въ Россіи. Лѣсопильня, Механическое заведеніе. Пристань и доки. Туэрное пороходство и его будущность. Значеніе Рыбинска.

Въ воскресенье, 23-го іюня съ ранняго утра собрались уже на площади въ Рыбинскѣ передъ соборомъ густыя толпы народныя, въ ожиданіи пріѣзда высокаго гостя. По прибытіи его въ соборъ началась литургія, по окончаніи которой протоіерей Родіонъ Путятинъ, извѣстный по всей Россіи, своими проповѣдями или «Краткими поученіями», произнесъ слѣдующее привѣтственное слово:

И се весь градъ изыде въ срѣтеніе.
Мѳ. 8. 34

Давно не бывало въ нашемъ городѣ такой радости; многіе изъ насъ во всю жизнь свою подобной не видали: *и се весь градъ изыде въ срѣтеніе*, — именно весь; весь и вчера, весь и нынѣ на ногахъ, чтобы увидѣть, посмотрѣть, насмотрѣться на первороднаго сына возлюбленнаго нашего Монарха. Да, Россія любитъ своего Царя.

Впрочемъ что эта встрѣча наша? Это только искорка отъ той пламенной любви, которая всегда горитъ въ сердцахъ Русскихъ къ своему Царю.

Не считаю нужнымъ много и распространяться объ этомъ. Кто же этого не знаетъ? Весь свѣтъ знаетъ, слышитъ, какъ любятъ Русскіе своего Царя.

Обратимъ вниманіе на другое; вотъ на что̀, слушатели обрадованные, обратимъ наше вниманіе: кто учитъ насъ, Русскихъ, такъ любить своего царя? Кто внушаетъ намъ такую любовь къ Нему? Кто? — Кто же, какъ не церковь православная, вѣрная наша наставница всему, святая наша руководительница во всемъ? Да, она, никто другой. Вѣдь у насъ, православныхъ, нѣтъ почти моленія, при которомъ бы мы не молились о Царѣ.

Дня, ночи, часа церковнаго не проходитъ у насъ безъ того, чтобы мы не молились о Царѣ. У насъ младенецъ, только что родившійся, и тотъ слышитъ уже молитву церкви о Царѣ. Такимъ образомъ Русскіе, можно сказать, родятся съ любовію къ Царю: любовь эта у насъ чувство какъ бы врожденное намъ. И не переродятся въ Россіи Минины и Пожарскіе, доколѣ сыны ея пребудутъ сынами церкви православной.

Такъ, она, никто другой, она божественная, благодатная, она учитъ такъ любить Царя, какъ мы его любимъ.

Теперь дерзну съ словомъ моимъ обратиться къ Тебѣ, благовѣрный Государь.

О, люби церковь православную. Мы и видимъ, что Ты ее любишь, видимъ и не нарадуемся. Въ другое время Тебѣ кричимъ мы отъ радости, а видя Тебя молящагося въ церкви, мы отъ радости плачемъ. Да, церковь православная, достойна любви. Любя ее, будешь *въ любви у Бога и человѣковъ* *. Если въ комъ изъ насъ есть что̀ добраго, святаго, всему этому церковь православная его научила: она доброму и святому только и учитъ.

Христе Іисусе, Сыне Божій! *Возглаголи благая о церкви Твоей въ сердцѣ* ** первороднаго сына возлюбленнаго нашего Монарха. Аминь.

Послѣ обѣдни представлялись Государю Наслѣднику всѣ начальственныя лица мѣстнаго управленія, и представительныя лица изъ дворянъ, изъ купечества и крестьянъ.

Въ 5 часовъ назначенъ былъ обѣдъ, который Его Высочеству угодно было принять отъ рыбинскаго и иногороднаго купечества. Во время обѣда играла музыка конно-гвардейскаго полка, нарочно выписанная изъ Петербурга. Густыя толпы народа покрывали всю набережную и площадь, разсыпались по берегу, по баркамъ и судамъ, покрывавшимъ Волгу. Съ широкой галлереи Биржеваго зала, весело было смотрѣть на покрывавшія Волгу суда, украшенныя флагами, покры-

тыя народомъ. Обѣдомъ распоряжался предсѣдатель биржеваго комитета, Н. М. Журавлевъ. Около Его Высочества за столомъ сидѣли ярославскій губернскій предводитель дворянства Скрипицынъ, рыбинскій городской голова, уѣздный предводитель Михалковъ, почетнѣйшіе изъ купцовъ и городскіе головы нѣкоторыхъ городовъ Ярославской губерніи, прибывшіе къ этому дню въ Рыбинскъ. Въ числѣ послѣднихъ обращалъ на себя особенное вниманіе старшій изъ всѣхъ, Тимоѳей Васильевичъ Чистовъ, уже седьмое трехлѣтіе состоящій въ должности мышкинскаго городскаго головы. Нельзя было равнодушно смотрѣть на почтеннаго старика, который во все время обѣда, сидя напротивъ Его Высочества, плакалъ отъ радости и душевнаго волненія.

Въ половинѣ обѣда начались тосты: вслѣдъ за тостами за здравіе Государя Императора и Государыни Императрицы, Журавлевъ голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, произнесъ слѣдующее привѣтствіе Государю Наслѣднику:

«Ваше Императоское Высочество! Да благословитъ Васъ самъ Господь Богъ, что Вы, первенецъ великаго и благодушнаго Отца Русскаго царства, изволили осчастливить насъ высокимъ посѣщеніемъ Вашимъ! Мы ждали этой минуты съ радостнымъ желаніемъ и теперь вполнѣ счастливы, что въ особѣ Вашей, горячимъ русскимъ сердцемъ чествуемъ и встрѣчаемъ новую надежду Россіи. Примите, Ваше Императорское Высочество, нашу глубочайшую благодарность за достав-

ленную намъ радость высокимъ посѣщеніемъ Вашимъ, которое на всю жизнь нашу и для потомства нашего останется незабвеннымъ.»

За этими словами провозглашенъ былъ тостъ за здоровье «Государя Наслѣдника Цесаревича, Высокаго, дорогаго посѣтителя».

Когда восклицанія утихли, Цесаревичь отвѣчалъ на привѣтствіе: «Благодарю васъ, господа, за радушный пріемъ и за хлѣбосольство. Позвольте выпить за ваше здоровье, за благоденствіе Рыбинска и всего нашего дорогаго отечества.»

Между тѣмъ народъ, тѣснившійся около биржи вплоть до самыхъ дверей залы, съ живѣйшимъ сочувствіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что̀ въ ней происходило, и на громкія *ура!* раздававшіяся въ залѣ послѣ каждаго тоста, слышались въ толпѣ сочувственные отклики: въ народѣ было извѣстно, чье здоровье пьется. Одушевленіе возрастало съ каждымъ тостомъ, и когда провозглашенъ былъ четвертый тостъ: «За процвѣтаніе Русскаго Царства, единаго, православнаго, самодержавнаго!» оглушительное *ура!* раздавшееся по всей залѣ, вмигъ перешло въ массу народную и пронеслось далеко по всей набережной и площади занятой народомъ, по берегу, по судамъ и баркамъ, покрывавшимъ Волгу, до другаго берега.

Послѣ обѣда, купечество, проводивъ дорогаго гостя горячими выраженіями благодарности за его посѣщеніе, долго еще оставалось въ залѣ: всѣ были довольны и

счастливы отъ полноты сердца. Вечеромъ всѣ спѣшили еще посмотрѣть на него въ театрѣ: тамъ давали на этотъ разъ *Аскольдову могилу* артисты, каждое лѣто пріѣзжающіе въ Рыбинскъ изъ Ярославля, гдѣ существуетъ постоянный театръ.

На слѣдующій день (24 іюня) съ ранняго утра народъ ожидалъ Государя наслѣдника у пристани. Въ 9 часовъ Его Высочество изволилъ отправиться на своемъ пароходѣ осматривать канатную фабрику братьевъ Журавлевыхъ.

Фабрика Журавлевыхъ существуетъ съ 1858 года, на берегу рѣки Шексны, при Николо-Абакумовской пристани, и дѣйствуетъ паровою машиной низкаго давленія въ 60 силъ. Замѣчательно, что изъ числа всѣхъ людей, работающихъ на фабрикѣ (числомъ до 850 чел.), нѣтъ ни одного иностранца. Кромѣ Нѣмца механика, состоящаго при паровой машинѣ, всѣ остальные Русскіе, не исключая и мастера заправляющаго всѣмъ канатнымъ дѣломъ. Первоначально мастеромъ на заводѣ былъ Англичанинъ, но когда заведеніе было уже пущено въ ходъ, хозяинъ нашелъ возможнымъ отпустить Англичанина и замѣнить его Русскимъ мастеромъ, который, по отзыву его, ведетъ дѣло истинно мастерски.

Хозяинъ фабрики Н. М. Журавлевъ состоялъ при Цесаревичѣ во время обзора, объясняя всѣ подробности производства.

Осмотръ былъ расположенъ такъ, чтобы Его Высочеству удобно было ознакомиться въ послѣдователь-

номъ порядкѣ со всѣми подробностями канатнаго производства.

Въ обширныхъ каменныхъ амбарахъ хозяина сложенъ богатый запасъ пеньки, которой здѣсь во всякое время не менѣе 200.000 пудовъ. Анбары выстроены въ два этажа. Пенька складывается здѣсь въ томъ видѣ, какъ привозится съ пристаней, въ запресованныхъ бунтахъ 15-пудоваго вѣса, обшитыхъ рогожами, по 30 пробоекъ въ каждомъ. Хозяинъ закупаетъ пеньку отъ прасоловъ и сырцомъ изъ первыхъ рукъ отъ крестьянъ, преимущественно въ Карачевскомъ, Трубчевскомъ, Сѣвскомъ и другихъ уѣздахъ Орловской губерніи; отсюда пенька перевозится сухопутно въ Орелъ, гдѣ она треплется на собственной пристани Журавлева и вяжется въ пробойки. Покупаемая отъ прасоловъ обдѣланная пенька сортируется на три сорта, подъ названіемъ: чистая, учéтъ и сортá и, вмѣстѣ съ пенькой собственной трепки, прессуется въ бунты, грузится въ нарочно-устроенныя суда и, со вскрытіемъ Оки, отправляется въ Рыбинскъ. Кромѣ того Журавлевъ покупаетъ пеньку въ селѣ Сасовѣ (Тамбовской губерніи); на мѣстѣ покупки она треплется, горстями вяжется въ тючки до двухъ пудъ вѣсу и перевозится сухопутно на Цну, потомъ грузится въ суда, называемыя гусянками, и отправляется въ Рыбинскъ. Всею этою работой на заведеніяхъ Журавлева въ Орлѣ и въ Сасовѣ занято до 500 человѣкъ.

Изъ амбаровъ бунты съ пенькою перевозятся на вагонахъ по желѣзно-конной дорогѣ на фабрику, и потомъ поднимаются машиною въ четвертый этажъ, гдѣ бунты развязываются и пенька сортируется по качеству: смотря по тому, на какой именно № пряжи она способна. Разсортировавши, пеньку кладутъ на вагонъ и везутъ по устроенной въ 4-мъ этажѣ желѣзной дорогѣ, съ которой спускаютъ пробойки Орловской и тючки Сасовской пеньки—прямо въ чесальни, устроенныя въ третьемъ и второмъ этажахъ фабрики, гдѣ поставлены щети, сдѣланныя изъ стальныхъ прутьевъ, похожихъ на веретена, и вбитыхъ толстыми концами въ доски разныхъ размѣровъ отъ 10 до 4 вершковъ въ діаметрѣ. На вострые концы чесальщикъ бросаетъ горсть пеньки и, по мѣрѣ надобности и согласно №№ пряжи, счесываетъ съ волокна пеньки паклю и банецъ, или такъ называемую бородку. Прочесаная пенька кладется у дверей чесальни. Отсюда берутъ ее прядильщики. Обмотавъ вокругъ бородку или, какъ говорятъ, *заткнувши*, они подходятъ тутъ же, во 2 и 3-мъ этажахъ, къ ручнымъ колесамъ и начинаютъ прясть пряжу; колёса вертятъ за лебедокъ мальчики отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ; прядильщиковъ на каждомъ колесѣ работаетъ по 8-ми человѣкъ; колёса уставлены одно противъ другаго на разстояніи 72 саженъ (всего въ 2-хъ этажахъ поставлено 40 колесъ). Никакая рука не вынесла бы непрерывнаго тренія нити, и потому нитка пропускается по бараньей кожѣ, кото-

рою обмотана по локоть рука у каждаго прядильщика. Прядильщики, окончивъ одну нитку, передаютъ её особымъ уборщикамъ, которые концы нитокъ продѣваютъ въ тоненькую дырчатую дощечку, называемую стреньговой доской. Такъ образуются пасмы по 16-ти нитокъ, каждая нитка въ пасмѣ перевязывается концами той же пряжи, а прядильщиками концы пряжи сращиваются, и чрезъ то составляется одна безконечная нитка, а изъ нитей складывается *бухтина*. Въ бухтинѣ заключается толстой пряжи 18 пасмъ; тонкой вантовой пряжи 35 пасмъ. Пряжа работается круглый годъ. Осенью, въ короткіе дни, прядильщикамъ назначается на урокъ шеснадцать нитокъ, каждая нитка по 180 саженъ длины; въ лѣтніе, большіе дни, урокъ прядильщиковъ доходитъ до 22 нитокъ; плату за работу прядильщики получаютъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ 2½ до 3 коп. сер. за нитку 180-ти саженной длины; а чесальщики получаютъ 5 копейками болѣе противу прядильщиковъ. Приготовленная пряжа убирается въ особо-устроенную каменную кладовую, изъ которой она спускается черезъ отверстіе въ стѣнѣ прямо въ смолу, кипящую на бѣлый ключь въ двухъ мѣдныхъ котлахъ, до 300 пудъ смолы въ каждомъ. На днѣ котла бухтина проводится черезъ доску сквозь круглое отверстіе и отсюда паровая машина вытягиваетъ ее на верхъ сквозь чугунный жомъ съ такою силой, что всѣ нити бухтины насквозь пропитанныя смолой выходятъ изъ жома сухими. Два человѣка укладываютъ осмоленныя

бухтины на деревянныя тележки, и отвозятъ пряжу для укладки въ штапели.

Орловская пенька рѣзко отличается качествомъ отъ Сасовской. Первая всегда бываетъ волосиста и волосъ въ ней отличается чрезвычайною крѣпостью, нѣжностью, длиною, прекраснымъ палевымъ цвѣтомъ и свѣжимъ запахомъ, такъ-что Орловская пенька по ровности и плотности волокна не имѣетъ себѣ подобной въ цѣломъ свѣтѣ. Сасовская пенька, напротивъ того, имѣетъ грязный темно-зеленый цвѣтъ, короткій и грубый волосъ, а потому въ вантовую пряжу она не употребляется, а работаютъ изъ нея только пряжи толстыхъ номеровъ, но и въ толстой пряжѣ она далеко ниже Орловской. Намъ сказывали, что главная причина этой разницы заключается въ естественныхъ условіяхъ почвы и климата и въ удобреніи конопляниковъ, которымъ земледѣльцы Орловской губерніи очень старательно занимаются, такъ какъ воздѣлываніе пеньки составляетъ здѣсь главный промыселъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ; Но въ Тамбовской губерніи главная забота о хлѣбопашествѣ, а воздѣлываніемъ пеньки занимаются между прочимъ, и потому не столько заботятся объ удобреніи конопляниковъ.

Канаты, троссы, ликъ-троссы и ванты, для бѣгучаго и стоячаго такелажа, для морскихъ и рѣчныхъ судовъ, дѣлаются изъ пряжи смольной; но для тяги судовъ по рѣкамъ и каналамъ внутри Россіи, значительная часть

троссовъ приготовляется на фабрикѣ Журавлевыхъ изъ бѣльной, то есть несмоленой пряжи.

Смольные канаты менѣе подвергаются прѣлости отъ воды, бѣльные же имѣютъ то преимущество противъ смольныхъ, что на одну треть болѣе выдерживаютъ тяжести. Пряжа осмаливается въ кипящей смолѣ, и отъ того болѣе или менѣе перегораетъ. При вытяжкѣ ея изъ котла въ бухтинѣ требуется значительная сила: необходимо нужно, чтобы вся пряжа насквозь припиталась смолою, которой тонкая пряжа принимаетъ не болѣе 6-ти фунтовъ на пудъ, а толстая до 8 фунтовъ. Отъ того осмоленая пряжа теряетъ значительную долю крѣпости. Смолу Журавлевъ покупаетъ въ Вельскомъ уѣздѣ (Вологодской губерніи) и въ Ветлужскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи) ежегодно до 30 тыс. пудъ печной выкурки. Смола вся привозится на фабрику водою, выгружается кранами на пристань и отвозится по желѣзнымъ рельсамъ въ каменныя со сводомъ кладовыя, откуда по тѣмъ же рельсамъ, по мѣрѣ надобности, доставляется на вагонѣ въ смольную. Способъ осмолки пряжи имѣетъ большую важность въ канатномъ производствѣ, и этотъ предметъ, по отзыву заводчика, требуетъ съ его стороны особенной заботы, такъ что на фабрикѣ постоянно дѣлаются опыты, для доведенія осмолки до возможнаго совершенства.

Смольныя и бѣльныя бухтины подвозятся изъ штапелей на тележкахъ къ барабанамъ ($4\frac{1}{2}$ аршина въ діаметрѣ), и наматываются на нихъ руками, а съ бара-

бановъ пряжа наматывается на катушки или бобинцы. Эта намотка на катушки здѣсь, также какъ въ бумагопрядильномъ дѣлѣ, составляетъ важную часть производства, ибо нить должна ложиться на катушку совершенно ровно и правильно; 16 концовъ каждаго пасма наматывается на 16 катушекъ, поставленныхъ на желѣзные *шпенделя*. Для этой цѣли употребляются на заводѣ Журавлева такъ называемыя *бобинцевыя машины*, приводимыя въ быстрое движеніе силою пара. Машины эти новаго изобрѣтенія и хозяинъ завода такъ доволенъ ихъ дѣйствіемъ и приложимостью къ дѣлу, что говоритъ объ нихъ съ восторгомъ. Ихъ всего 12 на фабрикѣ; онѣ разматываютъ въ теченіи 12-ти рабочихъ часовъ до 2 т. пудъ тонкой и толстой пряжи. На каждую катушку наматывается пряжи до одного пуда десяти фунтовъ и потомъ катушки спускаются въ складочное мѣсто въ нижнемъ этажѣ. По мѣрѣ надобности, онѣ поступаютъ отсюда въ производство и вставляются въ станки. Нити отъ катушекъ продѣваются сквозь деревянныя рольцы и идутъ, прежде въ желѣзную рѣшетку, укрѣпленную въ полъ, потомъ въ дырчатую доску, потомъ соединяются въ отверстіи литой чугунной трубки, укрѣпленной между двумя деревянными колоннами. По выходѣ изъ трубки получается изъ свернутыхъ нитокъ ровная, гладкая, сплоченная прядь. Изъ этой пряди дѣлается канатъ, но прежде чѣмъ пустить ее въ дѣло, необходимо ее *вытянуть* и свертѣть какъ слѣдуетъ. Для этого употребляется тягальная ма-

шина, идущая по рельсамъ, посредствомъ веревчатаго ремня и другой, такъ называемой половой снасти. Силою пара вертящіеся на тягальной машинѣ крючья, крутятъ пряжу и образуютъ изъ пряжи такъ называемую стрингу, которая становится еще глаже и ровнѣе, точно точеная скалка. Для канатовъ и троссовъ, приготовляемыхъ на фабрикѣ Журавлевыхъ, 15-дюймовой окружности, тягальная машина тянетъ по одной стрингѣ въ одинъ пріемъ, а для мелкихъ троссовъ, тянется вдругъ по шести стрингъ. Вытянутыя такимъ образомъ стринги, отъ 240 до 150 саженъ, отрѣзываются у отверстія трубки и передаются на спускальную машину, которая крутитъ ихъ по мѣрѣ надобности, потомъ, между тремя стрингами вкладывается деревянный цилиндръ, называемый чуркой, съ тремя вырѣзанными желобками по мѣрѣ толщины стринги; въ эти жолоба входятъ стринги, и начинается задняя и передняя круть, отъ которой чурка, положенная на тележку, легко и скоро подается впередъ. Позади чурки, между такъ называемыми хвостами изъ бѣльнаго каната, прикрѣпленными къ тележкѣ, выходитъ въ три стринги превосходный, красивый, желтаго цвѣта, смольный или бѣльный троссъ длиною отъ 180 до 110 саженъ. Длина стринги отъ крути дѣлается короче, и потому стринги тянутся по расчету длины заказаннаго тросса: если троссъ заказанъ 180-ти саженъ длины, тогда стринга тянется въ 240 саженъ длины; три тросса тѣмъ же порядкомъ, посредствомъ чурки, свернутые въ одну мас-

су, называются канатомъ кабельной работы. При скручиванiи троссовъ и канатовъ, мальчикъ, сидящiй на тележкѣ, третъ стринги или троссы мыломъ, для того, чтобы онѣ удобнѣе и легче проходили между веревчатыми хвостами. Когда тележка съ чуркой дойдетъ по рельсамъ до спускальной машины, тогда концы стрингъ отвязываются отъ крючьевъ спускальнаго станка и конецъ тросса или каната накладывается на деревянный баранъ, приводимый въ движенiе фабричной паровой машиной. Троссъ собранный въ кругъ 15-ти дюймовъ въ окружности, составляетъ около 4 аршинъ дiаметра, 315-ть пуд. вѣсу, въ 1,200 нитокъ пряжи. По окончанiи сборки, троссъ вынимается изъ станка посредствомъ крана, и кладется на полъ, гдѣ обшивается, для внутренняго употребленiя рогожами, а для заграничнаго отпуска—въ смольный хрящъ; потомъ вторично поднимается, кладется на вагонъ и вѣсится вмѣстѣ съ вагономъ на вѣсы или, такъ называемый *контарь*. Вагонъ прежде вывѣшенный, скидывается съ вѣсу и записывается точный вѣсъ тросса или каната; на троссахъ и канатахъ изъ Орловской пеньки онъ выбивается цифрами на свинцовой пломбѣ; а на троссахъ и канатахъ второсортныхъ, изъ Сасовской пеньки, вѣсъ пишется на деревянныхъ дощечкахъ чернилами. За тѣмъ троссъ или канатъ, везутъ 5 человѣкъ по желѣзной дорогѣ въ кладовую, гдѣ съ вагона онъ поднимается на кранъ и кладется на полъ, устроенный нѣсколько повыше вагона.

По случаю пріѣзда Его Высочества, хозяинъ фабрики заказалъ троссъ въ 15-ть дюймовъ окружностью; такіе канаты фабрика дѣлаетъ для кабестанныхъ пароходовъ, буксирующихъ въ 6-ти баржахъ до 500 т. пуд. тяжести противъ теченія воды въ Волгѣ съ низовыхъ пристаней до Рыбинска. Очень интересно было производство этого громаднаго каната «генералъ-троссъ», какъ называлъ его хозяинъ. Когда выходитъ изъ трубки и тянется на спускальной машинѣ толстый веревочный цилиндръ, не хочешь вѣрить, что это еще не канатъ а только одна изъ составныхъ частей каната; но и эти громадныя стринги, по 7½ дюймовъ въ окружности, скручиваются также легко и скоро, какъ самыя тоненькія, проходя по жолобамъ большой чурки. Его Высочество съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за этой операціей до послѣдней минуты. Подобныхъ троссовъ фабрика Журавлевыхъ, въ теченіи 12-ти рабочихъ часовъ, приготовляетъ по четыре. Хозяинъ сказывалъ намъ, что еслибы потребовала надобность сдѣлать канатъ до 24-хъ дюймовъ въ окружности, то можно было бы приготовить его такъ же легко и удобно, тѣми станками, которые работаютъ 15-ти дюймовые троссы.

Канатная фабрика Журавлевыхъ не можетъ не возбудить общей мысли о канатномъ дѣлѣ въ Россіи и о судьбахъ его. Никакая страна въ мірѣ не производитъ пеньки такого превосходнаго качества, какъ Россія, и всеобщая потребность въ канатахъ указываетъ на издѣліе, въ которомъ наша промышленность могла бы

выдержать конкуренцію съ иностранными фабриками того же рода. Сама Англія въ послѣднее время начала особенно дорожить этимъ матеріаломъ для такого производства, которое прежде не нуждалась въ пенькѣ. Недостатокъ хлопка, вслѣдствіе Американской войны, заставилъ Англійскихъ производителей искать суррогатовъ хлопка, или мѣшать его съ другими волокнистыми растеніями, чтобы не остановить фабричнаго дѣла за недостаткомъ матеріала. Вслѣдствіе того, значительно усилился вывозъ въ Англію пеньки. При всемъ томъ, сбытъ канатовъ въ Англію и вообще за границу еще крайне затруднителенъ для Русскихъ фабрикантовъ, если они не имѣютъ собственныхъ торговыхъ домовъ за границей; а продавать канаты черезъ коммиссіонеровъ, они находятъ совершенно невыгоднымъ и во всякомъ случаѣ рискованнымъ дѣломъ. Изъ большихъ паровыхъ машинныхъ фабрикъ въ Россіи, извѣстны только двѣ, существующія въ Петербургѣ, Казалета и Гота. Первая производитъ до 70 тыс. пудовъ въ годъ, а послѣдняя до 200 тыс. пудовъ канатныхъ издѣлій. Обѣ фабрики мало сбываютъ своихъ издѣлій для внутренняго потребленія, а ведутъ торгъ большею частію съ Финляндіей и съ чужими краями, но сбытъ издѣлій за границу для нихъ удобенъ, потому что они имѣютъ свои торговые дома за границей. Кромѣ поименованныхъ заводовъ, существовало еще недавно небольшое конно-приводное канатное заведеніе Смышляева въ Перми, но теперь, кажется, пришло въ

упадокъ, и едва ли не единственными фабриками этого рода остаются: Казалета, Гота и Журавлевыхъ. Послѣдняя изготовляетъ канаты преимущественно для внутренняго потребленія, отпуская не болѣе 12-ти тыс. пудовъ въ годъ за границу, на срочныя уплаты. Ежегодное производство простирается до 200 тыс. пудовъ въ годъ; хотя фабрика могла бы изготовлять всего до 400 тыс. пудовъ, но останавливается на всю зиму, потому что отъ зимняго холода можетъ пострадать качество издѣлій, да притомъ и требованіе не превышаетъ того количества, которое изготовляется въ теченіи 7-ми мѣсяцевъ въ году удобнаго для работы времени и достаточного для продажи по 1,150 пудовъ въ день, въ общей сложности.

Съ канатной фабрики Его Высочество перешелъ къ обозрѣнію другихъ заведеній, находящихся въ связи съ нею, приводимыхъ въ дѣйствіе тою-же фабричной паровой машиной. Изъ нихъ всего интереснѣе былъ для насъ лѣсопильный заводъ на три рамы, въ которыя вставляется продольныхъ пилъ столько, сколько требуетъ толщина лѣса. Бревна распиливаются съ комля, отъ чего тесу выходитъ болѣе противъ ручной распилки на 20%; важная выгода производства заключается въ томъ, что и кривыя бревна пилятся также удобно, какъ и прямыя, потому-что бревно, положенное на чугунную тележку, идущую по рельсамъ, прикрѣпляется съ обѣихъ сторонъ боковыми, утвержденными въ тележкѣ винтами, и когда кривизна бревна дохо-

дитъ до рамки, тогда постепенно винты направляютъ бревно на пилы, кривизна же въ распиленномъ лѣсѣ легко исправляется отъ тяжести досокъ, когда онѣ лежатъ въ штапеляхъ. Бревна поднимаются съ земли на площадку краномъ и кладутся на тележки, стоящія на рельсахъ, по которымъ одинъ человѣкъ безъ затрудненія подвозитъ бревно къ рамкѣ. Длина распиливаемаго лѣса отъ 5 до 10 саженъ, толщина отъ 4 до 10-ти вершковъ въ отрубѣ. Такихъ бревенъ, въ теченіи двѣнадцати часовъ работы, каждая рамка распиливаетъ отъ 20 до 30. Пиленый тесъ сортируется, перекладывается на другія тележки, отвозится на лѣсной дворъ лошадью по двумъ желѣзнымъ путямъ и складывается по сортамъ. Въ томъ же самомъ зданіи поставленъ строгальный станокъ, который превосходно строгаетъ, фугуетъ и шпунтуетъ доски. Въ минуту выходитъ изъ станка два фута доски чисто и правильно выстроганной. Въ нижнемъ этажѣ, подъ лѣсопильнымъ заводомъ, Его Высочество съ живѣйшимъ любопытствомъ осматривалъ двѣ круглыя пилы: она изъ нихъ, 3½ фута въ діаметрѣ, — дѣлаетъ 1.200 оборотовъ въ минуту. Это необыкновенно быстрое обращеніе даетъ возможность опиливать съ быстротой и вѣрностью бревна и копани огромной толщины, такъ что за тѣмъ ихъ можно употреблять прямо безъ ручной отдѣлки на стройку судовъ. Маленькая пила до двухъ футовъ въ діаметрѣ опиливаетъ дюймовыя сосновыя доски, употребляемыя для бочекъ на разливку сала. Доски эти отправляются

изъ Рыбинска въ Самару и тамъ продаются разливщикамъ сала отъ 1 р. до 1 р. 10 к. сер. за 28-мь штукъ боковыхъ и донныхъ досокъ на бочку. Пила эта приготовляетъ 1000 такихъ досокъ въ 12-ть часовъ времени.

Послѣ пильни Его Высочество осматривалъ слесарное заведенiе, существующее для удовлетворенiя механическихъ потребностей фабрики и пароходства Журавлевыхъ. Оно дѣйствуетъ силою той-же фабричной паровой машины, равно какъ и обширная кузница, съ котельной, въ которыхъ поставлено три паровыхъ молота: первый при створчатыхъ печахъ, во сто пудовъ, и два между горнами въ 13 и 6½ пудовъ вѣса. Уголь, для расковки желѣза, употребляется древесный; онъ раздувается въ горнахъ вентиляторомъ, приводимымъ въ движенiе фабричной машиной. Этотъ вентиляторъ дѣлаетъ 2.400 оборотовъ въ минуту, удовлетворяя потребности въ воздухѣ для 12-ти горновъ.

Затѣмъ Его Высочество перешелъ къ обозрѣнiю устроеннаго рядомъ съ пристанью сухаго дока, въ которомъ строились въ эту пору двѣ кабестанныя баржи, по 40 саженъ длины и 6-ти саженъ ширины, и одна буксирная баржа 45 саженъ въ длину и 13 аршинъ въ ширину. На такое судно идетъ желѣза въ болтахъ и гвоздяхъ, для скрѣпленiя днища, боковъ и палубы, отъ 1.000 до 1.200 пудъ. Съ весною вода въ Волгѣ и Шекснѣ возвышается до 6 саженъ; при такой водѣ баржи выводятся изъ дока и отправляются подъ

грузъ, для нихъ приготовленный на низовыхъ пристаняхъ. Такихъ размѣровъ баржи удобно и безопасно могутъ поднять: кабестанныя до 100 т. пудовъ груза, а буксирныя до 75 т. пудовъ. Постройка баржи, съ оснасткою и такелажемъ, обходится въ 10 т. рубл. серебромъ. Въ прежнее время такихъ большихъ судовъ не видно было по Волгѣ, но нынѣ онѣ болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе, именно съ тѣхъ поръ, какъ распространилось буксирное и кабестанное пароходство. При Никольско-Абакумовской пристани Журавлевыхъ строится ежегодно отъ 250 до 325 разной конструкціи судовъ, въ которыхъ сплавляются къ петербургскому порту товары, привозимые въ Рыбинскъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Его Высочеству представлены были при осмотрѣ главные распорядители производства— управляющій фабрикою купецъ Сосульниковъ, канатный мастеръ мѣщанинъ Петровъ и нѣкоторые другіе производители. Всѣ они получили драгоцѣнные подарки. По окончаніи осмотра Его Высочеству угодно было, по просьбѣ хозяина, посѣтить домъ его и принять предложенный завтракъ.

Съ завода Журавлева мы поднялись вверхъ по Шекснѣ и перешли на туэрный пароходъ, гдѣ встрѣтили Его Высочество учредитель компаніи туэрнаго, т. е. цѣпнаго пароходства, г. Евреиновъ, г. Гинцбургъ и управляющій г. Бенардаки. На нашихъ судоходныхъ рѣкахъ существовало для буксированія судовъ съ грузомъ два рода пароходовъ. 1) *кабестаны*, суда

съ полнымъ паровымъ приборомъ, сила котораго устремлена на воротъ или шпиль, на который наматывается канатъ отъ завознаго якоря, заброшеннаго на полверсты впередъ, и 2) *буксирные* или *тяжелые* (въ отличіе отъ легкихъ пассажирскихъ), на которыхъ перевозятся по преимуществу цѣнные товары, грузимые или на самый пароходъ, или на находящіяся при нихъ баржи. Къ этимъ двумъ видамъ присоединился теперь третій—*туэры*, или паровыя суда, движущіяся по желѣзной цѣпи, погруженной на дно рѣки. Это предпріятіе совершенно новое, и если оно, чего слѣдуетъ надѣяться, пойдетъ въ ходъ, то окажетъ шекснинскому судоходству и перевозу товаровъ огромную пользу. Система движенія та же, что̀ съ завознымъ якоремъ коноводокъ и кабестанныхъ пароходовъ, но разница въ томъ, что точки опоры парохода находятся въ цѣпи, положенной на днѣ рѣки и укрѣпленной у Череповца почти за 200 верстъ. Эта цѣпь навивается и приводитъ въ движеніе пароходъ, тянущій за собой большія барки съ грузомъ. Акціонерная компанія цѣпнаго пароходства и уставъ ея утверждены въ январѣ 1861 г. Цѣль ея буксировать вышеописаннымъ способомъ суда по рѣкамъ Окѣ, Шекснѣ и Москвѣ отъ Нижняго-Новгорода до гг. Коломны и Москвы и отъ Рыбинска до Бѣлозерскаго канала. Оно обязалось по уставу открыть свои дѣйствія въ теченіи 3-хъ лѣтъ со дня утвержденія, сначала на рѣкѣ Шекснѣ, и предоставляетъ владѣльцамъ всякаго рода судовъ пользоваться по согла-

шенію съ нею цѣпями компаніи, если только на судахъ сдѣлапы будутъ приспособленія, дающія возможность двигаться по цѣпи. Сомнительно, впрочемъ, чтобы туэрное пароходство могло удасться на Москвѣ-рѣкѣ, мелководье которой представляетъ значительное и почти непреодолимое препятствіе, но за то успѣхъ предпріятія на Шекснѣ и Окѣ не подлежитъ сомнѣнію, по общему здѣсь отзыву. Если фарватеръ Шексны будетъ улучшенъ тремя или четырьмя шлюзами и хорошими стѣснительными плотинами, тогда этому предпріятію готовится блестящая будущность. Нельзя не замѣтить еще, что на верховьяхъ Шексны, близъ пороговъ, рѣдкій годъ не бьетъ сибирская язва лошадей, тянущихъ барки. Законъ опредѣляетъ на 1000 пудовъ груза лошадь, но рѣдко это соблюдается, и зачастую одна лошадь тянетъ до 1500 пудовъ и притомъ еще какая! слабосильная, измученная съ поддѣльными зубами, раскормленная для вида. Несчастныя животныя изнуряются, сибирская язва ихъ бьетъ и отъ труповъ, которые даже не закапываютъ, а сталкиваютъ въ воду или бросаютъ на берегу, разносится зараза по теченію рѣки и по окрестнымъ селеніямъ. Туэры окажутъ благодѣтельное вліяніе уже тѣмъ, что устронятъ совершенно конную тягу и неразлучную съ нею заразу, этотъ бичъ для нашего скотоводства.

Вечеромъ въ Биржевомъ залѣ устроенъ былъ заѣзжими артистами концертъ. Въ этомъ концертѣ жители Рыбинска могли, вмѣстѣ съ семействами своими, вдо-

воль насмотрѣться на дорогаго гостя въ послѣдній вечеръ его пребыванія въ городѣ.

Слѣдующій день, 25-го іюня, былъ день рожденія блаженной памяти Императора Николая Павловича. По этому случаю въ соборѣ была совершена панихида. Прямо изъ собора, въ 9-мъ часу утра, Его Высочество отправился далѣе въ путь. Пароходъ отчалилъ отъ пристани при звонѣ колоколовъ и при громкихъ крикахъ народа, собравшагося на проводы.

Удивительное впечатлѣніе производитъ Рыбинскъ на каждаго, кто первый разъ посѣщаетъ эту единственную въ своемъ родѣ пристань. Мы пріѣхали сюда нѣсколько уже поздно, когда значительная часть каравановъ отправилась уже вверхъ, но и теперь еще пристань кипѣла народомъ, а широкая Волга была покрыта судами Въ самый же развалъ судоходства Волга, говорятъ, буквально покрывается сплошною массою судовъ, такъ что по судамъ, словно по живому мосту, легко перейти съ одного берега на другой. И какъ разнообразенъ долженъ быть этотъ мостъ, когда представители всѣхъ возможныхъ видовъ судовъ собираются со всѣхъ концевъ Волжскаго бассейна здѣсь, въ Рыбинскѣ, въ этой главной приволжской станціи на пути къ морю, откуда грузы самыхъ разнообразныхъ товаровъ отправляются по всѣмъ тремъ водянымъ сообщеніямъ на сѣверъ и внизъ по Волгѣ, по всѣмъ отдаленнымъ ея концамъ.

Расположенная на пологомъ Волжскомъ берегу про-

тивъ самого устья Шексны старинная Рыбная слобода естественно должна была получить новое значеніе, когда открылось искусственное водное сообщеніе съ Петербургомъ. Слобода стала городомъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Рыбинская пристань образовала собой особую торговую границу въ Волжскомъ судоходствѣ, главнымъ образомъ потому, что отъ Рыбинска волжскій фарватеръ мельчаетъ и кладь должна перегружаться съ судовъ большихъ размѣровъ на суда болѣе мелкія, предназначенныя для плаванія по тремъ системамъ, Вышневолоцкой, Маріинской и Тихвинской. Соображая далѣе, что къ Рыбинску приходитъ ежегодно снизу до двухъ тысячъ слишкомъ большихъ судовъ, а по всѣмъ тремъ системамъ отправляется до 8000, что количество подвозимой ежегодно къ Рыбинску клади простирается до 40 слишкомъ милльоновъ пудовъ, на сумму слишкомъ 30 милльоновъ рублей, принявъ въ расчетъ, сколько для грузки, нагрузки и перегрузки требуется народа, сколько тутъ должно собираться разнаго рода люда, — хозяевъ, прикащиковъ, коммиссіонеровъ, лоцмановъ, коноводовъ и разнаго рода спекулянтовъ, можно себѣ представить легко, какое движеніе, какая жизнь и суета должна быть на этой, дѣйствительно единственной по своему значенію пристани. Естественно, что городское населеніе, простирающееся въ обыкновенное время до 11,000 душъ обоего пола, достигаетъ въ лѣтнее время громадной цифры 80,000 душъ, и все это пестрое, пришлое населеніе толкается, бѣгаетъ, кричитъ

и кишитъ по обоимъ берегамъ Волги, и на берегахъ Шексны, на разнообразныхъ пристаняхъ, на которыя, подраздѣляется Рыбинская пристань, и на верфи Николо-Абакумовской пристани, гдѣ стоитъ описанный уже нами канатный заводъ и гдѣ строются большія баржи и суда всякаго рода.

Постоянно все болѣе и болѣе усиливающееся стремленіе знакомиться съ мѣстною жизнью, ея условіями и ея потребностями, стало въ послѣднее время чаще вызывать въ печати, въ высшей степени интересныя и поучительныя изслѣдованія о различныхъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ и разнообразныхъ мѣстныхъ явленіяхъ общественной жизни пространнаго нашего отечества. Давно уже взяли на себя эту благодѣтельную роль наши губернскія вѣдомости, и хотя первые ихъ шаги на этомъ поприщѣ были робки и слабы, но все же, не смотря на скудость доставляемаго матерьяла, появлялись въ нихъ драгоцѣннѣйшіе матерьялы для статистики, этнографіи и для изученія народнаго быта. Скудость сообщаемыхъ свѣденій можно было объяснить хладнокровіемъ и равнодушіемъ къ окружающей насъ жизни. La plus grande philosophie, c'est de savoir ce qui nous entoure, но это мудрое изреченіе не у насъ у однихъ, а вездѣ оцѣнивалось и приводилось въ исполненіе гораздо позднѣе, когда наступала пора народу ближе вглядѣться въ окружающую жизнь, глубже вдуматься въ ея основы. Наконецъ, сама жизнь становится уже труднѣе; ростутъ потребности дотолѣ невѣданныя,

ростетъ народонаселеніе, которому и нужно жить и лучше хочется жить въ той же мѣстности и на томъ же пространствѣ, ростутъ государственныя и общественныя тяготы, которымъ нужно удовлетворить и нужда сама заставляетъ изыскивать новыя средства къ удовлетворенію потребностей. Тогда-то весьма естественно является и въ литературѣ стремленіе къ изученію, изслѣдованію и описанію своей родины. Болѣе, нежели когда-нибудь, становятся теперь для насъ драгоцѣнны мѣстныя губернскія вѣдомости, болѣе нежели когда-либо наполняются наши ежедневныя изданія корреспонденціями изъ губерній, а періодическія изданія очерками и описаніями разныхъ мѣстностей, ихъ быта, средствъ и недостатковъ, никогда, наконецъ, губернскіе статистическіе коммитеты не принимались съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ за свое дѣло, какъ теперь и памятныя книжки разныхъ губерній умѣли уже представить множество любопытнѣйшихъ данныхъ и описаній. Въ Памятной книжкѣ Ярославской губ. на 1862 г. находимъ мы весьма дѣльное описаніе Рыбинска, составленное членомъ Ярославскаго губернскаго статистическаго комитета, купцомъ Григоріемъ Голубенцовымъ.

Но богатый нашъ Рыбинскъ не разъ былъ предметомъ описанія. Еще въ 1837 году составлено было здѣшнимъ купцомъ Тюменевымъ описаніе Рыбинска. Въ Вѣстникѣ Промышленности за 1860 годъ помѣщена была также весьма любопытная статья „Рыбинскъ и его

производительныя силы“ Флегонта Арсеньева, которому мы обязаны еще прекрасными характеристиками пришекснинских мѣстностей, ихъ промышленныхъ силъ и значенія, помѣщавшихся въ Вѣстникѣ Промышленности и въ Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

Рыбинскъ ростетъ. Въ 1835 г. состояло домовъ казенныхъ, частныхъ, общественныхъ каменныхъ 174, деревянныхъ 337, всего 511, домовъ. Теперь же числится каменныхъ 243, деревянныхъ 686, а всего 929 домовъ.

Жителей считалось въ 1835 году до 6295 душъ, а теперь ихъ 11,559 д. об. п. Капиталовъ было объявлено въ 1825 году 80, а теперь ихъ числится 153. Городскіе доходы Рыбинска простираются ежегодно на сумму 43000 р. расходы до 27300 р. Изъ этихъ остатковъ составился городской капиталъ въ 191000 р., да кромѣ того сборъ съ торгующихъ въ Рыбинскѣ иногородныхъ лицъ доставилъ капиталъ въ 129000 р.

Средства большія, которыя дали городу возможность основать у себя городской общественный банкъ, утвержденный въ 1862 году, и позволятъ, конечно, приступить къ другимъ улучшеніямъ, въ которыхъ городъ нуждается, хотя должно сказать, что возможность къ большинству этихъ улучшеній, необходимость которыхъ кидается прямо въ глаза, зависитъ не столько отъ денежныхъ средствъ (ихъ достаточно), сколько отъ городскаго управленія и убѣжденія самихъ жителей въ ихъ необходимости. Недостатки эти тѣ же, отъ которыхъ страда-

етъ не одинъ Рыбинскъ, но и всѣ города, вся Русь, можно сказать, всѣ мы, — это отсутствіе потребности въ чистотѣ и опрятности, такъ рѣзко кидающееся вездѣ въ глаза. Это все то же, отъ чего и богатый и зажиточный крестьянинъ не знаетъ чистой постели, да и не нуждается въ ней, отъ чего наши гостинницы, да и частные дома людей зажиточныхъ, страдаютъ недостаткомъ и отсутствіемъ хорошаго устройства такихъ отдѣленій, въ которыхъ нуждается цѣлый Рыбинскъ, гдѣ, по всей волжской небережной, за неимѣніемъ именно этихъ мѣстъ, господствуетъ въ теченіе всего лѣта, отъ громаднаго стеченія народа страшная нечистота и невыносимая вонь. Можно было бы также позаботиться и о мостовой, по которой, или подпрыгиваютъ ваши пролетки чуть не на вершокъ, или же однимъ колесомъ уходятъ въ выбоину такъ, что при каждомъ толчкѣ воображаешь, что утлый экипажъ разсыпется въ дребезги; можно было бы обратить вниманіе и на мытный дворъ, откуда издалека уже несется также отвратительный запахъ, потому что здѣсь же, въ мясныхъ лавкахъ, бьютъ мясники барановъ и телятъ, а нечистота вѣроятно никогда не свозится. Между тѣмъ много лавокъ въ ряду принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ, которые сдаютъ ихъ за значительную арендную сумму. Что же? развѣ поправка мостовыхъ и содержаніе лавокъ въ чистотѣ не лежитъ на прямой отвѣтственности собственниковъ? Была бы только власть приложена, и неумолимая требовательность,

а для этого и существуетъ городское выборное управленіе. Но вѣдь должно сознаться, что это нашъ общій недостатокъ, и мы далеко еще не вышли изъ того положенія, чтобы не нуждаться въ какомъ нибудь § городскаго положенія, въ родѣ напр. такого, какой мы встрѣчаемъ въ статутѣ одного большаго нѣмецкаго города, правда въ 15 стол., которымъ строго запрещалось «m......» въ думскомъ погребѣ, куда граждане сходились пировать.

Странно также, что въ Рыбинскѣ, гдѣ стекаются такія массы рабочаго народа, нѣтъ въ достаточномъ количествѣ средствъ для призрѣнія заболѣвающихъ. Намъ разсказывали, что во время холеры здѣсь были раздирающія душу сцены, а между тѣмъ и на это есть средства, и на нихъ указывали. На содержаніе судоходной расправы взимается по 30 коп. съ судна, по 10 коп. съ лошади и человѣка. Естественно, что эти деньги должны были бы принадлежать Рыбинску, гдѣ суда и судорабочіе скопляются въ такихъ громадныхъ массахъ. Но «расправа наша богата, — говорилъ намъ одинъ изъ рыбинскихъ старожиловъ,—ее и слѣдуетъ подоить.» Это то же самое, что и процентный сборъ съ товаровъ по Волгѣ. Сборъ идетъ не на улучшеніе Волги, а на другія потребности.

Рыбинская биржа—это одно изъ лучшихъ зданій и намъ кажется, что она начинаетъ уже теперь быть дѣйствительно биржей, особенно съ того времени, когда за это взялся Журавлевъ, человѣкъ съ огромнымъ значе-

ніемъ въ Рыбинскѣ, избранный въ предсѣдатели биржеваго комитета. Съ этого времени начали выходить „Свѣдѣнія Рыбинскаго биржеваго комитета о судахъ, товарахъ и цѣнахъ на оные при Рыбинской пристани". Но и ему, не смотря на все вліяніе и на свое значеніе между хлѣбными торговцами, не вполнѣ еще удается пріучить купечество къ биржѣ. Въ биржевомъ зданіи, выходящимъ однимъ фасадомъ на берегъ, откуда открывается широкій видъ на Волгу и на Шексну, помѣщается судоходная расправа, а возлѣ зданія выстроена еще галлерея для лоцмановъ.

ГЛАВА IV.

От Рыбинска до Ярославля. Романов-Борисоглѣбск. Народная встрѣча въ Ярославлѣ. Ярославское училище для дѣвицъ духовнаго званія. Основаніе этихъ училищъ, значеніе ихъ и настоящее положеніе. Иллюминація. Спасо-преображенскій монастырь. Николаевскій дѣтскій пріютъ и богадѣльня Пастухова. Лечебница для приходящихъ больныхъ. Осмотръ Успенскаго собора въ Ярославлѣ. Архіерейскій домъ. Ярославская семинарія. Выставка произведеній промышленности Ярославской губерніи. Вечернее гулянье и иллюминація въ загородномъ саду. Толгскій монастырь. Паровая мукомольная мельница Крохоняткина. Церковь Іоанна Предтечи въ Толчковской слободѣ.

Весь плесъ отъ Рыбинска до Ярославля, на протяженіи 76 верстъ, не представляетъ никакихъ затрудненій для судоходства. Въ 43 верстахъ отъ Рыбинска находится городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ, весьма живописно расположенный по обѣимъ берегамъ Волги. Маленькій городокъ, съ 5000 слишкомъ жителей, занима-

етъ не послѣднее мѣсто въ промышленности Ярославской губерніи. Судоходство здѣсь ничтожное и грузится въ годъ не болѣе 3 барокъ хлѣбомъ, на сумму около 3 тысячь рублей, но заводовъ въ городѣ съ уѣздомъ считается 41, вырабатывающихъ издѣлій на сумму слишкомъ 120,000 р. Быстро пролетѣлъ нашъ «*Поспѣшный*» мимо городка между берегами, усѣянными народомъ, встрѣчавшимъ громкими кликами проходящій пароходъ.

25-го іюня въ 1-мъ часу по полудни мы подъѣхали къ Ярославлю. Прекрасная волжская набережная представляла въ эту минуту живописную картину. Отъ самой пристани вверхъ по берегу тянулась толпа народная, и конца ей не было видно; зеленые откосы набережной покрыты были группами въ пестрыхъ уборахъ, точно цвѣтниками. У самой пристани ожидали Его Высочество начальственныя лица, и представители сословій и цеховъ съ цеховыми значками. Когда пароходъ сталъ подходить къ пристани, вся масса народа заколыхалась, и при громкихъ крикахъ со звономъ 77 колоколень ярославскихъ, мы вышли вслѣдъ за Цесаревичемъ на пристань. Еще минута—и мы очутились въ самой срединѣ народа, бросившагося впередъ за коляскою Наслѣдника. Нельзя было смотрѣть безъ душевнаго волненія на эту картину: одно горячее чувство владѣло въ эту минуту тысячами, и не разбирая выраженій, стремилось въ чемъ-нибудь выразиться. Сколько видно было плачущихъ женщинъ, сколько

поднималось рукъ на знаменіе креста, сколько шапокъ летѣло вверхъ, сколько слышалось голосовъ, кричавшихъ изо всей силы! Хватались за экипажъ, и сзади и спереди слышно было: „Скажи отцу своему какъ мы его любимъ! Скажи, что всѣ мы пойдемъ на враговъ, всѣ до единаго". Многія выраженія народнаго восторга показались бы странны и грубы человѣку, незнакомому съ характеромъ народнымъ; но едва ли въ числѣ свидѣтелей нашлось хотя одно холодное сердце, которое въ эту минуту устояло бы противъ общаго впечатлѣнія: такъ оно сильно и съ такою полнотою высказывалось. Эти слезы, и молитвы, и движенія, и крики сливались въ одинъ цѣлый хоръ, и гармонію этого хора составляло единство народнаго чувства.

Чувство это въ настоящую минуту менѣе чѣмъ когда либо можно назвать безсознательнымъ: прислушиваясь къ словамъ, присматриваясь къ движеніямъ, убѣждаешься, что не безсознательное чувство влечетъ толпы народныя въ несмѣтномъ количествѣ на встрѣчу юному Наслѣднику Русскаго престола, заставляетъ ихъ съ какою-то жадностью искать его всюду, гдѣ онъ можетъ появиться. Народъ знаетъ и чувствуетъ, какое наступаетъ время; онъ слышитъ отовсюду о врагахъ Россіи, объ угрозахъ единству ея и государственной цѣлости—и сознаніе единства государственнаго пробудилось въ немъ съ такою силой, какой давно уже не ощущало въ себѣ настоящее поколѣніе. Проѣзжая къ собору посреди густой народной толпы, глядя на выра-

женія народнаго восторга, слыша народные крики о твердомъ согласномъ отпорѣ врагамъ по слову царскому, мы не могли не вспомнить о томъ, что въ 1612 году Ярославль былъ сборнымъ пунктомъ войскъ, ополчавшихся на защиту отечества, и что отсюда шелъ Пожарскій очищать Москву и возстановить государственное единство Россіи.

Въ дверяхъ стариннаго собора Ярославскаго, Наслѣдника встрѣтилъ преосвященный Нилъ краткою привѣтственною рѣчью. Отъ дверей до соборнаго алтаря стояло соборомъ духовенство въ бѣлыхъ ризахъ. Величіе древняго храма придавало этой встрѣчѣ особенную торжественность. Изъ собора Его Высочество отправился въ приготовленный для пребыванія его домъ Пастуховыхъ, нарочно отдѣланный къ его прибытію хозяиномъ съ изысканнымъ вкусомъ. Съ этой минуты, до самаго отъѣзда изъ города, народъ не отходилъ отъ дома, выжидая пріѣздовъ и отъѣздовъ дорогаго Гостя. Вечеромъ зажглась великолѣпная иллюминація, опоясавшая всѣ главныя улицы города непрерывными фестонами разноцвѣтныхъ шкаликовъ; улица, на которой находится домъ Пастуховыхъ, была буквально вся занята народомъ отъ бульвара вплоть до собора. Колокольни на церквахъ были тоже иллюминованы, но особенно поразителенъ былъ видъ старинной Ильинской церкви, съ верху до низу опоясанной и очерченной огненными линіями.

Въ самый день пріѣзда, послѣ обѣда, назначенъ былъ осмотръ училища для дѣвицъ духовнаго званія. Оно

помѣщается съ прошлаго года въ новомъ двухъ-этажномъ домѣ прекрасной архитектуры, который виднѣется на первомъ планѣ, съ высокою набережной, когда подъѣзжаешь на пароходѣ къ пристани Самолета. У входа, внизу парадной лѣстницы, Его Высочество былъ встрѣченъ начальницею заведенія Е. П. Шиповой и попечителемъ, купцомъ Д. М. Плѣшановымъ; а на верху, при входѣ въ церковь, священникомъ и законоучителемъ Троицкимъ. Воспитанницы изъ церкви пѣли на встрѣчу: Спаси Господи люди твоя! Послѣ молебна и многолѣтія, Государь Наслѣдникъ, въ сопровожденіи начальницы, обходилъ классныя комнаты, спальни и кухню. Затѣмъ, въ рекреаціонной залѣ ему представлены были воспитанницы, построенныя въ рядъ съ трехъ сторонъ, и на привѣтстіе его отвѣчали всѣмъ хоромъ. Потомъ, по желанію Его Высочества, онѣ пѣли церковныя молитвы: «Отче Нашъ» и гимнъ «Христосъ Воскресъ», сочиненный для нихъ учителемъ пѣнія. Пѣніе это произвело на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе: видно было, что на этотъ предметъ обращено въ училищѣ особенное вниманіе, и конечно рѣдко можно слышать женскій хоръ, съ такимъ согласіемъ и такъ отчетливо исполняющій церковную музыку.

Ярославское училище для дѣвицъ духовнаго званія существуетъ съ 1846 года и открыто было первоначально въ Солигаличѣ, а потомъ, 1848 г., переведено въ Ярославль. Оно устроено по образцу подобнаго же заведенія, существующаго съ 1843 года въ Царскомъ Се-

лѣ. Въ немъ воспитываются 90 дѣвицъ: всѣ онѣ дочери священнослужителей, преимущественно изъ ближайшихъ епархій Ярославской, Костромской и Вологодской, большею частію пансіонерки, за весьма умѣренную плату, по 60 руб. въ годъ. Въ трехъ классахъ, распредѣленныхъ на 6-лѣтній курсъ, преподаются имъ: Законъ Божій, чистописаніе съ рисованіемъ, русскій языкъ со славянскимъ, ариѳметика и исторія съ географіей. Особенное вниманіе обращено на церковное пѣніе, на рукодѣлье и на пріученіе воспитанницъ къ опытному домашнему хозяйству, для чего всѣ онѣ поочереди занимаются кухнею, уходомъ за скотомъ и т. п. Черезъ каждые два года бываетъ выпускъ, и къ выпуску каждая воспитанница должна сама себѣ приготовить всѣ необходимыя вещи для одежды: кромѣ того, при выходѣ въ замужество недостаточныя получаютъ денежное пособіе изъ особаго, принадлежащаго училищу капитала, поддерживаемаго сбереженіями и частными пожертвованіями.

Первою основательницей училищъ для дѣвицъ духовнаго званія была у насъ Великая Княгиня Ольга Николаевна. Въ основаніе учрежденія положена прекрасная мысль—воспитать для духовнаго сословія достойныхъ женъ и матерей и посредствомъ ихъ дѣйствовать на умственное и нравственное образованіе той среды, въ которой онѣ призваны жить; мысль эта принадлежитъ къ числу такихъ мыслей, которыя способны одушевить горячее сердце къ плодотворной дѣятельности,—и у насъ

въ Россіи плодотворной болѣе чѣмъ гдѣ-либо. Сколько бы ни устроивали мы системъ народнаго образованія, ни одна не будетъ вполнѣ народною и практическою, если не будетъ разсчитана на дѣятельность сельскаго духовенства. Если въ средѣ этого сословія не найдется готовыхъ народныхъ учителей, то едва ли можно надѣяться, что какое-либо другое сословіе въ состояніи будетъ выставить надежныхъ учителей, которые въ одинаковой мѣрѣ пользовались бы и довѣріемъ правительства, и народнымъ довѣріемъ. Между тѣмъ таковы у насъ до сихъ поръ условія воспитанія и цѣлаго быта сельскихъ священиковъ, что рѣдкимъ изъ нихъ, даже при полномъ желаніи и способностяхъ, удастся стать дѣйствительными учителями въ средѣ крестьянскаго населенія; напротивъ, во многихъ и многихъ случаяхъ, при настоятельности ежедневныхъ нуждъ и при невыгодной обстановкѣ домашняго быта отъ самой колыбели, сельскому священнику не трудно огрубѣть душою и утратить сознаніе своего высокаго призванья. Самые лучшіе дѣятели погибаютъ для дѣла, къ которому призваны, погибаютъ—отъ одиночесгва, потому что не въ состояніи вынесть неровную борьбу съ обстоятельствами и условіями своего быта и своей дѣятельности. Объ этомъ не хотятъ у насъ подумать слѣпые порицатели нравовъ и дѣятельности духовнаго сословія. Отъ того и осужденіе съ которымъ такъ часто, особливо въ послѣднее время, обращаются у насъ къ этому сословію, оказывается слѣпымъ и несправедливымъ. Слабости, недо-

статки, примѣры паденія выставить не трудно—они сами собою бросаются въ глаза, и ихъ выискиваетъ жадно проснувшаяся гласность. А добрые дѣла и подвиги, которые въ тоже время совершаются въ глуши, куда недосягаетъ никакая гласность,—гораздо труднѣе узнать и обнаружить. Мимо ихъ иной разъ пройдетъ незамѣтивъ и не понявъ ихъ, тотъ, кто привыкъ ко всему обращаться съ пытливою и критическою мыслью. Если сообразить и взвѣсить по справедливости всѣ затрудненія съ которыми долженъ бороться и всѣ враждебныя обстоятельства, которыми окруженъ нашъ сельскій священникъ, пришлось бы можетъ быть дивиться, какъ еще можетъ это сословіе при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, выставить изъ себя и то количество добрыхъ дѣятелей, которое въ немъ оказывается. Необходима особенная энергія души для того, чтобы, не смотря ни на что̀, безъ всякаго содѣйствія со стороны другихъ, почерпая въ себѣ одномъ всю свою силу, удержать въ себѣ бодрость духа и твердое сознаніе своего долга въ такомъ положеніи, въ которомъ находится нашъ сельскій священникъ. Но такіе люди принадлежатъ къ исключеніямъ. Обыкновенныя человѣческія натуры не выносятъ такой борьбы. Для того чтобы нашъ сельскій священникъ могъ поддержать въ себѣ горячность чувства и сознаніе долга для той дѣятельности, къ которой онъ призванъ, необходимо по крайней мѣрѣ, чтобы онъ въ собственой семьѣ своей, находилъ содѣйствіе этой возвышенной дѣятельности.

Понятно, какъ облегчается эта дѣятельность, если въ женѣ своей находитъ онъ добрую помощницу въ домашнемъ хозяйствѣ, въ воспитаніи дѣтей, въ поддержаніи нравственной связи съ прихожанами, и какъ невыносимо становится его положеніе, если у него нѣтъ такой жены, или нѣтъ между нимъ и женою согласія и сочувствія. Поэтому выборъ жены для священника, въ его положеніи, важнѣе чѣмъ для кого-либо. Между тѣмъ извѣстно, что священники по необходимости должны выбирать себѣ невѣсту изъ своего же сословія, что этотъ выборъ обыкновенно состоитъ въ связи съ полученіемъ мѣста, и что сельскіе священники почти не имѣютъ возможности давать дочерямъ своимъ воспитаніе, соотвѣтствующее ихъ призванію. Утвердить въ духовномъ сословіи прочныя основы семейнаго быта, приготовить, въ средѣ этой семьи, будущихъ дѣятелей народнаго образованія, вотъ въ чемъ состоитъ главная цѣль училищъ для дѣвицъ духовнаго званія. Для достиженія этой цѣли предположено дать дѣвицамъ духовнаго званія такое воспитаніе, чтобъ онѣ съ ранняго возраста поняли и полюбили свое высокое призваніе и готовились быть женами и матерями служителей алтаря, людей, предназначенныхъ назидать прихожанъ въ вѣрѣ и нравственности. Священнику некогда заботиться объ устройствѣ дома и о ежедневныхъ нуждахъ: надобно, чтобы жена его была хозяйкою. Надобно чтобы жена священника могла быть сама учительницею дѣтей своихъ,

и въ потребномъ случаѣ, помощницею своего мужа въ школьномъ обученіи народа.

Мысль эта, стараніемъ Великой княгини Ольги Николаевны, осуществилась въ учрежденіи училища для дѣвицъ духовнаго званія. Противъ этой мысли многіе стали возражать въ послѣднее время, но едва ли основательно. Разсуждая съ отвлеченной точки зрѣнія, говорятъ, что нераціонально воспитывать въ исключительномъ духѣ и въ исключительномъ направленіи дѣвицъ, принадлежащихъ къ извѣстному сословію. Это возраженіе можетъ-быть и справедливо съ отвлеченной точки зрѣнія, но совсѣмъ не вѣрно въ примѣненіи къ практикѣ, въ связи съ тѣми условіями, въ которыхъ мы находимся. Духовенство наше представляетъ замкнутое сословіе и до сихъ поръ пополняется почти исключительно изъ своей же среды. Можно спорить о пользѣ или о вредѣ такого состоянія, можно желать чтобъ оно измѣнилось, но покуда оно продолжается, его нельзя измѣнить по произволу; оно есть фактъ, съ которымъ необходимо соображаться. Надобно стараться всѣми силами возвысить его и улучшить при данныхъ условіяхъ его быта, въ существующихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока эти обстоятельства не измѣнятся. Съ этой точки зрѣнія, училища для дѣвицъ духовнаго званія удовлетворяютъ существенной потребности образованія. Эта мысль есть, кажется, несомнѣнно прекрасная и вполнѣ практическая мысль. Другой вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ

система образованія въ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія удовлетворяетъ дѣйствительной потребности. Говорятъ, что дѣвушки, воспитываемыя вдали отъ своихъ семействъ со всѣми удобствами жизни, окруженныя попечительнымъ вниманіемъ, пріобрѣтаютъ привычки, не соотвѣтствующія тому кругу, въ который возвращаются по окончаніи своего курса, усвоиваютъ потребности, которымъ не въ состояніи удовлетворить потомъ въ дѣйствительной жизни, привыкаютъ почитать себя выше тѣхъ, съ кѣмъ придется имъ жить въ последствіи. Это возраженіе бо́льшею частью основывается опять на отвлеченномъ понятіи о воспитаніи и объ устройствѣ учебныхъ заведеній. Утверждаютъ, напримѣръ, что не слѣдуетъ ни въ какомъ случаѣ разлучать воспитанника съ семействомъ, къ которому онъ принадлежитъ, брать его даже на время изъ той среды, въ которой онъ родился и воспитывать въ иной средѣ: другими словами—рѣшаютъ заранѣе, что воспитаніе, въ закрытомъ заведеніи, по извѣстной системѣ, во всякомъ случаѣ вредно, потому что оно будто бы фальшиво по существу своему. Но съ этимъ взглядомъ едва ли согласится тотъ, кому извѣстно состояніе семейнаго быта въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества и практическія его потребности. Не трудно сказать: обществу не дашь того чего нѣтъ въ немъ самомъ и, на основаніи извѣстнаго правила: „laissez faire, laissez aller", предоставить всякую общественную среду дѣйствію тѣхъ элементовъ, которые въ ней есть—какъ до-

брыхъ такъ и недобрыхъ. Правило это соблазнительно; на немъ въ послѣднее время упорные теоретики и доктринеры сошлись у насъ съ лѣнивыми и равнодушными практиками. Въ этомъ правилѣ есть своя доля истины, но когда оно принимаетъ видъ безусловнаго положенія не допускающаго сдѣлки, то, подобно всѣмъ положеніямъ, въ примѣненіи къ дѣйствительности, ослѣпляетъ своихъ послѣдователей и ослабляетъ въ дѣятеляхъ сознаніе долга и чувство горячности къ дѣлу. У насъ правительство съ прошлаго столѣтія поставляло себѣ задачею—воспитать „новую породу людей“ для общественной и домашней дѣятельности. Эта задача во всей полнотѣ своей не подъ силу какому бы то ни было правительству. Но у насъ, менѣе чѣмъ гдѣ либо, правительство могло отказаться отъ права и отъ обязанности—приготовлять добрыхъ дѣятелей для той или другой среды, гдѣ нѣтъ, или очень мало дѣятелей, а между тѣмъ оказывается настоятельная нужда созидать, устроивать, поднять духъ посредствомъ живой силы, посредствомъ новыхъ дѣятелей, въ которыхъ развито и укрѣплено чувство долга въ своемъ званіи. Понятно, что, если въ семейномъ бытѣ оказывается слишкомъ мало элементовъ для этого развитія, правительство дѣлаетъ доброе и святое дѣло, когда беретъ на свое попеченіе молодыхъ людей изъ семейной среды—не съ тѣмъ, чтобы навсегда оторвать ихъ отъ нея, но съ тѣмъ, чтобъ возвратить ихъ въ нее съ любовію къ ней, очищенною и утвержденною идеей призванія и

чувствомъ долга. Государство не можетъ и не должно отказываться отъ этой задачи во многихъ случаяхъ: и чѣмъ крѣпче сознаніе это въ правительствѣ, тѣмъ старательнѣе будетъ выборъ людей, которымъ поручается руководство въ дѣлѣ воспитанія, а отъ этого выбора все зависитъ. Напротивъ стоитъ только поддаться господству мысли о томъ, что задача невыполнима, что основы ея во всякомъ случаѣ искусственныя и фальшивыя—дѣло пойдетъ вкривь и вкось, горячность къ нему исчезнетъ, и равнодушіе въ выборѣ людей отразится на всемъ дѣлѣ общественнаго воспитанія. Мы видимъ этому не мало печальныхъ примѣровъ въ послѣднее время.

Можно указать на достаточное число отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ воспитанницамъ духовныхъ училищъ не въ пользу послужило данное имъ воспитаніе,—разобщивъ ихъ съ тою самой средой, для которой предполагалось ихъ приготовить. Но каждое учрежденіе имѣетъ свою темную сторону: только и свѣтлыя его стороны не надобно упускать изъ виду.

Безъ сомнѣнія, найдется довольно несчастныхъ примѣровъ неудавшейся жизни,—но ихъ вообще немало встрѣчается въ нашемъ обществѣ, при той неравномѣрности развитія, которую видимъ въ разныхъ его классахъ. Однако, гоняясь за мыслію о безусловномъ успѣхѣ, мы ничего не достигнемъ, если станемъ пренебрегать возможностью успѣха относительнаго. Коль скоро приходится выбирать между отсутствіемъ всяка-

го образованія и такою системою образованія, въ которой можно достигнуть хотя относительнаго успѣха, то едва ли возможно колебаться въ выборѣ. Исчисляя примѣры неудачи воспитанія, не слѣдуетъ забывать и примѣровъ полнаго успѣха; а такихъ примѣровъ представляетъ не мало исторія обоихъ училищъ, и царскосельскаго, ярославскаго. Замѣчательно, что воспитанницы, по выходѣ изъ заведенія, бо̀льшею частью сохраняютъ на всю жизнь живую связь съ нимъ и въ немъ продолжаютъ искать себѣ опоры и сочувствія; многія изъ нихъ ведутъ постоянную корреспонденцію съ бывшею своею начальницей и воспитательницами, и въ этой корреспонденціи можно найдти не мало примѣровъ въ подтвержденіе того, что горячая преданность учредительницы этихъ заведеній предположенной цѣли, не пропала даромъ.

Письма, которыя почти ежедневно присылаются въ училище съ разныхъ концовъ Россіи бывшими его воспитанницами—не выходятъ изъ стѣнъ заведенія и мало кому извѣстны, но когда нибудь по этимъ письмамъ можно будетъ написать исторію заведенія, и въ этой исторіи много будетъ страницъ поучительныхъ и трогательныхъ—къ чести заведенія и къ возбужденію его дѣятелей на усиленный трудъ. Многія изъ этихъ писемъ таковы, что ихъ нельзя читать безъ душевнаго волненія и безъ радости, понятной всякому, кому дорого дѣло истиннаго образованія народнаго и кому отрадно сочувствіе всякой доброй дѣятельности, какая

бы ни была она простая и скромная. Подвигъ скромной, ежедневной дѣятельности, проникнутой рвеніемъ и терпѣніемъ—въ нѣкоторомъ смыслѣ труднѣе блестящихъ и геройскихъ подвиговъ, о которыхъ идетъ слава по міру, и которые оставляютъ яркій слѣдъ въ исторіи. Въ многихъ изъ этихъ писемъ разсказывается простыми словами краснорѣчивая исторія цѣлой жизни, исполненной трудовъ, лишеній и борьбы съ тяжелыми обстоятельствами,—но вмѣстѣ съ тѣмъ и той радости, которая происходитъ отъ удовлетвореннаго стремленія къ доброй дѣятельности. Есть корреспонденціи, по которымъ видишь, какъ бѣдная дѣвушка, прямо по выходѣ изъ заведенія, вступаетъ въ тяжелую домашнюю работу въ домѣ своихъ родителей, и становится въ немъ дѣятельною помощницею по хозяйству, наставницею маленькихъ братьевъ и сестеръ; видишь сколько добра и свѣта приноситъ она въ домашній кругъ свой, оживляя его и дѣлами любви и новыми интересами, и чтеніемъ привезенныхъ съ собою книгъ, и разсказами про училище, къ которому и она и всѣ ея домашніе обращаются съ любовью и благодарностью. Потомъ—съ перемѣною въ судьбѣ дѣвушки начинаются новыя страницы той же повѣсти—о жизни ея и дѣятельности въ своемъ домѣ, хозяйствѣ и приходѣ: и тутъ видишь сколько благословенія вноситъ добрая жена не только въ бытъ сельскаго священника, но и въ бытъ цѣлаго прихода. Особенно замѣчательна дѣятельность нѣкоторыхъ изъ бывшихъ воспитанницъ Ярославскаго и

Царскосельскаго училищъ въ учрежденіи сельскихъ школъ и въ обученіи крестьянскихъ дѣтей.

На слѣдующее утро Его Высочество ѣздилъ въ Спасо-Преображенскій монастырь для поклоненія мощамъ Ярославскихъ чудотворцевъ, благовѣрныхъ князей Ѳеодора, Давида и Константина, и для осмотра древняго Преображенскаго собора, заложеннаго въ 1216 году и обновленнаго въ 1516. О древности этаго величественнаго храма свидѣтельствуетъ и стѣнная кладка, сходная съ кладкою знаменитаго Ростовскаго собора, и стѣнное письмо, не разъ уже, впрочемъ, подновленное. Спасо-Преображенскій монастырь имѣетъ важное историческое значеніе. Начало его соединяется съ началомъ самого Ярославля; при немъ, въ XIII столѣтіи, великимъ княземъ Константиномъ Всеволодовичемъ основано было училище съ богатою библіотекой греческихъ рукописей, считавшееся первымъ училищемъ въ сѣверной Руси, и потомъ переведенное въ Ростовъ. Въ 1609 году монастырь выдержалъ 24-хъ дневную осаду и приступы Поляковъ; въ 1613 году здѣсь, въ архіерейскихъ кельяхъ, проживалъ 26 дней Михаилъ Романовъ и отсюда послалъ въ Москву первую грамоту о принятіи вѣнца царскаго. Въ Преображенскомъ соборѣ Великій Князь съ особеннымъ любопытствомъ осматривалъ древнее знамя или хоругвь съ вышитымъ изображеніемъ Архистратига Михаила и стоящаго передъ нимъ на колѣнахъ Іисуса Навина; говорятъ, что

эта хоругвь была въ походѣ съ полками князя Пожарскаго.

Остальная часть утра прошла въ обозрѣніи лагеря и нѣкоторыхъ благотворительныхъ заведеній, именно Николаевскаго дѣтскаго пріюта и богадѣльни Пастуховыхъ. Николаевскій пріютъ учрежденъ въ 1858 году здѣшнимъ купцомъ Труновымъ въ память совершеннолѣтія Наслѣдника Цесаревича, и содержится на счетъ учредителя впредь до обезпеченія собственными средствами: для этой цѣли учредитель предложилъ пожертвовать 10,000 рублей на учрежденіе банка при самомъ пріютѣ, но проектъ предполагаемаго банка не могъ до сихъ поръ осуществиться. Въ пріютѣ содержатся до 80 дѣвочекъ; въ томъ числѣ 60 приходящихъ остаются въ немъ съ утра до вечера, а остальныя живутъ въ заведеніи; при немъ есть особая церковь, въ которой дѣвочки, живущія въ пріютѣ, встрѣтили Его Высочество церковнымъ пѣніемъ. Изъ пріюта Его Высочество ѣздилъ осматривать лечебницу для приходящихъ больныхъ, съ родильнымъ отдѣленіемъ на 6 кроватей, устроенную обществомъ ярославскихъ врачей. Учрежденіе это поддерживается исключительно частными средствами, на пожертвованія частныхъ лицъ, и управляется самимъ обществомъ, которое держится до сихъ поръ успѣшно, не имѣя, по уставу своему, президента. Ярославскіе врачи ставятъ себѣ въ честь это заведеніе, одно изъ первыхъ этого рода, устроенныхъ въ Россіи. Каждый день, отъ 11 часовъ утра до 1 ча-

су, въ лечебницѣ находятся два очередные врача, которые обязаны осматривать приходящихъ больныхъ, и надобно думать, что лечебница пользуется довѣріемъ больныхъ, потому что въ теченіи двухъ лѣтъ ея существованія до 8,000 больныхъ являлось въ нее для осмотра. Изъ лечебницы Его Высочество заѣзжалъ въ богадѣльню, устроенную въ 1851 году гг. Пастуховыми и содержимую на пожертвованный ими капиталъ до 42,000 руб. Въ ней призрѣвается 17 отставныхъ нижнихъ чиновъ и около 30 стариковъ и старухъ мѣщанскаго званія.

Вечеромъ, въ этотъ же день, назначенъ былъ въ городскомъ общественномъ саду вечерній народный праздникъ съ иллюминаціей и фейерверкомъ, и еще съ вечеренъ пестрыя толпы народа потянулись туда въ ожиданіи праздника; но только что стемнѣло, какъ хлынулъ проливной дождь, и невозможно было думать о праздникѣ.

Утро 27 числа мы начали съ осмотра древностей въ Успенскомъ соборѣ: ихъ объяснялъ Его Высочеству протоіерей Троицкій. Ярославскій соборъ постройкою не древнѣе половины XVII столѣтія, но по архитектурѣ своей принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ соборовъ въ Россіи. Въ немъ не мало старинныхъ иконъ, и весьма любопытна стѣнная живопись. Изъ собора проѣхали мы въ архіерейскій домъ, и въ семинарію. Кельи, въ которыхъ принялъ Его Высочество преосвященный Нилъ, весьма замѣчатель-

ны: это тѣ самыя кельи, гдѣ имѣлъ пребываніе Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ въ 1613 году. Изъ гостинной комнаты преосвященнаго есть выходъ на открытую галлерею, съ которой любовались мы прекраснымъ видомъ на рѣку Которосль, покрытую мелкими судами, и на городскія предмѣстья. Преосвященный показывалъ намъ тотъ путь, по которому шло въ 1613 году, черезъ святыя ворота, нижегородское ополченіе на освобожденіе Москвы, а также то мѣсто, на которомъ остановился въ 1681 году патріархъ Никонъ, возвращаясь изъ заточенія. Онъ ѣхалъ изъ Кириллова монастыря въ Новый Іерусалимъ, но въ Ярославлѣ, неподалеку отъ Спасскаго монастыря, ему суждено было умереть, не сходя со струга, на которомъ ввезли его въ Которосль. Изъ архіерейскихъ же келій смотрѣли мы и на остатки древней монастырской ограды съ башнями, въ разное время строенной. Древнѣйшія части ея, на сѣверной сторонѣ, относятся еще къ началу XVI столѣтія, другія строены въ малолѣтство Грознаго, а самыя новыя относятся къ царствованію Михаила Ѳедоровича.

Въ семинаріи Его Высочество, обозрѣвъ библіотеку, составленную большею частію изъ старыхъ книгъ и помѣщенную въ старинной башнѣ, перешелъ въ классныя комнаты, гдѣ собраны были воспитанники. Въ присутствіи Его Высочества, читаны были въ каждомъ классѣ лекціи однимъ изъ преподавателей каждаго класса. Каждая лекція продолжалась около получаса, и мы

слѣдили съ живѣйшимъ интересомъ за чтенiемъ въ аудиторiи, въ которой вся обстановка представлялась намъ новостью и возбуждала сравненiе съ тѣмъ, что каждый изъ насъ видѣлъ въ свѣтскихъ аудиторiяхъ и классахъ. Нельзя было смотрѣть равнодушно на бѣдность внѣшней обстановки заведенiя,— и глядя на воспитанниковъ думалось, сколько лишенiй должны вытерпѣть многiе, слишкомъ многiе изъ нихъ, прежде чѣмъ оправятся—и многимъ ли еще удастся оправиться? Черезъ какую скудость должны перейти и сколько борьбы должны перетерпѣть эти молодые люди, готовясь принять на себя великое званiе священнослужителя, вступить въ самую важную изо-всѣхъ должностей, въ которыхъ у насъ на Руси человѣкъ вступаетъ въ общественное сношенiе съ народомъ? Многимъ ли изъ нихъ удастся на учебномъ пути своемъ устоять въ тяжкой борьбѣ возбужденной мысли съ дѣйствительностью, и утвердить въ себѣ сознанiе долга и крѣпкой нравственной силы? При взглядѣ на бѣдную внѣшность классовъ и залъ припоминалась невольно роскошная обстановка многихъ свѣтскихъ учебныхъ заведенiй, которыя окружаютъ воспитанника всѣми удобствами и пособiями и выпускаютъ его въ свѣтъ во всеоружiи служебныхъ привилегiй, съ гордымъ сознанiемъ способности, и достоинства, и чести между людьми.

Чтенiя, слышанныя нами въ семинарiи, были сами по себѣ интересны. Въ старшемъ классѣ преподаватель гомилетики г. Бенедиктовъ прочелъ лекцiю о методѣ, которому

должно слѣдовать въ проповѣдничествѣ, и о тѣхъ качествахъ и свѣдѣніяхъ, которыя необходимы для проповѣдника Въ среднемъ классѣ преподаватель церковной исторіи Ширяевъ излагалъ знаменитую исторію тяжбы между Игнатіемъ и Фотіемъ и причины отдѣленія Западной церкви отъ Восточной. Въ третьемъ классѣ преподаватель философіи Орловъ читалъ объ ученіи матеріялизма.

Остатокъ утра Его Высочество посвятилъ на обозрѣніе Ольгинскаго дѣтскаго пріюта, городской больницы съ домомъ умалишенныхъ, городской богадѣльни и Дома призрѣнія ближняго. Такъ называется существующее въ Ярославлѣ съ 1786 года заведеніе для воспитанія круглыхъ сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ родителей. Оно учреждено стараніемъ бывшаго въ Ярославлѣ генералъ-губернатора Мельгунова на суммы пожертвованныя дворянствомъ и купечествомъ, въ особенности купцомъ Кучумовымъ. Со времени учрежденія призрѣно въ немъ всего 1409 мальчиковъ, и 2260 дѣвочекъ, а нынѣ призрѣвается 61 мальчикъ и 82 дѣвочки; мальчики живутъ въ домѣ и обучаются въ гимназіи, въ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ, а дѣвочки обучаются въ самомъ домѣ предметамъ, входящимъ въ курсъ женскихъ гимназій.

27-го іюня послѣ обѣда, мы поѣхали на выставку издѣлій заводской, фабричной и крестьянской промышленности Ярославской губерніи, устроенную по случаю пріѣзда Цесаревича.

Она была не очень богата и, устроенная наскоро, не могла представлять настоящей полноты, но многіе предметы были въ высшей степени интересны. Первое мѣсто принадлежало здѣсь полотнамъ, изъ которыхъ многія были замѣчательнаго достоинства, и производительницы ихъ удостоены были наградами на Лондонской выставкѣ. Все это по большей части продукты русской крестьянской работы, которые, однакоже, далеко не имѣютъ уже того значенія, какое имѣло когда-то это производство. Торговля здѣшними полотнами постоянно падаетъ; они вытѣсняются машиннымъ производствомъ, иностранными издѣліями, а еще болѣе вкореняющимся и въ крестьянскомъ быту требованіемъ на бумажныя издѣлія. Набойки уступили мѣсто ситцамъ, простой холстъ и крашенина серпянкамъ и холстинкамъ. Даже пестрядь не выдерживаетъ конкурренціи. Наконецъ, продажа по заподрядамъ и подобный ей сбытъ уменьшились болѣе чѣмъ на половину, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда на одинъ черноморскій флотъ заготовляли болѣе милліона аршинъ. Было время, когда мы почти исключительно одни снабжали Европу и Америку нашимъ холстомъ, но теперь машинное производство оттѣснило насъ совершенно на задній планъ.

Его Высочеству были поднесены, въ числѣ разныхъ предметовъ, два романовскихъ дубленыхъ полушубка, достойные и замѣчательные экземпляры одной изъ самыхъ туземныхъ и извѣстныхъ отраслей сельской про-

мышленности Ярославской губерніи и по преимуществу Романо-Борисоглѣбскаго уѣзда.

Весьма важное мѣсто на выставкѣ занимали еще желѣзныя издѣлія Даниловскаго уѣзда, удила, стремена, кольца для упряжи, расходящіяся по всей Россіи, и тому подобныя издѣлія; всѣ превосходнаго качества, какъ по матеріялу, такъ и по отдѣлкѣ.

Изъ заводскихъ и фабричныхъ издѣлій особенное вниманіе обратили на себя произведенія химическаго завода г. Понизовкина и сукна г-дъ Высоцкихъ, многіе экземпляры превосходныхъ кожъ, наконецъ прекрасныя издѣлія льнопрядильной Норской мануфактуры, новаго пока еще заведенія, которому можно желать всевозможнаго успѣха, принимая въ разчетъ, какое оно можетъ имѣть громадное вліяніе на развитіе льняной промышленности въ цѣломъ краѣ.

На правомъ берегу Волги близъ Норскаго посада, верстахъ въ 3-хъ отъ Толгскаго монастыря, воздвигается прекрасное огромныхъ размѣровъ зданіе этой мануфактуры, принадлежащей товариществу, уставъ котораго утвержденъ 27 марта, 1859. Въ ходъ же пущена мануфактура 3-го марта, 1860 года. Подъѣзжая къ Ярославлю, она невольно бросается въ глаза, особенно тѣмъ порядкомъ и чистотой, который, повидимому, существуетъ на фабрикѣ.

Выставка доставила много удовольствія Государю Цесаревичу, принимающему столь живое участіе во всемъ, что касается развитія нашихъ производительныхъ

силъ и нашего народнаго богатства. Онъ не одинъ разъ изъявлялъ благодарность губернатору и представителямъ Ярославскаго общества за счастливую мысль ознакомить Его Высочество съ промышленностью и богатствами края, и тѣмъ содѣйствовать Ему въ Его желаніи—изучать любезное и дорогое наше отечество,—цѣль, ради которой и предпринято Имъ настоящее путешествіе.

День былъ прекрасный; городъ ждалъ вечера, которымъ надѣялись вознаградить себя за вчерашнее обманутое ожиданіе. Во все время пребыванія Великаго Князя въ Ярославлѣ, каждый вечеръ зажигалась иллюминація по всѣмъ улицамъ, и начиналось гулянье; но на этотъ разъ готовилось гулянье особенное. Въ 10 часовъ вечера мы поѣхали въ загородный общественный садъ. По всей дорогѣ улицы были залиты народомъ; толпы сгущались тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе подъѣзжали мы, а въ самой рощѣ едва можно было двигаться, такъ что приходилось съ удивленіемъ спрашивать себя, откуда могло появиться въ Ярославлѣ такое множество народа. Насъ подвезли къ павильйону. Пройдя большую залу, въ которой былъ устроенъ буфетъ, мы очутились на балконѣ прекрасно убранномъ цвѣтами и деревьями, и здѣсь открылся передъ нами праздникъ во всей красѣ своей. Иллюминація, устроенная московскимъ декораторомъ Брауномъ, удалась вполнѣ, и видъ былъ дѣйствительно превосходный. Около галлереи, полукругомъ огорожено было мѣсто, куда

пускали публику по билетамъ, а за загородкою виднѣлась сплошная масса народа, наполнявшаго всю рощу. Весь полукругъ передъ балкономъ былъ убранъ гирляндами и фестонами изъ разноцвѣтныхъ фонарей, подобранныхъ съ большимъ вкусомъ; по бокамъ огромные щиты съ вензелями Государя Императора и Государыни Императрицы, окруженные бордюромъ красныхъ фонарей въ видѣ большихъ коралловъ, а въ срединѣ шла въ глубь сада длинною перспективой цѣлая аллея фестоновъ и гирляндъ параллельно висѣвшихъ нитями между деревьевъ: онѣ оканчивались вензелемъ Наслѣдника Цесаревича. Эти ряды висячихъ разноцвѣтныхъ огней, рисуясь на темномъ фонѣ ночи, то арабескою, то гирляндами, то букетами цвѣтовъ,—производили необыкновенный эффектъ и придавали празднику какой-то фантастическій видъ. Прямо противъ балкона на возвышеніи играла музыка конногвардейскаго полковаго хора, а налѣво, въ рощѣ, расположенъ былъ другой, оригинальный хоръ, нарочно выписанный въ Ярославль изъ Владиміра. Это былъ хоръ владимірскихъ пастуховъ-свирѣльщиковъ. Всѣ они, числомъ около 25 человѣкъ, въ голубыхъ, бирюзоваго цвѣта, рубашкахъ, съ серебрянымъ галуномъ и въ русскихъ шляпахъ опоясанныхъ лентами, играли хоромъ русскія пѣсни (намъ не случалось еще ни разу слышать подобный хоръ), и всѣ мы дивились съ какимъ согласіемъ исполнялъ онъ свою музыку на свирѣляхъ. Хоръ этотъ придавалъ особенную характерность празднику. Нельзя было сразу

распознать, что играютъ на инструментахъ; казалось, слышишь хоръ пѣсенниковъ,—и обмануться было не трудно: такъ близко подходили звуки отлично сыгравшагося хора къ звукамъ человѣческаго голоса.

Когда Великій Князь показался на балконѣ, музыка заиграла «Боже Царя храни!» Потомъ заколыхался народъ, котораго собралось въ саду никакъ не менѣе 50.000, полетѣли вверхъ шапки, оглушительное ура! пронеслось перекатами съ одного конца сада въ другой, изъ одной волны народной въ другую,—и эти крики, повторявшіеся отъ времени до времени, вмѣстѣ съ веселымъ говоромъ толпы, съ звуками оркестра, съ пѣснями свирѣльщиковъ, сливались именно въ то сочетаніе звуковъ, которое веселитъ душу въ русскомъ праздникѣ. Послѣ народнаго гимна провозглашено было нѣсколько тостовъ; галлерея наполнилась, дамы и дѣти тѣснились около Великаго Князя на балконѣ и около балкона внизу, чтобы поближе посмотрѣть на него; всѣ были довольны, что праздникъ удался, благодаря прекрасной, совершенно тихой ночи. Въ 12-мъ часу сожгли за рощей фейерверкъ, къ сожалѣнію, наполовину подмоченный вчерашнимъ дождемъ. Можно себѣ представить, какова была давка на фейерверкѣ. Народъ хлынулъ къ фейерверку, балконъ и огороженная платформа передъ балкономъ опустѣли. Избѣгая тѣсноты въ толпѣ, мы остались тутъ въ числѣ немногихъ, и могли на свободѣ пристальнѣе полюбоваться украшеніемъ балкона или крытой галлереи. Верхняя часть ея, или

говоря технически,—пергола, состояла изъ искусственныхъ листьевъ бегоніи, сдѣланныхъ такъ искусно, что невозможно было отличить ихъ на взглядъ отъ листа натуральнаго. Съ одной стороны листы сдѣланы были зеленаго, а съ другой желтоватаго цвѣта, какъ въ натурѣ. Колонны на галлереѣ были перевиты очень изящно кленовыми листьями. Все это освѣщалось не извнутри балкона, а извнѣ, яркимъ отблескомъ иллюминаціи. Сойдя съ балкона на площадку, мы замѣтили внизу еще одно, очень эффектное украшеніе. Весь низъ балкона былъ убранъ зеленью и цвѣтами въ маленькихъ горшечкахъ разставленныхъ на землѣ подъ помостомъ, а между зеленью и цвѣтами сзади помѣщены были шкалики, освѣщавшіе то и другое извнутри нѣжнымъ газовымъ свѣтомъ. Вверху, надъ павильйономъ горѣла яркая брилліантовая звѣзда, составленная изъ рефракторовъ.

Тотчасъ послѣ фейерверка мы уѣхали домой; едва продвинулись наши экипажи сквозь густую толпу народа, черезъ рощу, и покуда мы ѣхали, „ура!“ ни на минуту не умолкало. Бенгальскіе огни, горѣвшіе въ рощѣ между деревьями, придавали ей и всему гулянью странный, фантастическій видъ. Отъ сада до квартиры нашей было не менѣе двухъ верстъ разстоянія, но вся дорога вдоль по улицамъ блистала непрерывными фестонами шкаликовъ, и все время ѣхали мы густою толпой народною, которая точно волной заливала улицы. Къ пріѣзду Великаго Князя, Ярославль населился да-

леко свыше обыкновенной мѣры; народъ тысячами сходился въ городъ не только изъ сосѣднихъ селъ, но изъ дальнихъ, верстъ за семьдесятъ и изъ другихъ уѣздовъ: приходили иные за полтораста и за 200 верстъ, приходили семьями, покидая работу. Этотъ великолѣпный праздникъ стоилъ городу до 10,000 руб. сер. Въ рощѣ купецъ Соболевъ выставилъ для народа четыре бассейна съ винами.

Вернувшись на квартиру, въ домъ здѣшней гражданки Вахрамѣевой, мы долго еще смотрѣли съ балкона на ярко освѣщенную улицу, по которой непрерывно мчались экипажи и проходили густыми рядами толпы, возвращавшіяся съ праздника. Конечно въ этотъ вечеръ немного оставалось въ Ярославлѣ квартиръ, гдѣ хозяева сидѣли бы дома. Все смолкло внутри домовъ и все движеніе сосредоточилось на улицахъ, по дорогѣ къ саду. Только въ одной квартирѣ, прямо противъ нашихъ оконъ, свѣтился свѣтъ за опущенными сторами и рисовались темнымъ очеркомъ двѣ фигуры, ходившія по комнатѣ. Это была квартира архіепископа Фелинскаго.

Въ пятницу 28 числа, Его Высочество предположилъ посѣтить Толгскій монастырь. Мы отправились на пароходѣ, по неудобству сухопутнаго сообщенія, но не доѣзжая берега, переправились туда на лодкѣ. И здѣсь, какъ повсюду, ожидала Великаго Князя толпа народная, состоявшая большею частью изъ женщинъ: онѣ обрадовались случаю видѣть Государя Наслѣдника вбли-

зи и на удобномъ мѣстѣ, безъ большаго стѣсненія. Монастырь существуетъ съ XIV вѣка, хотя и не въ первоначальномъ видѣ. Въ немъ есть замѣчательныя древности, но къ сожалѣнію, кажется, о нихъ мало заботятся. Ни въ соборной церкви, гдѣ Его Высочество поклонялся чудотворной иконѣ Толгской, ни въ ризницѣ, мы не нашли знающаго руководителя, который показалъ бы и объяснилъ все достопримѣчательное. Сама за себя говорила прекрасная кедровая роща, принадлежащая монастырю. Неизвѣстно, кто насадилъ ее, но она составляетъ рѣдкость въ здѣшнемъ краѣ и поддерживается въ исправности Въ ней до 200 деревьевъ, и между ними есть весьма старыя. Прогулка въ этой рощѣ всѣмъ очень понравилась. Крестьянскія дѣти тутъ же около канавки, протекающей по рощѣ, нарвали цѣлыми кустиками свѣжей земляники и незабудокъ, и принесли Его Высочеству.

Тѣмъ же утромъ, послѣ завтрака, Великій Князь посѣтилъ паровую крупчатную мельницу Павла Крохоняткина съ братьями. Заведеніе это существуетъ съ 1848 года, и замѣчательно между прочимъ тѣмъ, что устроено русскими мастерами, что и машины и машинисты русскіе. Зданіе раздѣляется на двѣ половины, которыя въ свою очередь раздѣлены камерою, вмѣщающею двигателей и механизмъ. Вся лѣвая половина корпуса остается еще не отдѣланною; правая же находится въ дѣйствіи. Паровая 70-ти-сильная машина съ завода гг. Шепелевыхъ. Поставовъ считается 26,

вмѣстѣ съ зерноочистительными обоешными и самовѣешными аппаратами для крупки. Пшеницы размалывается въ годъ приблизительно до 40,000 четвертей (т. е. около 400,000 пудовъ); она покупается на пристаняхъ Саратовской, Самарской, Симбирской, Нижегородской, Ярославской и Рыбинской. Государь Цесаревичъ съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ объясненія всего производства. Ему были представлены образцы пшеницы и потомъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ сорта муки, получаемой на мельницѣ. Сто процентовъ обрабатываемой на мельницѣ пшеницы даютъ 33% крупичатой муки 1-го сорта, 4% 2-го сорта, 27% первача, 4% дранной, 10% подрукавной, 4% куличной, 1% межеумка, 5% мелкихъ отрубей, 10% крупныхъ, 2% сбою, подсѣва, земли и сора. Всего вырабатывается около 76,000 мѣшковъ муки, по 5 пудовъ въ мѣшкѣ, на сумму 450,000 слишкомъ рублей. На мельницѣ считается 117 человѣкъ рабочихъ и служащихъ, которые—всѣ Русскіе изъ мѣщанъ и временно-обязанныхъ крестьянъ. Они получаютъ продовольствіе отъ хозяина, и кромѣ того жалованья выходитъ на нихъ слишкомъ 17,000 р. Замѣчательна дешевизна содержанія конторы. Она обходится въ 450 р. Ремонтъ машины съ матеріялами стóитъ 7,200 р.; дровъ выходитъ въ сутки до 6-ти кубическихъ сажень, а въ годъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, 1,800 кубическихъ сажень, по 7 р. 20 к. сажень, а всего на 12,960 р. Доставка пшеницы на мельницу и съ мель-

ницы муки въ разныя мѣста стоитъ 2,800 р. Страхованіе обходится въ 1,132 руб. Всѣ же расходы по мельницѣ составляютъ около 42,000 р. Устройство мельницы обошлось хозяину въ 200,000 р. Сбытъ крупичатой муки всѣхъ сортовъ производится преимущественно въ Ярославлѣ и въ уѣздахъ Ярославскомъ, Рыбинскомъ, Ростовскомъ и Даниловскомъ. Значительное количество первыхъ двухъ сортовъ сбывается въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, а отруби во Владимірской губерніи, въ городахъ Шуѣ, Александровѣ и въ селѣ Ивановѣ.

Всѣ эти подробности были переданы хозяиномъ этого прекраснаго заведенія Его Высочеству, живо интересовавшемуся механизмомъ и чистотой обработки муки, - производства, которому, Богъ дастъ, предстоитъ великая будущность, зависящая опять-таки главнымъ образомъ отъ усовершенствованія сообщеній и проведенія новыхъ желѣзныхъ путей, по которымъ бы наши хлѣбные запасы уже не въ зернѣ, а мукою отправлялись за границу, возвышая цѣну нашего отпуска. По отзыву людей дѣльныхъ и опытныхъ, Рыбинско-Бологовская желѣзная дорога имѣла бы и въ этомъ дѣлѣ великое и благотворное вліяніе. Бо́льшая часть нашихъ мельницъ, устроенныхъ для размола пшеницы въ крупичатую муку и находящихся въ Ярославской, Тверской и Новгородской губерніяхъ, получаютъ пшеницу изъ Самарской и Саратовской губерній, гдѣ она заготовляется въ зимнее время и съ наступленіемъ весны

отправляется въ Рыбинскъ, откуда развозится по мельницамъ и не ранѣе половины мая мѣсяца, и то при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, поступаетъ въ размолъ. Но тутъ нельзя не замѣтить, что наша пшеница жестка, и что при размолѣ ее нужно смачивать водой,—и вотъ главная причина, почему крупичатая наша мука не можетъ долго лежать, а значительный отпускъ ея за границу становится невозможнымъ. Съ устройствомъ же Рыбинской вѣтви желѣзной дороги, эта отрасль народной промышленности и нашего отпуска должны непремѣнно расшириться. Купивъ пшеницу зимой, ее можно будетъ тотчасъ же превращать въ муку, низкіе сорта сбывать для мѣстнаго народнаго потребленія, а крупичатую муку съ наступленіемъ весны отправлять черезъ Рыбинскъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, куда она и будетъ доходить въ первой половинѣ мая. Теперь же владѣльцы мельницъ едва получаютъ въ маѣ мѣсяцѣ свою пшеницу, размалываютъ ее въ муку, и съ мельницъ отправляютъ ее уже въ Петербургъ. Такимъ образомъ капиталы владѣльцевъ мельницъ въ Ярославской, Тверской и Новгородской губерніяхъ, остаются безъ оборота 6 мѣсяцевъ, по случаю лежанія пшеницы на мѣстахъ покупки. Низовые заводчики станутъ тогда размалывать пшеницу безъ замочки, въ тѣхъ видахъ, что мука, пролежавъ зиму, сама по себѣ отлежится и соединитъ въ себѣ тѣ качества, какія имѣетъ теперь крупичатая мука изъ смоченной пщеницы, но съ тѣмъ важнымъ

преимуществомъ, что она будетъ суха и не станетъ подвергаться скоро порчѣ, какъ мука изъ смоченной пшеницы. Въ лѣтнее же время низовые владѣльцы мельницъ приспособятъ свои машины къ мытью пшеницы, которую станутъ сушить на солнцѣ, что въ Самарской и Саратовской губерніяхъ и легко и удобно. Крупичатая же мука изъ мытой и просушенной на солнцѣ пшеницы превзойдетъ своимъ качествомъ и лучшую американскую и муку англійскаго размола, и мы будемъ съ состояніи соперничать въ этой торговлѣ съ Америкой.

Вечеромъ, послѣ осмотра тюремнаго замка, мы поѣхали за городъ, въ Толчковскую слободу, къ церкви Св. Іоанна Предтечи, о которой много наслышался Его Высочество. Еще наканунѣ, съ галлереи у Преосвященнаго, видѣли мы ее издали, на краю горизонта и любовались ея прекрасною архитектурой и золотыми главами. Едва ли найдется въ Россіи другой городъ, въ которомъ соединялось бы столько красивыхъ церквей, какъ въ Ярославлѣ. Проѣзжая по улицамъ, встрѣчаешь, можно сказать, на каждомъ шагу изящную церковь старой архитектуры; церквей новой постройки немного, и онѣ замѣтно отличаются отъ другихъ, конечно не къ выгодѣ новаго стиля. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ блюстители древнихъ зданій понимаютъ у насъ цѣну старины своей; нерѣдко случается и здѣсь видѣть, какъ окрашивается и передѣлывается на новый вкусъ то, что слѣдовало бы беречь и поддерживать

въ первоначальномъ видѣ. Церковь Іоанна Предтечи заложена въ 1671 году, на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной, и окончена въ 1687 г. Она построена на мірской счетъ, прихожанами, жителями Толчковской слободы, изъ краснаго кирпича, который до сихъ поръ остается въ прежнемъ видѣ, безъ штукатурки и бѣленья, что придаетъ церкви оригинальный видъ и составляетъ особенную гармонію съ яркимъ золотомъ ея 15 куполовъ. Въ церковной ризницѣ сохранилась старинная царская грамота, которою разрѣшено, по челобитью прихожанъ, отдать имъ землю изъ-подъ казенныхъ кирпичныхъ заводовъ для выдѣлки кирпича на церковное строеніе. Снаружи церковь украшена муравлеными изразцами и выточеными изъ кирпича арабесками; съ трехъ сторонъ примыкаютъ къ ней три паперти со стрѣльчатыми сводами, прекрасно отдѣланныя въ томъ же стилѣ. Нельзя не пожалѣть, что колокольня, позже построенная также изъ кирпича, не подходитъ по своему стилю къ общему характеру храма; она выстроена въ готическомъ вкусѣ, но въ недавнее время испортили ее тѣмъ, что раскрасили подъ видъ кирпича свинцово-красною краской, раздѣливъ бѣлилами швы, карнизы и пилястры. Церковь была уже наполнена прихожанами, собравшимися въ ожиданіи всенощной, когда пріѣхалъ Его Высочество. Не менѣе часу пробыли мы въ ней, осматривая всѣ ея достопримѣчательности, въ сопровожденіи приходскаго священика, который, къ счастію нашему, оказался человѣкомъ, знающимъ всѣ

сокровища своего храма. Его Высочество разсматривалъ съ живѣйшимъ интересомъ стѣны церковныя, украшеннныя сплошнымъ письмомъ замѣчательнаго достоинства, относящимся къ концу XVII столѣтія. Въ церкви есть нѣсколько замѣчательныхъ иконъ старинкаго письма и въ томъ числѣ одна греческая, которой полагаютъ не менѣе 500 лѣтъ,—икона Усѣкновенной Главы Іоанна Предтечи. Копія съ этой иконы поднесена Его Высочеству. Въ ризницѣ не мало замѣчательныхъ вещей: мы долго разсматривали сосуды серебряные, вызолоченные, высокой чеканной работы, заказанные для церкви всѣми прихожанами въ видѣ мірскаго вклада. Мы дивились изяществу тонкой работы, и удивились еще болѣе, когда узнали, что это работа русскихъ, ярославскихъ мастеровъ, конца XVII столѣтія. Но изъ всѣхъ принадлежностей и украшеній церковныхъ, всего интереснѣе были царскія врата, которыя увидѣли мы въ лѣвомъ придѣлѣ Свв. Гурія и Варсонофія. По существующему устному преданію, ихъ пожертвовало Казанское общество мѣщанъ. При первомъ взглядѣ на художественную рѣзьбу, нельзя не отнести весь ея характеръ къ восточной, персидской или арабской орнаментаціи, проявляющейся въ мелкомъ узорѣ на красномъ фонѣ; въ составъ ея входятъ птицы и цвѣты безъ повторенія рисунка, представляя въ общемъ какъ бы плоскую безрельефную поверхность. Верхняя часть иконостаса поддерживается двумя безобразными руками; онѣ стоятъ на колон-

кахъ, составляющихъ боковыя его стѣны, въ глубинѣ которыхъ навѣшены царскія врата, тоже съ сквозною рѣзьбою, въ которую довольно грубо вставлены изображенія византійскихъ храмовъ. Позолота иконостаса почти истреблена временемъ, краска почернѣла и покрылась слоемъ пыли; узкое окно бросаетъ лишь самый необходимый свѣтъ на эту оригинальную древность, и сердце радуется, что она уцѣлѣла отъ невѣжественныхъ реставрацій.

Пріятно было возвращаться изъ Толчковской слободы тихимъ лѣтнимъ вечеромъ: погода была до сихъ поръ не очень милостива къ намъ, и такой вечеръ казался намъ въ рѣдкость. Мы любовались на окрестности красиваго Ярославля, на изящные куполы церквей, на берега Которосли. На улицахъ не было уже толпы, не слышно было громогласнаго *ура*. Но изъ каждаго окна глядѣли веселыя, улыбающіяся лица, изъ каждаго двора выходили къ срединѣ улицы цѣлыми семьями обыватели, чтобы поближе взглянуть на Государя Наслѣдника. Такъ пріятно окончился для насъ послѣдній вечеръ въ Ярославлѣ. На слѣдующее утро мы уже готовились къ отъѣзду, и въ 9 часовъ, при томъ же звонѣ 77 колоколенъ, при тѣхъ же торжественныхъ крикахъ толпы народной, отплыли отъ пристани.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о Ярославской пристани и судоходствѣ при ней, на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣли подъ

рукамн. Къ Ярославской пристани подходятъ, главнымъ образомъ съ низовыхъ пристаней, до 1,100 большихъ и малыхъ судовъ съ грузомъ до 5 милліоновъ пудовъ, на 4 слишкомъ милліона рублей. Кладь, подвозимую къ Ярославлю, составляютъ кромѣ хлѣба, всякаго рода сѣмя—льняное, конопляное, подсолнечное и цитварное, соль, соленая рыба, ленъ, пакля разнаго рода, красный товаръ, москательный и бакалейный товаръ, пушной, мочальный товаръ, хлопокъ, шерсть, пряжа, писчебумажный товаръ, воскъ, металлы, виноградное вино, краски, сѣра, смола, деготь, строительный матерьялъ.

При Ярославской пристани грузится до 1,000 судовъ и отпускается товару до 1¼ милл. пудовъ, на сумму до 5 милл. руб. Здѣсь въ Ярославлѣ впадаетъ въ Волгу Которосль, устье которой служитъ прекрасною пристанью и стоянкою для проходящихъ и зимующихъ судовъ.

ГЛАВА V.

От Ярославля до Костромы. Мели на Волгѣ между Ярославлем и Костромой. Николо-Бабаевскій монастырь. Народная встрѣча в Костромѣ. Вечерняя иллюминація. Ипатьевскій монастырь и его древности. Кельи Михаила Өедоровича. Представленіе. Костюм Галичанак. Замѣчательныя церкви в Костромѣ. Церковь Воскресенія на Дебрях. Развалины Богоявленскаго монастыря. Дѣвичій монастырь. Выставка произведеній промышленности Костромской губ. Лыковое, мочальное и рогожное производство. Желѣзныя и войлочныя издѣлія. Красносельскій и Сидоровскій товар. Деревянная посуда. Химическія произведенія и завод Шипова. Хлопчатобумажныя и льняныя издѣлія. Кожевенный товар.

Между Ярославлем и Костромой на протяженіи 72-х верст судоходных пристаней нѣт, да и русло Волги представляет в нѣкоторых мѣстах затрудненія для судоходства во время межени от песчаных мелей, перекатов и каменных гряд, не только не дозволяющих судам плыть с полным грузом, но за-

ставляющихъ нерѣдко паузить въ порожнія суда более или менѣе значительную часть клади съ судовъ, ѣдущихъ съ узаконенною осадкою въ 20 вершковъ, тогда какъ большія суда, здѣсь плавающія, при достаточной глубинѣ фарватера, могли бы съ полнымъ грузомъ сидѣть въ водѣ на 48 вершковъ. Мели эти, перекаты и гряды суть слѣдующія: 1) каменная гряда Орлова въ 9 верстахъ отъ Ярославля, 2) гряда въ Туношенской воложкѣ въ 18 верстахъ, 3) Городищенская мель въ 30 верстахъ, 4) Овсяниковская мель въ 43 верстахъ, 5) Гузищенскій перекатъ или Чернорѣцкій въ 46 верстахъ, 6) Харчевенская мель въ 54 верстахъ, 7) Сиземскій перекатъ въ 56 верстахъ, 8) Трохачевская гряда въ 62 верстахъ, 9) Попадьинъ перекатъ въ 67 верстахъ, 10) Селищенская гряда въ 69 верстахъ. На всѣхъ этихъ меляхъ Волги, должны приниматься для пособія судоходства слѣдующія мѣры: мель обозначается поставленною на берегу вѣхою съ флагомъ, видимою еще издали съ подходящихъ судовъ. По всему же протяженію фарватера, на меляхъ, направленіе его обозначается съ обѣихъ сторонъ бакенами, съ правой, по теченію, стороны красными, а съ лѣвой—бѣлыми.

На меляхъ, особенно затрудняющихъ судоходство нанимаются казною лоцмана, обязующіеся наблюдать постоянно за направленіемъ фарватера, измѣняющимся въ слѣдствіе подвижности песковъ, разстанавливать вышеупомянутые условные знаки и перестанавливать

ихъ сообразно съ измѣненіями фарватера и наконецъ проводить суда черезъ мели. Въ навигацію 1863 года ожидались изъ Петербурга двѣ землечерпательныя паровыя машины для расчистки фарватера на меляхъ и перекатахъ. Машины построены въ Белгіи на заводѣ Кокериля. Каменныя гряды и огрудки расчищаются постепенно, потому что капитальная ихъ расчистка требуетъ весьма значительныхъ суммъ, но отдѣльные камни подводные, приведенные въ извѣстность по сдѣланнымъ изысканіямъ, и представлявшіе опасность судоходству, вынуты изъ русла рѣки.

Черезъ полтора часа по выѣздѣ изъ Ярославля намъ открылись бѣлыя стѣны и зданія Николо-Бабаевскаго монастыря. Онъ лежитъ на самой границѣ Костромской губ., при впаденіи въ Волгу р. Солоницы и основанъ, по преданію, въ XIV вѣкѣ; говоримъ по преданію, потому что всѣ историческіе документы монастырскіе сгорѣли. Теперь въ немъ нѣтъ древностей, и нынѣшнія огромныя монастырскія зданія построены не ранѣе исхода XVIII столѣтія. Монастырь названъ Бабаевскимъ отъ бабаекъ или большихъ веселъ, употребляемыхъ вмѣсто руля при сгонѣ плотовъ по Волгѣ, Шекснѣ и Мологѣ. При поворотѣ изъ Волги въ Солоницу, эти весла становятся уже ненужны, и потому ихъ складывали при устьѣ рѣки въ пользу монастыря. Значеніе монастыря въ здѣшнемъ краѣ и богатство его поддерживались преимущественно судопромышленниками и судорабочими, которые на этомъ мѣстѣ обык-

новенно останавливались помолиться и поклониться чудотворной иконѣ Св. Николая съ частію мощей, пожертвованною въ монастырь свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ. Мы подъѣхали къ монастырской пристани утромъ въ Петровъ день, къ началу литургіи, которую служилъ нынѣшній настоятель монастыря, проживающій въ немъ на покоѣ преосвященный Игнатій, бывшій игуменъ Троицко-Сергіевской пустыни близь Петербурга, потомъ епископъ Ставропольскій. Послѣ завтрака въ кельяхъ преосвященнаго, мы отправились въ путь далѣе.

Еще два часа пути, и передъ нами открылась Кострома и пестрая толпа народная, покрывавшая весь берегъ. Въ Рыбинскѣ удивило насъ множество собравшагося народа: казалось трудно было ожидать, что въ другихъ городахъ будетъ его еще болѣе. Но воспоминаніе о рыбинскомъ стеченіи народа поблѣднѣло передъ тѣмъ множествомъ, которое встрѣтило насъ въ Ярославлѣ. Въ Костромѣ оказалось еще болѣе. Вплоть отъ пристани по набережной, и по крутому подъему на гору, все пространство было занято народомъ, до того, что конца не было видно, и вверхъ до послѣдней черты по улицѣ, куда только могъ дойдти взглядъ, виднѣлись головы, волновавшіяся сплошною массой, слышались потрясающіе крики однимъ цѣльнымъ хоромъ. Послѣдніе ряды народной толпы доходили до самой воды и переходили даже въ воду, потому что и въ водѣ стояло множество народу, не находившаго мѣста на

берегу. Мы поѣхали въ соборъ, но одинъ Великій Князь могъ войдти въ него; вслѣдъ за нимъ кинулась передъ нами толпа, и не было никакой возможности проникнуть въ церковь.

Помѣщеніе для Великаго Князя было приготовлено въ губернаторскомъ домѣ, на берегу Волги. У подъѣзда на улицѣ ожидали Великаго Князя дѣвушки въ богатыхъ платьяхъ, изъ числа дворовыхъ, освобожденныхъ, съ 19-го февраля, отъ обязательной службы; онѣ поднесли ему цвѣты съ благодарственнымъ адресомъ, какъ сыну Царя-Освободителя. Когда наступилъ вечеръ, и зажглась по всѣмъ улицамъ и колокольнямъ великолѣпная иллюминація, съ дворцоваго балкона открылся поразительный видъ на Волгу. Вечеръ былъ тихій, передъ дворцомъ народъ покрывалъ всю набережную сплошною массой; противъ балкона горѣли щиты разноцвѣтными огнями, рѣка была покрыта судами и лодками, на которыхъ развѣшены вдоль по снастямъ цвѣтные огни, а за рѣкою, на томъ берегу, разложены огни смоляныхъ бочекъ и устроены стойки со шкаликами. Влѣво на темномъ фонѣ ночи за Волгой, на крутомъ холмѣ, красовалась бѣлая церковь окруженная зеленью; вправо горѣли въ воздухѣ огни городскихъ колоколенъ. Съ другой стороны къ дому губернаторскому примыкаетъ садъ, довольно хорошо устроенный, съ прямыми аллеями, которыя всѣ на этотъ разъ были убраны фестонами изъ красныхъ и зеленыхъ фонариковъ.

Слѣдующій день мы начали съ поѣздки въ Ипатьевскій монастырь. Послѣ обѣдни поклонялись святынѣ и осматривали достопримѣчательности этой древней, исторической обители, основанной Мурзою Четомъ въ XIV столѣтіи. Она сдѣлалась потомъ усыпальницею потомковъ его, всего рода Годуновыхъ, и обогатилась ихъ вкладами. Въ 1613 году она проводила въ Москву на царство юнаго Михаила Романова, воцаривъ его торжественнымъ всенароднымъ обрядомъ, въ древнемъ Троицкомъ соборѣ. Къ сожалѣнію, этотъ храмъ не сохранился въ прежнемъ своемъ видѣ. Въ 1649 году его разрушило землетрясеніе и въ 1650 году на мѣстѣ его построенъ новый, по образцу собора Ярославскаго. Царь Михаилъ въ память своего восшествія на престолъ прислалъ сюда свое царское мѣсто, которое и донынѣ стоитъ въ соборѣ на правой сторонѣ. Оно сдѣлано изъ липы, съ рѣзными столбами и украшеніями, сверху накрыто шатромъ въ видѣ остроконечной шапки, и стоитъ на рѣзныхъ львахъ. Это царское мѣсто никогда не было ни крашено, ни золочено, что̀ придаетъ ему оригинальный видъ. Святынею собора считаются древнія иконы Св. Троицы, вклада Годуновыхъ. Въ монастырской ризницѣ Великій Князь съ любопытствомъ разсматривалъ два старыя рукописныя Евангелія и двѣ псалтири, приложенныя Годуновыми же, замѣчательныя по чистотѣ красиваго письма и по множеству миніатюрныхъ рисунковъ красками и золотомъ, древніе сосуды изящной отдѣлки, шитыя плащаницы,

пелены и посохъ съ ковшемъ царя Михаила Θеодоровича. Къ сожалѣнію, нельзя было намъ видѣть въ прежнемъ видѣ старыя кельи, въ которыхъ имѣлъ пребываніе Михаилъ Романовъ. Кельи эти предназначены къ реставраціи по точному образцу прежнихъ, пришедшихъ въ ветхость, и эта реставрація еще не окончена. Завѣдывающій этомъ дѣломъ, Московскій архитекторъ Рихтеръ, объяснялъ Его Высочеству по планамъ и рисункамъ расположеніе и принадлежности комнатъ и характеръ производимой реставраціи. Основаніемъ реставраціи служатъ очертанія стѣнъ, оконъ и дверей въ старомъ зданіи, которое было не дворцомъ царскимъ, а частію келій монастырскихъ. Съ перваго взгляда кажется, что общему характеру зданія не вполнѣ соотвѣтствуетъ пристроенное къ нему массивное крыльцо, которое въ старомъ зданіи едва-ли было, и съ задней стороны крытая деревяннная галлерея, подходящая къ монастырской оградѣ, тогда какъ заложенныя въ этой оградѣ окна показываютъ, что она была въ общей связи съ кельями, и служила имъ стѣною. Нельзя не пожелать, чтобы реставрація этихъ келій достигла своей цѣли и удалась успѣшнѣе многихъ реставрацій послѣдняго времени, въ которыхъ для любителя старины видится не старина, а фантазія реставратора *). При отъѣздѣ изъ монастыря мы заходили въ новую церковь Хрисанθа и Даріи, празднуемыхъ 19-го марта, въ то

*). См. приложеніе въ концѣ книги.

число, когда царь Михаилъ выѣхалъ изъ монастыря въ Москву. Церковь эта построена на верху святыхъ воротъ, по мысли покойнаго Государя Николая Павловича.

По возвращеніи изъ монастыря, на общемъ пріемѣ представлялись Его Высочеству депутаты изъ татарской слободы, расположенной за Костромою на р. Черной. Эта слобода населена Татарами, переведенными въ 1761 году изъ Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, Ярославской губерніи. Они до сихъ поръ сохранили свою одежду и языкъ въ средѣ русскаго населенія и промышляютъ большею частію бурлачествомъ, извозомъ и коневодствомъ. Всего интереснѣе было представленіе Его Высочеству трехъ дамъ Галичанокъ въ мѣстномъ галицкомъ костюмѣ, необыкновенно красивомъ и богатомъ. Костюмъ этотъ отличается и по складу и по богатству отъ того, который мы видѣли въ Кириловѣ, Въ галицкомъ всего замѣчательнѣе головные уборы, всѣ низанные жемчугомъ, съ необыкновенною пышностью. Съ головы до самыхъ глазъ падаетъ изящная жемчужная бахрама, которой въ томъ уборѣ не было; кокошники на головѣ высокіе, угломъ вверхъ, у дѣвушекъ сзади открытые, а у замужнихъ сплошные: но въ драпировкѣ платья кириловскій костюмъ пышнѣе и сложнѣе галицкаго.

Въ Костромѣ много замѣчательныхъ церквей, пережившихъ столѣтія и сохранившихъ прекрасную и оригинальную архитектуру древняго стиля. Мы успѣли

осмотрѣть одну изъ нихъ, церковь Воскресенія на Дебряхъ. Она замѣчательна и по внѣшней архитектурѣ, и по богатству внутренней отдѣлки и ризницы, и потому еще, что указываетъ, по крайней мѣрѣ въ общемъ мнѣніи, на давность торговыхъ сношеній Костромы съ Англіей. При входѣ въ церковь двое воротъ: надъ первыми, лѣвыми, на наружной стѣнѣ образъ Нерукотвореннаго Спаса, а ниже его, гербовое изображеніе льва, и подъ нимъ какая-то фантастическая птица. Подъ правымъ угломъ воротъ изображеніе единорога; подъ нимъ тоже птица. Съ правой стороны вторыхъ воротъ два льва, поставленные какъ будто для украшенія и симметріи. Въ этихъ изображеніяхъ видятъ подобіе англійскаго герба, и въ связи съ ними указываютъ на слѣдующее преданіе о построеніи каменной церкви, на мѣстѣ прежней, существовавшей тутъ же въ началѣ XVII столѣтія. Построилъ ее купецъ Кириллъ Исаковъ въ 1652 году. Исаковъ торговалъ будто бы съ Англіей красками и другими товарами. Однажды, въ числѣ присланныхъ къ нему боченковъ съ красками, оказался одинъ съ золотомъ. Исаковъ спрашивалъ своего англійскаго корреспондента, что ему дѣлать съ золотомъ, и получилъ въ отвѣтъ, чтобы не возвращалъ золото назадъ, а употребилъ его на богоугодное дѣло. Тогда Исаковъ построилъ на это золото церковь и въ честь Англичанина велѣлъ будто бы выставить на ней при входѣ англійскій гербъ. Въ церкви Воскресенія на Дебряхъ мы нашли къ удивле-

нію своему царскія врата, совершенно подобныя тѣмъ, которыя видѣли въ Ярославлѣ въ церкви Іоанна Предтечи, съ тою разницей, что костромскія гораздо лучше сохранились.

Большой пожаръ 1847 года разрушилъ въ Костромѣ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ старины, о чемъ не можетъ не пожалѣть каждый любитель древности. Грустное чувство возбуждаютъ теперь живописныя развалины стараго Богоявленскаго монастыря, который до этого пожара считался украшеніемъ Костромы. Монастырь былъ основанъ въ половинѣ XV столѣтія, во времена великаго князя Василія Темнаго. Въ настоящее время монастырь представляетъ груды обреченнаго на продажу кирпича, сложенныя около двухъ полуразрушенныхъ отъ огня храмовъ. Многочисленныя кельи, тянувшіяся по стѣнамъ, также разрушены; уцѣлѣлъ только одинъ домъ въ которомъ теперь находится богадѣльня для стариковъ и старухъ. Оба храма, не смотря на видимые въ нихъ богатые остатки старой живописи, предназначены къ сломкѣ, а дорогія паникадила, рѣзьба, иконостасныя рамы, утварь,—свалены въ уголъ вмѣстѣ съ обломками стараго желѣза, повидимому даже безъ намѣренія когда-либо разобрать и возстановить все что́ есть въ нихъ драгоцѣннаго. Прискорбнѣе всего думать, что прекрасная живопись, очень хорошо сохранившаяся на стѣнахъ собора, тоже погибнетъ съ ихъ разборкою. Соборъ этотъ построенъ въ 1663 году по образцу Московскаго Успенскаго;

развалины его очень живописно стоятъ каменною грудой безъ главъ, съ пятью полуразрушенными башенками; на крышѣ, кромѣ травы, успѣла уже подняться небольшая березка. Въ храмовомъ склепѣ замѣчательны также могилы Волынскихъ, Салтыковыхъ, Зотиковыхъ и пр., съ прекрасно сохранившимися надгробными плитами, на которыхъ видны скульптурныя изображенія Салтыковы были главными вкладчиками въ монастырь, служившій усыпальницею всему ихъ роду. Еще цѣлы богатые покровы, лежавшіе на Салтыковскихъ гробницахъ. Ограда монастырская построена въ 1648 г., и цѣлы еще семь пушекъ, пожалованныхъ по этому случаю царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Говорятъ, что есть предположеніе,—на мѣстѣ старыхъ монастырскихъ зданій помѣстить семинарію.

Въ Костромѣ есть и дѣвичій Крестовоздвиженскій монастырь, который также былъ посѣщенъ Великимъ Княземъ. Монастырь этотъ древняго происхожденія и существуетъ по преданію съ XV вѣка; но потомъ былъ разграбленъ и разрушенъ Литовцами, и нынѣшнія его зданія построены уже въ XVIII столѣтіи.

Послѣ завтрака Наслѣдникъ Цесаревичъ поѣхалъ на выставку произведеній сельскаго хозяйства ремеслъ, и мануфактурной промышленности Костромской губерніи. Выставка помѣщалась въ зданіи губернской гимназіи. Она представляла на нашъ взглядъ еще болѣе интереса, чѣмъ Ярославская, своимъ разнообразіемъ. Нужно также отдать справедливость почтеннымъ распо-

рядителямъ выставки, что они успѣли сдѣлать ее въ высшей степени поучительною и систематическимъ распредѣленіемъ предметовъ и, наконецъ, представленными каждымъ производителемъ дѣльными записками, въ которыхъ излагалось современное состояніе и условія каждаго производства Костромской губерніи и состояніе заведенія, представившаго свои издѣлія.

Обзоръ выставки начался съ предметовъ сельскаго хозяйства и крестьянской промышленности, расположенныхъ въ большой комнатѣ, по правую руку отъ парадваго входа. Здѣсь выставлены были всѣ главнѣйшія земледѣльческія орудія, употребляемыя въ Костромской губерніи, какъ самыя простыя, такъ и улучшенныя, образцы главнѣйшихъ продуктовъ костромскаго земледѣлія, которому и здѣсь, какъ и вездѣ въ Россіи, предстоитъ великій переворотъ отъ безпрерывно-умножающагося введенія машинъ и улучшенныхъ орудій. Здѣсь же г. Лугининъ, ветлужскій предводитель дворянства, объяснялъ Его Высочеству весь процессъ лыковаго и мочальнаго производства, начиная отъ срубленной липки до изящной цыновки, употребляющейся на покрышку нашихъ зимнихъ дорожныхъ возковъ и кибитокъ. Эта отрасль промышленности принадлежитъ почти исключительно Ветлужскому уѣзду, доставляющему рогожи, цыновки и лубочные короба чуть не на всю Россію и отправляющему эти издѣлія на громадныя суммы за границу, преимущественно черезъ Архангельскъ.

Много было уже писано и говорено о рогожномъ производствѣ. Его порицали, какъ промышленность, гибельно дѣйствующую на наши лѣса и ихъ истребляющую; были наоборотъ и другіе голоса, и притомъ голоса людей практическихъ и свѣдущихъ, которые весьма убѣдительно доказывали, что лыковые промыслы не только не вредятъ нашимъ липовымъ лѣсамъ, но напротивъ имъ полезны, потому что вырубка молодаго липняка способствуетъ очищенію лѣсовъ. Не время и не мѣсто входить въ оцѣнку этого вопроса, и мы ограничимся еще разъ указаніемъ на то, что лыковое и мочальное производство далеко уже не имѣетъ тѣхъ размѣровъ, какіе оно имѣло прежде и еще въ 30-хъ годахъ.

Главная причина уменьшенія промысла—это, конечно, оскудѣніе лѣсовъ противъ прежняго. Еще лѣтъ 30-ть тому назадъ берега Ветлуги и Унжи были покрыты дремучими, непроходимыми лѣсами, но теперь и отъ вырубки, и отъ лѣсныхъ пожаровъ, лѣса рѣдѣютъ; приходится лѣсъ вывозить изъ за 25 верстъ и далѣе, а для рогожнаго промысла ѣхать даже верстъ за сто. Уничтоженіе лѣсовъ идетъ въ послѣдее время съ поразительною быстротою, особенно со времени рѣшенія крестьянскаго дѣла. Охранять лѣса у помѣщиковъ нѣтъ средствъ и лѣса продаются въ огромныхъ количествахъ на срубъ. Естественно, что истребленіе лѣсовъ отзывается уже болѣзненно на крестьянскомъ быту и отзовется вѣроятно еще болѣзненнѣе, потому что лѣсной и рогожный промыслы единственные, покуда,

источники благосостоянія здѣшняго населенія. Примутся за другіе заработки, найдутъ себѣ промыслы,— скажутъ намъ люди, скорые на всякаго рода рѣшенія,—обратятся къ хлѣбопашеству. Дѣйствительно къ чему-нибудь обратятся, даже и къ земледѣлію, но только не забудемъ, что земля здѣсь чистый песокъ и что вообще всякая рѣзкая перемѣна въ хозяйствѣ цѣлаго народонаселенія совершается весьма болѣзненно и когда недугъ передъ глазами, то слѣдуетъ помыслить заранѣе и о средствахъ къ облегченію страданій.

Липовыя рощи, *рамени*, какъ ихъ здѣсь называютъ, простирались на десятки верстъ и росли близь селеній. Лубъ и лыко были подъ рукой. Теперь далеко уже не то, и за мочаломъ ѣздятъ крестьяне верстъ за сто, ѣздятъ даже въ Вятскую губернію или покупаютъ за дорогую цѣну привозное мочало. Рогожа ткется какъ холстъ. Тѣ же орудія: станокъ, челнокъ, бердо. Ткутъ и мущины и женщины, имъ помогаютъ подростки, подготовляютъ мочала. Обыкновенно рогожа бываетъ трехъ сортовъ циновка, кулевка и кулечковая. Хорошій рабочій сработаетъ до 5 циновокъ въ сутки, отъ 6—8 кулевыхъ рогожъ, и до 40 кулечковыхъ. Работа производится съ ноября по апрѣль. Лучшая рогожа считается Шангская. Ее вездѣ покупаютъ безъ брака. Изъ рогожъ шьются кули простою большою, но только согнутою иглой и хорошій работникъ можетъ сшить до двухсотъ рогожъ въ кули. Но, кромѣ оскудѣнія лѣсовъ и вздорожанія мочала, вредитъ здѣшнему промы-

слу и конкурренція мѣстностей, откуда прежде не являлись рогожи, такъ напр. изъ лѣсистыхъ мѣстностей по р. Бѣлой, Оренбургской губ. Вредитъ далѣе еще крестьянскому промыслу, какъ вообще всякому мелкому промыслу, соперничество капитала. Но это явленіе такого рода, котораго избѣжать нѣтъ возможности, и соперничать съ которымъ трудно безпомощному рабочему. Рогожи ткутъ теперь уже и фабричнымъ способомъ во многихъ городахъ. Есть уже и въ Казани и въ Пермской губ. рогожные заводы; заводчики покупаютъ мочало, ткутъ рогожи и шьютъ кули. Вытѣсняются также рогожные кули холстинными мѣшками; наконецъ на подстилки и покрышки товаровъ стали много употреблять въ послѣднее время плетеныя изъ древесныхъ стружекъ циновки, а также и веревочныя. Но рогожное производство все еще представляетъ собой значительную отрасль крестьянской промышленности. Ежегодно выработывается этихъ издѣлій на 400,000 р. серебр. и преимущественно въ Ветлужскомъ и Варнавинскомъ уѣздѣ.

Вниманіе Государя Цесаревича обратила на себя желѣзная руда, добываемая самими крестьянами, получаемое изъ нея желѣзо и, наконецъ, желѣзныя издѣлія. Все это было до крайности грубо, неотесано, но не могло не возбудить живѣйшаго интереса. Тутъ нѣтъ и никогда не было никакого участія и содѣйствія капитала и знанія. Потребность народная вызвала сама производство, указала чего съ ничтожными средствами можно было до-

биться, и подаетъ надежду, что не далеко быть-можетъ уже то время, когда и въ здѣшнихъ мѣстностяхъ начнется правильная желѣзнозаводская промышленность на пользу цѣлаго края. Прекрасныя войлочныя издѣлія мы имѣли случай видѣть и въ Ярославлѣ, но здѣшнія издѣлія показались намъ лучшаго качества. Кромѣ войлочныхъ пальто и сапогъ были еще сапоги съ брюками изъ цѣльнаго войлока, вещь въ высшей степени полезная зимой и получившая, говорятъ, давно уже право гражданства въ здѣшнемъ обиходѣ. Промышленность эту вызвало къ жизни и содѣйствовало ея развитію удѣльное начальство.

Не будемъ входить въ разсмотрѣніе и описаніе всѣхъ образцовъ крестьянской промышленности, представленныхъ на выставку; скажемъ только, что ихъ было здѣсь великое множество, и что они похожи на видѣнные нами въ Ярославлѣ. Явленіе весьма понятное, принимая въ разчетъ смежность губерній и одинаковость или сходство мѣстныхъ условій, среди которыхъ живетъ народонаселеніе обѣихъ губерній.

Но одинъ столъ, покрытый блестящими бронзовыми и серебряными бездѣлушками, свѣтящимися камнями самоцвѣтными, обращалъ на себя особенное вниманіе. Это были Сидоровскія и Красносельскія издѣлія, извѣстныя всей Россіи и расходящіяся по всѣмъ ея уголкамъ, благодаря ловкимъ и тароватымъ прасоламъ, переходящія даже западную нашу границу въ Галицію, гдѣ онѣ очень хорошо извѣстны тамошнимъ русскимъ крестьянкамъ, которыя познакомились съ ними чрезъ евреевъ.

Издѣлія эти—настоящее искушеніе крестьянскихъ дѣвокъ и бабъ, по всей Великой, Малой и Бѣлой Руси, и это очень хорошо знаютъ прасолы, разъѣзжающіе по селамъ, деревнямъ и хуторамъ для закупки по мелочамъ прасольскаго товара. Да и какъ устоять противъ такого искушенія, когда какая-нибудь *серьга полька* или *кольцо змѣйки* продается по 4 коп. сер. за штуку? Ловкій прасолъ, искуситель, вертитъ у ней передъ глазами серьгу съ цвѣтнымъ камешкомъ или колечко съ бирюзой, и вотъ переходитъ къ нему собранная въ теченіи года щетина или перо птичье, или тряпье. Ничего, повидимому, это не стоитъ, а въ массахъ представляетъ громадныя суммы. Издѣлій Сидоровскихъ и Красносельскихъ продается и расходится въ годъ на сумму 300,000 р. Столъ, на которомъ были разложены образцы ихъ, поражалъ своею пестротой и разнообразіемъ. Тутъ были кольца по 20 коп. ассигн. за сотню, серьги по 3 к. за десятокъ. Были серьги съ поддѣльнымъ бирюзовымъ камешкомъ по 40 к. за штуку, серьги змѣйками по 10 к. и т. д. Выставка эта чрезвычайно была интересна, и Государь Наслѣдникъ приказалъ купить по экземпляру всѣхъ издѣлій для предполагаемаго имъ музея, начало которому уже положено въ 1861 году, послѣ посѣщенія имъ Нижегородской ярмарки.

Весьма красивы были еще деревянныя чашки крестьянскаго издѣлія, расписанныя самыми разнообразными узорами, которыя отправляются въ довольно значи-

тельномъ количествѣ за границу. Онѣ тамъ въ большомъ употребленіи. Въ нихъ насыпаютъ для продажи чай и кофе, и онѣ слывутъ тамъ подъ именемъ китайскихъ и японскихъ.

Но оставимъ крестьянскія издѣлія и перейдемъ къ произведеніямъ заводской и мануфактурной промышленности.

Въ числѣ продуктовъ заводской промышленности Костромской губерніи, особеннаго вниманія заслуживали произведенія химическаго завода г. Кокушкина и томскаго завода г. Шипова. Эта отрасль нашей народной промышленности такъ важна, такая предстоитъ ей еще громадная будущность и такое обширное поле дѣйствій, что мы позволимъ себѣ остановиться на ней нѣсколько подолѣе, дабы показать нашимъ читателямъ, съ какими затрудненіями и препятствіями приходится бороться русскому заводчику на каждомъ шагу и при каждомъ его начинаніи: но вмѣстѣ съ тѣмъ показать, какія еще богатства нетронутыя, не изслѣдованныя, кроются въ нѣдрахъ нашей дорогой родины, какъ они ждутъ опытныхъ рукъ, капиталовъ и извѣстной доли вниманія, чтобы привести въ движеніе весь этотъ бездѣйствующій избытокъ нашихъ производительныхъ силъ, и тѣмъ создать новые источники нашего народнаго богатства.

Томскій химическій заводъ А. П. Шипова извѣстенъ качествомъ своихъ продуктовъ, которые высоко цѣнятся нашими фабрикантами. Въ имѣніи, гдѣ въ настоящее время находится томскій химическій заводъ, много лѣсовъ,

удаленныхъ отъ Волги, и вслѣдствіе этого малоцѣнныхъ по затруднительности сбыта. Владѣльцу пришла въ голову мысль обратиться къ обработкѣ лѣснаго матеріяла и такихъ цѣнныхъ изъ него продуктовъ, которые до того времени получались въ значительномъ количествѣ изъ-за границы. Соображаясь съ тогдашнимъ положеніемъ торговли и съ цѣнами на сахаръ-сатурнъ и гарансинъ, матеріялы, требуемые въ большомъ количествѣ на ситцевыя фабрики, находящіяся въ сосѣдствѣ, именно въ окрестностяхъ Вичуги, въ Ивановѣ, около Писцова и въ Вознесенскомъ посадѣ, владѣлецъ приступилъ къ закладкѣ химическаго завода. Зная по опыту, какъ ненадежны бываютъ часто директоры иностранцы, онъ обратился къ русскому технологу Бочарову, который устроилъ химическій заводъ, находившійся и въ послѣдствіи подъ его управленіемъ.

Настоящее и полное дѣйствіе завода началось съ 1852 года. Первымъ дѣломъ было устройство сухой перегонки дерева въ большихъ размѣрахъ съ 20 желѣзными коробами, вмѣщающими каждый по 350 куб. фут. дровъ, для полученія пригорѣлой уксусной кислоты и добыванія сахара сатурна, употребленіе котораго весьма распространено при окраскѣ бумажныхъ, шелковыхъ и шерстяныхъ матерій. Къ этому же времени относится еще постройка свинцовыхъ камеръ, для добыванія и концентрированія сѣрной кислоты, какъ необходимаго дѣятеля при производствѣ сахара-сатурна. Возникли большія мастерскія и сушильни, устроено водяное

колесо въ 15 силъ, какъ двигатель разныхъ приводовъ для размельченія марены и для другихъ производствъ. Но не прошло года, и заводъ подвергся опасности прекратить свои дѣйствія. Открывшаяся въ 1853 году война задержала и почти, можно сказать, прекратила подвозъ сѣры — главнѣйшаго матеріяла для производства сѣрной кислоты. Нужно было употребить всѣ старанія, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, и владѣлецъ завода вмѣстѣ съ своимъ директоромъ успѣли выйдти побѣдителями. Имъ принадлежитъ честь первой попытки добывать въ Россіи сѣрную кислоту изъ отечественнаго матеріяла.*) Иизвѣстно, что въ Англіи, несмотря на дешевизну сѣры, добываютъ сѣрную кислоту изъ мѣдныхъ и желѣзныхъ колчедановъ, и вотъ они приступили къ поискамъ для открытія залежей колчедановъ. Пришлось учить и пріохочивать окрестныхъ крестьянъ искать и доставлять колчеданъ на заводъ, пришлось опредѣлять самый выгодный и практическій способъ полученія изъ него сѣрной кислоты,

---

*) Почтенный профессоръ Гивартовскій сдѣлалъ намъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ возраженіе, и замѣтилъ, что не гг Шиповымъ принадлежитъ честь открытія производства сѣрной кислоты изъ колчедана, но что задолго передъ тѣмъ указывалъ на полезность этого матеріяла профессоръ Гейманъ. Г. Гивартовскій не понялъ смысла нашихъ словъ. Мы хотѣли указать только на то, что А. П. Шиповъ первый началъ въ большихъ размѣрахъ это производство, и указалъ путь новой промышленности, до того у насъ не существовавшей Въ этомъ кажется не можетъ быть сомнѣнія.

приспособить для этого печи, передѣлать свинцовыя камеры.

Въ концѣ лѣта 1853 года начались поиски, увѣнчавшіеся полнымъ успѣхомъ. Залежи были открыты и въ окрестностяхъ завода, и въ разныхъ мѣстахъ Костромской губ., по берегамъ рѣкъ Волги, Меры, Унжи, Неи, Немды и др., такъ, что въ 1854 году началось производство сѣрной кислоты изъ колчедановъ и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Примѣру томскаго завода послѣдовали и другіе, и залежи колчедана открыты и разрабатываются уже въ губерніяхъ Ярославской, Казанской, Нижегородской, Новгородской и Калужской. Такимъ путемъ получилъ значеніе и сталъ цѣнностію матеріялъ, о которомъ прежде здѣсь не знали, и въ которомъ не подозрѣвали полезности. Чтобы судить о значеніи этого матеріяла въ дѣлѣ развитія нашихъ производительныхъ силъ, достаточно указать, что одинъ томскій заводъ употребляетъ его болѣе 40,000 пудовъ. Эти условія доставили нашему народному хозяйству пользу тѣмъ, что поддержали фабрикацію сѣрной кислоты, понизили цѣны на нее болѣе, чѣмъ на 2 руб. съ пуда, и доставили окрестнымъ крестьянамъ нѣсколько десятковъ тысячь новыхъ заработковъ. Такова, въ нѣсколькихъ словахъ, исторія этого прекраснаго заведенія. На выставкѣ были образцы гарансина, краппа, бѣлаго сатурна, купороса, шиповской соли, квасцовъ. Производство квасцовъ теперь остановилось. Во время поисковъ для открытія колчедана, найдены были большія залежи квас-

цоваго сланца, и тогда же владѣлецъ завода устроилъ мастерскую, стоющую ему весьма дорого, потому что бо́льшую часть посуды надо было дѣлать изъ листоваго свинца. Около двухъ лѣтъ квасцовое отдѣленіе работало, но усилившійся въ послѣднее время привозъ англійскихъ и шведскихъ квасцовъ заставилъ прекратить это производство. Должно замѣтить, что иностранные квасцы гораздо дешевле нашихъ, хотя достоинствомъ хуже. Ситцевыя фабрики мало выигрываютъ отъ употребленія шведскихъ квасцовъ низкаго качества, пріучаясь работать товаръ съ разными недостатками въ крашеніи.

Квасцовое производство, по отзыву химическихъ заводчиковъ, у насъ вообще падаетъ. Оно никогда не ограждалось у насъ значительной пошлиной. Съ 1822 года и по настоящее время пошлина оставалась почти неизмѣнною и съ 7½ коп. съ пуда была возвышена до 10 коп., и не забудемъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Германія и Франція ограждали свое производство весьма высокими, несравненно выше нашихъ пошлинами. Низкая пошлина у насъ не затрудняла отечественнаго производства, потому что доставка квасцовъ изъ Петербурга въ Москву, требовала и времени и расходовъ, несравненно болѣе значительныхъ, чѣмъ теперь. Изъ статистическаго обозрѣнія нашей внѣшней торговли г. Небольсина, мы видимъ, что ввозъ квасцовъ постоянно уменьшался съ самаго 1829 и по 1847 годъ, но самое замѣтное уменьшеніе ввоза относится къ пе-

ріоду времени съ 1839 по 1847 годъ, именно когда стало развиваться наше внутреннее производство квасцовъ. Постройка желѣзнаго пути изъ Петербурга въ Москву, дало совершенно иной оборотъ торговли. Какъ бы ни былъ великъ спросъ на квасцы на главномъ рынкѣ, Московскомъ, — наше производство не могло уже пользоваться прежнимъ сбытомъ и соперничать съ иностранными квасцами. Благодаря успѣхамъ телеграфнаго сообщенія, спросъ черезъ нѣсколько часовъ извѣстенъ въ Петербургѣ, и товаръ можетъ быть также скоро выписанъ, а ежели его лежитъ много въ Петербургѣ, то немедленно дня въ два или въ три доставленъ въ Москву. Но химическій заводъ, находящійся въ какихъ-нибудь 100 или 150 верстахъ отъ Москвы и даже расположенный на шоссейныхъ дорогахъ, или вблизи ихъ, никогда не въ состояніи доставить товаръ съ такою же скоростью, съ такимъ же удобствомъ. О заводахъ же, расположенныхъ гдѣ-нибудь въ глуши, на проселкахъ и говорить нечего. Тамъ иной разъ и проѣзду нѣтъ. Такимъ образомъ для иностранныхъ квасцовъ явились всѣ выгоды и своевременнаго запроса и быстрой, удобной доставки, для нашихъ же квасцовъ доставка осталась такая же медленная, тѣ же остались и неудобства, и весь перевѣсъ, слѣдовательно, на сторонѣ квасцовъ иностраннаго приготовленія.

Это не первый и не послѣдній примѣръ, вызывающій серьезныя думы, относительно нашей промыш-

ленности. Когда идетъ вопросъ о возможности соперничества нашей внутренней промышленности съ иностранною, то постоянно слѣдуетъ брать въ расчетъ условія, въ которыхъ находятся и та и другая. Соперничать и состязаться могутъ только равныя силы. Не равны онѣ — и слабѣйшій необходимо погибнетъ. Вопросъ этотъ также важенъ и относительно постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ, именно чтобы онѣ постоянно имѣли въ виду насущныя потребности промышленности. Естественно, что нѣтъ возможности удовлетворить всѣмъ и каждому, но одно неоспоримо, что вникать въ нужды необходимо и разорять существующее опасно и убыточно. Безъ неуклоннаго же стремленія къ проведенію путей внутрь Россіи и къ облегченію всѣми возможными средствами доставки и обращенія товаровъ внутри и къ центру трудная и незавидная участь предстоитъ нашей промышленности.

Въ этомъ же отдѣленіи выставки обращено было вниманіе Государя Цесаревича на образцы смолистаго сланца, находящагося въ Костромской губерніи, по Волгѣ, въ огромномъ количествѣ. Продуктъ этотъ весьма важенъ. Изъ него можно добывать газъ для освѣщенія, парафинъ, и наконецъ весьма цѣнный продуктъ анилинъ. Но это все еще, покуда, въ будущемъ; теперь же при всеобщемъ застоѣ въ торговлѣ и фабричной промышленности трудно рѣшаться на затрату капиталовъ и притомъ весьма значительную. Дай Богъ, чтобы настала минута благопріятная, когда богатства,

кроющіяся въ нѣдрахъ нашего дорогаго отечества, выйдутъ на свѣтъ, и когда капиталы наши безъ боязни станутъ пускаться на ихъ разработку.

Въ числѣ произведеній мануфактурной и заводской промышленности нельзя было не обратить вниманія на издѣлія механическаго заведенія полковника Шипова. Выставлено было нѣсколько паровыхъ машинъ и пожарныхъ трубъ прекрасной отдѣлки, и тутъ же при осмотрѣ ихъ была представлена Цесаревичу записка о настоящемъ положеніи завода. Мы возвратимся къ издѣліямъ его еще разъ, потому что Цесаревичъ обѣщалъ владѣльцу посѣтить и осмотрѣть его заводъ во всѣхъ подробностяхъ на слѣдующій день.

Большая комната, непосредственно слѣдующая за той, гдѣ находились машины, занята была произведеніями хлопчато-бумажной, льняной, кожевенной и нѣсколькими образцами костромской ремесленной промышленности. Здѣсь были прекрасные образцы китаекъ, бязи широкой и узкой и дабы. Все это производится, главнѣйшимъ образомъ, въ Кинешемскомъ уѣздѣ, гдѣ хлопчато-бумажная промышленность начала быстро развиваться съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, послѣ упадка полотнянаго производства, преимущественно около села Вичуги и по окрестнымъ деревнямъ. До сихъ поръ еще существуютъ старинныя фирмы Миндовскихъ, Коноваловыхъ, Разореновыхъ, положившихъ начало этой промышленности въ Вичугѣ. Фирма Миндовскихъ можетъ считаться родоначальницей хлопчатобумажнаго про-

изводства въ Костромской губ. Подобно бóльшей части основателей здѣшнихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, Иванъ Ивановъ Миндовскій былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ. Первоначально занимался онъ выдѣлкой суровой китайки до 1824 года. Вышедши въ этомъ году на волю, онъ записался въ 3 гильдію, расширилъ производство и къ китаечному присовокупилъ еще выработку миткалей, нанки и канифасовъ. Съ 1835 года, когда требованіе на китайку стало уменьшаться, фабрика Миндовскихъ стала работать дабу разныхъ цвѣтовъ и суровую бязь разной ширины отъ 9 до 14, 18 и 22 вершковъ. Главный сбытъ дабы и бязи на Ирбитской ярмаркѣ, откуда она идетъ въ Сибирь, Киргизскую степь, на линію и на Кавказъ. Фабриканты объясняли Цесаревичу ходъ своей торговли, настоящее положеніе ихъ дѣлъ, опасную конкурренцію на Кавказѣ и въ при-каспійскихъ мѣстностяхъ вообще, со стороны Англичанъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сообщили весьма интересное и утѣшительное свѣдѣніе, что со времени замиренія Чечны и Дагестана сбытъ туда издѣлій значительно усилился.

Относительно размѣровъ хлопчато-бумажной промышленности Костромской губерніи имѣемъ мы свѣдѣнія чрезвычайно различныя. Оффиціальная цыфра гласитъ $2^1/_2$ милл., по другимъ же свѣденіямъ, почерпнутымъ изъ словъ людей, достаточно, кажется, знакомыхъ съ дѣломъ, сумма всего производства заходитъ далеко за 5 милл.. Разницу эту можно объяснить тѣмъ, что первая

цыфра относится можетъ быть только къ фабричному производству, вторая же обнимаетъ собой и фабричное и крестьянское. Послѣднее также здѣсь весьма значительно. Но какъ бы то ни было, а принявъ въ соображеніе, что десятки тысячъ народа кормятся здѣсь хлопчатобумажною промышленностью, что въ связи съ нею находится благосостояніе другихъ отраслей промышленности и многихъ крестьянскихъ промысловъ—конечно призадумаешься надъ дорогой цѣной хлопка, и невольно мысленно перенесешься въ страны, откуда намъ и можно и должно и легко получать хлопокъ, была бы добрая воля, и поболѣе энергіи и заботливости у всѣхъ насъ о развитіи нашей отечественной промышленности.

Образцы льняной пряжи, полотенъ, коломенокъ и камчатнаго товара были представлены извѣстными по цѣлой Россіи фабриками Зотова, Брюханова, Дьяконова и Менгденъ. Изяществомъ рисунковъ и превосходнымъ качествомъ обратили на себя вниманіе скатерти и салфетки послѣдней фабрики, находящейся въ Кинешемскомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Никольскомъ. Фабрика эта существуетъ уже около 60 лѣтъ. Работала она первоначально только дюжинныя салфетки съ переборами, безъ машинъ, изъ домашней пряжи и болѣе для собственнаго употребленія. Остававшійся товаръ продавался затѣмъ безъ всякой отдѣлки гуртомъ въ Москвѣ. Съ 1827 года фабричное производство было по разнымъ обстоятельствамъ остановлено и возобновлено

только въ 1830 году. Высокій сортъ пряжи, тщательный выборъ узоровъ, бдительное наблюденіе за производствомъ работъ и строгая отчетливость въ окончательной отдѣлкѣ товара обратили вниманіе иностранцевъ на издѣлія Менгденской фабрики, и въ 1832 году заключено было съ голландскимъ купеческимъ домомъ Смитъ-Энгбертъ и К. условіе доставлять ему товаръ, что̀ продолжается и до сихъ поръ. Любопытно было бы знать, всегда ли этотъ товаръ продается иностранцами за товаръ русскаго издѣлія. Въ 1834 году открыто складочное депо въ Ригѣ, существующее до сихъ поръ, гдѣ издѣлія фабрики пользуются постоянно хорошимъ сбытомъ, не смотря на большой привозъ заграничнаго товара. Фабрика постоянно имѣла станы съ деревянми и чугунными машинами Жакарда. Ткачи были прежде крѣпостные дворовые люди владѣльца, и ни одинъ изъ нихъ не былъ отдаваемъ въ ученье. Не было ни одного посторонняго мастера, ни изъ Русскихъ, ни изъ иностранцевъ, но не смотря на то, ткачи менгденскіе отличались своимъ искусствомъ, и одинъ изъ нихъ получилъ въ 1853 году на Московской мануфактурной выставкѣ похвальный листъ. Фабрика употребляла прежде для тканья льняную ручную пряжу, покупаемую въ Кинешмѣ, и машинную пряжу русскую и заграничную; въ настоящее же время работаетъ только изъ русской машинной пряжи. Бѣленіе издѣлій производится выщелочиваніемъ простою золой и на солнцѣ, безъ всякихъ искусственныхъ средствъ ускоряющихъ про-

цессъ бѣлѣнія. Впрочемъ фабрика работаетъ теперь далеко уже не въ тѣхъ размѣрахъ какъ прежде, не болѣе какъ на 10 станахъ. Невзгоды, постигшія все вообще наше льняное производство, отразились и на этой отрасли льняной промышленности.

Кожевенное дѣло имѣло также нѣсколько замѣчательныхъ представителей. Были образцы прекрасной юфти, сапожнаго товара, галицкой замши. Въ этомъ отдѣленіи, были также доставлены Его Высочеству интересныя свѣдѣнія о состояніи кожевеннаго дѣла въ Костромской губерніи. Свойства мѣстной костромской породы рогатаго скота, кожи котораго, преимущественно, поступаютъ въ продажу, обратили промышленниковъ на производство юфти и мостовья. Костромская юфть, бѣлая и черная, цѣнится въ Петербургѣ, куда посылалось въ послѣднее время до 50,000 кожъ изъ Костромы и до 250,000 кожъ изъ уѣздовъ. Но кромѣ этого количества много идетъ ея въ другія мѣста и на внутреннее потребленіе. Особенною извѣстностью пользуется кожа завода Дуригиныхъ, отличающаяся добротой и чистотой своей. По цѣнѣ она приходится на 2 и на 2½ р. дороже кожи другихъ заводчиковъ. Говорятъ, что въ Костромѣ было прежде гораздо болѣе заводовъ, но что за то значительно возрасло число заводовъ мелкихъ по уѣздамъ въ селеніяхъ, производящихъ по преимуществу сапожный товаръ. Усиленіе производства замѣтно уже въ томъ, что цѣны на сырыя кожи въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ болѣе

чѣмъ удвоились, а цѣны на сапожный товаръ соразмѣрно не возвысились. Разсадникомъ этой промышленности по уѣздамъ въ селеніяхъ были костромскіе же заводы, но къ сожалѣнію не къ выгодѣ самого производства, по крайней мѣрѣ по отношенію къ качеству. Мелкая промышленность, укрываясь въ селеніяхъ, и дѣйствуя особнякомъ, не можетъ да и средствъ не имѣетъ слѣдить за всѣми усовершенствованіями производства, и въ добавокъ не всегда ведетъ правильно свои дѣла. Они главные покупатели похищаемаго въ казенныхъ дачахъ лѣса и корья, они частенько покупаютъ шкуры съ зачумленной скотины и сдираютъ ее неправильно металическимъ ножемъ. Получая товаръ по самой дешовой цѣнѣ, не оцѣнивая настоящимъ образомъ ни своего труда, ни работы своей семьи, они подрываютъ городскіе заводы, правильно дѣйствующіе, и тѣмъ самымъ остонавливаютъ капиталы отъ введенія усовершенствованій въ кожевенномъ дѣлѣ. Оттого-то, по общему отзыву, нѣтъ еще на здѣшнихъ заводахъ, ни паровыхъ котловъ для нагрѣванія дубильной жидкости, ни машинъ для вращанія кожъ въ этой жидкости, какъ это уже дѣлается на многихъ лучшихъ заведеніяхъ въ Россіи, хоть бы напримѣръ на прекрасномъ заведеніи товарищества кожевеннаго завода въ Казани. Отзываются всѣ съ большою похвалой о нововведеніи молодаго технолога Попова, именно о дубленіи кожъ неизмельченнымъ, или, какъ говорятъ заводчики, битымъ корьемъ. Такой способъ дубленія кожъ

доставляетъ экономіи на 40 коп. въ пудѣ, но за то требуетъ въ $2^{1}/_{2}$ раза болѣе дубильной посуды, а слѣдовательно и болѣе обширнаго помѣщенія. Выгода же состоитъ въ томъ, что при нагрѣтой дубильной жидкости дубленіе ускоряется вдвое, что̀ чрезвычайно важно въ кожевенномъ производствѣ, особенно когда есть возможность производить товаръ круглый годъ, а не осенью только и зимой, какъ покуда здѣсь дѣлается.

Этимъ мы окончимъ нашъ краткій и далеко не полный обзоръ выставки. Мы по возможности старались остановиться на главныхъ представителяхъ промышленности Костромской губерніи, пользуясь интересными и въ вышей степени поучительными объясненіями, которыя были переданы Его Высочеству самими экспонентами. Государь Цесаревичъ пробылъ на выставкѣ около двухъ часовъ. Передъ отъѣздомъ ему были представлены директоръ и учителя гимназіи.

ГЛАВА VI.

Внѣшній видъ Костромы. Посѣщеніе Костромскихъ фабрикъ и заводовъ Льнопрядильня и ткацкая Зотова. Состояніе нашей льняной промышленности и виды на ея будущность. Фабрика Брюханова и Михина. Гвоздильное заведеніе Колодезникова. Механическій заводъ Шипова. Положеніе нашего механическаго производства. Завтракъ на заводѣ Шиповыхъ.

Кострома кажется по внѣшности бѣднымъ городомъ въ сравненіи съ богатымъ и прекрасно отстроеннымъ Ярославлемъ; притомъ жестокій пожаръ 1847 года оставилъ въ ней такіе слѣды разрушенія, которые долго еще не изгладятся. За то на Костромѣ явственнѣе лежитъ печать русской старины; въ ней замѣтнѣе выдается тотъ полудеревенскій типъ, который такъ упорно прирастаетъ къ нѣкоторымъ городамъ нашимъ и такъ скоро сглаживается въ другихъ: какъ будто городъ незамѣтно переходитъ въ деревню, и деревня сливается съ городомъ. Широкіе виды на Волгу и Завол-

жье съ нѣкоторыхъ улицъ и площадей, очертанія домовъ, расположеніе улицъ, нѣкоторыя группы и сцены у воротъ, на улицахъ, въ окнахъ, напоминали намъ объ этомъ типѣ, и возбуждали, особенно въ жителяхъ Москвы, которую привыкли называть большою деревней, какое-то родственное чувство. Но у многихъ изъ нашихъ спутниковъ, когда мы проѣзжали по Сусанинской площади, сердце болѣло за Кострому, при взглядѣ на памятникъ, который едва ли слѣдуетъ причислить къ ея украшеніямъ. Кострома гордится именемъ Сусанина, и память о немъ живетъ до сихъ поръ въ народѣ; но памятникъ Сусанина можно смѣло назвать образцовымъ только по безвкусію рисунка и по бѣдности художественной идеи: на улицахъ Костромы и посреди старинныхъ ея зданій, онъ является какою-то фальшивою нотой, нарушающею гармонію цѣлаго.

Утромъ 1-го іюля Его Высочество выѣхалъ для посѣщенія льнопрядиленъ купцовъ Брюханова и Зотова и механическаго завода полковника Шипова. До 1859 года Брюхановъ и Зотовъ работали вмѣстѣ; въ этомъ году Зотовъ отдѣлился и устроилъ свою льнопрядильню. На крыльцѣ хозяйскаго дома встрѣтили Цесаревича съ хлѣбомъ и солью отецъ съ сыномъ и молодою невѣсткой. Сынъ хозяина управляетъ въ настоящее время фабрикой; онъ объяснялъ Его Высочеству устройство льнопрядильни и передалъ ему свѣдѣнія о теперешнемъ положеніи льняной промышленности въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Фабрика Зотовыхъ пошла въ ходъ въ 1859 году и выдѣлываетъ ежегодно до 80.000 пудовъ льняной и очесочной пряжи отъ № 4 до 90, на сумму 800.000 р. сер. Двигатели ея двѣ паровыя машины: одна бельгійская въ 120 силъ, находящаяся въ большомъ корпусѣ, гдѣ помѣщается до 8.000 веретенъ; другая, съ костромскаго завода г. Шипова, въ маломъ корпусѣ, приводитъ въ движеніе 1.300 веретенъ. Прядильные аппараты выписаны изъ Англіи. Число рабочихъ обоего пола съ малолѣтными дѣтьми около 900 человѣкъ. Механики и директоръ Русскіе. Ленъ, кудель и пакля покупаются въ губерніяхъ: Костромской, Ярославской и Вологодской, въ количествѣ до 100.000 пудовъ, ленъ по цѣнѣ отъ 3 р. 60 к. до 5 р., кудель отъ 3 р. до 3 р. 50 коп., пакля отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 75 к. Пряжа сбывается въ губерніяхъ Владимірской, Ярославской и Костромской. Нечего, кажется, говорить, какъ благопріятно выбрано мѣсто для такого заведенія, мѣсто, которое съ полнымъ правомъ можно назвать центромъ льноводства, и гдѣ двѣ рѣки, Волга и Кострома, облегчаютъ сообщеніе, а рабочій людъ, издавна привыкшій къ льняному дѣлу, легко можетъ освоиться съ работой на фабрикѣ.

Но въ какомъ же положеніи это дѣло, столь важное въ нашемъ народномъ хозяйствѣ? Хорошо ли идетъ оно, и достаточно ли обезпечиваетъ капиталистовъ, затратившихъ свои капиталы въ новую, покуда, отрасль нашей мануфактурной промышленности?

Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, полотняное дѣло находилось въ блестящемъ положеніи. Есть одинъ любопытной документъ—это сочиненіе члена русской, турецкой и левантской компаніи *Одди*, подъ заглавіемъ: European commerce scheving new and secure channels on trade with the continent of Europe by I. Jepson Oddy member of the Russia and Turkey ar Levant companies London. 1805. „Полотняная мануфактура въ Россіи, пишетъ онъ, пользуется большой славой своимъ равендукомъ, фламскимъ и паруснымъ полотномъ, дрелями, тонкими, широкими и узкими полотнами, крашениной и т. д. Лучшими полотнами, лучше всякихъ иностранныхъ, считаются архангельскія. Фламскія полотна, равендуки и дрели идутъ за границу подъ четырьмя названіями: костромскихъ, составлявшихъ высшій, вязниковскихъ и шуйскихъ второй сортъ. Авторъ высчитываетъ за тѣмъ всѣ извѣстнѣйшія въ его время фабричныя фирмы и количество вывозимаго товара, и результаты для костромской губ. выходятъ блестящіе. Теперь уже не то.

Упадокъ нашей полотняной промышленности въ Костромской, Ярославской и Владимірской губ. начался съ 20-хъ годовъ, послѣ значительнаго пониженія цѣнъ на издѣлія полотняныя и ослабленія требованій на него за границей Государю Цесаревичу представлены были двѣ весьма интересныя записки о состояніи льняной промышленности, гг. Зотовымъ при осмотрѣ его фабрики, и Сыромятниковымъ, при проѣздѣ черезъ Нерехту. Въ

нихъ мы находимъ весьма подробное историческое изложенiе положенiя льнянаго дѣла.

„Когда наступилъ кризисъ 20-хъ годовъ, когда машинное пряденiе, ткачество и челнокъ самолетъ совершили переворотъ въ льняной промышленности въ Англiи, наши фабриканты, Ярославцы и Костромичи долго не вѣрили биржевымъ слухамъ о машинныхъ работахъ и по свойственной, къ сожалѣнiю, всѣмъ намъ и не однимъ только промышленникамъ, неподвижности, считали это биржевой уткой, пущенной въ ходъ коммиссiонерами, нарочно для того, чтобы заставить русскихъ фабрикантовъ сбавить цѣны на свои издѣлiя. Но торговля и сбытъ слабѣли, цѣны падали. Слабые производители скоро уступили товары по цѣнамъ, назначеннымъ иностранными покупателями, сильные же покуда крѣпились; но когда, въ теченiе двухъ, трехъ навигацiй, издѣлiя ихъ не распродались, то принялись искать денегъ подъ залогъ товаровъ, которыми они потомъ и расчитались, оставя ихъ невыкупленными, а фабрики закрылись. Остановка почти всѣхъ полотняныхъ фабрикъ, кромѣ вышеозначенной причины, вызвана была замѣной льняныхъ издѣлiй бумажными во внутреннемъ потребленiи. Между тѣмъ быстро развивающаяся льняная промышленность въ Англiи, заявляла все болѣе обширное требованiе на нашъ ленъ. Казалось бы, что если наша полотняная промышленность пришла въ упадокъ, то увеличенiе вывоза льна должно было бы вознаградить насъ за потерю рынковъ для

нашихъ полотенъ. Закрылись фабрики—выиграло сельское хозяйство. Но и тутъ вышло на оборотъ; сельское хозяйство пострадало не менѣе фабричнаго производства. Костромской и Ярославской ленъ продавался въ 1818 году по 17 р. ассигн. за пудъ (т. е. когда находилъ сбытъ дома, и когда цѣны ставила внутренняя фабрикація, а не лондонская биржа), а потомъ началъ постепенно падать, такъ что въ 50-хъ годахъ пудъ льну стоилъ на мѣстѣ 1 р. 50 коп. сер. Такимъ образомъ послѣдствіями кризиса были: почти совершенное прекращеніе ткацкихъ работъ, доставляющихъ пропитаніе многочисленному классу нашихъ сельскихъ ткачей, и зависимость нашихъ льноводовъ отъ спекулянтовъ, убыточно оцѣнивающихъ трудъ сельскихъ хозяевъ. Благоденствіе земледѣльца не возвысилось, но дешевизна льна отнимала у льноводовъ всю энергію къ заботѣ объ улучшеніи растенія и только роняло сельское хозяйство.

Въ 30-хъ годахъ Великобританія окончательно завоевала для своихъ льняныхъ издѣлій главные рынки. Тутъ все было пущено въ ходъ, что только было въ силахъ у энергическаго, настойчиваго и не смотрящаго ни на какія препятствія народа, направляющаго и свою торговую политику, не соображаясь съ данными теоріями а единственно съ тѣмъ, что ему выгодно. Не говоря уже о ея богатствѣ капиталами, и кредитными учрежденіями, путями сообщенія, могучимъ коммерческимъ флотомъ, Англія владѣла долгое время до 30-хъ годовъ одна

тайною механическаго льнопряденія, потому что машины строго были запрещены къ вывозу. Такое покровительство развитію новой могучей промышленности, привлекло естественно къ ней большія капиталы. Но и это еще не все. На Рейнѣ, ирландскія полотна явились подъ видомъ билефелдскихъ, а англійской выдѣлки полотняный товаръ продавался съ клеймами старинныхъ, извѣстныхъ въ европейской торговлѣ, русскихъ фирмъ. И вотъ наше старинное производство пало до такой степени, что даже самый грубый товаръ, какъ-то фламское полотно, рвендуки, дрель, тики, брезентъ, пестрядки, чешуйки и т. п. не выдержали бы и у себя, на внутреннихъ рынкахъ, соперничества, если бы не пользовались покровительствомъ тарифа, налагающаго пошлину въ 25% съ цѣны по привозу моремъ и 23% по привозу сухопутно.

О внѣшнемъ сбытѣ, конечно, и думать нечего, и еслибы не былъ обезпеченъ внутреній рынокъ, то неминуемо должны были бы пасть и нáши новыя льнопрядильныя фабрики. Не мы одни пострадали; то же самое было и въ Германіи, гдѣ стародавняя льняная промышленность точно также пала. Одна Франція могла выдержать, огражденная своимъ, почти запретительнымъ тарифомъ. Дешевизнь англійскихъ издѣлій дѣйствительно не могла не задавить полотнянаго производства на континентѣ. Даже смѣшиваніе въ тканяхъ льняной пряжи съ бумажной принималось потребителями за усовершенствованіе, особенно при соблазнительной дешевизнѣ тканей.

Въ 30-хъ годахъ когда еще машины были запрещены къ вывозу изъ Англіи, Вязниковскій купецъ Елизаровъ успѣлъ какъ-то добыть аппараты для механическаго льнопрядѣнія, но машины, полученныя за дорогую цѣну оказались негодными и предпріятіе не удалось. Послѣдующія затѣмъ попытки Рейта, Усачева, Рагина, Люрса, Спиридонова, и бѣлильни, устроенныя по новѣйшимъ способамъ Дрейеромъ и Фонъ Фошемъ имѣли также неудачные результаты.

Правительство, видя упадокъ полотняной промышленности и льноводства нарядила въ 40-хъ годахъ коммиссію для изслѣдованія льнянаго дѣла. Коммисія исполнила въ высшей степени добросовѣстно свое дѣло, собрала богатый запасъ данныхъ, но пришла къ одному результату, что должно стараться объ улучшеніи обработки и сбытѣ льна за границу. Къ другому заключенію ей трудно было придти; своего полотнянаго производства у насъ для вывоза не было — оставалось заботиться объ усиленіи вывоза льна высшаго качества и лучше обработанаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ не разъ поднимался вопросъ: почемуже англійскія прядильни, получающія русскій ленъ, производятъ пряжу высшаго качества, а ткачи и бѣлильщики доставляютъ къ намъ полотна отличной бѣлизны, прочныя и простыя. На это можно отвѣтить, что нашъ ленъ архангельскій, рижскій костромской, ярославской и вологодской идетъ только на самыя грубыя ткани: равендукъ фламскія полотна, брезентъ, двунитки, грубый холстъ и полотно. Рускій ленъ смѣшивается въ

Англіи съ джутой, пенькой и другими суррогатами, и напрасно думаютъ, что Россія, снабжающая льномъ Англію, получаетъ оттуда обратно выработанныя изъ него прекрасныя полотна, для которыхъ необходимъ сырой матерьялъ самаго высокаго качества. Въ Лидсѣ наша же коммиссія получила отвѣтъ, что нашъ Архангельскій ленъ худо бѣлится въ пряжѣ, а слѣдсвательно и въ полотнахъ, а между тѣмъ архангельскій ленъ считается лучшимъ.

Что же касается до того, что намъ нужно стараться получать ленъ лучшаго качества и тѣмъ поднять наше льняное дѣло — то это не подлежитъ сомнѣнію. Но какъ? Не забудемъ, что имѣя это въ виду, мы должны стараться воспитывать ленъ для фабрикаціи и не заботиться о спѣлости сѣмянъ. Въ Россіи же сѣмена считаются покуда дороже самого льна; онѣ идутъ въ заграничный отпускъ, изъ нихъ добывается масло, и то и другое даетъ деньги крестьянину. Волокно идетъ на домашнюю грубую одежду, излишнее же количество волокна продается по дешевой цѣнѣ, по рублю или 1½ р. за пудъ. Русское же сѣмя идетъ за границу для посѣвовъ и даетъ по 33 пуда съ десятины льнянаго волокна. Это волокно продается по 11 р. с. за пудъ и десятина льна даетъ напр. бельгійскому хозяину 363 р. съ десятины, не считая сѣмени, которое составляетъ подспорье для корма скоту. Въ Костромской же губ. снимается съ десятины волокна до 20 пуд. и взявши даже самую

дорогую цѣну, 3 р. сер. за пудъ, десятина даетъ не болѣе 60 р.

Такова разность между доходами русскаго хозяина, работающаго для иноземнаго потребителя, и иностраннаго льновода, трудящагося для фабриканта и болѣе заботящагося о рощеніи мягкаго, нѣжнаго и глянцовитаго льна нежсли о вполнѣ спѣломъ сѣмени, которое можно добывать изъ Россіи. Къ такимъ-то результатамъ приводитъ отсутствіе внутреннихъ фабрикъ и приготовленіе только сыраго матерьяла для иностранныхъ рынковъ.

И такъ одна изъ главныхъ причинъ неуспѣха нашихъ льнопрядиленъ и льняного ткачества, это недостатокъ въ хорошемъ льнѣ. За границей, именно въ Англіи, его также не было, но тамъ добились хорошаго льна и путемъ премій, и содѣйствіемъ обществъ, составившихся для поощренія льняной промышленности и запрещеніемъ вывоза машинъ. У насъ также возникали льнообдѣлочные заводы, но безуспѣшно, потому что льнопрядильни или не существовали, или же колебались при своемъ начальномъ учрежденіи. Въ Романовѣ г. Классенъ пожертвовалъ на учрежденіе льновыдѣлочнаго завода большой капиталъ и не нашелъ выгоднымъ вести дѣло. Зворыкинъ, начавшій обдѣлку по способу Американца Шенка, закрылъ свое заведеніе, Крейцеръ въ Нерехтѣ перешелъ отъ заводскихъ работъ къ закупкѣ льна изъ крестьянскихъ рукъ для сбыта черезъ С. Петербургъ за границу въ большихъ

партіяхъ. Извѣстный заводъ г. Данилова могъ быть дѣйствительно разсадникомъ улучшеннаго льна, что и доказывали представленные имъ въ Московское Общество Сельскаго Хозяйства образцы, и отзывы нашихъ льнопрядильщиковъ. Но заводъ Данилова сгорѣлъ, и до сихъ поръ еще прекрасное и въ высшей степени полезное заведеніе не возобновилось, по недостатку средствъ. Не слыхали мы что сдѣлалось съ заводомъ, кажется братьевъ Литовыхъ въ Ярославлѣ, съ 15-и сильною паровою машиной, трепальными и чесальными аппаратами. Въ выгодахъ дѣла сомнѣваться нельзя, если только устоятъ наши льнопрядильни и ткацкія заведенія. Иначе этимъ заводамъ трудно держаться, а безъ нихъ нечего ждать благодѣтельнаго для всего нашего народнаго хозяйства развитія льноткацкаго дѣла.

Съ 1854 года основалось, наконецъ, нѣсколько машинныхъ льнопрядиленъ, на которыхъ дѣйствуетъ теперь около 40,000 веретснъ. Нѣтъ еще никакой возможности опредѣлить ихъ долговѣчности или, сказать положительно, какую существенную пользу онѣ принесли уже всей промышленности. Но достовѣрно одно, что съ первыхъ же дней своего учрежденія, онѣ возвысили цѣны на ленъ съ 1 р. 50 коп. до 3 р. и даже до 6 за пудъ. Можно себѣ представить, какъ это должно было отозваться на стоимости нашего отпуска за границу, когда въ 1858 году отъ насъ вывезли 3,887,207 пуд. При возвышеніи цѣны съ 1½ за 3 р. за пудъ, мы получили уже 5,821,810 р. болѣе, за нашъ

ленъ противъ прежняго. Количество, потребляемаго нашими льнопрядильнями, пряхами, какъ называетъ ихъ народъ, льна, конечно, ничтожно, сравнительно съ потребленіемъ остальной Европы, гдѣ работаютъ милльоны веретенъ, но не смотря на это, польза нашихъ пряхъ несомнѣнна, по отношенію къ ихъ вліянію на цѣны. Вѣдь деньги за ленъ остаются у крестьянъ.

Фабрика Зотовыхъ напр.,—одна изъ главныхъ потребительницъ льна,—приготовляетъ пряжу, начиная съ 4-го №. Съ 4-го и до 10-го пряжа идетъ на приготовленіе дерюги и мѣшковъ для хлѣба; съ 10-го — 12 на ревендукъ, съ 14 — 18 на фламскія полотна и другія подобныя издѣлія, съ 10 — 90 на разнообразныя такъ-называемыя сортовыя полотна, коломенку, салфетки, скатерти. До основанія льнопрядиленъ, равендукъ, фламское полотно и пестрядки работались почти исключительно изъ ручной пряжи. Ленъ былъ такъ дешевъ, что крестьяне старались продавать его пряжей. Но съ возникновеніемъ машинныхъ пряхъ льну потребовалось много, цѣны, какъ мы видѣли, возвысились и крестьяне, оставивъ невыгодное пряденіе, стали расширять посѣвы льна и продавать сырцемъ, получая за него цѣну высшую противъ цѣны за пряжу изъ своего же льна. Крестьяне научились цѣнить свой трудъ, который считался прежде за ничто; ручное пряденіе было вытѣснено; мало того, крестьяне стали значительными покупщиками машинной пряжи, и изъ нея стали ткать полотно.

Такое вліяніе имѣло возникновеніе большихъ прядилень на состояніе нашего льноводства, на одну изъ важнѣйшихъ отраслей здѣшняго сельскаго хозяйства.

Но расширяется ли кругъ дѣйствій нашихъ льнопрядиленъ? Есть ли какая надежда на прочность ея и виды на ея расширеніе и дальнѣйшіе успѣхи? Къ сожалѣнію, дѣло подвигается весьма медленно впередъ, и наше льняное производство остается все въ тѣхъ же своихъ тѣсныхъ границахъ. Наша полотняная промышленность напр. имѣетъ весьма немного потребителей ровной пряжи отъ № 10—20. Всего не болѣе 12 покупателей въ Вязникахъ и въ Муромѣ. Тонкая же пряжа отъ № 24 до № 90 имѣетъ еще менѣе представителей. Нечего тутъ и говорить о возможности значительно расширить дѣятельность нашего машиннаго льнопряденія. Къ тому же фламское полотно и равендукъ остаются почти безъ требованія, и фабрикація ихъ уменьшилась почти на $^2/_3$ противъ прежняго. Требованіе на тонкія полотна также совершенно ничтожно. Справедливость требуетъ сознаться, что наши тонкія полотна неудовлетворительны, и что они охотно замѣняются у насъ въ послѣднее время иностраннымъ полубумажнымъ ирландскимъ полотномъ. Фабрики болѣе уже тонкихъ полотенъ не работаютъ; закрыла свое производство и бѣлильня фонъ-Фошъ; полотняныя фабрики фонъ-Менгденъ въ Кинешмѣ и Дьяконовыхъ въ Нерехтѣ уменьшили выработку своихъ издѣлій. Дѣло идетъ, однимъ словомъ, плохо,—и сомнительно, чтобы, безъ особенныхъ благопрі-

ятныхъ условій, успѣла подняться эта важная отрасль промышленности. Какъ этому помочь—рѣшить трудно, но общій и дружный голосъ фабрикантовъ указывалъ вездѣ и въ Ярославлѣ и въ Костромѣ на недостатки нашего тарифа, и главнымъ образомъ не столько на низкія пошлины, сколько на нераціональность его статей, въ силу которыхъ полотно тонкое, и притомъ полубумажное, оплачивается слабо и гораздо слабѣе полотна грубаго.

Льняная промышленность вообще такъ разнообразна, что и при заключеніи торговаго трактата 1860-го года Англія и Франція затруднялись опредѣленіемъ пошлинъ на льняныя издѣлія. Начало однообразной пошлины съ товара, имѣющаго столь разнообразную стоимость и столь измѣнчивую, было рѣшительно оставлено, и замѣнено системой классификаціи, въ слѣдствіе чего и льняная пряжа и полотно раздѣлены на нѣсколько категорій. У насъ до тарифа 1857 года, полотна тонкія изъ пряжи №№ $^{120}/_{140}$ разцѣниваемыя въ 50 р. с. за кусокъ, вѣсомъ отъ 7—$7^1/_2$ ф. и полотна разнаго сорта изъ пряжи №№ $^{30}/_{40}$ цѣною въ 12 р. за кусокъ, вѣсомъ въ 12 ф., обложены были одинаковою пошлиной по 60 коп. сер. съ фунта. При такой пошлинѣ наши таможни брали съ тонкою полотна 4 р. 20 к. съ куска или $8^2/_3$ % со стоимости, съ грубого же 7 р. 20 к. съ куска или 60% со стоимости. Такая несообразность взиманія пошлинъ, безъ раздѣленія товара на категоріи, дала тонкимъ иностраннымъ издѣліямъ полное господство на нашихъ рынкахъ. Но

вотъ съ тарифомъ 1857 года послѣдовало измѣненіе и существовавшія пошлины съ вѣса были замѣнены пошлиной ad valorem, съ цѣны издѣлій, но наша фабрикація отъ этого измѣненія мало выиграла. Пошлина съ цѣны хороша тамъ, гдѣ таможенное устройство правильно организовано, иначе такая система представляетъ большой соблазнъ недобросовѣстнымъ предъявителямъ, противъ котораго устоять трудно. Отсюда проистекаетъ система представленія ложныхъ фактуръ, однѣхъ для покупателей, другихъ для таможни, отсюда ущербъ внутреннему производству, честнымъ торговцамъ и наконецъ самой казнѣ. Это доказано вездѣ на опытѣ. Здѣсь же остается только сказать, что выработка нашихъ льняныхъ цѣнныхъ тканей, постоянно сокращается. Точное опредѣленіе цѣны невозможно тамъ, гдѣ и коммиссіонеры и иностранные агенты и вся обстановка дѣла дѣйствуетъ на пониженіе цѣнъ. Но это вопросъ весьма сложный, и по своей важности требуетъ всесторонняго и серіознаго обсужденія, и весьма было бы полезно, если бы наши льнопрядильщики представили обстоятельно изложенное мнѣніе о состояніи этой отрасли нашей народной промышленности, и отзывы бы ихъ были строго и добросовѣстно взвѣшаны. Намъ удалось видѣть изданные французскимъ правительствомъ громадные фоліанты преній, по поводу англо-французскаго трактата. По каждому вопросу, по каждой отрасли промышленности, призваны были эксперты изъ промышленниковъ и въ весьма значительномъ числѣ.

Въ высшей степени и любопытно и поучительно читать ихъ мнѣнія, и съ другой стороны видѣть, какъ внимательно и добросовѣстно выслушивались мнѣнія людей, интересы которыхъ затрогивались и на мнѣнія которыхъ нельзя не обращать вниманія, потому что съ интересами ихъ связанъ вмѣстѣ также интересъ значительнаго числа рабочаго народонаселенія и цѣлыхъ отраслей народной промышленности.

Съ фабрики Зотова Его Высочество заѣзжалъ еще на фабрику Брюханова, гдѣ быстро обойдя льнопрядильное отдѣленіе, остановился долѣе въ ткацкой. Отсюда заѣхалъ онъ въ небольшое, но прекрасно устроенное гвоздильное заведеніе г-дъ Колодезниковыхъ, гдѣ съ большимъ вниманіемъ была осмотрѣна простая, но чрезвычайно умно приспособленная машина для выдѣлки гвоздей, придуманная и устроенная самимъ хозяиномъ, и потомъ посѣтилъ механическій заводъ полковника Шипова.

Костромской механическій заводъ возникъ всего только десять лѣтъ тому назадъ, и притомъ въ весьма небольшихъ размѣрахъ. Первые опыты были тяжки и не дали блестящихъ результатовъ. Приходилось бороться съ тѣми трудностями, которыя предстоятъ на каждомъ шагу русскому заводчику и фабриканту отъ недостатка хорошихъ рабочихъ и мастеровъ. Ихъ приходилось вновь формировать и пріучать къ новому дѣлу. Первоначально заводъ отливалъ только мѣдные валы для ситцевыхъ фабрикъ, но это было невыгодно, вслѣдствіе сильной кон-

курренціи со стороны Англіи, и заводъ сохранялъ характеръ почти исключительно механическаго заведенія. Но быстро развивавшееся пароходство на Волгѣ и удобная мѣстность на самой Волгѣ навели учредителей на новую мысль—заняться постройкой пароходовъ. Въ 1857 году были уже готовы два парохода *Алексѣй* и *Владиміръ*, и съ этого времени дѣло пошло быстро впередъ. По настоящее время сдѣлано уже на Волгу 27 и на Донъ 5 пароходовъ. Независимо отъ этого производства, костромской заводъ, со времени своего основанія, приготовилъ: для астраханскаго порта 8 паровыхъ машинъ съ центробѣжными насосами и два паровыхъ котла для парохода; для разныхъ фабрикъ и заводовъ 38 паровыхъ машинъ, на 599 силъ, 71 паровой котелъ, 10 переносныхъ паровыхъ машинъ, 3 паровые молота, 34 гидравлическихъ пресса, 48 водокачальныхъ машинъ, 28 гвоздильныхъ, 4 паровыя мельницы, и столько же мельничныхъ поставовъ, одну тюрбину, одно желѣзное водяное колесо, 9 ватеровъ для пряденія льна, 30 ткацкихъ становъ, одну воздуходувную машину, 750 мѣдныхъ валовъ для ситцепечатныхъ фабрикъ и т. п., не говоря уже о множествѣ мелкихъ штукъ для различныхъ фабрикъ и заводовъ.

Заводъ былъ осмотрѣнъ во всѣхъ подробностяхъ, начиная съ модельной. Въ присутствіи Его Высочества сформована и отлита чугунная доска въ воспоминаніе его посѣщенія. Все производство было объясняемо г. управляющимъ, о которомъ г. Шиповъ отзы-

вается съ величайшимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ, оказавшемъ большую услугу заводу различными новыми усовершенствованіями въ постройкѣ пароходовъ, и въ особенности тѣмъ, что пароходы Костромскаго завода требуютъ очень мало топлива. Такъ намъ было передано, и мы не имѣемъ никакого повода сомнѣваться въ справедливости этихъ словъ.

Недостатокъ въ хорошихъ мастерахъ и управляющихъ — это главное зло нашей народной промышленности, а безъ собственныхъ механическихъ заводовъ, этой главной школы для мастеровъ, мы ихъ не будемъ имѣть, никогда не будемъ имѣть и хорошихъ управляющихъ для нашихъ фабрикъ, никогда и наши фабрики не въ состояніи будутъ дешево производить, потому, что рѣдкая изъ нихъ не имѣетъ при себѣ механическаго заведенія, для производства необходимыхъ поправокъ въ машинахъ, а въ случаѣ, какого нибудь капитальнаго поврежденія, иной фабрикѣ приходится и совсѣмъ пріостановить свое дѣйствіе. За примѣрами ходить далеко нечего. На фабрикѣ Зотова случилось недавно весьма важное поврежденіе въ паровой машинѣ, и не будь возлѣ механическаго завода, пришлось бы закрывать фабрику или ждать новой машины, или выписывать машиниста-механика изъ-за тридевяти земель. Вотъ почему каждый механическій заводъ есть новый шагъ и новое завоеваніе въ дѣлѣ развитія нашей народной промышленности.

Но потому то и не нужно быть слишкомъ взыскательными къ нашимъ заводамъ, а на оборотъ, мы должны всѣми средствами имъ покровительствовать и содѣйствовать ихъ распространенію. Фабрики существуютъ у насъ давно, и съ самаго начала развитія у насъ фабричнаго и заводскаго дѣла мы выписываемъ машины изъ Англіи. Но много ли у насъ образовалось хорошихъ директоровъ изъ русскихъ. Кто не сознается, что очень мало, и что бóльшая часть директоровъ иностранцевъ образуетъ изъ себя какую то касту, весьма враждебно смотрящую на каждаго русскаго рабочаго и механика, ежели только замѣчаютъ въ немъ попытку усвоить себѣ дѣло. Въ такомъ человѣкѣ видятъ они своего естественнаго соперника. Кромѣ главнаго директора на всѣхъ нашихъ фабрикахъ найдемъ нѣсколько иностранныхъ подмостерьевъ. Кто же они такіе и гдѣ образовались? Конечно на механическихъ заводахъ, гдѣ дѣлаются машины, а этихъ то заводовъ у насъ нѣтъ, и вотъ наша промышленность отягощается постоянно сильными издержками на содержаніе иностранныхъ мастеровъ, которымъ платится огромное жалованье, издержки же ложатся на наше фабричное производство и на цѣну нашихъ издѣлій, а вмѣстѣ съ тѣмъ задерживается ремесленное образованіе нашего рабочаго народа, въ которомъ заключается главный недостатокъ нашей промышленности. Механическіе заводы образуютъ собой лучшую практическую школу для образованія механиковъ и машинистовъ, а это великое дѣло и какъ

мы въ этомъ нуждаемся, какъ дорого мы за недостатокъ машинистовъ иной разъ переплачиваемъ—въ этомъ рѣдко даютъ себѣ у насъ отчетъ. Про то знаютъ только фабриканты, очень тяжело чувствуетъ и все производство. Позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ такой бѣдности Россіи въ машинистахъ и хорошихъ рабочихъ. По случаю чрезвычайныхъ работъ, въ Кронштадтѣ потребовалось большое число рабочихъ на тамошнія мастерскія, и за этими рабочими разосланы были чиновники министерства по Волгѣ, которые и сманивали рабочихъ съ частныхъ заводовъ, за большія деньги. Съ механическаго заведенія Журавлева и съ завода г. Шипова ушло много рабочихъ и мастеровъ, прельщенныхъ огромною, сравнительно, задѣльною платою. Другой поразительный примѣръ удалось намъ слышать отъ адмирала Мофита, сопровождавшаго Государя Цесаревича отъ Казани до Астрахани. Во время Крымской войны, когда сооружена была паровая канонерская флотилія въ финскомъ заливѣ, оказалась весьма естественно нужда въ машинистахъ для управленія паровыми машинами. И что же? отряжены были чиновники изъ разныхъ вѣдомствъ на Николаевскую желѣзную дорогу, для изученія, какъ управлять паровой машиной, и потомъ ихъ опредѣлили машинистами на канонерскія лодки. Сначала дѣло шло конечно съ грѣхомъ пополамъ, но, — русскій человѣкъ на всѣ руки гораздъ,—и бывшіе писцы оказались порядочными машинистами. Впрочемъ это еще все случаи чрезвычай-

ные, но вотъ примѣръ взятый изъ недавняго и совершенно уже мирнаго времени. Когда строилась желѣзная дорога изъ Владимірм въ Нижній, то г. Дерошъ, инженеръ, завѣдывавшій подрядомъ постройки, просилъ отпустить ему съ Костромскаго механическаго завода, трехъ слѣсарей-монтеровъ, потому что вывезенные имъ изъ Франціи мастера для работъ по сборкѣ лакомобилей, вагоновъ и другихъ производствъ, работали сначала охотно за 1 р. 50 к. въ день, но потомъ; видя что они необходимы, и что ихъ трудно замѣнить, стали возвышать свои требованія и принудили платить имъ по 2 р. 50 к. въ день, а потомъ отказались работать и за эту плату, требуя еще прибавки.

Такъ поступили французскіе рабочіе съ своимъ соотечественникомъ, а развѣ мы не знаемъ, какимъ капризамъ подвергаются наши фабриканты со стороны механиковъ и деректоровъ иностранцевъ, потому что замѣнить ихъ часто некѣмъ. Наконецъ припомнимъ какія груды выписанныхъ изъ-за границы сельскохозяйственныхъ машинъ валяются въ сараяхъ у нашихъ сельскихъ хозяевъ, какъ негодный хламъ, потому что каждая починка, требующая работы, посложнѣе кузнечной, сопряжена съ величайшими затрудненіями, потому что нѣтъ нигдѣ по близости механическихъ заведеній и хорошихъ рабочихъ, а они воспитываются только на механическихъ заводахъ; при недостаткѣ же хорошихъ механиковъ для управленія машинами, естественновсегда чаще бываютъ и ломни. Какъ благодѣтельно

можетъ быть для каждой мѣстности существованіе большаго механическаго заведенія, именно въ этомъ отношеніи, т. е. въ дѣлѣ образованія, столь необходимо для Россіи, класса механиковъ и машинистовъ, укажемъ на нѣкоторые примѣры, на Шепелевскіе заводы, воспитавшіе цѣлыя поколѣнія хорошихъ слесарей и кузнецовъ, на Костромской механическій заводъ, выпустившій со времени своего основанія, на пароходы и на фабрики 82 машиниста и 60 слесарей изъ крестьянскихъ мальчиковъ. Но за то не забудемъ, какъ мало у насъ механическихъ заводовъ, сообразно съ нашими потребностями, и съ какими затрудненіями имъ приходится бороться. Припомнимъ судьбы прекраснаго механическаго завода Нобеля и заводъ покойнаго Герцога Лейхтенбергскаго, который по словамъ г. Полетики стоилъ 4,000,000 р. и пріобрѣтенъ главнымъ обществомъ россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за 2,600,000. Заводъ этотъ былъ таковъ, какихъ не много въ Европѣ; онъ былъ разсадникъ, доставившій много отличныхъ рабочихъ, и наконецъ ему пришлось процентовать свой огромный капиталъ ремонтными исправленіями.

И такъ, ежели необходимость механическихъ заводовъ такъ очевидна, то спрашивается, какая же тому причина, что дѣло это, столь важное для нашего народнаго хозяйства такъ медленно и туго развивается. Общій голосъ,—не однихъ механическихъ заводчиковъ, но всѣхъ вообще фабрикантовъ и промышленниковъ, съ которыми намъ приходилось бесѣдовать объ этомъ

дѣлѣ, — того мнѣнія, что эта отрасль мануфактурной промышленности, и притомъ столь юная, остается совершенно безъ покровительства и должна выдерживать соперничество съ механическими заводами въ странахъ, гдѣ она уже окрѣпла, пустила глубокіе корни, и гдѣ она и ограждалась и все-таки еще ограждается значительными охранительными пошлинами, какъ напр., во Франціи, гдѣ до 1860 года, пошлина на иностранныя машины была среднимъ числомъ 1 р. 47 коп. съ пуда, въ Бельгіи, отъ 25 к. — 1 — 25 к. съ пуда, смотря по предметамъ, въ Австріи 2 р. 6 к. сер.

Обыкновенное возраженіе противъ наложенія пошлинъ это то, что пошлины лягутъ бременемъ на потребителей. Но что же говорятъ фабриканты, эти главные потребители? Фабриканты наши еще въ 1857 году, представляли записку о необходимости наложенія пошлинъ, а въ 1862-мъ году, члены Московскаго мануфактурнаго совѣта изложили въ подробности свое мнѣніе, о необходимости развитія механическихъ заводовъ въ Россіи, для блага всей нашей промышленности и въ заключеніе высказали, что однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ и дѣйствительныхъ средствъ будетъ наложеніе пошлины на иностранныя машины. По ихъ расчету наложеніе пошлины въ 20% со стоимости машинъ увеличитъ на бумагопрядильняхъ стоимость пряжи на $^1/_4$ к. съ пуда, на самоткацкихъ $^{33}/_{1000}$ коп. на аршинъ миткаля, на суконныхъ $^3/_4$ коп. на аршинъ двухрублеваго сукна, на свеклосахарныхъ заводахъ для всѣхъ ма-

шинъ отъ 3—$5^3/_4$ коп. на пудъ сахарнаго песку. При такихъ результатахъ, естественно нечего опасаться за отягощеніе потребителей, кто бы они ни были. Увеличеніе стоимости товаровъ такъ ничтожно, что ея и въ расчетъ брать нечего, ежели только такою мѣрою можно достигнуть главной цѣли, упроченія нашей мануфактурной промышленности, дабы ей не приходилось быть въ зависимости отъ иностранныхъ механиковъ, въ случаѣ каждой поломки и отъ иностранныхъ директоровъ, когда можно будетъ имѣть подъ рукой дѣльныхъ и хорошихъ машинистовъ у себя дома.

Въ числѣ голосовъ, подымающихся противъ наложенія пошлинъ на машины, слышатся часто голоса весьма уважительные — именно голоса сельскихъ хозяевъ, бросившихся, особенно теперь, послѣ рѣшенія крестьянскаго дѣла, на закупку машинъ, къ сожалѣнію съ такою же стремительностью и нерасчетливостью, которою такъ мы всѣ отличаемся въ извѣстныя минуты. Но дешево ли обошлись имъ эти машины и принесли ли желаемую пользу. Можно смѣло сказать, что большая часть машинъ остается хламомъ, потому что нѣтъ людей для починки и руководства машинами, а ежели есть, то они обходятся слишкомъ дорого, потому что ихъ очень мало. Для сельскаго хозяина не составитъ большаго расчета заплатить 20% лишняго за машину, вмѣсто 200 или 400 р., заплатить 240 или 480 руб., особенно ежели принять въ расчетъ, что въ случаѣ поломки машины въ рабочее время, его убытки мож-

но считать не десятками рублей, когда поправить машинъ негдѣ, когда въ окрестностяхъ, кромѣ посредственпныхъ кузнецовъ никого нѣтъ, когда нѣтъ людей, для управленія машинами и когда вслѣдствіе этого ломки бываютъ гораздо чаще. Вотъ такіе-то расходы, которые очень часто упускаются изъ виду, необходимо брать въ расчетъ, и тогда балансъ расходовъ выйдетъ другой. При огражденіи же нашего машиннаго производства пошлиной, можно надѣяться, что производство улучшится, а вмѣстѣ съ тѣмъ и удешевятся ихъ издѣлія, какъ это мы видимъ на всѣхъ отрасляхъ мануфактурной нашей промышленности. Дѣло въ томъ, что каждая промышленность тогда только можетъ и удешевить свое производство и стать прочно, когда ей вполнѣ обезпеченъ рынокъ. Большая разница сдѣлать одну машину или постоянно дѣлать цѣлые десятки ихъ по одному рисунку. Кромѣ того, не должно забывать, что при размноженіи въ нашемъ отечествѣ машинныхъ заведеній, естественно должно явиться и раздѣленіе труда, необходимый результатъ расширенія и обезпеченности рынковъ. Одно заведеніе будетъ работать только котлы, другое литье, третье станетъ заниматься только кузнечною или слесарною работой, и наконецъ четвертое будетъ сборною мастерской. Опасаться возвышенія цѣнъ на машины отъ отсутствія внѣшней конкурренціи нѣтъ никакой причины. У насъ внутри скорѣе образуется благодѣтельное во всѣхъ отношеніяхъ внутреннее соперничество, а примѣры у насъ у

всѣхъ передъ глазами. Это соперничество скорѣе всего удешевитъ издѣлія и дастъ возможность окрѣпнувшей промышленности соперничать съ иностранцами, которые имѣютъ теперь за собой все преимущество, и бой съ которыми былъ бы не равный".

Вотъ что говорятъ наши промышленники, и припомнились намъ слова благороднаго Араго во французской камерѣ, по поводу вопроса, откуда брать подвижной составъ для французскихъ желѣзныхъ дорогъ. «Намъ необходимо образовать работниковъ и мастеровъ въ мирное время, дабы они намъ дѣлали паровыя машины тогда, когда нельзя будетъ получать ихъ изъ Англіи. Теперь, въ мирное время, слѣдуетъ думать о томъ, что механики необходимы и на флотѣ и что они тамъ играютъ великую роль. Во Франціи много дѣлаютъ хорошихъ машинъ, но машины обходятся дорого, потому что, не имѣя надежды на большіе заказы, владѣльцы машинныхъ заводовъ не рѣшаются употребить достаточныхъ капиталовъ для правильной и широкой обстановки своего дѣла. Увѣренность въ самомъ себѣ—это первое дѣло.

Что же на это сказать и какой отсюда выводъ? На наши глаза одинъ, что въ рѣшеніи вопросовъ промышленныхъ, точно также какъ и политическихъ нужно поменьше выѣзжать на общихъ мѣстахъ и фразахъ, а глубже и серьезнѣе вникать въ наши хозяйственныя нужды. Много на свѣтѣ прекрасныхъ, громкихъ лозунговъ. Чудо, какъ заманчивы идеи всеобщаго мира и

братства между народами, полной свободы международной торговли, но это все идеалы, къ которымъ можетъ только стремиться человѣчество, но ежели мы во имя этихъ идеаловъ будемъ забывать свои насущные интересы, то право, никакъ красотой Европы не удивимъ, а добьемся одного, что насъ же будутъ обирать и надъ нами же будутъ смѣяться. Все дѣло не въ гоньбѣ за общими мѣстами, а въ мелочномъ изслѣдованіи условій нашей родной промышленности. Въ народно-хозяйственной практикѣ универсальныя лекарства также вредны и также отзываются часто шарлатанствомъ, какъ и въ медицинѣ, и здѣсь также точно опасно обобщать какъ и тамъ. Въ вопросахъ торговой политики и народной промышленности необходимо до мельчайшихъ подробностей изучать каждое отдѣльное явленіе, брать въ расчетъ всѣ условія и обстоятельства, среди которыхъ оно находится, и что его вызвало. Тутъ, однимъ словомъ, «свобода торговли», ничего не сдѣлаешь, потому что для практическаго рѣшенія задачи нужно заглядывать въ такіе уголки и принимать въ расчетъ такія мелочныя, повидимому совершенно внѣ промышленности стоящія условія, о которыхъ никогда и не грезилось людямъ, привыкшимъ такіе животрепещущіе вопросы разрѣшать легко, одною общею и громкою фразой. Весь вопросъ въ томъ, что при свободномъ соперничествѣ должны соперничать равный съ равными, а гдѣ силы не равны, тамъ не можетъ быть и свободной конкуренціи. Но

желая нашему машинному производству и нашей промышленности вообще всякаго процвѣтанія и заботливыхъ попеченій о ея ростѣ, нельзя также не пожелать, чтобы сами производители глубже знали свое дѣло, настойчивѣе бы трудились и болѣе бы полагались на свои собственныя силы, если хотятъ, чтобы ихъ справедливыя требованія были услышаны. Но къ счастію нашему и въ этомъ отношеніи замѣтенъ большой успѣхъ, и объясненія, представленныя при осмотрѣ фабрикъ Зотова, Брюханова, Крохоняткина въ Ярославлѣ и на заводѣ Шипова хозяевами и директорами, прекрасно и дѣльно составленныя записки свидѣтельствуютъ о близкомъ и точномъ знаніи дѣла, отсутствіе котораго такъ часто болѣзненно отзывается на нашей промышленности.

Послѣ осмотра завода, Его Высочество удостоилъ принять завтракъ, предложенный хозяиномъ. Вслѣдъ за тостами за здравіе Государя Императора и Государыни Императрицы, хозяинъ обратился къ Его Высочеству съ слѣдующими словами:

„Дозвольте, Ваше Императорское Высочество, принесть Вамъ отъ полноты души нашу признательность за счастіе, которымъ вы удостоили нашъ заводъ и наши костромскія фабрики. Мы всѣ (на завтракѣ присутствовали господа Зотовъ, Брюхановъ и Михинъ) отъ глубины нашего русскаго сердца радуемся, видя съ какою любознательностію и вниманіемъ Ваше Высочество входили во всѣ подробности нашего дѣла.

Вы учитесь, скромно выразились Вы, и эти слова насъ глубоко восхитили. Мы видимъ въ этомъ залогъ благоденствія нашей родной промышленности, и смѣемъ надѣяться, что Ваше Императорское Высочество будете высокимъ покровителемъ и ходатаемъ за насъ у Государя Императора. Да здравствуетъ Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ. Ура!“

ГЛАВА VII.

Обѣдъ, данный Костромскимъ дворянствомъ. Отъѣздъ въ с. Иваново. Нерехта. Фабрика Дьяконовыхъ. Вечеръ въ с. Ивановѣ. Очеркъ Иванова и Вознесенскаго посада. Фабрика Зубкова. Выставка. Фабрика Гарелина. Ситцевое заведеніе вдовы Гандуриной. Соборъ въ Ивановѣ. Завтракъ у Гарелина. Обратный путь въ Кострому. Посѣщеніе Цесаревичемъ Губернскаго присутствія. Отъѣздъ изъ Костромы. Мели на Волгѣ. Нижній при вечерней иллюминаціи.

Въ тотъ же день, 1-го іюля, былъ обѣдъ, устроенный костромскимъ дворянствомъ для Высокаго Посѣтителя, въ прекрасной залѣ дворянскаго собранія. Во время обѣда играла музыка, и хозяева, предводители дворянства всѣхъ уѣздовъ, распоряжались истинно хлѣбосольнымъ угощеніемъ. Въ концѣ обѣда, губернскій предводитель дворянства, г. Мироновъ, обратился къ Его Высочеству съ привѣтственною рѣчью.

2-го іюля предположено было отправиться изъ Костромы въ дальнюю поѣздку, черезъ Нерехту въ с.

Иваново, Владимірской губерніи. Въ 9-мъ часу утра мы пустились въ путь. Надобно было переѣхать черезъ Волгу, на другую сторону къ почтовой дорогѣ, гдѣ были приготовлены дорожные экипажи. У пристани насъ ожидала шлюпка съ гребцами, одѣтыми въ красивыя рубахи и шляпы, опоясанныя тройнымъ рядомъ лентъ. Скоро окружила насъ небольшая флотилія маленькихъ лодочекъ, собравшихся на проводы Великаго Князя: въ каждой лодкѣ по два-три человѣка и каждая старалась подъѣхать какъ можно ближе и усердно кричала изо-всѣхъ силъ, всѣми своими голосами. Всего настойчивѣе слѣдовала за нами одна лодка, которою управлялъ молодой купецъ или мѣщанинъ; прикащикъ его гребъ, а между ними сидѣла жена хозяина. Лодка эта лавировала около насъ, безпрестанно стараясь выбирать самые выгодные пункты, и весело было видѣть, какъ казалась довольна и счастлива хозяйка, что успѣла на свободѣ поглядѣть на Наслѣдника, и особенно ему поклониться. Глядя на изъявленія чувства народнаго, замѣчаешь поминутно, какъ изъ коллективнаго движенія массы выдѣляются личныя стремленія выказать *свое* собственное чувство и вызвать собственно для себя знакъ или взглядъ сочувственный. Въ какой бы формѣ ни выражалось это чувство, оно такъ просто и безкорыстно и такъ соотвѣтствуетъ естественной потребности души, что нельзя не дорожить имъ, нельзя не уважать его. Чѣмъ горячѣе чувство личное, тѣмъ неотступнѣе просится оно

наружу, и тѣмъ сильнѣе желаетъ сочувственнаго движенія. И какъ довольны бывали тѣ, кому удавалось вызвать и привлечь къ себѣ или просто уловить это сочувственное движеніе! Сколько разъ случалось намъ слышать, какъ послѣ долгаго движенія выходили изъ толпы довольные и говорили съ восторгомъ: онъ на меня посмотрѣлъ, онъ улыбнулся мнѣ, онъ мнѣ поклонился. Въ чувствѣ человѣческомъ всегда живетъ безсознательно человѣческое *я*, придавая ему силу и живость. Безсознательное его движеніе, покуда оно просто и безхитростно, столько же дорого, какъ и сознательное выраженіе чувства и мысли.

Мы тронулись, наконецъ, въ шести почтовыхъ экипажахъ, по большой дорогѣ, обсаженной густыми развалистыми березами. Насъ окружала красивая мѣстность, но къ сожалѣнію, намъ не удобно было любоваться ею, сначала за густою пылью песчаной дороги, потомъ за липкою грязью, которая поминутно брызгала на насъ изъ подъ копытъ. Но впечатлѣнія этой поѣздки были таковы, что они никогда не изгладятся изъ памяти пишущаго эти строки. Вся эта дорога отъ Костромы до с. Иванова, на 113 верстъ протяженія, была непрерывнымъ торжественнымъ шествіемъ, непрерывнымъ рядомъ такихъ впечатлѣній, которыхъ до того времени не доводилось испытывать. Сторона, по которой мы ѣхали, принадлежитъ къ самымъ населеннымъ мѣстностямъ Россіи, и населена чисто русскимъ племенемъ безъ всякой примѣси. Представьте, что все это насе-

леніе поднялось на встрѣчу Царскому сыну и Наслѣднику, обступило всю его дорогу, и окружило весь путь его заявленіями горячаго чувства. Это чувство выражалось съ такою ясностью, съ такимъ увлеченіемъ, съ такою младенческою простотою, что самое холодное сердце не могло оставаться равнодушнымъ. А выражалось оно, можно сказать, на каждомъ шагу, въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ, на каждомъ почти перекресткѣ большой дороги, потому что и изъ сосѣднихъ деревень, которыя не на самой дорогѣ лежатъ, выходило на дорогу поголовно все населеніе. Въ городахъ видѣли мы громадную толпу, громадное собраніе народное, въ которомъ сливались всѣ безразлично. Здѣсь народъ являлся намъ тѣми отдѣльными группами, въ которыхъ разселился волостями, селеніями и отдѣльными семьями; каждый у своего поселка, у своего дома, и каждый со всѣмъ домомъ своимъ встрѣчалъ и провожалъ Царскаго Сына. Въ каждомъ мѣстѣ и во всякой группѣ чувство выражалось по своему; повсюду одна и та же мысль, но съ тѣми разнообразными оттѣнками выраженія, которые придаетъ ему личное разнообразіе. Первыя селенія, за Костромою, украшены были на городской образецъ подобіями флаговъ; на длинныхъ шестахъ крестьяне развѣшивали лучшіе платки свои и куски цвѣтныхъ матерій. Ѣдемъ дальше, вдали виднѣется густая, пестрая толпа по обѣ стороны дороги; на одной сторонѣ стоятъ сплошнымъ рядомъ мущины, на другой бабы и дѣвушки съ дѣтьми. Еще нѣсколько верстъ — выш-

ло все населеніе изъ сосѣднихъ деревень и построило ворота изъ бревенъ и жердей, украсило ихъ цвѣтною драпировкой, и надпись сдѣлало на верху воротъ, а крестьянскія дѣвушки стоятъ съ пучками цвѣтовъ и бросаютъ ихъ въ коляску и по дорогѣ. Въ однихъ мѣстахъ ряды пропускаютъ насъ, оставаясь на мѣстахъ, съ криками и поклонами и съ веселыми улыбками. Въ другихъ все населеніе въ разсыпную бѣжитъ за экипажами, бросаютъ шапки вверхъ, хватаются за коляску и кричатъ *ура* разными голосами. Въѣзжаешь въ село, у самаго въѣзда собралась толпа на встрѣчу. Ѣдешь по селу, у каждаго домика поставленъ столъ, накрытый бѣлою скатертью; на столѣ круглый хлѣбъ съ солонкой, а передъ хлѣбомъ каждый поставилъ завѣтную свою икону, и хозяева стоятъ—каждый у своего столика и кланяются. У иного домика стоитъ одна старуха: видно не изъ чего было ей снарядить столъ; она держитъ въ рукахъ свою икону на бѣлой подстилкѣ. Проѣзжаемъ полемъ, въ сторонѣ, за лѣскомъ, нѣсколько старухъ вышли изъ сосѣдней деревни и стоятъ съ своею иконой; посреди поля, съ клюкой, на колѣняхъ, слѣпой старикъ и кланяется въ землю. Словомъ сказать, на каждой верстѣ представлялись намъ новыя группы, новыя изъявленія чувства народнаго. Нельзя было равнодушно смотрѣть на лица, обступавшія насъ на дорогѣ: то были чистыя, каждому Русскому родныя и пріятныя черты великороссійскаго племени, которымъ сплошь населенъ этотъ

край: бѣлолицые, круглолицые, русый волосъ, полный разрѣзъ глаза, ясный и добрый взглядъ и сіяющая весельемъ улыбка. Всѣ одѣлись въ лучшія свои платья; повсюду виденъ былъ народъ зажиточный и нарядный.

Около полудня, мы пріѣхали въ Нерехту и остановились въ домѣ городскаго головы Крейцера, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ для Его Высочества. Столъ былъ накрытъ въ небольшой залѣ одноэтажнаго дома, выходившей окнами на улицу. Отъ самыхъ оконъ разливалась по всей улицѣ сплошная толпа народная, и головы первыхъ рядовъ приходились въ ровень съ окнами, такъ что Цесаревича удобно было видѣть прямо съ улицы, и каждый разъ, когда онъ показывался у окна, вся масса колыхалась, летѣли вверхъ шапки и слышалось оглушительное *ура* во всю улицу небольшаго города. Въ галлереѣ у входа, на крыльцѣ, и въ садикѣ, примыкавшемъ къ дому съ другой стороны, тѣснились городскія дамы, чтобы поближе взглянуть на Великаго Князя, когда онъ выйдетъ или пройдетъ по комнатамъ.

Г. Крейцеръ, нынѣшній голова города Нерехты — не русскаго происхожденія, и въ этомъ отношеніи представляетъ весьма рѣдкое явленіе въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. Еще не очень давно то время, когда онъ былъ рабочимъ на льнообдѣлочномъ заведеніи г. Классена въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, а теперь стоитъ во главѣ громаднаго по размѣрамъ торговаго дѣла, по отпуску льна за границу. У него, говорятъ, также

было прежде льнообдѣлочное заведеніе, но оно, подобно всѣмъ другимъ, мало представляло выгодъ и, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, онъ перешелъ отъ заводскихъ работъ къ закупкѣ льна прямо изъ крестьянскихъ рукъ для сбыта въ Петербургъ за границу.

Послѣ завтрака поданы были экипажи, и Его Высочество поѣхалъ на полотняную фабрику братьевъ Дьяконовыхъ, придворныхъ Ея Императорскаго Величества фабрикантовъ. Она была основана еще въ 1842 г. купцомъ Брюхановымъ, а съ 1850 года соединена съ вновь устроившеюся фабрикой Сыромятниковыхъ. Въ 1852 году въ дѣлахъ принялъ участіе Борисъ Дьяконовъ, и компанія пріобрѣла себѣ въ этомъ году новое и болѣе удобное мѣсто. Когда, въ 1853 году Брюхановъ выбылъ изъ компаніи, то фабрика была почти заново устроена, и подъ фирмой мануфактуры нерехотскихъ 2-й гильдіи купцовъ Сыромятникова и Дьяконова продолжалась до самаго пожара 1861 г., истребившаго въ октябрѣ главный корпусъ фабрики со всѣми льнопрядильными машинами и аппретурными заведеніями. Тогда между Сыромятниковымъ и Дьяконовымъ произошелъ раздѣлъ, и вся фабрика перешла въ томъ же году въ руки торговаго дома Дьяконовыхъ. Сгорѣвшая фабрика въ настоящее время совершенно возстановлена, съ прибавленіемъ къ ней механическихъ ткацкихъ станковъ. Фабрика производитъ льняныя и пеньковыя разныхъ сортовъ ткани изъ русской льняной пряжи, но главнымъ образомъ, коло-

менки, скатерти, салфетки, полотенца, полотна и т. д. При мануфактурѣ находится одинъ директоръ (Русскій), одинъ механикъ Бельгіецъ. Первый завѣдываетъ исключительно льнопрядильною, второй механическою частью вообще. Кромѣ того на фабрикѣ 4 мастера и 10 подмастерьевъ. Изъ первыхъ трое Русскихъ и одинъ иностранецъ. При льнопрядильнѣ состоитъ до 250 рабочихъ, въ ткацкой 300 ткачей и 50 чернорабочихъ. Но этимъ фабрика не ограничиваетъ еще своего производства. Контора раздаетъ ежегодно по деревнямъ на 100 станковъ пряжи для выработки коломенки и салфетокъ низшаго достоинства. Изъ рабочихъ одни получаютъ условное жалованіе отъ 50 до 250 р. въ годъ, а другіе сдѣльно отъ 60 до 200 р. въ годъ. Мастера получаютъ отъ 400 — 600 р., подмастерья отъ 200—300 р. въ годъ. Мальчики и дѣвочки заработываютъ отъ 40 до 80 р. Прядильные и ткацкіе аппараты приводятся въ движеніе паровою машиной въ 40 силъ. На фабрикѣ находятся льнопрядильныя машины: 3 карды для очески, 4 ленточныя, 2 очесочныя, 13 ватеровъ мокраго пряденья и 2 сухаго, въ количествѣ 2,000 веретенъ, два кружильные ватера въ 140 веретенъ, 100 ручныхъ гребней для чески льна, два станка для упаковки пряжи въ пачки, 3 самоточки для точенія и грифленія валиковъ, слесарня и кузница съ необходимыми въ нихъ инструментами, точильными и сверлильными станками. Въ ткацкомъ отдѣленіи находится 60 механическо-ткацкихъ станковъ,

2 сновальныя машины, 2 шпульныя, 2 шлихтовальныя, 2 навойныя и 2 размоточныя, 50 жакардовыхъ и до 100 ручныхъ станковъ со всѣми принадлежностями. Къ фабрикѣ принадлежатъ бѣлильное и красильное заведеніе, съ нужными при нихъ аппаратами. При аппретурномъ заведеніи находится одна 8-сильная машина съ Алексѣевскаго завода въ Москвѣ. При фабрикѣ есть также пожарное депо съ тремя заливными пожарными машинами и необходимымъ количествомъ бочекъ и багровъ. Къ инструментамъ приставлены нарочно выбранные фабричные, обязанные являться по первой тревогѣ.

Фабрика вырабатываетъ въ годъ: пряжи изъ льнянаго оческа отъ № 6—26 до 17,000 пудовъ на 150,000 р., и ткацкихъ товаровъ до 30,000 кусковъ на сумму до 200,000 р. Фабричнымъ и мастеровымъ выдается ежегодно до 50,000 рублей, да на покупку льна, почти исключительно въ Нерехотскомъ уѣздѣ употребляется до 100,000. Слѣдовательно до 150,000 р. вливается ежегодно отъ этой фабрики въ народное обращеніе, и значительно содѣйствуютъ возвышенію благосостоянія жителей Нерехты и окрестныхъ деревень. Сбытъ пряжи производится въ губб. Костромской, Владимірской и Ярославской, а полотняныхъ товаровъ въ обѣихъ столицахъ и на ярмаркахъ Нижегородской и на украинскихъ.

Почти часъ продолжался осмотръ фабрики, а на дворѣ и вокругъ толпились густыя массы народа, и едва

гдѣ въ окнѣ или на лѣстницѣ показывался Великій Князь, какъ тотчасъ же поднимался нескончаемый гулъ *ура*, и тысячи шапокъ летѣли вверхъ. Къ нашему возвращенію, лошади были уже готовы и экипажи поданы. Во 2-мъ часу мы уже мчались по дорогѣ въ село Иваново.

На дорогѣ отъ Нерехты къ с. Иванову лежитъ большое село Писцово. Оно было пожаловано въ 1660 году князю Долгорукому за побѣду надъ Гонсѣвскимъ подъ Вильной и съ тѣхъ поръ не выходитъ изъ рода Долгорукихъ. Село это издревле славилось богатствомъ, славилось церквами своими и даже дѣвичьимъ монастыремъ, существовавшимъ здѣсь въ началѣ XVIII столѣтія. Потомъ славилось ткацкими льняными фабриками, и теперь оно имѣетъ немаловажное промышленное и торговое значеніе. Писцовскіе красильщики или крашенники проживаютъ въ городахъ и селахъ Костромской губерніи, занимаясь крашеніемъ и набивкою холста. Въ селѣ бываетъ ярмарка, которой оборотъ доходитъ до 20,000 руб. Это самое большое село Нерехотскаго уѣзда. Жителей въ немъ около 2500 челов.; но на этотъ разъ, въ ожиданіи проѣзда Великаго Князя, сошлось сюда изъ сосѣднихъ волостей до 10,000, и мы были встрѣчены такою густою народною толпой, что экипажи могли двигаться не иначе, какъ шагомъ. У одной изъ трехъ каменныхъ церквей Его Высочество былъ встрѣченъ духовенствомъ съ иконами и хоругвями и заходилъ въ церковь къ

молебну, а изъ церкви заѣзжалъ въ домъ мѣстнаго фабриканта, почетнаго гражданина Рыскина, по усердной просьбѣ хозяина. Слѣдующая за Писцовымъ станція находится уже во Владимірской губерніи. Здѣсь представлялось Его Высочеству семейство содержателя почтовой станціи и мѣстнаго помѣщика, съ хлѣбомъ и солью.

Еще версты за двѣ до с. Иванова, встрѣтилъ насъ народъ, толпившійся по обѣ стороны дороги. Онъ вышелъ изъ села на встрѣчу Великому Князю, но коляска ускакала впередъ, и когда онъ проѣхалъ одинъ, его не узнали, потомъ, узнавъ о своей ошибкѣ, всѣ бросились назадъ, и мы въѣхали въ село посреди множества бѣгущихъ людей и скачущихъ экипажей. Не доѣзжая Иванова, мы остановились по сю сторону рѣки, въ Вознесенскомъ посадѣ, въ домѣ купца Зубкова, приготовленномъ для Его Высочества. Домъ стоитъ на самомъ краю посада. Передъ домомъ широкій лугъ, а за лугомъ красуется, точно большой городъ, Иваново съ высокими куполами и колокольнями церквей. Домъ Зубкова, съ высокимъ балкономъ, стоитъ на дворѣ, за рѣшеткою; сюда хлынулъ весь народъ, и до поздней ночи толпа не отходила отъ дому. Мы не могли налюбоваться красивымъ видомъ изъ оконъ и съ балкона на широкій лугъ и на село Иваново, неправильно разбросанное по горамъ и оврагамъ за рѣчкою Уводью. Высокія бѣлокаменныя церкви его красовались посреди домовъ и зелени на заднемъ планѣ. Но когда стемнѣло,

когда зажгли передъ домомъ богато украшенные щиты и транспаранты, и засверкали въ дали огоньки иллюминаціи, стало такъ хорошо, что не хотѣлось отойдти отъ окна. На площади, передъ домомъ, поставили музыку, и сюда собрался весь народъ на гулянье и на праздникъ. Заиграли *Боже царя храни*, и потомъ завелись хороводы, затянулась русская хоровая пѣсня. Весело было прислушиваться къ этимъ звукамъ, знакомымъ каждому напѣвомъ и смотрѣть на хороводы, заплетавшіеся при ночномъ освѣщеніи. Отъ времени до времени звуки пѣсенъ перерывались громкимъ: «ура»! потомъ снова запѣвалъ голосъ: «какъ по морю, морю синему»—и сотни голосовъ, подхватывая, заводили хороводъ и снова раздавалась изъ конца въ конецъ дружная пѣсня, смѣшиваясь съ говоромъ и веселымъ смѣхомъ гуляющаго народа.

Поздно уже было. Великій Князь, утомленный дорогою и глубокими впечатлѣніями цѣлаго дня, отправился на отдыхъ. Мы не могли еще уснуть и долго сидѣли у оконъ своихъ въ верхнихъ комнатахъ дома. У каждаго изъ насъ дума была переполнена всѣмъ тѣмъ, что мы видѣли и слышали, чему были свидѣтелями въ этотъ знаменательный день. Народная мысль и чувство народное выразилось передъ нами въ этотъ день съ такимъ дивнымъ согласіемъ, въ такой поразительной цѣльности и простотѣ, въ такой красотѣ любви народной къ хранителю своего единства и судебъ своихъ,— что мы были потрясены и не умѣли еще справиться

съ наплывомъ свѣжихъ впечатлѣній. Намъ захотѣлось собраться всѣмъ вмѣстѣ и другъ другу высказаться горячимъ словомъ сочувствія. Этого вечера конечно не забудетъ никто изъ насъ: такъ было отрадно чувствовать, что насъ собрала и соединила одна вѣра въ силу и въ будущность великаго народа русскато, связало одно горячее желаніе успѣха и возрастанія — безцѣнному отечеству.

На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, Великій Князь поѣхалъ осматривать ситцевую фабрику г. Зубкова, хозяина великолѣпнаго дома, назначеннаго для помѣщенія Его Высочества, и оттуда на выставку произведеній села Иванова. Она была весьма изящно устроена и, какъ слѣдовало ожидать, представляла выборъ исключительно почти бумажныхъ издѣлій. Ситцы были великолѣпные и самыхъ разнообразныхъ сортовъ. Прекрасны были ситцы, назначаемые въ Среднюю Азію. Всѣ производители имѣли своихъ представителей, начиная съ богатыхъ, снабженныхъ всѣми новѣйшими машинами ситцевыхъ фабрикъ Зубкова, Гарелина и другихъ главнѣйшихъ фабрикантовъ, до произведеній мелкихъ „кустарниковъ." Были здѣсь и разныя издѣлія крестьянскія изъ окрестныхъ деревень. Поразила насъ всѣхъ охотничья дробь, выставленная въ числѣ крестьянскихъ издѣлій. Эта отрасль промышленности—совершенно покуда еще новая—но она заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ явное и громко говорящее доказательство, что вѣроятно много еще можетъ

родиться отраслей народнаго труда изъ тѣхъ отбросовъ, которыми до сихъ поръ не умѣли пользоваться. Дробь эта добывается изъ остатковъ бѣлилъ и другихъ матеріяловъ, употребляемыхъ для окраски и бѣленія. Изъ этихъ остатковъ возстановляется свинецъ и идетъ на дробь, производство которой составляетъ довольно выгодную отрасль крестьянскаго труда.

Съ выставки Великій Князь поѣхалъ на фабрику Я. Θ. Гарелина, которая по устройству точно также ничего не оставляетъ желать лучшаго, какъ и фабрика г. Зубкова. Новѣйшія открытія, не болѣе 4-хъ, 5-ти мѣсяцевъ сдѣланныя во Франціи и Англіи, у нихъ быстро примѣняются къ дѣлу. Видно, что фабриканты слѣдятъ за всѣми усовершенствованіями, и лучшаго производства желать трудно. Ежели и есть въ чемъ разница противъ заграничныхъ, такъ это въ цѣнахъ, да и та происходитъ часто оттого, что изъ-за границы идутъ къ намъ ситцы по бо̀льшей части уже выходящіе изъ моды, и вслѣдствіе этого сбываемые иностранными фабрикантами чуть не за полъ-цѣны.

О Вознесенскомъ посадѣ и селѣ Ивановѣ столько разъ было и говорено и писано, что мы считаемъ излишнимъ входить еще разъ въ подробности происхожденія и исторіи этихъ двухъ замѣчательныхъ во всѣхъ отношеніяхъ мѣстностяхъ Владимірской губ. Но пользуясь тѣми интересными данными, которыя сообщены были Государю Цесаревичу г. Гарелинымъ, мы постараемся передать въ краткомъ очеркѣ обзоръ промыш-

ленной ихъ дѣятельности. Въ нынѣшнемъ 1863 году состоитъ въ Вознесенскомъ посадѣ:

Ситцевыхъ фабрикъ. . . .	24
Миткалевыхъ.	7
Бумагопрядильня.	1
Химическихъ заводовъ. . .	6
Чугунолитейный.	1
Бѣлильныхъ заведеній. . .	3
Свѣчное.	1
Ватное.	1
Красильное.	1
Всего. .	45

На этихъ фабрикахъ и заводахъ выработывается ситцевъ и платковъ до 818,000 кусковъ, на 6,500,000 р.
Бумажной пряжи до 25,000 пуд. . . . . 700,000 »
Химическихъ матеріяловъ. . . . . . . 360,000 »
На бѣлильныхъ заведеніяхъ выбѣливается
суровыхъ миткалей. . . . . . . 10,000 »
Ваты до 180 пуд. . . . . 1000 »

Весь оборотъ простирается въ годъ на 7,571,000 р.

На всѣхъ этихъ фабрикахъ и заводахъ считается 18 паровыхъ машинъ въ 380 силъ, а мастеровыхъ и рабочихъ 3,734 человѣка.

Въ селѣ Ивановѣ считается 47 ситцевыхъ фабрикъ, одна миткалевая, 8 бѣлильныхъ заведеній, 8 галандровыхъ и аппретурныхъ, 1 механическое, 1 литейное и 4 граверныхъ.

Ивановскими фабрикантами выработывается ежегодно до 694,000 кусковъ ситца и платковъ, на сумму 4,200,000 р.

Но эти суммы, выражающія собой объемъ производства главной отрасли промышленности, далеко не опредѣляютъ всѣхъ промышленныхъ силъ замѣчательной мѣстности. Не должно забывать, что почти всѣ окрестныя села Шуйскаго, Владимірскаго, Суздальскаго, Ковровскаго, Вязниковскаго, Гороховскаго, Юрьевскаго, Ростовскаго, Кинешемскаго, Ярославскаго, Костромскаго, Нерехотскаго уѣздовъ, тѣсно связаны съ промышленною дѣятельностью Иванова, потому что имъ раздаетъ бо̀льшая часть ситцевыхъ фабрикантовъ пряжу для выдѣлки миткалей или же покупаютъ миткаль у разныхъ окрестныхъ фабрикантовъ и ткачей; не забудемъ, сколько еще значительныхъ промышленныхъ заведеній находятся въ окрестныхъ селахъ, Тейковѣ, Лежновѣ и другихъ замѣчательныхъ селеніяхъ и деревняхъ Шуйскаго, Ковровскаго и Нерехотскаго уѣздовъ, которые находятся въ самой тѣсной связи съ богатыми фабрикантами Ивановскими и Вознесенскими. Не забудемъ, наконецъ, сколько вызываетъ такого объема и размѣровъ промышленность разнаго рода занятій посторонныхъ, тѣсно съ нимъ связанныхъ, и мы легко поймемъ, почему все окрестное населеніе такъ и тянетъ, такъ и льнетъ къ этому золотому дну, гдѣ каждый, имѣющій только здоровыя руки, да желаніе трудиться, найдетъ вѣрные заработки. Тутъ необхо-

димы и ткачи и бѣлильщики и набойщики и рисовальщики ситцевыхъ манеровъ и рѣщики на деревѣ, граверы на стальныхъ моллетахъ, накатчики ихъ на мѣдные цилиндры и т. д. и т. д. устанешь и пересчитывать весь этотъ разнохарактерный людъ, работающій на фабрикахъ, для фабрикъ и тѣсно съ ними связанный. Дѣти отъ 8—12 лѣтъ, старики и старухи вмѣстѣ съ взрослыми находятъ себѣ работу и разматываютъ бумагу на шпули. А сколько связано съ этою мѣстностью еще другихъ промысловъ, извозъ, доставка дровъ на фабрики, постройки, продажа съѣстныхъ припасовъ и необходимыхъ для фабрикъ матеріяловъ. Глядя на все это, соображая здѣшніе обороты, достигающіе десятковъ милльоновъ, и тѣсную связь Вознесенскаго посада и Иванова съ Москвой, съ Ростовомъ, съ Нижнимъ, соображая далѣе сколько сюда ежегодно подвозится необходимыхъ для фабричнаго дѣла матеріяловъ, красильныхъ, пряжи и т. д. (на $1\frac{1}{2}$ слишкомъ милл. р.) должно было бы предполагать, что о путяхъ здѣсь позаботились, и не оставили въ первобытномъ жалкомъ состояніи нашихъ проселочныхъ дорогъ. Къ сожалѣнію дѣло это находится въ самомъ печальномъ положеніи. Ближайшія къ Иванову и Вознесенскому посаду волжскія пристани это село Сидоровское въ 45 и г. Плесъ въ 60 верстахъ, ближайшее же разстояніе отъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги (станція Новки, Ковровскаго уѣзда) въ 65 верстахъ, но къ этимъ тремъ пунктамъ нѣтъ еще искуственныхъ, хоро-

шихъ путей а все привозится и отвозится по колеямъ, гатямъ и трущобамъ, представляющимъ собой въ весеннее и осеннее время не пути сообщенія, а естественныя преграды и для возчиковъ и для проѣзжающихъ. Особенно затруднителенъ послѣдній путь, до Нижегородской желѣзной дороги, при отсутствіи хорошихъ мостовъ черезъ разныя рѣчки и болотистыя низменности. Проведеніе желѣзной дороги отъ станціи Новковъ до села Сидоровскаго на Волгѣ, значительно облегчило бы доставку кладей и проѣздъ пассажировъ. Предположеніе это существуетъ, но къ сожалѣнію, а еще болѣе къ стыду здѣшняго богатаго промышленнаго населенія, мало встрѣтило между ними сочуствія. Между тѣмъ въ Петербургѣ и за границей многіе капиталисты заявляли готовность найти на сооруженіе этого пути средства, если бы только правительство гарантировало 5% дохода. Но не въ одномъ этомъ, видно равнодушіе къ общественному дѣлу въ этой богатой промышленной мѣстности.

На фабрикахъ посада и села Иванова сожигается ежегодно далеко за 100,000 саженей дровъ, не говоря уже о значительномъ количествѣ лѣса, необходимаго для построекъ. Лѣса рѣдѣютъ быстро въ окрестностяхъ, такъ что приходится ихъ возить далѣе, чѣмъ за 30 верстъ и черезъ нѣсколько лѣтъ вѣковые эти лѣса истребятся. Соображая потребность въ лѣсѣ и быстрое ихъ истребленіе, нѣтъ вѣроятности и надѣяться на возможность вырощенія истребленныхъ лѣсовъ.

Такое безотрадное будущее заставитъ, вѣроятно, фабрикантовъ обратиться къ разработкѣ торфа, при существованіи огромныхъ торфяныхъ болотъ, въ окрестностяхъ села Иванова и посада. Есть также признаки каменнаго угля въ Ковровскомъ уѣздѣ, но къ сожалѣнію, ни землевладѣльцы наши, ни фабриканты, не обращаютъ на это покуда никакого вниманія, и будутъ ждать, вѣроятно, той минуты, когда лѣса совершенно истребятся, и когда придется либо закрывать заведенія, либо броситься на разработку горючаго матерьяла, во что бы то ни стало. Во что тогда обойдется эта лихорадочная заботливость и усиленная дѣятельность — объ этомъ никто не хочетъ подумать. Въ нынѣшнемъ году дрова продавались въ Вознесенскомъ посадѣ и въ селѣ Ивановѣ: однополѣнная сажень разнолѣска, по 3 р. 50 коп., и эта цѣна непремѣнно должна возвыситься.

Странное явленіе представляетъ Вознесенскій посадъ и село Иваново. Вы въѣзжаете въ большое село, по внѣшнему виду ничѣмъ не отличающееся отъ нашихъ селъ, видите массу трубъ фабричныхъ, встрѣчаете настоящіе дворцы ивановскихъ купцовъ-магнатовъ, стоящіе рядомъ съ покачнувшимися на бокъ избушками, и ѣдите грязными, немощеными улицами, черезъ поломанные и сгнившіе мостики: однимъ словомъ, полное отсутствіе чувства опрятности, чистоты и того комфорта, который бываетъ потребностью всякаго развитаго и зажиточнаго общества. На народное образованіе на

школы мало обращенно вниманія. На 15000 слишкомъ жителей два приходскихъ училища, одно женское училище 2-го разряда, и одна частная школа; больница одна, на 50 кроватей, и не въ блестящемъ положеніи; медиковъ, сравнительно съ массою рабочаго народонаселенія мало. Объясняютъ это, правда, не охотой самаго населенія лѣчиться въ больницѣ, но все же разсказы объ этомъ Ивановцевъ поражаютъ васъ непріятно, особенно при видѣ громадныхъ дворцовъ, на отдѣлку которыхъ идутъ сотни тысячъ. Но эта черта не исключительно принадлежитъ Иванову. Ее мы находимъ вездѣ, и много придется всѣмъ намъ пережить измѣненій въ нашемъ общественномъ быту, прежде чѣмъ выведутся многія ненормальныя въ хозяйственномъ организмѣ явленія, прежде чѣмъ явится потребность и желаніе устроить себѣ удобство и въ общественной жизни, безъ которой всегда останется шаткимъ и невѣрнымъ индивидуальное благосостояніе. Яснымъ тому доказательствомъ служитъ недолговѣчность нашихъ торговыхъ фирмъ, этого украшенія, этой гордости дѣйствительно развитаго промышленнаго народа.

Впрочемъ, многіе изъ этихъ неустройствъ, можно также отнести къ двойственному характеру самой мѣстности, гдѣ одна, и значительная часть, была помѣщичьимъ имѣніемъ, а другая посадомъ. Всѣмъ хорошо также извѣстны нескончаемые споры и распри между жителями Иванова и посада. Вѣроятно близко то время, когда обѣ части сольются въ одинъ городъ и этимъ

преобразованіемъ, можно надѣяться, устроится правильная городская жизнь и городское благоустройство. Въ посадѣ напр. нѣтъ до сихъ поръ общественной пожарной команды и лошадей. Имѣются только, на случай пожаровъ, общественные пожарные инструменты. Люди же и лошади наряжаются изъ обывателей. Нѣкоторые фабриканты имѣютъ, впрочемъ, свои инструменты. Для застрахованія имущества отъ огня, находятся здѣсь агенты страховыхъ обществъ, С.-Петербургскаго, Московскаго, Ливерпульскаго и Лондонскаго, но, Слава Богу, здѣсь начинаютъ сильно поговаривать о необходимости взаимнаго застрохованія, для чего и составляется проэктъ особенною временною коммиссіей изъ гражданъ посада и жителей села Иванова,

Уставная грамота введена въ селѣ Ивановѣ 23-го апрѣля 1863 года. Земли поступило въ надѣлъ крестьянамъ, по 2 десят. 1056 сажень на ревизскую душу. Въ общемъ же составѣ значится усадебной пахотной, сѣнокосной и выгонной земли 5756 десятипъ 486 кв. сажень, въ томъ числѣ усадебной подъ с. Ивановымъ 235 дес. 255 сажень. Помѣщику плотится оброка по 7 р. 20 коп. съ души; всѣхъ же повинностей оброчныхъ, подушныхъ, земскихъ и мірскихъ по раскладкѣ взымается по 22 р. съ тягла.

Отъ Гарелина Великій Князь поѣхалъ еще на одно маленькое заведеніе вдовы Гандуриной. Его Высочество желалъ лично посмотрѣть производство кустарное, которое хотя и держится еще, но которому скоро

придется, вѣроятно, пасть въ неравномъ бою съ машинами и съ фабриками богатыхъ капиталистовъ. Насчитываютъ еще до 36 такихъ заведеній въ Ивановскомъ округѣ. Вошли мы въ скромное, тѣсное помѣщеніе, гдѣ Его Высочество встрѣтила вдова съ хлѣбомъ и солью, окруженная многочисленными дѣтьми, изъ которыхъ старшіе уже при дѣлѣ и ведугъ его по слѣдамъ отца. Послѣ шипящаго пара, грома машинъ, послѣ огромныхъ моекъ миткаля, гдѣ промываются въ сутки цѣлые десятки тысячъ аршинъ, послѣ всего этого гама, шума и гигантскихъ размѣровъ производства, странно было видѣть прародительское производство ситца, какъ два работника скромно печатали на ручныхъ станкахъ ситцы, какъ на шестѣ руками же опускали въ краску. Вѣка, казалось, прошли между двумя производствами, между фабрикой Зубкова и избой Гандуриной, а вѣдь какъ еще недавно цѣлое Иваново работало почти исключительно такимъ способомъ. Мелкое производство держится покуда исключительно тѣмъ, что машинное печатаніе не нашло еще способа употреблять больше извѣстнаго числа колеровъ, тогда какъ ручное производство можетъ употреблять гораздо болѣе. Но еще одинъ шагъ, и бѣдное кустарное производство должно будетъ уступить. Уже теперь ему трудно бороться съ машиной и капиталомъ, производящимъ въ огромныхъ размѣрахъ. Мы присутствуемъ при послѣднихъ минутахъ стариннаго производства. Помянемъ же добромъ его: оно положило начало

благоденствію Иванова и окружающихъ его мѣстностей.

На обратномъ пути съ фабрикъ Его Высочество заѣзжалъ въ Ивановскій соборъ. Все Иваново расположено узкими и неправильными улицами, по окраинамъ и спускамъ овраговъ. Пока Его Высочество былъ въ соборѣ, мы остановились подъ горою и любовались живою картиной, которую представляла пестрая толпа народная, разсыпавшаяся около насъ кучками по всей дорогѣ, по высокой паперти и лѣстницѣ у входа въ соборъ, на высокой соборной колокольнѣ, по окраинамъ овраговъ и на крышахъ ветхихъ деревянныхъ домовъ и лавочекъ. Страшно было, что ветхія деревянныя подпорки и столбики не выдержатъ тяжести; но все обошлось благополучно. Лишь только тронулась отъ паперти коляска Великаго князя, все что̀ лѣпилось по крышамъ, по угламъ и у воротъ, все что̀ спокойно стояло на улицѣ,—поскакало внизъ и бросилось съ горы вслѣдъ за экипажами.

Пребываніе въ Ивановѣ заключилось завтракомъ у Я. Ѳ. Гарелина, на которомъ присутствовали всѣ главнѣйшіе фабриканты Иванова и Вознесенскаго посада и шуйскіе депутаты, пріѣхавшіе поздравить Его Высочество съ пріѣздомъ; были пріѣзжіе и изъ Москвы.

Послѣ завтрака мы тронулись въ обратный путь черезъ Нерехту, и опять на тѣхъ же мѣстахъ ожидали насъ толпы народныя и семейныя группы, на встрѣчу и на проводы: только народу собиралось еще больше

прежняго, потому что со вчерашняго дня прибавилось людей изъ ближнихъ и дальнихъ мѣстъ. Вчерашнія картины и сцены повторились передъ нами съ новыми оттѣнками чувства, искавшаго себѣ новыхъ выраженій. Въ селахъ, изъ церквей, выходили на встрѣчу процессіи съ иконами и хоругвями; изъ домовъ выставляли хлѣбъ-соль. У одного изъ столиковъ Его Высочество останавливался, и отломилъ кусочекъ хлѣба къ неописанной радости хозяевъ. Въ коляску и на дорогу бросали вѣнки и связки изъ васильковъ и полевыхъ фіалокъ; въ одномъ селеніи дорога, на разстояніи нѣсколькихъ саженей, была утыкана цвѣтками, которые нарочно насажали стеблемъ въ песокъ. За Нерехтой пришлось ѣхать намъ уже подъ вечеръ; вечеръ былъ тихій и теплый, что̀ придавало еще болѣе спокойствія и торжественности всему, что̀ мы видѣли. Всего не опишешь. Картины живо и быстро смѣнялись одна за другою въ населенномъ краѣ. Едва проходила одна сцена, какъ начиналась другая. Вотъ на выдержку впечатлѣнія какихъ-нибудь 5—6 верстъ. Дорога поворачиваетъ влѣво, спускаясь въ долину между двумя лѣсистыми горками; издали завидѣли насъ косцы, работавшіе на лугу за лѣсомъ, бросили работу и, положивъ косы на плеча, бѣгутъ что есть мочи, и цѣлый полкъ крестьянскихъ мальчиковъ, парней и дѣвокъ вмѣстѣ съ ними; издали сверкаютъ на солнцѣ ихъ отточенныя косы; вотъ настигли наконецъ и долго бѣгутъ вслѣдъ за нами, около экипажей, сначала рядомъ, потомъ въ раз-

сыпную и кричатъ вслѣдъ *ура*. Еще верста: помѣщичій домикъ стоитъ у самой дороги, и вся семья выходитъ на встрѣчу. Старый хозяинъ остался дома и смотритъ намъ вслѣдъ, прислонясь къ забору своего садика; двѣ барышни съ маленькими дѣтьми прошли впередъ по дорогѣ; онѣ шли тихо, но вотъ экипажи неожиданно остановились у церкви; изъ церкви показалась процессія съ иконами и хоругвями. Великій Князь вышелъ и пошелъ въ церковь; барышни бросаются бѣгомъ впередъ; видно какъ онѣ рады и какъ боятся опоздать. Онѣ не опоздали, и раскраснѣвшись отъ бѣга, довольныя, оправляются у паперти. Народъ повалилъ въ церковь; осталась только кучка стариковъ и старухъ у ограды въ ожиданіи выхода. Мы къ нимъ подходимъ; два старика плачутъ отъ радости, что дождались и увидѣли Наслѣдника. Солдатка старуха вынесла на рукахъ малолѣтную внучку. Вотъ повалилъ народъ изъ церкви съ крикомъ; у коляски дожидается пожилой крестьянинъ; онъ принесъ армякъ и бережно разостлалъ его по дорогѣ у самой подножки, и наклонившись, расправляетъ его ровнѣе по землѣ: ему хочется чтобы дорогой гость прошелъ черезъ армякъ его, когда сядетъ въ коляску. Сѣли, тронулись—еще версты двѣ—опять остановка—деревня Челпанова. Великій Князь вышелъ изъ экипажа и пошелъ въ волостное правленіе,—и видно какъ всѣ рады, что онъ вздумалъ остановиться. Передъ нами гора: она вся побѣлѣла, потому что бабы въ ожиданіи проѣзда всю гору уст-

лали холстами своей работы, чтобы по ихъ холстамъ проѣхалъ Наслѣдникъ.

Такъ уже къ 9 часамъ вечера мы доѣхали до Волги и до перевоза. У перевоза ожидала насъ прежняя шлюпка съ гребцами, только въ новомъ видѣ; весь навѣсъ ея по окраинамъ и на потолкѣ украшенъ былъ свѣжими гирляндами, вѣнками и вензелями изъ васильковъ. Во все время переѣзда шлюпку нашу по прежнему окружала флотилія лодокъ и лодочекъ; даже крошечный пароходъ съ ручною машинкой, который мы видѣли наканунѣ у пристани, пришелъ въ движеніе, и весь биткомъ набитый людьми, изо всѣхъ силъ работалъ, чтобы не отстать отъ насъ; и опять появилась возлѣ насъ въ своей лодочкѣ та же самая купеческая жена съ мужемъ и прикащикомъ, которая такъ усердно провожала насъ до берега, на пути въ Нерехту.

По возвращеніи въ Кострому, 4 іюля, утромъ, Его Высочество посѣтилъ костромское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и съ интересомъ слѣдилъ за всѣмъ засѣданіемъ, которое продолжалось часа полтора, подъ предсѣдательсвомъ начальника губерніи, г. Рудзевича. Докладывалъ секретарь присутствія, г. Домерниковъ. Засѣданіе было дѣйствительно интересно по содержанію дѣлъ, которыя на этотъ разъ предлежали разрѣшенію. Слушались два дѣла по спору помѣщика съ крестьянами о земляхъ, купленныхъ въ прежнее время крестьянами на имя помѣщика. Извѣстно, что въ дѣлахъ этого рода весьма рѣдко встрѣчают-

ся прямыя доказательства пріобрѣтенія, и приходится составлять себѣ мнѣніе о правѣ той или другой стороны по непрямымъ доказательствамъ, или уликамъ. Въ первомъ дѣлѣ споръ шелъ о большомъ количествѣ десятинъ, которыя крестьяне присвоили себѣ на основаніи именно такихъ доказательствъ. Самое важное состояло въ томъ, что крестьяне, дѣлившіе между собою по тягламъ помѣщичью землю, владѣли нѣкоторыми участками не по тягламъ, а посемейно, безъ раздѣла, и тѣ именно, въ чьихъ семьяхъ держалось такое владѣніе, называли себя покупщиками или наслѣдниками покупщиковъ. На мировомъ съѣздѣ дѣло не могло быть приведено къ окончанію въ личномъ присутствіи сторонъ, потому что богатый помѣщикъ вовсе не живетъ въ своемъ имѣніи, а управляющій его уклонился отъ личной явки, что и выставлялось, между нрочимъ, въ числѣ уликъ крестьянами. При разсмотрѣніи дѣла въ губернскомъ присутствіи оказалось, какъ трудно заочное разрѣшеніе такихъ дѣлъ, въ которыхъ приходится обращаться къ совѣсти сторонъ и судить на основаніи непрямыхъ доказательствъ. Губернское присутствіе не находило достаточно вѣрныхъ данныхъ для точнаго рѣшенія и постановило обратить дѣло къ справкамъ съ вотчинными книгами помѣщичьей конторы. Въ другомъ дѣлѣ обнаружились другаго рода затрудненія. Помѣщикъ давалъ сначала уклончивый отвѣтъ, потомъ самъ призналъ, что земля была имъ куплена на счетъ крестьянъ; но оказалось, что земля эта

перешла уже въ крѣпостное владѣніе третьяго лица по продажѣ отъ помѣщика, такъ что по силѣ Положенія не было возможности возвратить ее крестьянамъ. Возникъ вопросъ: въ правѣ ли крестьяне требовать отъ своего бывшаго помѣщика вознагражденія за цѣнность земли, проданной имъ въ пору крѣпостнаго права? Губернское присутствіе не рѣшилось само собою приступить къ разрѣшенію этого вопроса и ограничилось тѣмъ, что признало рѣшительную силу сознанія, сдѣланнаго помѣщикомъ, предоставивъ сущность дѣла на усмотрѣніе министра. Изъ этихъ двухъ дѣлъ можно было удостовѣриться, съ какими затрудненіями встрѣчаются мировыя учрежденія при разрѣшеніи подобныхъ вопросовъ, въ виду той статьи крестьянскаго Положенія, въ которой упоминается о давности крестьянскихъ исковъ о земляхъ, купленныхъ ими въ прежнее время на имя помѣщика. Въ томъ же засѣданіи разсматривались два интересные вопроса по представленіямъ мировыхъ посредниковъ. Одинъ вопросъ былъ о деньгахъ за проданныя рекрутскія квитанціи, слѣдующихъ въ пользу малолѣтныхъ наслѣдниковъ. Такихъ денегъ довольно много накопилось въ нѣкоторыхъ волостяхъ, и требовалось разрѣшеніе, какъ поступать съ этими деньгами до совершеннолѣтія владѣльцевъ. Отсылка этихъ денегъ въ банкъ доставила бы немного приращенія. Возникло предположеніе, въ видахъ пользы для малолѣтныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, для общественной пользы, образовать изъ этихъ денегъ при сельскихъ обще-

ствахъ ссудную кассу, изъ которой желающіе могли бы занимать деньги съ платежемъ по 5 или 6 процентовъ въ пользу малолѣтныхъ. Вопросъ этотъ состоялъ въ связи съ общимъ вопросомъ объ опекѣ надъ малолѣтними въ обществахъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,—вопросомъ, по которому вовсе нѣтъ правилъ въ законахъ, а это, по отзыву всѣхъ членовъ губернскаго присутствія, служитъ причиною немаловажныхъ затрудненій, такъ какъ съ уничтоженіемъ прежняго высшаго опекунскаго надзора—въ лицѣ помѣщика, не оказывается другой власти, на которую этотъ надзоръ былъ бы возложенъ по закону. Другой вопросъ относился до дворовыхъ людей, которые, въ теченіе двухлѣтняго срока, назначеннаго Положеніемъ, не сѣли на землю, и остались безъ земли, въ качествѣ бывшихъ дворовыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по соглашенію съ прежнимъ помѣщикомъ, желали и послѣ 19 февраля 1863 г. принять отъ него землю и поселиться на ней на правѣ крестьянъ. Губернское присутствіе признало выше своей власти разрѣшеніе обоихъ этихъ вопросовъ и сочло нужнымъ дать имъ дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ. По всѣмъ этимъ дѣламъ между членами завязывался диспутъ, въ которомъ взгляды и мнѣнія высказывались непринужденно и съ живостью, что придавало особенный интересъ засѣданію. Въ память своего присутствія въ этомъ засѣданіи Великій Князь оставилъ губерн-

скому присутствію экземпляръ Положенія о крестьянахъ съ собственноручною надписью.

Послѣдній вечеръ въ Костромѣ окончился для насъ представленіемъ въ циркѣ, который помѣщается въ городскомъ саду. Отсюда отправились мы прямо на пароходъ сквозь густыя толпы народа. На прощаньи, когда мы садились на пароходъ, одна старуха-крестьянка принесла Великому Князю три просфоры, икону Тихона Задонскаго и маленькую бумажную коробочку, въ которой сидѣли три черные таракана. Это странное приношеніе заставило многихъ улыбнуться—смѣялся и народъ, глядя на старуху, но ея тараканы по русскому повѣрью означали домовитость и обиліе благъ земныхъ. Ночь была тихая, и мы долго сидѣли на палубѣ, прислушиваясь къ голосамъ и пѣснямъ народа, стоявшаго у пристани и разъѣзжавшаго въ лодкахъ около парохода. На самой пристани, возлѣ борта, долго стоялъ народъ, выжидая когда Великій Князь выйдетъ изъ каюты, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на него.

Народъ на набережной сначала кричалъ *ура!* Потомъ хоромъ стали пѣть: *Боже, Царя храни!* Съ другой стороны появились возлѣ парохода лодки, наполненныя народомъ; въ одной изъ нихъ сидѣли семинаристы и пѣли разныя канты оригинальнымъ напѣвомъ. Наконецъ, уже въ 1-мъ часу ночи, дождь согналъ насъ съ палубы, и къ утру мы снялись съ якоря.

5-го іюля, къ обѣднѣ, пріѣхали въ Кинешму. Берегъ ея гористъ и живописенъ, весь въ оврагахъ и садахъ.

Едва успѣвъ пробраться въ соборъ за великимъ множествомъ народа, изъ собора тотчасъ послѣ обѣдни мы спѣшили обратно на пароходъ — и тронулись далѣе, мимо Юрьевца, Пучежа, Городца и Балахны къ Нижнему. На пути до Кинешмы мы останавливались у пристани, гдѣ представлялись Его Высочеству волостные начальники Егорьевской волости съ хлѣбомъ и солью на рѣзномъ деревянномъ блюдѣ. Изъ городовъ и изъ села Порохова выѣзжали къ пароходу шлюпки съ депутаціями, подносившими хлѣбъ-соль и рыбу, которая на Волгѣ составляетъ необходимую принадлежность всякаго подноса и угощенія.

Волгу, на этомъ протяженіи, пароходы проходятъ осторожно, и матросы то-и-дѣло производятъ промѣры. На одномъ изъ перекатовъ нашъ пароходъ врѣзался въ песокъ, но быстро потомъ опять соскочилъ, а между тѣмъ бакены и вѣхи разставлены вездѣ. Много пришлось намъ слушать разсказовъ о судоходной полиціи и разстановкѣ знаковъ. Общій результатъ всѣхъ разсказовъ — тотъ, что дѣло промѣра Волги и разстановки знаковъ требуетъ еще много заботъ и улучшеній и что вѣрнѣе было бы поручить это морскимъ офицерамъ, болѣе знакомымъ съ потребностями судоходства. Бываютъ такіе случаи, что знаки стоятъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ мель или камень. Это было на нашихъ глазахъ. Между лоцманомъ и капитаномъ было разъ совѣщаніе о томъ, гдѣ идти. Капитанъ держался было пути, обозначеннаго условными знаками, но опытный

14*

лоцманъ былъ противнаго мнѣнія, и пошелъ вопреки знакамъ, и не иди лоцманъ совершенно противуположнымъ путемъ, мы сѣли бы непремѣнно на мель. И гдѣ же это? На мѣстѣ, самомъ бойкомъ, которое кишитъ судами и пароходами. Получаса не проходило безъ встрѣчи съ пассажирскимъ, буксирнымъ или кабестаннымъ пароходомъ. Движеніе удивительное, но за то не менѣе поразительны и цифры потребляемаго топлива. По разчетамъ хозяевъ, буксирный параходъ сжигаетъ въ сутки 45 саженъ, работаетъ же 135 сутокъ въ годъ. Ихъ считается 180. Они сжигаютъ слѣдовательно 1.093.500 саженей въ годъ. Пассажирскіе сжигаютъ по 18 саженъ въ сутки. Ихъ 65 и сжигаютъ они 157,950 саженъ. Слѣдовательно, одни только буксирные и пассажирскіе пароходы истребляютъ въ годъ 1,251,450 саженъ. Если только сообщенныя цифры вѣрны, а есть вѣроятіе предполагать, что онѣ гораздо значительнѣе, то есть о чемъ задуматься, и невольно возникаетъ мысль о необходимости двинуть торфяное и каменноугольное дѣло впередъ.

Поздно уже вечеромъ, въ темнотѣ, подъѣхали мы къ окаймленному высокими горами берегу Нижняго. На этихъ высотахъ и уступахъ городъ раскинулся живописнымъ амфитеатромъ, прорѣзаннымъ оврагами, покрытымъ густою зеленью. На этотъ разъ Нижній, самый живописный изо всѣхъ при-волжскихъ городовъ, принялъ видъ, по истинѣ волшебный. Еще издали, сквозь зеленую чащу, замелькали передъ нами будто брилл-

янтовыя блестки, безчисленные огни иллюминаціи. Потомъ — открылся весь берегъ, залитый огнями, покрытый сплошною массой народа, а вправо и влѣво, и позади и впереди, вся перспектива свѣтилась исчезавшими въ туманной дали огоньками на снастяхъ и мачтахъ множества судовъ, стоявшихъ по Волгѣ. Точно новое звѣздное небо разстилалось передъ нами и въ туманной дали одна за другою сверкали и блѣднѣли безчисленныя звѣздочки. Нельзя было налюбоваться этою картиной, и на этотъ вечеръ впечатлѣніе отъ нея могло оставаться у насъ въ цѣлости, не смѣшиваясь съ другими: на берегъ мы не поѣхали и провели ночь на пароходѣ, потому что Великому Князю угодно было проѣхать мимо Нижняго Окою въ село Павлово.

ГЛАВА VIII.

Поѣздка въ село Павлово. Характеръ построекъ въ Павловѣ. Устройство пожарной команды. Промышленность Павлова и ея характеристическія особенности. Заведеніе Варыпаева и Калякина. Выставка издѣлій села Павлова Отъѣздъ изъ Павлова. Стоянка у Дуднева монастыря.

Ужъ ты славное, село Павлово,
Слобода графа Шереметева!
Про тебя идетъ слава добрая;
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Будъ то ты село на краю стоишь,
На краю стоишь, на крутой горѣ.
На крутой горѣ, по раздольицу.
Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыихъ.
Промежду села, бѣжитъ рѣчька Тарычька
Возлѣ бокъ бѣжитъ Ока матушка.
По Окѣ рѣкѣ, бѣжитъ лотычька
Легка лотычька, раскрашенная
Вся гребцами лодка, усаженная.
Въ этой лотычькѣ самъ графъ гулялъ
Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ.

(Старинная пѣсня Павловцевъ)

Утромъ рано, часу въ третьемъ, пошли мы Окой къ селу Павлову. По свѣдѣніямъ, полученнымъ еще ранѣе сопровождавшимъ Его Высочество, капитанъ-лейтенантомъ Ренненкампфомъ, пароходъ нашъ могъ двинуться вверхъ по Окѣ, въ которой воды оказалось довольно.

Но изъ предосторожности пошелъ маленькій пароходъ впередъ, дабы въ случаѣ низкой воды на перекатахъ взять насъ къ себѣ. Предосторожность эта оказалась, къ счастію, совершенно излишнею. Нигдѣ не останавливаясь, любуясь высокимъ живописнымъ берегомъ Оки, покрытымъ цвѣтущими, богатыми прибрежными селами, мы прошли Горбатовъ, поставляющій вмѣстѣ съ окрестными селеніями и опытныхъ рыболововъ и рыболовныя снасти на всю Волгу, по преимуществу внизъ въ Астрахань, и въ 1-мъ часу, на 111-й верстѣ, подошли къ Павлову. Павлово лежитъ на правомъ крутомъ и живописномъ берегу Оки, при впаденіи въ нее рѣчки Тарки, красуясь своими богатыми церквами и представляя весьма оригинальный видъ, совершенно отличный отъ нашихъ селъ тѣсною, городскою, можно сказать, постройкою своихъ зданій. Отъ пристани по крутой лѣстницѣ, покрытой краснымъ сукномъ, Его Высочество прошелъ прямо въ домъ, бывшій Акинфьева, а нынѣ Шигалева, гдѣ приготовленъ былъ пріемъ. На пристани встрѣтили его граждане съ хлѣбомъ и солью. Хозяинъ и хозяйка дома, гдѣ было приготовлено помѣщеніе, (послѣдняя въ старинномъ головномъ уборѣ изъ жемчуга и въ такомъ же ожерельѣ и воротничкѣ) поклонились въ ноги дорогому гостю. Цесаревичъ прежде всего отправился въ соборъ.

Проѣзжая Павлово, мы не могли не удивляться постройкѣ и расположенію этого селенія. Оно чрезвычайно неправильно; бóльшая часть улицъ кривы и уз-

ки; на окраинахъ села и вообще ближе къ полю встрѣчаются сады и огороды, но въ центрѣ нѣтъ ни садовъ, ни огородовъ; домъ стоитъ на домѣ, и каждый изъ нихъ представляетъ совершенно сплошное строеніе и по улицѣ, и на дворѣ. Окна бо̀льшею частію растворчатыя, характеръ совершенно городской, и не встрѣтишь почти ни одного дома, крытаго соломой. Невольно приходитъ въ голову мысль, что же можетъ быть съ несчастнымъ селомъ во время пожара, при такой скученности домовъ, представляющихъ одну сплошную деревянную массу? Вопросъ этотъ невольно заданъ былъ жителямъ, насъ сопровождавшимъ и радушно показывавшимъ намъ свое производство и столь же радушно отвѣчавшимъ на наши вопросы. Представьте же себѣ наше удивленіе, когда мы услыхали, что о пожарахъ у нихъ почти не слышно, у нихъ, гдѣ каждый домъ—кузница или слесарня, гдѣ цѣлое селеніе куетъ, гдѣ огонь постоянно въ ходу и въ дѣлѣ. Общество само позаботилось объ устройствѣ замѣчательной пожарной команды, какою не могутъ похвалиться даже многіе изъ нашихъ лучшихъ губернскихъ городовъ. Въ пожарномъ депо села Павлова имѣется 6 пожарныхъ трубъ со всѣмъ приборомъ и необходимыми инструментами, помѣщающимися въ двухъ сараяхъ: лѣтнемъ и зимнемъ. Павлово раздѣлено на 123 десятка, и при первой тревогѣ изъ каждаго десятка должны являться на пожаръ крестьяне съ ведрами, крюками и ручными—изъ ружейныхъ стволовъ—брызгалками. Бога-

тые же хозяева обязаны доставлять лошадей съ лагунами и возить воду. Жители собираются на пожаръ набатнымъ ударомъ въ церковные колокола. При нѣкоторыхъ домахъ положено содержать резервуары съ водой, въ особыхъ чанахъ, изъ которыхъ каждый можетъ вмѣстить въ себѣ до 10 бочекъ. Намъ разсказывали удивительныя вещи объ усердіи обывателей при тушеніи огня. Пожаръ захватывается въ самомъ его началѣ. Въ Павловѣ показываютъ еще слѣды одного недавняго пожара, бывшаго въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца. Ни одинъ изъ близь и даже подлѣ стоящихъ домовъ не пострадалъ; крыша сосѣдняго дома занималась нѣсколько разъ, но осталась совершенно невредимою. Нужно вмѣстѣ съ тѣмъ отдать справедливость, что пожарные инструменты отличнаго качества и содержатся въ отличномъ порядкѣ.

Нельзя также не отдать справедливости величайшему порядку въ Павловѣ, во время пребыванія Великаго Князя. Порядокъ этотъ далеко оставилъ за собой порядокъ во многихъ губернскихъ городахъ и выборные изъ селянъ люди, сохраняли его съ полною энергіей, съ настойчивостью, безъ всякаго, особенно рѣзкаго рукопашнаго проявленія, но единственно тѣмъ, что умѣли внушить себѣ послушаніе. У этой импровизованной полиціи, можно было бы поучиться полиціи дѣйствительной, какъ кажется, не всегда умѣющей найти золотую середину между совершенною распущенностью, полнымъ равнодушіемъ, сонливостью и совершеннымъ

произволомъ и дерзостью. Никогда не забудемъ одной давки, грозившей опасностью многимъ, во время которой, на запросъ полицейскимъ солдатамъ: да что же, вы такъ стоите, мы получили въ отвѣтъ, да они (т. е. народъ) драться изволятъ, а одинъ изъ начальниковъ полиціи, пожимая плечами, сказалъ: ничего не сдѣлаешь—и сдѣлать ничего нельзя - времена не тѣ. Все время виновато, и на этомъ каждый готовъ у насъ успокоиться и сложить руки, конечно до тѣхъ поръ, когда придетъ не въ моготу, и тогда разыграется опять дикая натура, и пойдетъ костить на право и на лѣво, ничего не разбирая, ни праваго, ни виноватаго. Но мы отдалились отъ нашего Павлова.

Государю Цесаревичу представлена была весьма интересная записка о селѣ Павловѣ, составленная членами губернскато статистическаго комитета Смирновымъ и Овсянниковымъ. Послѣднему обязанъ губернскій статистическій комитетъ многими прекрасными трудами по описанію разныхъ замѣчательныхъ мѣстностей Нижегородской губ. Почтенный дѣятель этотъ много ѣздилъ и ходилъ по губерніи, и составилъ нѣсколько прекрасныхъ, живыхъ характеристикъ разныхъ промышленныхъ, мѣстностей Нижегородской губ. Ворсмы, напр. и др., которыя помѣщались въ ярморочномъ Нижегородскомъ листкѣ.

Государь Цесаревичь посѣтилъ прежде всего соборъ, а оттуда поѣхалъ на заведеніе Варыпаева, одного изъ извѣстнѣйшихъ мастеровъ села Павлова.

«Когда началась стальнослесарная промышленность въ Павловѣ, сказать трудно. Выгоды самой мѣстности на судоходной рѣкѣ и большомъ, въ свое время, торговомъ трактѣ, способствовали, вѣроятно, развитію въ Павловѣ кузнечнаго мастерства, которое всегда находило потребителей или заказчиковъ въ судовщикахъ, проѣзжихъ и въ окрестныхъ земледѣльцахъ. По писцевой книгѣ 1621 года насчитывалось уже въ Павловѣ 11 кузницъ. До сихъ поръ существуетъ кузнечный рядъ, у такъ-называемаго кузнечнаго моста, съ десятью кузницами, гдѣ работаются разныя крестьянскія подѣлки. Кузнечный этотъ рядъ находится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были упоминаемыя въ писцовой книгѣ кузницы. Стальнослесарный же промыселъ, сталъ развиваться съ тѣхъ поръ, какъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ устроилъ въ Павловѣ, на рѣчкѣ Таркѣ, желѣзный заводъ. Производство стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій въ Павловѣ было уже значительно около 1760 года, и успѣло обратить на себя въ то время попечительное вниманіе правительства. Это видно изъ того, что Императрица Екатерина II Высочайшимъ указомъ 7 сентября 1761 года, въ поощреніе развившейся въ Павловѣ стальнослесарной промышленности, освободила Павлово отъ постойной повинности; крестьянамъ же его предоставила право торговать во всѣхъ пунктахъ и городахъ Имперіи, безъ особыхъ свидѣтельствъ, по однимъ довѣренностямъ помѣщика.

«Производство замковъ въ Павловѣ, это, по словамъ старожиловъ, изъ всѣхъ производствъ древнѣйшее, и до сихѣ поръ, за весьма немногими исключеніями, самое главное и значительное въ Павловѣ. Здѣсь выдѣлываются замки до 100 сортовъ, разной формы и величины. Главные виды его: шведскій, которымъ занимается до 260, конный (или тульскій) до 175, рѣпчатый до 124, мѣдный замокъ до 25, сумочный и чемоданный до 15, съ секретомъ до 5, ковкою дугъ къ замкамъ занимаются отдѣльно до 40, пружинъ 4 и ключей 5 мастеровъ. Кромѣ этихъ главныхъ сортовъ, можно насчитать еще нѣсколько, напр., коробчатые замки разныхъ видовъ, черные съ обручикомъ, бѣлые съ обручикомъ, замки ключемъ и другіе, (изъ нихъ черный съ обручикомъ считается самымъ стариннымъ).

Производствомъ прочихъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій въ Павловѣ, кромѣ замка, занимаются, сравнительно съ замочнымъ, небольшое число мастеровыхъ. Выдѣлкою ножей — столовыхъ, поварскихъ и хлѣбныхъ 40, складныхъ 25, перочинныхъ 14, малыхъ, такъ-пазываемыхъ, конфектныхъ 4, вилокъ 4, ножницъ, большею частію портныхъ и вообще расхожихъ, 26, бритвъ 12 и коромысловъ 16 домовъ. Нѣсколько мастеровыхъ рѣжутъ клейма, личатъ издѣлія и закаливаютъ ихъ; женщины же занимаются шлифовкою и зубреніемъ пилъ.

Изъ болѣе значительныхъ, или извѣстныхъ по отзывамъ Павловцевъ, производителей кромѣ, хозяевъ

большихъ заведеній, слѣдующіе: ножей столовыхъ Климовъ, Молокины и Таребины; шведскаго секретнаго замка: Мичуринъ, Емельяновъ и Бронниковъ; обыкновеннаго шведскаго Чичеровъ; коннаго Тарасовъ, Цвѣтовъ и Осиповъ; рѣпчатаго Рязанкинъ, Мотасовъ, Александровъ, Кочергинъ и Аѳонасьевъ; мѣднаго Рыженковъ и Акифьевъ; сундучныхъ и шкафныхъ Чилинъ, Абрамовичевъ и Шатчинъ; маленькихъ или ошейныхъ замковъ Хворовъ; хлѣбнаго ножа тѣ же Климовы, Грѣховы, Теребины и Моховъ; складныхъ ножей Молокины; перочиныхъ ножей и со штопоромъ братья Варыпаевы; поварскихъ Алексѣй Спорышевъ; съ желѣзными черенками Личадѣевы; ножницъ портныхъ Пуховъ, Степанъ Горшковъ, Петръ Шивковъ, Василій Пастуховъ; ножницъ всѣхъ сортовъ Кощеевъ; бритвъ Василій Горшковъ, А. Маклаковъ и Василій Буслаевъ; коромысловъ Бобыринъ и жерновов для кофейныхъ мельницъ Чилинъ и Ворожейкинъ.

«Это мастера болѣе значительные и извѣстные, но смѣло можно сказать, что каждый изъ Павловскихъ мастеровыхъ болѣе или менѣе знатокъ своего дѣла. Есть отличные мастера, которые остаются неизвѣстными, не имѣя средствъ расширить свое производство, и довольствуясь хорошею платою за заказы изъ большихъ заведеній. У многихъ достало бы умѣнья сдѣлать вещь не хуже иного чужеземнаго мастера; но онъ не видитъ вѣрнаго ей сбыта, который бы вполнѣ вознаграждалъ мастера за употребленный трудъ. Нельзя

также не пожалѣть, что Павловцы не имѣютъ никакихъ средствъ улучшить свое мастерство, а тѣмъ менѣе слѣдить за современными въ стальномъ производствѣ усовершенствованіями или облегчительными способами выдѣлки. Поэтому устройство образцовой мастерской для обученія мастерствамъ было бы здѣсь въ высшей степени полезно и необходимо, и можно надѣяться, что такая школа имѣла бы успѣхъ. Не только дѣти мастеровыхъ, но и отцы ихъ нашли бы себѣ чему поучиться.

Варыпаевъ, продолжаетъ съ 1833 года дѣло покойнаго своего отца, имѣвшаго небольшое замочное заведеніе. Трудолюбіемъ онъ довелъ свое заведеніе до степени первокласнаго въ селѣ Павловѣ, и усвоилъ себѣ всѣ разнообразныя отрасли стальнаго ироизводства. На его заведеніи дѣлаютъ самые разнообразные замки мѣдные и желѣзные, простые и съ секретами, ножи всѣхъ сортовъ и размѣровъ, ножницы, наконецъ бритвы и хирургическіе инструменты, получившіе одинаковые лестные отзывы на выставкахъ какъ петербургской, такъ и нижегородской. Его инструменты, выдержали всѣ пробы на выставкѣ какъ нельзя лучше, и притомъ они чрезвычайно дешевы. Онъ работаетъ по заказу и для адмиральтейства и вообще его издѣлія, кромѣ внутренняго достоинства отличаются изящною отдѣлкой. Великій Князь много любовался прекрасными хлѣборѣзными и десертными ножами съ пальмовыми и костянными ручками, чистотой и изяще-

ствомъ многихъ другихъ вещей, купилъ нѣсколько экземпляровъ, и потомъ отправился въ заведеніе, гдѣ особенно интересовался производствомъ мѣдныхъ замковъ, начиная отъ формовки двухъ половинокъ до отливки ихъ изъ мѣди и до окончательной отдѣлки. Замки эти расходятся отсюда по всей Россіи, отъ Сибири до Украйны, и переходятъ въ большомъ количествѣ за наши предѣлы, въ Азію. Въ заведеніи работаетъ отъ 18 до 28 человѣкъ, а на сторонѣ занято отъ 50 до 100 человѣкъ, смотря по требованію на издѣлія. Верстаковъ у него 5, точильныхъ колесъ, дѣйствующихъ коннымъ приводомъ—5, и одно ручное. Годовой оборотъ заведенія простирается отъ 30 до 50.000 рубл. На лондонской выставкѣ издѣлія Варыпаева удостоены почетнаго отзыва.

Отъ Варыпаева Его Высочество поѣхалъ къ другому извѣстному мастеру Калякину, заведеніе котораго существуетъ съ 1816 года. Учредитель его, Иванъ Игнатьевичъ Калякинъ, началъ съ мѣдныхъ замковъ и ключей и только въ послѣдствіи сталъ выдѣлывать столовые и перочиные ножи, ножницы и бритвы. Теперь заведеніемъ управляетъ его сынъ. Оборотъ его простирается до 10.000 р. въ годъ. Рабочихъ въ заведеніи 14 человѣкъ, да на сторонѣ работаетъ до 20 человѣкъ. При заведеніи 6 верстаковъ, 5 точильныхъ колесъ, приводимыхъ въ движеніе коннымъ проводомъ и одно ручное. Издѣлія Калякиныхъ на всѣхъ выставкахъ получали награды, а въ 1847 году удостоены

были права прикладывать къ своимъ издѣліямъ государственый гербъ, въ воздаяніе за 35-лѣтнее занятіе выдѣлкой ножей и бритвъ и обученіе этому мастерству до ста человѣкъ.

Отсюда Великій Князь поѣхалъ смотрѣть производство мастерковъ, работающихъ у себя на дому или для себя и собственнаго сбыта или по заказу. Изъ нихъ двѣ трети, по крайней мѣрѣ, работаютъ на себя своей семьей, прихватывая иногда, смотря по дѣлу, одного или двухъ рабочихъ. Остальные работаютъ на другихъ мастеровъ. Мастерскую каждаго составляетъ кузница, устроиваемая отдѣльно отъ дома и одинъ или два верстака; у бѣдныхъ же мастеровыхъ и верстакъ и горнъ помѣщаются въ одной комнатѣ. Великій Князь входилъ въ нѣсколько избъ, и интересовался подробностями производства и быта бѣдныхъ тружениковъ. У кузницы одного бѣднаго замочнаго мастера Цесаревичъ простоялъ съ ¼ часа и выждалъ все производство замочной ручки отъ начала до конца. Много здѣсь было сдѣлано разспросовъ о бытѣ и заработкахъ большинства павловскаго рабочаго населенія, и нельзя сказать, чтобы полученныя свѣдѣнія были утѣшительны. Общій выводъ тотъ, что оно находится въ совершенной, можно сказать, кабалѣ у своихъ зажиточныхъ согражданъ или у купцовъ, покупающихъ ихъ издѣлія. «Богатые больно насъ одолѣваютъ»—былъ общій отвѣтъ. У большинства населенія всѣ средства въ здоровыхъ рукахъ. Покуда здоровье есть, онъ сытъ и одѣтъ. Заболѣй—

и нищета да горе за дверьми. Все, что ни сработаютъ они въ теченіе недѣли, несется на базаръ, и счастливъ тотъ, кто товаръ сбудетъ. На вырученныя деньги покупаются необходимыя средства для жизни и матеріялъ для производства на всю будущую недѣлю. Останется товаръ на рукахъ, — бѣда. Его приходится отдавать въ залогъ людямъ, промышляющимъ этимъ дѣломъ, конечно за тяжелые проценты, или же берутъ необходимыя для жизни и производства вещи въ долгъ, по дорогой цѣнѣ, и находятся въ совершенной зависимости отъ кредиторовъ. Работа замка, этого главнѣйшаго предмета павловскаго производства, весьма трудна и вредна для здоровья. Производится она, по большей части, въ сидячемъ положеніи, не отходя отъ верстака. Подпилокъ и небольшой молотокъ составляютъ главныя орудія. За этою работой сидитъ нерѣдко въ продолженіи восьмнадцати часовъ вся семья, даже дѣти, какъ только они окрѣпнутъ. Лѣтомъ воздухъ еще освѣжается, а зимою онъ истощаетъ послѣднія силы. Не забудемъ, что въ тѣсной избѣ помѣщается и верстакъ и горнъ. И за восьмнадцать часовъ вырабатываетъ себѣ, при своихъ угляхъ, рабочій не болѣе 25 коп.!

Въ лучшемъ положеніи находятся, не говоря уже о хозяйствахъ большихъ заведеній, въ родѣ Варыпаевскаго, такъ-называемые ремесленники средней руки, продающіе свой товаръ тогда, когда на него является требованіе, и притомъ всегда на наличныя деньги. Од-

нихъ можно назвать коммиссіонерами, закупающими товаръ у мастерковъ по требованію, и отправляющими его по назначенію, другіе же скупаютъ его во всякое время и продаютъ на ярмонкахъ. У нихъ-то, главнымъ образомъ, въ рукахъ бѣдные мастера.»

Помочь здѣсь, конечно, нельзя праздными и безплодными филиппиками противъ капитала; онѣ останутся всегда пустымъ разглагольствомъ, никогда не приводившимъ ни къ какимъ путнымъ результатамъ. Конечно богатые поступаютъ часто жестоко, платятъ не наличными деньгами, а разнымъ товаромъ, иной разъ мастеру ненужнымъ, и по дорогой цѣнѣ; строго преслѣдуютъ мастера, осмѣлившагося продать на сторону, мимо ихъ, свой товаръ. Все это такъ, но кто же безъ нихъ будетъ покупателемъ товара? Куда идти мастерамъ съ товаромъ, и время ли имъ искать себѣ покупщика, тогда какъ теперь у нихъ постоянный сбытъ подъ рукою? Здѣсь могутъ помочь не пустозвонныя рѣчи противъ монополіи капиталистовъ и богачей, но учрежденія общественныя, какъ напримѣръ, *общественная ссудная касса*, или артель въ родѣ извѣстной артели столяровъ въ Петербургѣ, основанной Мельниковымъ, и склады павловскихъ издѣлій въ главныхъ мѣстахъ сбыта. Дай Богъ, чтобы Павловское общество сознало это, и чтобы явилась умная, энергическая личность со средствами и положила начало благому дѣлу! За примѣрами ходить далеко нечего.

Мы видимъ такого рода учрежденія процвѣтающими въ Европѣ; мы сами имѣемъ нашу стародавнюю народную форму, «артель,» которая при разныхъ случаяхъ и въ разныхъ отрасляхъ народной промышленности оказываетъ и всегда оказывало несомнѣнное и всѣми сочленами живо чувствуемое благодѣяніе. Кому неизвѣстно, какимъ довѣріемъ всѣхъ промышленныхъ людей въ громадныхъ операціяхъ пользуются артели и какимъ, сравнительно съ внѣ артели стоящими и своими только средствами промышляющими рабочими, бо́льшимъ благосостояніемъ отличаются артельщики. Наша задача въ настоящее время состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы не пренебрегать никакой стороной нашего народнаго быта, если только въ ней заключается зародышъ для благотворнаго развитія на благо той же народной жизни. Артели же и всякаго рода артельныя товарищества и ассосіаціи могутъ имѣть великую будущность. Представимъ себѣ, что въ нашемъ же Павловѣ составится нѣсколько артелей для закупки подъ круговымъ ручательствомъ цѣлой артели въ кредитъ необходимаго для производства количества желѣза, и что этотъ матеріялъ будетъ продаваться по дешевой цѣнѣ всѣмъ артельщикамъ со взиманіемъ извѣстнаго процента на покрытіе процентовъ за получаемый въ кредитъ товаръ и издержекъ по артели. Развѣ желѣзо не обойдется бѣднымъ производителямъ дешевле, чѣмъ покупка или полученіе его на тѣхъ тягостныхъ условіяхъ, какія существуютъ нынѣ. Раз-

вѣ, далѣе, артель или совокупность артелей не можетъ имѣть своего собственнаго склада въ Нижнемъ или въ другихъ городахъ для сбыта товара, конечно уже по болѣе выгоднымъ цѣнамъ, чѣмъ сбываются теперь издѣлія часто безчеловѣчнымъ коммиссіонерамъ.

Наконецъ учрежденіе на такихъ же точно основаніяхъ, изъ мелкихъ вкладовъ, съ небольшимъ пособіемъ отъ казны, или на заемный капиталъ Павловскаго общественнаго банка или ссудной общественной кассы, которая была бы вмѣстѣ съ тѣмъ и кассой сберегательной, принимая самыя ничтожныя сбереженія, и возможно и полезно, и все это въ добавокъ не новость, ибо подобнаго рода учрежденія у насъ есть, какъ напр., ссудныя мірскія кассы въ селеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ и деревенскіе банки въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, имѣвшіе самое благодѣтельное вліяніе на бытъ крестьянъ. Какъ всякаго рода такія учрежденія благотворно дѣйствуютъ на народъ и какъ они содѣйствуютъ накопленію мелкихъ народныхъ сбереженій, позволимъ себѣ въ числѣ многихъ примѣровъ указать на одинъ. Въ казанской губ. есть прекрасный заводъ, гдѣ рабочаго народа считается нѣсколько сотъ человѣкъ. Получая заработки, каждый хранилъ свои сбереженія и деньги у себя, и не проходило дня, чтобы не было какой-нибудь исторіи объ утратѣ денегъ. Хозяева рѣшились, наконецъ, объявить, что ни въ какія разбирательства входить не намѣрены, и что ежели кто хочетъ, можетъ нести свои деньги на сбереженіе въ

контору, гдѣ будутъ выдавать книжки и платить на вклады 6 проц. И что же, не прошло 4-хъ лѣтъ, и контора имѣла уже вкладовъ до 20,000 р. Сколько же такихъ крохъ можетъ быть собрано по всей Россіи, на благо промышленности, на оживленіе торговли, постройку дорогъ, учрежденіе банковъ, а теперь крохи эти гибнутъ непроизводительно, заткнутыя гдѣ-нибудь въ подпольѣ или завернутыя въ тряпки покоются въ сундукахъ. Есть о чемъ подумать, а главное — устроить такъ практически и такъ сообразно съ народными потребностями, чтобы польза прямо кидалась въ глаза, а не пугала бы народъ разными ненужными формальностями, какъ напр. засвидѣтельствованіемъ его личности въ полиціи, когда ему вздумается понести рубль въ сберегательную кассу.

Главная промышленность села Павлова естественно наложила свой характеръ и на торговлю села Павлова, служащую почти единственно для удовлетворенія потребностей стально-слесарнаго дѣла, и его производителей. Здѣсь торгуютъ желѣзомъ, сталью, москательнымъ товаромъ, здѣсь же производится закупка издѣлій Павлова и окрестныхъ селеній для отправленія въ разныя мѣста на продажу. Главныхъ торговцевъ желѣзомъ насчитывается 12, москательнымъ товаромъ 3, стально-слесарными издѣліями 17. Желѣзо продается слѣдующихъ сортовъ: листовое, обрѣзное, листовая болванка, (или прокатка)—мѣрная (въ 1 аршинъ) и маломѣрная, также отчасти и шинное. Оно покупает-

ся на Нижегородской ярмонкѣ съ разныхъ заводовъ, а болѣе изъ вторыхъ рукъ, у нижегородскаго потомственнаго почетнаго гражданина, мануфактуръ совѣтника Рукавишникова. Для удовлетворенія прочихъ мѣстныхъ потребностей въ селѣ Павловѣ имѣются 2 мучныхъ лобаза, 8 бакалейныхъ лавокъ, съ краснымъ товаромъ постоянныхъ 2, временно - занимаемыхъ 22. Базарныхъ дней въ недѣлю 2—понедѣльникъ и пятница; первый изъ нихъ по привозу значительнѣе. Главный торгъ на нихъ стальными издѣліями и привозимымъ изъ разныхъ мѣстъ хлѣбомъ и съѣстными припасами.»

«Скупленный товаръ идетъ въ обѣ столицы, въ Ригу, и въ другіе губернскіе города и на ярмонки: Ирбитскую, Тюменскую, Ростовскую, Украинскія и другія; главная же торговля павловскими издѣліями бываетъ на Нижегородской Макарьевской ярмонкѣ, откуда русскіе торговцы развозятъ ихъ по всей Россіи, а Армяне, Персіяне и Бухарцы ввозятъ ихъ въ Грузію, Персію, Турцію, Бухарію и Хиву. Даже въ Польшѣ павловскія издѣлія, завезенныя туда Евреями, не боятся соперничества иностранныхъ издѣлій того же рода, и сбываются успѣшно.

Изъ сортовъ замка рѣпчатый, желѣзный и мѣдный мелкій и дешевый идетъ больше въ Азію, а крупный во внутреннія губерніи; шведскій больше въ Россію и только немного мелкаго въ Азію; коробчатый также требуется въ Азію; конный и черный съ обручиками, такой же полированный бѣлый съ обручиками, сумоч-

ный, чемоданный, и секретный расходятся преимущественно въ Россіи, частью же и то дешевой мелкой сортъ — идетъ въ Азію. Стальныя издѣлія продаются также офенями или ходебщиками Владимірской губерніи; собственно же изъ лавокъ въ Павловѣ торговля этими издѣліями самая маловажная. *)

Павлово—это разсадникъ производства стальныхъ издѣлій во всемъ околоткѣ, которымъ занимаются до 40 селеній въ Горбатовскомъ уѣздѣ. Оно перешло отсюда въ сосѣдній Муромскій уѣздъ, гдѣ тысячи рукъ заняты выдѣлкою стальныхъ издѣлій. Ножовымъ производ-

---

*) Продажная цѣна издѣліямъ, какъ сказывали въ Павловѣ: рѣпчатаго крупнаго и мелкаго отъ 3 до 30 и даже до 40 коп; шведскаго отъ $2^1/_2$ коп. до 1 руб., а по заказу и выше; столовыхъ желѣзныхъ ножей съ вилками, самыхъ расхожихъ отъ 50 коп. до 1 руб., изъ стали отъ 1 руб. до 5—7 руб. и выше дюжина, смотря по черенку (роговыя, мамонтовыя, пальмовыя, яшмовыя и другія), поварскихъ и хлѣбныхъ отъ 60 к. до 1 руб. 50 коп. и 2 руб., десятокъ; складныхъ отъ 60 к. до 1 руб.; перочинныхъ отъ 1 р. 50 коп. до 3 руб. и болѣе дюжина; расхожихъ портныхъ ножницъ отъ 1 р. 50 коп. до 6 руб. за десятокъ, а хорошихъ отъ 10 до 36 руб. дюжина; обыкновенныя среднія ножницы отъ 2 до $3^1/_2$ и 7 руб. дюжина; дамскія отъ 3 руб. 50 коп. до 10 руб. и выше, парикмахерскія отъ 4 до 12 руб.; канцелярскія отъ $4^1/_2$ до 8 руб., садовыя отъ 5 до 30 руб., ноготныя отъ 3 до 5 руб., пяличныя отъ 3 руб. 50 коп. до 10 руб., петельныя маленькія въ 5 руб. дюжина, конныя отъ 4 до 6 руб. дюжина, металло-рѣзные отъ 1 руб. 30 коп. до 3 и 7 руб. за штуку; пластырные въ 5 и 7 руб. дюжина; бритвы отъ 4 руб и выше дюжина; коромысла (отъ 4 верш. и до 5 четв.) отъ 1 руб. до 5 руб., штука; жерноповъ для кофейныхъ мельницъ отъ $1^1/_2$ до 5 руб. десятокъ.

ствомъ особенно замѣчательны село Ворсма, горбатовскаго уѣзда, и Вача муромскаго уѣзда Владимірской губерніи.

Кромѣ стально-слесарнаго производства въ Павловѣ, сохранился до сихъ поръ одинъ изъ старинныхъ промысловъ—пряденіе канатовъ и веревокъ. Въ настоящее время этихъ заведеній 7, занимающихъ 25 рабочихъ рукъ. Мыловареніемъ занимаются на 3-хъ заводахъ, принадлежащихъ: 1) купеческимъ братьямъ Матвѣевымъ и Рябининымъ; 2-й купцу Дряхлову и 3-й купцу Ногтеву. На заводахъ этихъ выработывается большею частію ядровое желтое мыло, бѣлаго разливнаго меньше; но такъ, какъ мраморное мыло начало вытѣснять уже желтое, то приступили, хотя въ незначительномъ количествѣ, къ выдѣлкѣ мраморнаго. На этихъ заводахъ занято до 35 рабочихъ рукъ; выработывается мыла въ годъ до 50 тысячъ пудъ. Матеріалъ пріобрѣтается на Нижегородской ярмонкѣ, въ самомъ селѣ Павловѣ и въ Астраханѣ. Сбытъ его производится на Нижегородской и Ростовской ярмонкахъ и по приволжскимъ городамъ Костромской и Ярославской губерній. Затѣмъ, кожевеннымъ производствомъ занимаются въ 4-хъ, кирпичнымъ въ 3-хъ, свѣчносальнымъ въ 2-хъ и восковымъ въ 2-хъ заведеніяхъ. Въ селѣ же Павловѣ находится стальной заводъ, принадлежащій крестьянину села Ворсмы А. Ив. Боронину, но онъ, къ сожалѣнію, около года прекратилъ на время производство, въ которомъ Павловцы постоянно ощущаютъ необходимость.

Причина временнаго прекращенія—это затрудніе получать желѣзо дешево и изъ первыхъ рукъ.

Пристань села Павлова незначительна: сюда пригоняется больше лѣсъ и камень мельничный (жерновой), точильный, и на памятники. Нынѣшнее лѣто приплавлено было въ Павлово до 30 тысячь деревъ строеваго и дровянаго — сосноваго и елеваго лѣса; лѣсъ привозится бо̀льшею частію изъ лѣсныхъ дачь уѣздовъ: муромскаго владимірской губерніи и ардатовскаго нижегородской губерніи, а камни изъ бронницкаго уѣзда московской губерніи. Камня привезено разнаго вида на 5 судахъ: жерноваго 540, точильнаго 555, памятниковъ съ принадлежностями 30 штукъ, камня для хрусталя 1,800 пудъ. Лѣсъ раскупается павловскими жителями и окрестными селеніями; изъ камня же покупается Павловцами небольшая только часть жерноваго и точильнаго; остальной идетъ дальше на Нижегородскую ярмарку.

Въ Павловѣ бываетъ на 9-й пятницѣ по Пасхѣ ярмарка. Торговцы и покупатели пріѣзжаютъ съ ранняго утра изъ гороховецкаго и муромскаго уѣздовъ, города Горбатова и со всѣхъ мѣстъ по близости, сухопутно и на лодкахъ, одни для сбыта, а другіе для закупокъ для своего обихода. Съ 7 часовъ вечера четверга начинается подторжье, тутъ же и гуртовая закупка, а утромъ въ пятницу окончательная развязка. Накладываютъ купленный товаръ на лодки и часовъ въ 11

лодки эти уже отваливаютъ. Въ пятницу народъ изъ окрестныхъ ближайшихъ селенiй приходитъ, но уже болѣе для разгула, и до сумерекъ производится одна еще розничная мелкая продажа, въ особенности русскихъ гостинцевъ. Къ вечеру и эти лавки пустѣютъ, — торговцы и заѣзжiй народъ отправляются по домамъ. Одни ремесленники павловскiе гуляютъ до полуночи.

Предметы торга на этой ярмонкѣ: красный товаръ, которымъ, кромѣ 10 павловскихъ, торгуютъ трое изъ зяблицкаго погоста владимiрской губернiи, двое изъ Горбатова и иногда прiѣзжаютъ изъ Нижняго 1 или 2 торговца. Колесъ привозится до 50 возовъ, всего 150 становъ. Телеги отъ водяной, для лагуновъ, и до росписной желтой до 100 штукъ изъ окрестныхъ деревень; бороны и сохи оттуда же, ведра, лейки, корыта, преимущественно изъ горбатовскаго уѣзда; чашки, ложки, сита, рѣшета, изъ Безводнаго; лошади изъ Корсуня и изъ окрестныхъ деревень; соленая рыба вешняго засола изъ Корсуня; лещъ и судокъ изъ Горбатова; кожи, сапожный, шорный и гончарный товаръ изъ Богородскаго и Матюшина, готовые сапоги изъ муромскаго уѣзда; тёсъ привозится сухимъ путемъ изъ лѣсовъ казенныхъ и дачь графа Шереметева, Потемкина и другихъ; съ гостинцами прiѣзжаютъ изъ Мурома и Богородскаго.

Не лишнимъ будетъ также привести цифры, заимствованныя изъ Павловской почтовой конторы, о пере-

сылкѣ и полученіи суммъ и вообще простой, денежной и частной корреспонденціи. Это можетъ быть дастъ нѣкоторое понятіе объ оборотѣ мѣстныхъ капиталовъ. Въ теченіе 1862 года переслано было писемъ 9,488, посылокъ 230, получено же вообще 7131. Переслано частныхъ капиталовъ' на 142,950 р. получено на 275,057 рублей

Великій Князь посѣтилъ и выставку издѣлій села Павлова. Кромѣ стальныхъ издѣлій, здѣсь были выставлены произведенія павловскихъ мыловаренныхъ заводовъ и кожевенныхъ. Но стальныя издѣлія, и опять-таки замки, преобладали на выставкѣ. Между ними были маленькія замочки, отъ полутора до четырехъ и болѣе на золотникъ. Этого рода замки требуются въ Петербургъ и Москву для собачьихъ ошейниковъ.

Производствомъ этихъ замковъ славится мастеръ М. М. Хворовъ. Нельзя не замѣтить, что эта работа чрезвычайно какъ вредна для глазъ и весьма невыгодна. Самый маленькій замокъ стоитъ всего 6 коп., а замокъ нѣсколько покрупнѣе 3 коп. сер. За эту ничтожную плату мастеръ, человѣкъ еще среднихъ лѣтъ, потерялъ, говорятъ, почти зрѣніе, такъ что теперь работаетъ только съ сильными очками. Маленькіе замочки онъ дѣлаетъ только лѣтомъ, а зимой работаетъ покрупнѣе. Вообще должно замѣтить, что промышленность села Павлова не могла не отозваться на здоровьѣ его жителей. Немногіе изъ нихъ доживаютъ до глубокой старости. Рабочіе проводятъ 6 дней въ не-

дѣлю и не рѣдко по 18 часовъ въ сутки за работой. Мастеровой вѣчно передъ огнемъ, работаетъ безъ рубашки, облитый потомъ и, конечно, многіе не берегутся, пьютъ холодную воду, или выходятъ на холодъ и простужаются. Отчистка же стальныхъ издѣлій, производящаяся во всѣхъ почти мастерскихъ на камняхъ, также очень вредна для здоровья отъ отдѣляющейся отъ камня мелкой пыли, постоянно вдыхаемой мастеровыми. Занимающіеся этимъ производствомъ рѣдко доживаютъ до 40 лѣтъ. Хотя и есть средство предотвратить вредныя послѣдствія этой работы, а именно, чтобы камень при дѣйствіи былъ постоянно въ водѣ; но это къ сожалѣнію дѣлаютъ весьма немногіе, потому, что работа идетъ медленнѣе. Чахотка, впрочемъ, составляетъ господствующую болѣзнь въ Павловѣ. Развитіе ея, кромѣ вышеозначенной причины, поддерживается еще и климатическими условіями и мѣстностью села Павлова, доступною частымъ и рѣзкимъ вѣтрамъ. Недолголѣтіе Павловцевъ можно объяснить еще и тѣмъ, что, при ограниченныхъ заработкахъ, въ производствѣ принимаетъ участіе вся семья и отъ тяжкаго труда не избавлены даже дѣти. Едва мальчикъ достигаетъ 8-ми или 9-ти лѣтняго возраста, когда физическія силы его требуютъ еще развитія, онъ отягощается уже работой и вредной и ему не по силамъ. Не одни только мущины, но и женщины, начиная съ того же возраста, какъ и мальчики, раздѣляютъ съ мастеровыми ихъ трудъ.

И несмотря на все это, на ощутительную потребность въ медицинскомъ пособіи, въ Павловѣ нѣтъ ни одного, въ настоящее время, медика, къ которому бы могли обращаться рабочіе. Въ Павловѣ есть только фельдшера, и народные лекаря, такъ-называемые знахари. Аптека завелась здѣсь только съ 1857 года, и принадлежитъ фармацевту изъ дворянъ Сезеневскому.

Одно изъ утѣшительныхъ явленій въ Павловѣ это безспорно нераздѣльность семейнаго труда, гдѣ глава семейства самъ все видитъ и входитъ во всѣ его нужды, раздѣляетъ съ нимъ всѣ тяжести, гдѣ вся семья вмѣстѣ трудится. Это служитъ къ упроченію семейной жизни, которая здѣсь отличается строгостью и чистотой нравовъ и такое утѣшительное явленіе возбуждаетъ еще болѣе желаніе облегчить всѣми возможными средствами участь и матерьяльный бытъ бѣдныхъ тружениковъ. Средства же для этого, о которыхъ мы говорили выше, не съ такими уже сопряжены затрудненіями, чтобъ считать ихъ невозможными.

Въ пятомъ часу Государь Наслѣдникъ, пожелавъ процвѣтанія и благоденствія трудолюбивому, умному населенію Павлова, и сопровождаемый толпами народа, подъ которыми гнулись и трещали подмостки, и при неумолкаемыхъ оглушительныхъ крикахъ *ура* взошелъ на пароходъ, и нашъ *Поспѣшный* двинулся внизъ по Окѣ обратно въ Нижній.

На обратномъ пути изъ Павлова долго любовались мы прекрасными берегами Оки. Наступилъ вечеръ;

бросили якорь у праваго нагорнаго берега, противъ старой церкви, виднѣвшейся на горѣ. Это былъ упраздненный монастырь, извѣстный подъ названіемъ Дуденева Николаевскаго. Онъ существовалъ съ XIV вѣка, но въ прошломъ столѣтіи обращенъ въ приходскую церковь села Подъяблонихи. Мѣстоположеніе очень красиво. Мы взобрались по крутому всходу, продѣланному ступеньками въ крутой обрывистой горѣ; толпа народа собралась сюда изъ сосѣднихъ деревень, и провожала насъ до старинной церкви, гдѣ былъ молебенъ. Жители здѣсь, какъ и въ бо̀льшей части селеній по Окѣ въ Нижегородской губ., занимаются рыболовствомъ, и ежегодно уѣзжаютъ на рыбные промыслы въ Астрахань и въ Каспійское море: въ этихъ же мѣстахъ дѣлаются въ большомъ количествѣ рыболовныя снасти.

Изъ церкви Великій Князь отправился на охоту съ частью свиты, а мы пошли по берегу, прорытому глубокими оврагами любоваться широкою панорамой Оки и луговою стороной берега. Черезъ каждыя пять минутъ надо было останавливаться на новыхъ точкахъ зрѣнія, которыя открывались безпрестанно вдоль по извилистому берегу. Прогулка была очень пріятна, и стало темно, когда общество наше вернулось на пароходъ.

ГЛАВА IX.

День въ Нижнемъ Новгородѣ. Встрѣча Великаго Князя Казанскимъ обществомъ подъ Свіяжскомъ. Обѣдъ въ Казани. Николаевская слобода. Первый вечеръ на *Туристѣ*. Плаваніе по Камѣ. Чистополь. Симбирскъ. Вечеръ въ Клубѣ. Удѣльное училище для крестьянскихъ дѣвицъ. Механическое заведеніе Зотова. Рысистые бѣги и скачка. Соборъ. Симбирская старина. Балъ отъ дворянства. Отъѣздъ изъ Симбирска. Проводы дворянства подъ Сенгилеемъ. Рѣзныя деревянныя блюда, поднесенныя Великому Князю.

На утро, въ воскресенье, 7-го іюля, снова открылся передъ нами Нижній Новгородъ. Здѣсь и въ Казани предположено было останавливаться ненадолго, такъ какъ Великій Князь имѣлъ уже пребываніе въ этихъ мѣстахъ въ 1861 году. Мы сошли на берегъ, и въ 10 часовъ отправились къ обѣднѣ, которую служилъ преосвященный Нектарій. Послѣ параднаго обѣда и вечерняго спектакля въ городскомъ театрѣ, мы простились съ Нижнимъ, переѣхали на пароходъ, и къ утру снялись съ якоря. Весь слѣдующій день мы пробыли

въ пути и остановились только на короткое время у пристани въ Козмодемьянскѣ. Здѣсь въ первый разъ явилась передъ нами пестрая смѣсь населенія; русскія физіономіи на пристани мѣшались съ мордовскими и чувашскими. Другая стоянка была уже къ ночлегу, за Козмодемьянскомъ, — у луговаго берега Волги.

На утро мы проснулись съ холодомъ, сыростью, съ мелкимъ дождемъ, пронизавшимъ насквозь холстинный тентъ надъ палубою. Мы шли около Свіяжска, когда на встрѣчу намъ показался пароходъ и послышалась музыка. Это былъ пароходъ *Царевна*, выѣхавшій изъ Казани на встрѣчу Великому Князю. Поровнявшись съ *Поспѣшнымъ*, стоявшимъ уже на якорѣ, пароходъ остановился, музыка заиграла *Боже Царя Храни*. Палуба наполнена была съ одной стороны представителями губернскаго начальства и сословій, въ мундирахъ, съ другой—нарядными дамами. Всѣ кричали *ура!* и привѣтствовали Наслѣдника. Намъ нельзя было скоро двинуться съ своей стоянки, и пароходъ *Царевна*, пройдя еще разъ мимо нашего, отправился въ обратный путь съ музыкой; дамы бросали свои букеты въ воду и кланялись, мущины махали шляпами.

Черезъ нѣсколько часовъ мы прибыли къ Бакалдинской пристани и высадились ѣхать въ Казань, до которой остается еще версты три отъ берега. У пристани устроена была палатка, изящно убранная цвѣтами и зеленью, въ которой казанскія дамы встрѣтили Его Высочество съ букетами. Берегъ пестрѣлъ отъ множе-

ства народу, въ разноплеменныхъ и разнохарактерныхъ костюмахъ. Въ Казани оставались мы только до вечера. По краткости пребыванія Его Высочества, городъ не имѣлъ времени для устройства праздниковъ и увеселеній; но городское общество поднесло Государю Наслѣднику 9.000 рублей сер., собранные въ пользу раненныхъ за народное дѣло. Послѣ обѣда Его Высочество ѣздилъ осматривать Николаевскую слободу, построенную здѣшнимъ городскимъ обществомъ въ память пребыванія Государя Наслѣдника въ Казани, въ 1861 году. Слобода эта назначена для поселенія дворовыхъ людей. По освобожденіи отъ обязательной службы помѣщикамъ, желающіе могутъ селиться здѣсь въ домахъ, отдаваемыхъ отъ города. Эти дома предположено оставлять имъ во всегдашнее владѣніе, если они въ теченіе пятилѣтнаго срока окажутся спокойнымн и полезными членами общества; въ противномъ же случаѣ высылать ихъ изъ слободы. Великій Князь нашелъ въ слободѣ уже 24 готовые домика, и новыхъ поселенцевъ въ числѣ 134 душъ обоего пола. Дома имѣютъ чистый, пріятный видъ, и поселенцы, повидимому, очень довольны своимъ положеніемъ. Осмотрѣвъ послѣ того острогъ, Государь Наслѣдникъ поѣхалъ обратно къ пристани пересѣсть на новый пароходъ *Туристъ*, который приготовленъ былъ обществомъ *Самолетъ* для дальнѣйшаго путешествія Его Высочества отъ Казани до Астрахани, такъ какъ при расширеніи фарватера Волги отъ Казани требуются пароходы уже бóльшихъ

размѣровъ и большей остойчивости. Помѣщенія на новомъ пароходѣ нашемъ отдѣланы роскошнѣе, но всѣ мы уже привыкли къ *Поспѣшному* и къ экипажу его, и при раставаніи съ нимъ многіе изъ насъ испытывали чувство подобное тому, какое испытываешь, покидая старый домъ и комнаты, въ которыхъ обжился по домашнему. Не безъ грусти простились мы съ капитанъ лейтенантомъ Ренненкампфомъ, который сопровождалъ насъ въ пути, въ качествѣ уполномоченнаго отъ „Самолета". Съ Казани занялъ мѣсто его адмиралъ С. И Моффитъ морякъ, извѣстный своею опытностью, разсказы котораго о морскихъ похожденіяхъ его, о Волгѣ и о приволжскомъ краѣ доставляли намъ въ пути не мало пріятнаго развлеченія. Капитаномъ на *Туристѣ* былъ капитанъ-лейтенантъ Фельдгаузенъ, одинъ изъ питомцевъ и сподвижниковъ Нахимова во время осады Севастополя. Вообще на волжскіе пароходы перешло не мало моряковъ севастопольскихъ, — и воспоминанія о черноморскомъ флотѣ слышатся нерѣдко здѣсь, на тихихъ водахъ приволжскаго края.

На утро 10-го іюля мы вошли въ Каму. Неподалеку отъ устья, Кама отдѣляетъ отъ себя большой рукавъ, извѣстный подъ названіемъ Манжуровки. 22 года тому назадъ, въ половодье, рѣка прорвала себѣ новый протокъ, не покинувъ и прежняго своего русла. Протокъ этотъ разрѣзалъ пополамъ большое селеніе Манжурово и унесъ множество людей, домовъ и скота; по имени селенія, и самый протокъ называется Манжуровкою;

ложе его глубоко, и по быстротѣ теченія не всегда можно судамъ съ безопасностью слѣдовать по этому протоку, хотя онъ сокращаетъ путь по Камѣ слишкомъ на 25 верстъ.

Въ 6 часовъ вечера мы прибыли въ Чистополь. Чистопольская пристань имѣетъ въ здѣшнемъ краю большое значеніе для хлѣбной торговли, и значеніе это съ каждымъ годомъ усиливается. Въ весеннюю пору Кама, противъ Чистополя, покрывается сплошными рядами судовъ; отъ одного берега до другаго, работаютъ десятки тысячъ рукъ, и закипаетъ движеніе, какъ въ муравейникѣ. На этотъ разъ горячая пора давно уже миновала; судовъ на пристани было немного, и народъ, во множествѣ собравшійся къ пристани, волновался только отъ радости и любопытства. Мы отправились съ пристани въ соборъ, куда едва можно было попасть отъ множества народа: въ небольшомъ городѣ, при скопленіи большой массы народа, стремящейся къ одной точкѣ, нечего и ожидать, что эта масса будетъ стоять и двигаться въ порядкѣ; всѣ смотрятъ въ одну сторону, всѣ бѣгутъ въ одно мѣсто, всякому хочется быть, какъ можно ближе къ тому мѣсту, гдѣ находился Великій Князь, всякій тѣснится, не разбирая мѣста и не обращая вниманія на сосѣдей. При проѣздѣ ежеминутно можно было бояться, чтобы кто-нибудь не попалъ подъ колеса; но, слава Богу, все до сихъ поръ обходилось благополучно. Изъ собора Великій Князь проѣхалъ вокругъ по го-

родскимъ улицамъ, и вся масса Татаръ, крестьянъ и рабочихъ повалила за коляской.

Эту ночь мы провели на пароходѣ; на слѣдующее утро, въ Ольгинъ день, послѣ обѣдни въ Чистопольскомъ соборѣ, Великій князь удостоилъ посѣщеніемъ домъ здѣшняго купца Полякова. Хозяинъ еще наканунѣ приготовилъ свой домъ для помѣщенія Его Высочеству и устроилъ обѣдъ; но мы пріѣхали уже послѣ обѣда.

Въ 11 часовъ утра мы выѣхали изъ Чистополя; и цѣлый день пробыли въ дорогѣ, за исключеніемъ вечерней стоянки у берега Камы; здѣсь еще разъ пришлось поохотиться и погулять въ лѣсистой мѣстности.

На слѣдующее утро мы подошли къ Симбирску. Съ Волги виденъ только крутой берегъ и верхушки зданій; самого города не видно, и приходится подниматься по шоссейному проѣзду, проложенному версты на 4 отъ рѣки до города. Ѣдешь длинною слободой, между рядами деревянныхъ домовъ и обширныхъ садовъ, которыми славится Симбирскъ. Чѣмъ дальше поднимались мы въ гору, тѣмъ шире и красивѣе раскидывалась позади насъ панорама Волги и Заволжской луговой стороны. Въ самомъ городѣ, съ набережной, раскидывается вполнѣ эта великолѣпная панорама, на которую нельзя довольно налюбоваться. Высота берега надъ водою доходитъ до 80 саженъ. Съ этой высоты есть гдѣ разгуляться взгляду: видно почти полгоризонта, верстъ на 30 и далѣе. Правда, что въ этомъ видѣ мало жизни. На горизонтѣ не видно множества селъ и

горячаго движенія на рѣкѣ, какъ въ Нижнемъ-Новгородѣ съ набережной и отъ городскаго сада. На Симбирской пристани нѣтъ движенія; промышленное значеніе Симбирска ничтожно: самое мѣстоположеніе города на вершинѣ крутой горы, и крайняя затруднительность въ сообщеніи города съ пристанью препятствуютъ промышленному его развитію. Симбирская губернія принадлежитъ къ самымъ значительнымъ по числу дворянскихъ имѣній, и промышленность ея по преимуществу въ рукахъ помѣщиковъ. Это придаетъ особенный видъ городу и общественной его жизни: въ этомъ отношеніи Симбирскъ мы могли противоположить Рыбинску; какъ тамъ всему давало тонъ и во всемъ являлось представителемъ купечество; такъ въ Симбирскѣ дворянство являлось во главѣ того движенія народнаго, которымъ сопровождается повсюду путешествіе Наслѣдника Цесаревича. Множество дворянъ съ семействами съѣхались въ Симбирскъ къ 12 іюля изо-всѣхъ уѣздовъ; намъ говорили, что въ самую горячую пору, къ выборамъ, не бывало въ Симбирскѣ такого съѣзда. Еще за нѣсколько недѣль ожидаемый пріѣздъ Наслѣдника сдѣлался общею темой разговоровъ, и начались заботливыя приготовленія къ балу, который намѣрено было дать симбирское дворянство въ честь дорогаго гостя.

Вечеромъ по пріѣздѣ въ Симбирскъ, мы отправились въ клубъ, помѣщающійся очень удобно, въ домѣ Дворянскаго Собранія. При клубѣ прекрасная библіо-

тека Карамзинская, перенесенная въ 1848 году по желанію дворянъ Симбирской губерніи въ собраніе. Дворянство обязалось поддерживать ее своими собственными средствами и пожертвованіями. Книги выписываются въ библіотеку преимущественно ученаго содержанія и произведенія отечественныхъ классическихъ писателей. Кромѣ того получается еще до 30 русскихъ газетъ и журналовъ. Въ библіотекѣ числится до 1.800 названій въ 7.700 томахъ. Пользованіе книгами безплатное.

Войдя въ клубъ, мы были поражены многочисленностію посѣтителей, но она легко объяснялась прибытіемъ Великаго Князя, привлекшаго симбирскихъ дворянъ, не только изъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи, но даже и изъ Петербурга. Мы вошли въ ту самую минуту, когда все общество толпилось около губернскаго предводителя дворянства, собиравшагося что-то читать. Мы сначала полагали, что это какое-нибудь чисто-домашнее дѣло, и держались было въ сторонѣ изъ скромности, но когда всѣ стали сбѣгаться, когда оставлены были карточные столы, и когда послышались слова: „депеша! депеша!“ тогда это магическое въ наше время слово заставило и насъ невольно забыть скромность и вмѣшаться въ общую толпу. Чтеніе началось. Это были двѣ отвѣтныя депеши: одна отъ генерала Муравьева на привѣтствіе и выраженіе сочувствія его дѣйствіямъ со стороны симбирскаго дворянства; другая отъ редактора московскихъ вѣдомостей

въ отвѣтъ на депешу симбирскаго дворянства, въ которой оно заявляло ему благодарность за выраженіе въ газетѣ тѣхъ чувствъ, которыми въ настоящее время преисполнено все русское дворянство.

За чтеніемъ депешъ раздалось громкое единодушное *ура*, и поднялись тосты за здравіе Государя Императора, дорогаго Августѣйшаго Гостя, за доблестныхъ слугъ отечества и т. д. Упомнить тоста нѣтъ возможности; на нихъ неутомимъ нашъ братъ русскій челочеловѣкъ.

На слѣдующее утро, въ 11 часу, Великій Князь поѣхалъ въ Елисаветинское училище, и въ симбирское хозяйственное училище для крестьянскихъ дѣвицъ. Послѣднее было открыто 18-го августа 1848 года удѣльнымъ вѣдомствомъ, которому нельзя не отдать глубокой благодарности за его постоянное и неуклонное стараніе къ распространенію въ народѣ образованія. Правда, ни одно вѣдомство не находится и не находилось въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ относительно средствъ своихъ, и невольно приходитъ въ голову мысль, будутъ ли при предстоящемъ измѣненіи быта удѣльныхъ крестьянъ и преобразованіи цѣлаго вѣдомства поддерживаться его прекрасныя начинанія.

Первоначальною цѣлью училища было обученіе крестьянскихъ дѣвицъ закону Божію, грамотѣ, рукодѣлью, необходимымъ въ сельскомъ быту свѣдѣніямъ по части женскаго хозяйства, садоводства и огородничества.

Въ 1860 году училище было преобразовано и главною его цѣлью стало приготовленіе наставницъ для сельскихъ женскихъ школъ. Сначала предполагалось имѣть только 20 воспитанницъ, но потомъ число это увеличено, и въ настоящее время въ училищѣ считается 45 воспитанницъ, въ томъ числѣ 13 дѣвицъ духовнаго званія. Для училища отведено 10 десятинъ 1,015 саженъ удѣльной земли, изъ которой 6 десятинъ находится подъ запашкой озимаго и яроваго хлѣбовъ, а остальная земля занята строеніемъ, садомъ и огородомъ. Всѣ женскія полевыя работы, какъ-то жнитво, молотьба, полотье и т. д. исполняются подъ надзоромъ смотрительницы самими воспитанницами, дабы онѣ не отвыкали отъ крестьянскихъ работъ. Съ 1852 года, то-есть со времени перваго выпуска по 1863 годъ, окончило курсъ ученія 67 воспитанницъ, изъ которыхъ обученіемъ дѣвочекъ грамотности и рукодѣлью занимаются въ сельскихъ школахъ 29 воспитанницъ. На содержаніе училища, то-есть на жалованье служащимъ, на учебныя пособія, на продовольствіе и одежду воспитанницъ, ремонтъ дома и т. д., отпускается ежегодно изъ хозяйственнаго капитала 3,945 р. 40 к. Въ числѣ воспитанницъ, встрѣтившихъ Его Высочество стройнымъ и согласнымъ пѣніемъ, было нѣсколько дѣвицъ Чувашекъ и Мордовокъ, которыя всѣ очень хорошо говорятъ по-русски и въ своихъ деревняхъ предназначены быть учительницами Любопытно было бы знать, какое имѣетъ это вліяніе въ сель-

скомъ быту, на сколько мѣра эта дѣйствительна и въ какой степени могутъ быть обезпечены и счастливы въ новой своей дѣятельности молодыя воспитанницы. Хорошо тѣмъ, которыя изъ училища возвращаются въ семьи, и живя у своихъ, учатъ въ сельскихъ школахъ, но трудно должно быть положеніе бѣдныхъ сиротъ, а есть и такія. Ихъ, правда, обезпечиваютъ, давая имъ избу и содержаніе, но имъ все-таки должна быть и тяжела, и тосклива жизнь одиночная, со всѣми ея соблазнами, и среди народонаселенія, во всякомъ случаѣ значительно грубаго и мало еще понимающаго нужду въ образованіи. Великій Князь осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ заведеніе, былъ на кухнѣ, гдѣ воспитанницы сами готовятъ себѣ пищу, осмотрѣлъ ихъ рукодѣлія и въ этой же комнатѣ, гдѣ были разложены послѣднія, ему были представлены инородцы удѣльнаго вѣдомства Симбирской губ., Чуваши, Черемисы и Мордва въ національныхъ одеждахъ. Головные уборы женщинъ могли бы обратить на себя вниманіе и жадные взоры нашихъ столичныхъ мѣнялъ и даже самой размѣнной кассы государственнаго банка. Столько было на нихъ старыхъ цѣлковыхъ, полтинниковъ и четвертаковъ, считающихся чуть не нумизматической рѣдкостію.

Изъ училища Великій Князь поѣхалъ на заведеніе сельскохозяйственныхъ машинъ купца Зотова, существующее съ 1857 года. Здѣсь пробылъ Его Высочество слишкомъ полтора часа и съ величайшимъ внима-

ніемъ слушалъ простой, безъискуственный разсказъ почтеннаго хозяина механика-самоучки о томъ, что навело его на мысль устроить въ Симбирскѣ заведеніе сельскохозяйственныхъ машинъ, съ какими трудностями ему приходилось бороться и какъ наконецъ удалось выйдти на торную дорогу и стать счастливымъ соперникомъ и Бутенопа, и англійскихъ машинъ въ здѣшнемъ краѣ. Зотовъ—сынъ значительнаго хлѣбнаго торговца, и первые года своей юности находился при дѣлахъ своего отца. Но страсть къ механикѣ запала въ него уже давно, и свободное отъ торговыхъ занятій время, онъ употреблялъ на чтеніе, на изученіе механики и математики и на устройство моделей. Между тѣмъ дѣла отца его пошли дурно, такъ что уплативъ честно свои долги, онъ остался безъ всякихъ средствъ Зотову—сыну пришлось своими трудами содержать цѣлую семью—и тутъ было уже не до занятій. Онъ нринялъ на себя управленіе однимъ богатымъ имѣніемъ, что̀ и продолжалось нѣсколько лѣтъ. Здѣсь онъ ознакомился съ нуждами сельскаго хозяйства, видѣлъ, съ какими затрудненіями сопряжена выписка издалека сельско-хозяйственныхъ машинъ, какъ груды ихъ валяются безъ употребленія въ сараяхъ послѣ поломки или какой-нибудь ничтожной порчи, отъ недостатка мастеровъ—н вотъ возникла мысль объ основаніи небольшаго механическаго заведенія въ Симбирскѣ, исключительно для нуждъ сельско-хозяйственныхъ. Дѣло шло сначала тихо, но довѣріе мало-по-малу росло,

заказовъ прибывало все болѣе и болѣе. Въ этомъ-то и состоитъ главнымъ образомъ заслуга Зотова, что онъ избралъ себѣ извѣстную опредѣленную цѣль, и притомъ цѣль въ высшей степени практическую, не разбросался въ ширь безграничную, не предался пустымъ фантазіямъ и не строилъ воздушныхъ замковъ, къ чему такъ склонны вообще самоучки и дилеттанты-промышленники. Его заведеніе хорошо тѣмъ, что онъ старается дѣлать свои земледѣльческія орудія, примѣняясь къ почвѣ края, для котораго работаетъ и къ состоянію его сельскаго хозяйства. Вслѣдствіе этого, его издѣлія не простыя копіи съ заграничныхъ образцовъ, но провѣренныя и измѣненныя, сообразно съ условіями здѣшней мѣстности. Издѣлія его пользуются всеобщемъ довѣріемъ, потому что въ случаѣ поломки, точно также какъ и для установки машинъ, онъ посылаетъ своего же мастера, наконецъ еще и потому, что онъ все свое стараніе прилагаетъ къ упрощенію механизма, дабы простой деревенскій кузнецъ, столяръ или плотникъ легко могли исправить и починить машину. На двухъ выставкахъ, симбирской и казанской, издѣлія его удостоились золотыхъ медалей. Дворъ его заведенія былъ установленъ самыми разнообразными орудіями. Болѣе всего обратили на себя вниманіе почвоуглубитель и машина, отдѣляющая куколь отъ хлѣбныхъ зеренъ, изобрѣтеніе которой вполнѣ принадлежитъ Зотову.

Вечеромъ, часу въ 7-мъ, Великій Князь поѣхалъ на рысистые бѣги, и заѣхалъ еще въ земскую случную конюшню, учрежденную въ Симбирскѣ въ 1844 г. Въ ней находится въ настоящее время 31 жеребецъ, изъ которыхъ 4 рысистыхъ, 19 упряжныхъ и 8 верховыхъ. Жеребцы эти — породъ рысистой, англійской, арабской, донской, першеронской, арденской и битюгской. Часть ихъ ежегодно, съ февраля и по 20-е іюня, находится на нѣсколькихъ случныхъ пунктахъ, назначаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ губерніи.

Рысистые бѣги устроиваются въ Симбирскѣ обществомъ рысистаго бѣга два раза въ годъ, лѣтомъ и зимой. Сюда приводятся къ этому времени лошади изъ Самарской, Пензенской и Симбирской губерніи. Общество состоитъ въ настоящее время изъ 31 члена. Призы Общества бываютъ отъ 100 и до 400 р. и даются исключительно рысистымъ и преимущественно молодымъ лошадямъ. Но, кромѣ этихъ призовъ, управленіе государственнаго коннозаводства назначаетъ еще призы на бѣгахъ общества для лошадей рабочихъ, верховыхъ и возовыхъ. Немедленно за пріѣздомъ Великаго Князя началась выставка крестьянскихъ лошадей и жеребятъ отъ жеребцовъ земской симбирской случной конюшни. Великій Князь раздавалъ самъ похвальные листы и наградныя деньги. Послѣ выставки начался рысистый бѣгъ, но ни одна лошадь не выполнила задачи установленной правилами Общества и не пробѣжала въ опредѣленное время установленнаго пространства.

Затѣмъ, начался троечный бѣгъ, и у народа, огромною толпой опоясывавшаго кругъ, точно всѣ жилки заговорили. Скакала прекрасная тройка г. Бестужева и ямская тройка. Долгое время шли обѣ тройки вмѣстѣ, ровно, но Бестужевская начала понемногу опережать. На 3-мъ кругу ямская тройка, при громкихъ одобрительныхъ крикахъ народа и страшныхъ его рукоплесканіяхъ, въ которыхъ самое живое участіе приняли и матросы нашего *Туриста*, рѣзко отдѣлявшіеся своими щегольскими красными рубахами отъ остальной толпы,—ямская тройка перескакала свою соперницу. На бѣду у этой тройки, оторвался валекъ, такъ что у лѣвой пристяжной пришлось обрѣзать постромки и наѣздникъ мчался уже на парѣ, не очень далеко однакожь отставая отъ соперника. Но ямская вышла все-таки побѣдительницей. Условія однакоже не были выполнены, т. е. 5 круговъ (15 вер.) не были пройдены въ опреленное уставомъ время, въ полчаса, но старанія и усилія ямской тройки такъ были очевидны, и она, простая почтовая тройка, такъ далеко оставила за собой свою аристократическую соперницу, что не получивъ законной награды, удостоилась все-таки поощренія со стороны Великаго Князя. Зрѣлище кончилось скачкой лошадей и всадниковъ всѣхъ возможныхъ породъ и народностей. Нельзя было удержаться отъ смѣха, глядя на эту разношерстную не званную и не прошенную когорту всадниковъ, которая безпрерывно прибывала численностью, потому что охотниковъ являлось

множество и надо было отказывать. Тутъ были и Татары, и мѣщане симбирскіе, и всякій людъ. Но вотъ ихъ сравняли и съ гикомъ понеслись они по кругу, сопровождаемые громкими кликами народа. Это зрѣлище кончилось было весьма плачевнымъ случаемъ, къ счастію, однако, не имѣвшимъ дурныхъ послѣдствій. Сначала скакали эти доморощенные джигиты довольно ровно, но уже на второмъ кругѣ они сбились, и, вмѣсто того, чтобы скакать по одному данному направленію, нѣкоторые изъ нихъ заскакали въ середину. Удержать ихъ не было никакой возможности, и когда на третьемъ кругу нѣсколько человѣкъ скакали уже другъ противъ друга, то нельзя было не опасаться за послѣдствія. И, дѣйствительно, не прошло двухъ минутъ послѣ появленія двухъ другъ противъ друга скачущихъ Татаръ, какъ послышался ударъ, отъ котораго невольно всѣ мы вздрогнули. Взвилось облако пыли и грянулись о земь обѣ лошади съ сѣдоками. Великій Князь бросился внизъ, и послалъ тотчасъ же узнать на мѣстѣ о людяхъ; туда же побѣжалъ докторъ Его Высочества и черезъ нѣсколько минутъ вынесли на рукахъ 12-ти лѣтняго мальчика Татарина. Другой всадникъ самъ вскочилъ на ноги и остался невредимъ. Мальчика принесли въ комнату, положили, и съ помощью холодной воды онъ скоро пришелъ въ себя, а черезъ четверть часа уже свободно говорилъ и жаловался только, что ушибъ немного колѣно. Дурныхъ послѣдствій и не было. Онъ отдѣлался легкимъ

ушибомъ, и тотчасъ сданъ былъ брату и отцу. Одна лошадь сломала ногу. Другая осталась невредима.

Въ воскресенье 14-го іюля, Его Высочество слушалъ обѣдню въ соборѣ. Симбирскій большой соборъ принадлежитъ къ зданіямъ новѣйшей архитектуры. Онъ построенъ дворянствомъ въ память освобожденія Россіи отъ нашествія непріятеля въ 1812 году. Старѣе этого храма теплый соборъ, построенный на мѣстѣ древней церкви, существовавшей съ основанія Симбирска. Ни въ томъ, ни въ другомъ храмѣ нѣтъ достопримѣчательныхъ древностей.

Въ Симбирскѣ вообще нѣтъ древнихъ зданій, и самъ городъ, сравнительно говоря, принадлежитъ къ числу молодыхъ городовъ. Онъ основанъ въ 1648 году, по плану боярина и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, для огражденія здѣшняго края отъ набѣговъ Татаръ и инородцевъ. Память о бояринѣ, основателѣ городѣ, до сихъ поръ еще не забыта въ Симбирскѣ и въ нѣкоторыхъ дворянскихъ семействахъ сохраняются старинныя вещи и оружія ему принадлежавшія. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей, старыя пищаля и ковши отличной работы, собраны были къ пріѣзду Его Высочества и поставлены въ кабинетъ къ нему. Вообще, стараніями начальника губерніи М. И. Анисимова и его супруги, этотъ кабинетъ устроенъ былъ прекрасно, съ полною заботливостью обо всемъ, что́ могло служить къ удобству и возбудить вниманіе Его Высочества.

Наконецъ подошелъ вечеръ, о которомъ такъ много думали и къ которому столько готовились въ Симбирскѣ. Вечеръ этотъ удался вполнѣ. Симбирское дворянство желало сдѣлать свой балъ по возможности интереснымъ и оживленнымъ для дорогаго Гостя. И конечно желаніе это было искреннее, потому что вечеръ удался вполнѣ. Праздники, какъ все на свѣтѣ, имѣютъ судьбу свою: судьба этого праздника была счастливая. Балъ симбирскаго дворянства, по общему отзыву, былъ таковъ, какіе не часто бываютъ и въ Петербургѣ. Всѣмъ безъ исключенія было на немъ весело, всѣ безъ исключенія остались имъ довольны, всѣ вынесли съ собою самыя пріятныя впечатлѣнія. Какой судьбы счастливѣе этой можно желать для бала?

Было какое-то единство и одушевленіе въ чувствѣ, которое связывало всѣхъ присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ. Въ числѣ нашихъ симбирскихъ знакомыхъ были такіе, которые бѣгаютъ какъ отъ чумы, отъ всякаго бала, которымъ бальная атмосфера противна. Мы наблюдали за ними: и ихъ во весь вечеръ не покидала веселая, довольная улыбка, и они безъ всякой задней мысли искали кому бы сказать; какъ хорошъ нынѣшній вечеръ; и они оставались до конца, и покидали балъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

Къ 10-ти часамъ вечера освѣтилось разноцвѣтными огнями все зданіе Симбирскаго дворянскаго собранія. Внизу лѣстницы Его Высочество быль встрѣченъ губернскимъ предводителемъ дворянства Ермоловымъ со

всѣми дворянами, которые и проводили его вверхъ по лѣстницѣ. На верху, у дверей залы, ожидали дорогаго гостя дамы, съ букетами въ рукахъ, и проводили въ залу. Залою и убранствомъ ея нельзя было налюбоваться. Есть, безъ сомнѣнія, въ другихъ городахъ залы болѣе обширныя и пышнѣе отдѣланныя; но симбирская зала дворянскаго собранія отличается изяществомъ постройки и пропорціональностью частей, которыя не часто встрѣчаются. Она вся бѣлая; плафонъ отдѣланъ тоже бѣлою лѣпною работой, нисколько не нарушающею общей простоты. Присмотрѣвшись къ физіономіи многихъ другихъ залъ, мы были поражены видомъ этой, и всякій пожелалъ узнать имя ея строителя. Оказалось, что строитель ея архитекторъ Бенземаннъ, тотъ же самый, что строилъ, около Карамзинской площади, недавно возобновленную церковь Николая Чудотворца, обратившую на себя вниманіе Великаго Князя при самомъ въѣздѣ въ Симбирскъ—оригинальностью и красотою рисунка. Зала, сама по себѣ изящная, была убрана съ большимъ вкусомъ цвѣтами; особенно замѣчателенъ былъ по искусному сочетанію цвѣтовъ и зелени бордюръ около портрета Государя Императора, на боковой стѣнѣ залы.

Балъ начался польскимъ: его открылъ въ первой парѣ Великій Князь съ главною хозяйкою бала, супругою губернскаго предводителя. За польскимъ начались по обычаю контръ-дансы, и въ теченіе трехъ часовъ одинъ танецъ смѣнялся другимъ почти безъ пе-

рерыва. Всѣми танцами дирижировалъ весьма удачно ардатовскій уѣздный предводитель г. Потемкинъ. Со всѣхъ концовъ залы можно было видѣть высокую фигуру его въ мундирѣ и слышать его голосъ. Государь Наслѣдникъ участвовалъ почти во всѣхъ танцахъ къ неописанной радости дамъ, хозяевъ бала и цѣлаго общества. Мы не безъ удивленія смотрѣли на прекрасную половину симбирскаго общества: столько тутъ было красоты и свѣжести! Самые взыскательные кавалеры признавались, что въ этомъ отношеніи симбирскій балъ могъ поспорить съ любымъ столичнымъ. То же замѣчаніе относилось къ изяществу и свѣжести туалетовъ. Конечно, что отъ насъ не будутъ ждать подробнаго ихъ описанія; для этого требуется спеціяльность своего рода; притомъ, по правдѣ сказать, туалеты были вообще такъ хороши, что трудно одному отдать преимущество передъ другимъ. Въ числѣ дамъ были и такія, для которыхъ давно уже прошла пора танцевъ, которымъ на балѣ остается только переживать ее памятью, любуясь на дочерей и даже на внучекъ. Къ числу дамъ самыхъ почтенныхъ по годамъ и по уваженію всего симбирскаго общества, должно отнести г-жу Столыпину, давно оставившую свѣтъ и только ради Наслѣдника Цесаревича появившуюся въ бальной залѣ, гдѣ ея внучки привлекали къ себѣ общее вниманіе. И ея присутствіе было замѣчено и оцѣнено всѣми, и самъ Государь Наслѣдникъ пожелалъ представиться почтенной старушкѣ.

Уже во второмъ часу ночи окончились танцы. Музыка гросфатера въ послѣдней мазуркѣ заставила многихъ пожалѣть, что время прошло очень скоро, и что приходитъ конецъ бальному очарованію. Симбирскіе дворяне, вполнѣ довольные удавшимся праздникомъ, вполнѣ благодарные Высокому Посѣтителю за Его искреннее участіе, обступили Его вокругъ и съ громкими восторженными криками пили за Его здоровье. Онъ отвѣчалъ сердечнымъ словомъ на привѣтствія, которыя шли несомнѣнно отъ горячихъ русскихъ сердецъ, соединившихся въ одномъ чувствѣ, и на тосты, предложенные губернскимъ предводителемъ за здоровье Государя Императора, Государыни Императрицы и Цесаревича. Это была хорошая минута. Собравшись на прощанье около своего Гостя, дамы спустились вслѣдъ за нимъ внизъ на выѣздъ, и провожали Его привѣтствіями и желаніями добраго пути.

Свѣтало уже совсѣмъ, когда мы возвращались домой съ балу, совершенно довольные своими впечатлѣніями. Едва успѣвъ отдохнуть, въ 9 часу утра мы уже ѣхали по дорогѣ къ пристани. Весь берегъ около пристани былъ покрытъ народомъ, а на пристани собрались вчерашнія дамы провожать Его Высочество съ букетами цвѣтовъ. Въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя каждый изъ насъ спѣшилъ отыскать свою вчерашнюю даму и подновить впечатлѣнія вчерашняго вечера. Наконецъ, пріѣхалъ Великій Князь, и каждая дама вручила ему свой букетъ: мы сложили всѣ букеты на

столъ передъ рубкою Великаго Князя. Пароходъ тронулся, съ берега понеслось громкое *ура*, дамы на пристани махали платками, желая добраго пути дорогому Гостю. Пристань въ эту минуту была очень красива и казалась живымъ цвѣтникомъ. Но на той же пристани, на окраинахъ, рядомъ съ нарядними дамами стояли отдѣльною кучкой простыя женщины, тѣ, что дожидались по цѣлымъ часамъ у подъѣзда Его квартиры, покуда Онъ выйдетъ и пройдетъ мимо. Онѣ не имѣли случая видѣть Его вблизи и говорить съ Нимъ, но ихъ лица были въ эту минуту также радостны и сіяли тою же улыбкой. На одну изъ нихъ мы долго смотрѣли: конечно не думая о томъ, что ее замѣчаютъ, стояла она въ самомъ углу и со слезами на глазахъ смотрѣла вслѣдъ Великому Князю и крестила Его дорогу, и губы ея двигались и шептали Ему, конечно, напутственную молитву.

Отъ Симбирска видъ береговъ, или лучше сказать праваго берега Волги, становится характернѣе: онъ окаймленъ почти сплошь высокими горами, поросшими лѣсомъ; изрѣдка въ лощинахъ попадаются деревни, но за ними опять тянется дикое и крутое прибрежье. Волга замѣтно становится шире и глубже.

Подъ Сенгилеемъ показался впереди насъ пароходъ: это былъ пароходъ, на которомъ въ тотъ же день, въ 6 часовъ, отправились изъ города симбирскіе дворяне, чтобы встрѣтить на дорогѣ и проводить Великаго Князя. Поравнявшись съ нашимъ, пароходъ остановился;

музыка на палубѣ заиграла народный гимнъ и, по окончаніи его, громкое *ура* раздалось съ ихъ парохода, перешло на нашъ и отозвалось на берегу подъ Сенгилеемъ и на судахъ стоявшихъ около пристани. Оба парохода, замедливъ ходъ, шли рядомъ нѣсколько времени. У нихъ играла музыка; всѣ дворяне собрались на верху на рубкѣ, впереди стоялъ предводитель дворянства; съ бокалами въ рукахъ они привѣтствовали Цесаревича и желали Ему счастливаго пути. Мы всѣ собрались также наверху; Великій Князь приказалъ подать шампанскаго и вслѣдъ за нимъ, поднявъ бокалы, пили и мы за здоровье радушныхъ дворянъ симбирскихъ. Такъ мы разъѣхались, съ музыкой и взаимными привѣтствіями, и долго еще махали другъ другу вслѣдъ шляпами и платками, и еще дольше говорили между собою о Симбирскѣ и о пріятныхъ впечатлѣніяхъ, которыя каждый уносилъ съ собой.

Въ теченіе всего пути отъ многихъ городовъ и волостей по Волгѣ подносились Государю Наслѣднику при проѣздѣ серебряныя и деревянныя блюда съ хлѣбомъ-солью. Многія изъ нихъ замѣчательны по изяществу отдѣлки и чеканной работы, но всего интереснѣе были деревянныя рѣзныя блюда съ солонками, поднесенныя между Симбирскомъ и Самарой. Эти блюда—работа мѣстныхъ художниковъ изъ простыхъ крестьянъ и мѣщанъ, и отличается замѣчательнымъ искусствомъ. Мы любовались особенно тѣми вещами, на которыхъ стояло: «Ширшиковъ, симбирскій мѣщанинъ.» Работа его

отличалась художественнымъ рисункомъ и необыкновенною тонкостью рѣзьбы, сдѣланной отъ руки. Особенно хорошо было блюдо, работы Ширшикова, поднесенное отъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ Симбирскаго и Буинскаго уѣздовъ: въ срединѣ его вырѣзанъ большой государственный гербъ, окруженный гербами уѣздовъ и земледѣльческими аттрибутами; вокругъ изящный бордюръ изъ виноградныхъ листьевъ и арабесокъ и, наконецъ, рѣзная надпись около всего блюда. Замѣчательна также по тонкой рѣзьбѣ, солонка съ деталями крестьянской избы и съ полнымъ рѣзнымъ гербомъ, слѣдовавшая къ тому же блюду. Его же работы было другое прекрасное блюдо, съ надписью: «Сыну Царя-Освободителя освобожденные спасскіе крестьяне.»

ГЛАВА X.

Путь отъ Симбирска до Самары. Виды на Волгѣ. Жигулевскія горы. Пріѣздъ въ Самару. Песчаный буранъ въ Самарѣ. Обѣдъ въ Струковскомъ саду. Кумысо—лечебное заведеніе Постникова. Верблюжья тройка. Осмотръ матокъ и жеребятъ туземной породы. Мнѣніе Кн. Голицына о коневодствѣ въ Оренбургскомъ краѣ. Выставка произведеній Самарской губ. Обратный путь съ выставки на пристань.

Чѣмъ дальше отъ Симбирска, тѣмъ шире и раздольнѣе становится Волга съ своими пустынными берегами. Кому приходится въ первый разъ плавать внизъ по этой царственной рѣкѣ, того особенно поражаетъ это раздолье водъ, это величіе картинъ, которыя широкими чертами раскидываются передъ глазами, на берегахъ ея. Иной разъ не одинъ десятокъ верстъ проѣзжаешь, не замѣчая жизни и движенія по берегамъ: тѣмъ очевиднѣе становится тогда, какимъ источникомъ жизни и движенія служитъ эта становая жила великой, восточ-

ной и низовой Россіи, для всего края къ ней прилегающаго, и какія силы вызываетъ она мало-по-малу изъ земли, которую орошаетъ своими водами. Глядя на пустынныя пространства низоваго края, гдѣ на цѣлыя сотни верстъ кочуютъ Калмыки, гдѣ нѣтъ ни пашни, ни торныхъ дорогъ, и куда все-таки, мало-по-малу, вторгается русское племя съ своею поглощающею цивилизаціей,—невольно спрашиваешь себя: чѣмъ былибы необъятныя пространства всего низоваго края, когда бы не протекала по нимъ, когда бы не связывала ихъ и не образовывала кормилица-Волга? Праздный вопросъ, если хотите, но онъ невольно просится въ голову при мысли о великомъ значеніи Волги для всего здѣшняго края и для цѣлой Россіи.

День былъ очень знойный, до изнеможенія силъ; но не хотѣлось сойти съ палубы — такъ хорошъ сталъ правой берегъ Волги. Мы прошли извѣстное село Усолье и вступили въ гряду Жигулевскихъ горъ, которыя тянутся на 80 верстъ вплоть почти до Самары непрерываемою цѣпью, или лучше сказать, неприступною, почти отвѣсною стѣною, вдоль праваго берега, возвышаясь въ иныхъ мѣстахъ сажень на 80 надъ поверхностью воды. Иногда кажется, что видишь передъ собой остатки и развалины громадныхъ укрѣпленій, когда-то давно выстроенныхъ, и дѣло природы представляется удивительнымъ дѣломъ рукъ человѣческихъ; слои известковой формаціи въ крутыхъ утесахъ кажутся рядами старинной каменной кладки, выступаютъ

круглыми правильными очертаніями башни и бойницы, и кое-гдѣ пробивается по нимъ зелень, какъ будто выросшая на развалинахъ. Ѣдешь возлѣ берега—впереди выдается острымъ бокомъ утесъ, закрывая собою всю переднюю перспективу; оглядываешся назадъ,—назади, въ перспективѣ, выступаютъ рядами углы другихъ утесовъ, которые уже проѣхалъ и оставилъ за собою. Но вотъ раступаются горы и открывается цѣлый рядъ громадныхъ холмовъ; одинъ высится надъ другимъ, одинъ изъ-за другаго выступаетъ и все покрыто густымъ лѣсомъ, который кажется кустарникомъ на огромной высотѣ. Пароходъ бѣжитъ быстрымъ бѣгомъ, едва успѣваешь слѣдить за движеніемъ величественной панорамы мимо зрителя: одна картина смѣняетъ другую, одинъ видъ заставляетъ забывать о другомъ, которымъ только что восхищался. И повсюду тишина, и пустыня: въ иныхъ мѣстахъ виднѣются въ горахъ отверстія, будто пещеры; изрѣдка перерывается горная цѣпь узкою зеленою долиной, и въ долинѣ расположена деревенька, лѣпятся хижины и мазанки къ боку утеса, слышится звонъ колокола, собирается толпа съ привѣтственными криками, берегъ спускается песчаною отмелью и у отмели качаются лодки: эти села, деревеньки и группы хижинъ очень живописны и пріятно разнообразятъ пустынные горные виды. На горахъ показываются большія хищныя птицы, на отмеляхъ сидятъ рядами бабы-птицы; онѣ все манятъ къ себѣ нашихъ охотниковъ и все смѣются надъ ними,

отлетая дальше, какъ только ближе подойдетъ пароходъ.

Говорятъ: видна Самара; мы всматриваемся и видимъ кучу домиковъ разбросанную по песчаному берегу и нѣсколько церквей. Мы готовы ужь жаловаться на обманутое ожиданіе, но вотъ берегъ поворотилъ и настоящая Самара раскинулась передъ нами вверхъ по отлогому возвышенію. Съ перваго взгляда видно, что это молодой городъ, который только-что выросъ и все растетъ, растетъ быстро. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ бывали въ Самарѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и теперь не узнавали ее, какъ будто новый городъ явился на мѣстѣ прежняго. Мы не доѣзжали еще до пристани, какъ уже насъ обдало пылью, которая густымъ облакомъ стояла надъ набережной. Вся она вмѣстѣ съ судами, облѣпившими берегъ, чернѣла народомъ, и глядя на сплошную его массу, какъ она задвигалась и заколыхалась, мы раздумывали каково будетъ сквозь нее пробираться. И точно, пробраться сквозь это море не было никакой возможности: едва прошелъ Великій Князь, какъ залило позади Его дорогу, и надо было дожидаться. Но и дожидаться на пристани не всегда бывало легко и удобно: волна народная часто отпрядывала назадъ. Нетрудно совсѣмъ потеряться и ошалѣть въ такія минуты, когда васъ заливаетъ этою волной и оглушаетъ крикомъ, о которомъ нельзя составить себѣ и приблизительнаго понятія, если не слыхалъ его вблизи, если самъ не стоялъ

въ массѣ народа, бѣгущаго впередъ безъ оглядки. Прибавьте къ этому жаръ до 35 градусовъ и самарскую пыль, которая вся состоитъ изъ мелкаго песку, покрывающаго грудой немощенныя улицы города. Ничего нельзя было различить въ этой пыли, покуда не очистился берегъ, и мы поѣхали отыскивать свою квартиру. Великій Князь возвратился уже изъ собора и осмотрѣлъ отрядъ оренбургскихъ казаковъ, выстроенный вдоль по улицѣ около дома Дворянскаго Собранія, гдѣ было приготовлено помѣщеніе для Его Высочества. Едва успѣли мы устроиться, какъ уже стемнѣло; улицы освѣтились великолѣпною иллюминаціей, и началось народное гулянье, продолжавшееся до поздняго часа ночи.

На другой день съ утра обдавало невыносимымъ зноемъ; нечего было и думать о выѣздахъ. Горизонтъ закрыло какою-то сухою мглой, и по улицамъ гулялъ удушливый жгучій вѣтеръ, поднимая цѣлыя облака пыли? Говорятъ, что такіе вѣтры нерѣдко бываютъ въ здѣшнемъ краѣ и много вредятъ растительности, потому что сушатъ и сожигаютъ всякую зелень. Послѣ полудня вѣтеръ сталъ усиливаться и превратился, наконецъ, въ жестокій вихрь, отъ котораго все побѣжало запираться и прятаться. Къ счастью онъ продолжался не болѣе 15 минутъ; но въ эти 15 минутъ потемнѣло небо отъ густой темножелтой песчаной тучи, и въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія едва можно было отличить предметы. И послѣ этой бури вѣтеръ не ути-

халъ, а въ 5-мъ часу назначенъ былъ обѣдъ, устроенный въ честь Его Высочества самарскимъ городскимъ обществомъ. Обѣдъ былъ въ лѣтнемъ павильйонѣ въ саду г. Струкова, единственномъ мѣстѣ лѣтняго гулянья для самарскихъ жителей. Жалко было въ эту пору смотрѣть на этотъ садъ; въ немъ не было зелени; и деревья и кусты и цвѣтники и трава, — все покрылось густымъ слоемъ бѣловатой пыли. Въ самомъ павильйонѣ приходилось не одинъ разъ въ теченіе утра очищать мѣсто отъ пыли и приводить въ порядокъ все что разстроила и поломала утренняя буря. Къ обѣду вѣтеръ притихъ. Вокругъ павильйона по всему саду разсыпался народъ, отвѣчавшій громкими *ура!* на заздравные тосты. На галлереѣ около павильйона играла очень порядочная музыка оркестра, составившагося изъ остатковъ распущенныхъ помѣщичьихъ хоровъ; во всѣхъ окнахъ павильйона торчали головы и бороды любопытныхъ зрителей.

Послѣ обѣда Великій Князь ѣздилъ осматривать кумысо-лѣчебное заведеніе г. Постникова въ 7 верстахъ отъ города, существующее съ 1858 года, и по дорогѣ заѣзжалъ въ другое заведеніе этого же рода, устроенное весьма недавно г. Анаевымъ. На обратномъ пути Его Высочество остановился для осмотра приготовленной тройки очень необыкновеннаго вида. То была тройка верблюдовъ запряженныхъ въ высокую повозку. При насъ тройка эта ѣздила по полю скорою рысью, и глядя на нее можно было повѣрить, что на

верблюдахъ можно ѣздить тройкою въ экипажахъ. Тройка эта принадлежитъ одному изъ здѣшнихъ купцовъ, который пользуется ею для степныхъ поѣздокъ. Сказываютъ, что бывшій генералъ-губернаторъ Оренбургскаго края, графъ Перовскій, въ поѣздкахъ своихъ по степямъ, первый подалъ примѣръ примѣненія къ верблюдамъ троечной упряжи, и что эта попытка оказалось успѣшною. Нѣтъ сомнѣнія, что верблюдъ, пріучившись къ упряжи, можетъ по своей природѣ лучше лошади выносить продолжительную ѣзду по степи при скудости корма; но глядя на верблюдовъ въ упряжи, мы невольно усомнились въ возможности пріучить верблюда къ постоянной и правильной ѣздѣ въ такой упряжи, въ которой онъ, повидимому, неловко и несвободно себя чувствуетъ.

На слѣдующій день, 17 іюля утромъ передъ завтракомъ Цесаревичъ осматривалъ матокъ и жеребятъ туземныхъ поръ, представленныхъ Княземъ Голицыномъ вмѣстѣ съ запиской о состояніи коневодства въ Оренбургскомъ краѣ и видахъ на его будущее. Вопросъ о нашемъ коневодствѣ, дѣйствительно, вопросъ величайшей важности, и заслуживаетъ строгого и настойчиваго вниманія, особенно теперь, когда въ мѣстностяхъ, еще не давно бывшихъ лучшими разсадникама конскими, какъ напр. въ Украйнѣ, начинаютъ переходить къ другимъ, болѣе прибыльнымъ статьямъ хозяйства, когда почти по всей Россіи, въ слѣдъ за рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, видимъ мы быстрое

закрытіе конскихъ заводовъ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Князь Голицынъ, возлагаетъ надежды на богатый и обширный Оренбургскій край, представляющій всѣ удобства для скотоводства и для коневодства, въ особенности; по его мнѣнію на него необходимо обратить особенное вниманіе, и поощрять здѣсь всѣми силами разведеніе хорошей, крѣпкой дешевой лошади, въ которой наше народное хозяйство, такъ нуждается. Мысли высказанныя княземъ, заключаютъ въ себѣ, много любопытныхъ указаній на дѣло, безспорно величайшей важности.

«Въ Оренбургскомъ краю по отчету за 1860 годъ, считается около двухъ милліоновъ лошадей, въ томъ числѣ въ одной Оренбургской губерніи 1,000,000; но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ землѣ Уральскаго войска, казаки, занимаясь болѣе рыбнымъ промысломъ лошадей почти не разводятъ, а считаютъ для себя болѣе выгоднымъ покупать ихъ у киргизовъ внутренней и Уральской орды.

Воспитываемая въ Оренбургскомъ краѣ лошадь, весьма рѣдко выходитъ изо ста руб.; одна изъ тысячи головъ лошадей туземныхъ породъ идетъ въ цѣнѣ 90—120 р. сер.; самыя обыкновенныя цѣны на мѣстѣ, отъ 60 до 150 р. ас. или 17—43 р. сер., и лошадь, за которую платятъ 17 р., это преимущественно та, которая извѣстна въ Россіи подъ именемъ *машинной*. Окончивъ лѣтнюю путину на Волгѣ, она переходитъ въ почтовую, или попадаетъ крестьянину, въ губерніяхъ

приволжскихъ или по Окѣ, за цѣну отъ 25 р. до 60 р. сер.; та же лошадь, за которую здѣсь платится около 150 р. ассиг., бываетъ обыкновенно у прасоловъ, нерѣдко является на ипподромахъ, и продается въ Россіи отъ 100 до 150 р. сер. и болѣе.

Туземныя лошади, раздѣляются на двѣ главныя породы: Башкирскую и Киргизскую; каждая изъ нихъ имѣетъ свой типъ.

Башкирская лошадь чистой породы, рѣдко бываетъ болѣе 2-хъ аршинъ, поставлена на хорошихъ и низкихъ ногахъ, чрезвычайно глубока, имѣетъ округленный задъ, широкіе окорока, отдѣлъ хвоста, почку чрезвычайно развитую, наклонъ спины къ переду, холку не очень развитые, болѣе вертикальное плечо и выростъ шеи олeній, шею короткую, голову съ пріятнымъ глазомъ. Она очень щекаста. При этомъ грудь бываетъ часто широка, грива, челка и хвостъ довольно густые. Вообще лошадь скорѣе низко-переда и ея назначеніе быть лошадью упряжною. Лучшія изъ такихъ лошадей родятся на берегахъ Дѣмы и по рѣкѣ Току, но послѣднія сырѣй и не такъ костисты.

Киргизскія лошади отличаются отъ Башкирскихъ широкими костями, сильными мускулами, очень широкимъ задомъ и грудью, высокою холкою, отлогимъ плечомъ, лучшимъ выростомъ шеи съ кодыкомъ, головою менѣе пріятною чѣмъ у Башкирской. Киргизская лошадь вообще легче передомъ чѣмъ Башкирская, а потому прямое ея назначеніе быть лошадью верховою. Отъ смѣ-

шенія Башкирской и Киргизской породъ, близъ Верхне-уральска, въ гористыхъ контонахъ Башкирскаго войска образовался типъ отличныхъ лошадей, которыя болѣе всего находятся въ казачьихъ конныхъ батареяхъ отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса.

Кромѣ этихъ породъ, есть въ краѣ много лошадей, происшедшихъ отъ смѣшенія башкирскихъ съ русскими. Онѣ чрезвычайно сносны и рослѣе, но за то и гораздо сырѣе. Многимъ помѣщикамъ удавалось смѣшивать Башкирскую кровь съ заводскими лошадьми, но до сихъ поръ удавалось лучше всего смѣшеніе съ рысистыми; рысистый жеребецъ, придавъ росту и движенія легко можетъ исправить въ приплодахъ недостатки башкирскихъ лошадей.

Съ киргизскими лошадьми мало кто мѣшалъ заводскихъ лошадей, съ знаніемъ дѣла, и разумнымъ выборомъ производителей, сообразно условіямъ и цѣли. Во внутренней ордѣ покойный ханъ Джангеръ, получившій въ даръ отъ правительства нѣсколько жеребцовъ изъ казенныхъ заводовъ улучшилъ ими породу, своихъ лошадей. Произшедшія отъ пожалованныхъ жеребцовъ лошади виднѣе и болѣе другихъ; сила же утратилась. Съ примѣсью же крови чисто арабской или чисто англійской можно надѣяться произвести отъ киргизскихъ матокъ прекрасныхъ ремонтныхъ лошадей.

Еще есть сортъ лошадей, въ степи, называемыхъ аргамаками. Впрочемъ аргамакомъ въ степяхъ называютъ всякую лошадь болѣе видную и рослою. Собст-

венно же аргамаки воспитываются въ Хивѣ, Бухаріи и по восточному берегу Каспійскаго моря, въ особенности у Туркменовъ; они отличаются своимъ ростомъ, красивыми оконечностями, гибкостью, неутомимы и быстры.

Лошадь, извѣстная въ степи подъ названіемъ Карабаиръ, происходитъ отъ смѣшенія киргизскихъ матокъ съ жеребцами трухменскими. Лошади эти довольно красивы и цѣнятся въ степи и на мѣновомъ дворѣ довольно дорого, именно отъ 80—150 р. сереб.

Вообще если и были здѣсь какія-нибудь попытки къ улучшенію коневодства, то онѣ не выдерживались. Знатоковъ дѣла, которые бы серьезно брались за него, и съ постоянствомъ преслѣдовали разъ предположенную цѣль, было въ этомъ краѣ весьма мало; на дѣло смотрѣли болѣе, какъ на игрушку.

Не далѣе, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, правительство начало обращать вниманіе на коннозаводство края и поддерживать различными учрежденіями. Въ 1832 году, въ 129 верстахъ отъ Оренбурга, военнымъ генералъ-губернаторомъ графомъ Сухтеленымъ основанъ войсковой конный заводъ для Оренбургскаго казачьяго войска. Онъ составился изъ пожалованныхъ блаженной памяти Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ двухъ аргамаковъ, присланныхъ Ему въ даръ отъ Бухарскаго хана, 12 жеребцовъ изъ казенныхъ заводовъ и изъ 115 ту-

земныхъ матокъ, пожертвованныхъ казаками изъ своихъ табуновъ. Изъ нихъ 40 отборныхъ поступили въ составъ заводскаго табуна, а остальные проданы и вырученныя деньги присоединены къ 2,300 р. ас., собраннымъ пожертвованіями войсковыхъ обывателей. Составившаяся такимъ образомъ сумма поступила на покрытіе издержекъ по постройкѣ завода и на покупку лучшихъ матокъ.

На заводѣ этомъ предполагалось оставить не болѣе 6 жеребцовъ и 100 матокъ; остальныхъ же жеребцовъ, разсылать на разные пункты, для улучшенія мѣстныхъ породъ и раздавать въ собственность казакамъ, за умѣренную плату.

Въ сороковыхъ годахъ, войсковое начальство задумало перевести заводъ на другое, болѣе удобное мѣсто, и улучшить породу самыхъ заводскихъ лошадей, приходившую уже въ упадокъ. Но пока производилась по этому переписка, Оренбургскій военный губернаторъ генералъ отъ инфантеріи Обручевъ сдѣлалъ въ 1848 году предложеніе о преобразованіи завода, находя, что возстановленіе и улучшеніе породы казачьихъ лошадей гораздо удобнѣе и выгоднѣе можетъ быть достигнуто устройствомъ случныхъ конюшенъ, по примѣру другихъ губерній.

Въ 1850 году, Высочайше разрѣшено учредить случныя конюшни и конскіе разсадники въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ, въ видѣ опыта на 5 лѣтъ.

заводъ, которому не благопріятствовала и самая мѣстность, прежде для него избранная, былъ уничтоженъ и около Верхне-Уральска, на мѣстѣ болѣе удобномъ, учредили случную конюшню въ 40 жеребцовъ и при ней разсадникъ изъ 6 жеребцовъ и 100 матокъ.

Въ 1855 году пяти лѣтній опытъ прошелъ, не принеся благопріятныхъ результатовъ, и войсковое начальство представило генералъ-адъютанту графу Перовскому проэктъ о преобразованіи заведеній. Со вступленіемъ же въ управленіе краемъ генералъ-адъютанта Катенина, найдено было совершенно безполезнымъ оставлять конскій заводъ собственно для Оренбургскаго войска, и сдѣлано предложеніе главному управленію государственнаго коннозаводства, устроить заводъ отъ своего вѣдомства на томъ же мѣстѣ, но это нашли неудобоисполнимымъ. Оренбургскій заводъ былъ уничтоженъ, молодые жеребцы розданы обывателямъ, матки же и лучшіе производители распроданы въ Оренбургѣ въ сентябрѣ 1861 года.

На подобіе Оренбургскаго коннаго завода, существовалъ такой же и въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ, который не приносилъ никакой пользы еще и потому, что находился между внутреннею и зауральскою киргизскими ордами, гдѣ казаку всегда легко пріобрѣсти лошадь за дешевую цѣну. Въ 1857 году заводъ уничтожили, продажею выручили 2,200 р., и съ присоединеніемъ ихъ къ экономическому капиталу завода, со-

ставилась сумма въ 38 т. р. предназначенная на устройство дѣвичьяго училища въ Уральскомъ войскѣ.

Войсковой башкирскій конный заводъ, устроенный въ 1836 году генералъ-адъютантомъ графомъ Перовскимъ въ 150 верстахъ отъ Оренбурга къ сѣверо-востоку, имѣетъ подъ своими пастьбищами и устройствомъ до 7 т. десятинъ. Основаніемъ завода служили пожалованные 6 жеребцовъ Бѣловодскихъ заводовъ и 4 аргамака, а также 74 матки, башкирской породы, пожертвованныя изъ обывательскихъ косяковъ. Заводъ этотъ послѣ преобразованій, которымъ онъ подвергался наравнѣ съ другими, имѣлъ все-таки болѣе счастливый исходъ сравнительно съ ними. При послѣднемъ преобразованіи принята во вниманіе недостаточность бывшей случной конюшни для улучшенія частнаго коневодства у Башкиръ, и потому предположено въ замѣнъ этого учрежденія увеличить число лошадей въ разсадникѣ: жеребцовъ до 20 и матокъ до 200, съ дозволеніемъ увеличивать это число по мѣрѣ потребности съ тѣмъ, чтобы изъ приплода, по разсортированіи его, извѣстное число жеребцовъ раздавалось въ видѣ награды Башкирцамъ, наиболѣе занимающимся коневодствомъ и отличающимся болѣе добрымъ поведеніемъ и хозяйствомъ. Сумма, выручаемая отъ продажи брака, обращается въ запасный капиталъ войсковаго конскаго разсадника, съ цѣлію пріобрѣтенія для него производителей высшаго достоинства. На содержаніе конскаго разсадника ассигновано по 11,375 р. и назначается до

300 человѣкъ Башкирцевъ на лѣтнее время, для уборки сѣна и для пастьбы косяковъ.

При надлежащемъ и строгомъ выборѣ производителей и ведя дѣло согласно цѣли Высочайше утвержденнаго положенія, башкирскій конскій разсадникъ долженъ бы дать всѣ способы къ возстановленію, улучшенію и размноженію хорошихъ лошадей у Башкировъ. Жаль только, что на заводѣ такая пестрота въ производителяхъ, а еще болѣе, что навязываютъ Башкирцамъ такихъ производителей въ косяки, которыхъ они избѣгаютъ даже и при даровой раздачѣ. Не будь этого, конскій разсадникъ могъ бы успѣшно содѣйствовать къ образованію у Башкировъ лошади годной и для земледѣлія и для исполненія казачьей службы.

Уфимская земская конюшня, гдѣ въ настоящее время находятся не мало отличныхъ производителей, могла бы принести огромную пользу краю,—но по примѣру другихъ губерній, дворяне Оренбургскіе вообще какъ-то предубѣждены противъ земскихъ конюшень, и желаютъ ея уничтоженія или преобразованія совершенно на другихъ началахъ.

И такъ не смотря на всѣ благопріятствующія коневодству условія со стороны природы края, не смотря на замѣчательныя достоинства лошади туземныхъ породъ, которыя она сохраняетъ и въ то время, когда породы замѣтно клонятся къ упадку, — коневодство въ краѣ далеко не представляетъ здороваго состо-

янія и не даетъ тѣхъ выгодъ, которыхъ отъ него слѣдуетъ ожидать.

Для приведенія коневодства въ Оренбургскомъ краѣ въ состояніе вполнѣ соотвѣтствующее потребностямъ и сообразное съ условіями мѣстными необходимо: во 1-хъ обратить вниманіе на улучшеніе мѣстныхъ породъ тщательнымъ выборомъ изъ нихъ производителей и воспитаніемъ приплода, а во 2-хъ содѣйствовать введенію въ край породъ болѣе благородныхъ.

По мнѣнію князя все дѣло слѣдовало бы предоставить болѣе самому населенію. Правительство съ своей стороны, высказало бы свои требованіи, сдѣлало бы, такъ сказать, заказъ, указало способы къ успѣшнѣйшему достиженію цѣли, поощряя хозяевъ, отличающихся успѣшнымъ веденіемъ дѣла, наградами и содѣйствіемъ къ легчайшему сбыту лошадей.

Поддержаніе мѣстныхъ породъ, Башкирской и Киргизской, представляющихъ важныя достоинства и въ настоящемъ состояніи, заслуживаетъ особеннаго вниманія правительства, потому что не смотря на упадокъ, въ какомъ находятся теперь эти породы, изъ нихъ можетъ быть еще выбрано достаточное количество достойныхъ производителей, и на выборъ ихъ должно быть обращено самое строгое вниманіе. Средства же къ болѣе удачному выбору должны представлять выставки и испытанія. Но при этомъ необходимо, чтобы знатоки дѣла, назначены ли они правительствомъ или выбраны обществами, осматривали косяки лѣтомъ на

мѣстахъ, имѣя въ виду хорошій ихъ составъ въ цѣломъ, заботясь объ удаленіи матокъ, неимѣющихъ типа своей породы или имѣющихъ пороки.

На доброкачественность матокъ, надо обращено самое строгое вниманіе и владѣлецъ, въ косякѣ котораго будутъ оставаться и послѣ осмотра матки, признанныя порочными, не долженъ расчитывать на полученіе награды. Мѣра эта снабженія косяковъ хорошими производителями, при соблюденіи вышеприведеннаго правила, будетъ служить лучшимъ средствомъ къ очищенію косяковъ отъ дурныхъ лошадей. Башкирскій разсадникъ слѣдовало бы переименовать теперь въ конскій разсадникъ Оренбургскаго края.

Такой разсадникъ лошадей, преимущественно мѣстной породы, весьма много могъ бы содѣйствовать вѣрному достиженію цѣли. Но здѣсь необходимо приступить къ отысканію по возможности бо́льшаго числа хорошихъ производителей въ частныхъ рукахъ.

Если Уфимская земская конюшня, дѣйствительно назначена къ закрытію и жеребцы могутъ быть отданы въ распоряженіе края; то весьма желательно было бы:

1) Чтобы изъ находящихся въ ней производителей было отобрано достаточное количество такихъ, которые бы съ пользою могли быть раздаваемы въ частныя руки, для составленія частныхъ случныхъ пунктовъ по цѣлому краю. Многіе помѣщики изъявятъ желаніе пускать своихъ жеребцовъ въ общественную

случку и готовы къ себѣ принять безплатно казеннаго жеребца, содержа его на свой счетъ, пользоваться платою за случку и вести исправно всѣ книги и случные реэстры, которые необходимо имъ выдать, дабы можно было видѣть результаты новаго учрежденія.

2) Самыхъ лучшихъ изъ этихъ жеребцовъ полезно было бы раздавать въ аренду мѣстнымъ заводчикамъ за плату, которымъ и разрѣшить держать ихъ у себя на своемъ же содержаніи, но не болѣе 3-хъ лѣтъ, чтобы дать возможность воспользоваться породою жеребцовъ бóльшому числу заводчиковъ.

3) На вырученныя за аренду деньги ежегодно пріобрѣтать хотя бы по одному жеребцу, изъ казенныхъ заводовъ, для отдачи также въ аренду заводчикамъ, имѣя въ виду помогать именно тѣмъ, которые пожелаютъ дѣйствовать совершенно согласно съ требованіями правительства.

4) Каждому частному лицу, у котораго будетъ находиться для общественной случки казенный жеребецъ выдать шнуровую книгу, для записыванія въ нее случаемыхъ съ жеребцомъ матокъ и для выдачи на нихъ свидѣтельствъ, случные реэстры, а также и книгу въ которую вписывать родившійся отъ лучшихъ жеребцовъ приплодъ. Книги эти должны служить средствомъ для повѣрки, какую именно пользу жеребцы принесли краю.

5) При выдачѣ свидѣтельствъ на приплоды взимать небольшую плату въ пользу коневодства Ор енбу

скаго края съ приложенiемъ тавра на окорокѣ и подъ гривой или на щекѣ N жеребца, отъ котораго приплодъ.

Никакой приплодъ, а въ особенности отъ улучшенныхъ породъ, не можетъ быть всегда удаченъ, если не будетъ обращено должнаго вниманiя на его воспитанiе. При воспитанiи, сообразно съ назначенiемъ лошади, прежде всего нужно позаботиться о томъ, гдѣ и какъ лошадь воспитывать, и склонить частныхъ лицъ, къ заведенiю питомниковъ, поощряя ихъ скупать жеребятъ прямо подъ матками. Этимъ способомъ жеребята получали бы, по крайней мѣрѣ, въ первые два года, удовлетворительное питанiе. Хорошо было бы, чтобы на выставкахъ лучшiе жеребята, приводимые подъ матками, и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые не могутъ расчитывать на надлежащее воспитанiе, были бы покупаемы въ питомники, о распространенiи которыхъ у частныхъ лицъ, правительству должно особенно позаботиться. Тутъ раздѣленiе труда и заботъ можетъ сдѣлать много пользы. Крестьянинъ имѣя кобылу, случаетъ ее съ пунктовымъ жеребцомъ за умѣренную плату, работаетъ на ней годъ, опять случаетъ, шесть мѣсяцевъ она кормитъ жеребенка, который получивъ осенью на выставкѣ свидѣтельство, что онъ отъ пунктоваго жеребца съ приложеннымъ тавромъ продается за хорошую цѣну отъ 10 до 25 руб. сер. и поступитъ въ питомникъ, гдѣ будетъ воспитанъ правильно. Тутъ легко будетъ и правительству слѣдить за

тѣмъ, какіе приплоды идутъ въ производители, да и всякаго ремонтера привлечетъ покупать лошадей у воспитателей ихъ. Что предложеніе это имѣетъ основаніе можетъ служить доказательствомъ слѣдующій случай: одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ русскихъ заводчиковъ посылаетъ ежегодно въ Самарское свое имѣніе табунъ жеребятъ хорошей крови, рожденныхъ на его заводѣ Калужской губерніи и приводитъ оттуда по истеченіи 3-хъ лѣтъ, готовыхъ лошадей. Тамъ ихъ воспитаніе было дешево, а лошади выходятъ сноснѣе. Раздѣленіе и спеціальность занятій въ воспитаніи, а также и въ выдержкѣ лошадей, можетъ очень много содѣйствовать успѣху коневодства, а это важно въ отношеніи къ отдѣльнымъ мѣстностямъ. Такое раздѣленіе будетъ тѣмъ болѣе благопріятствовать успѣху коневодства, что всякій, посвящающій ему свои занятія, скорѣе дождется результатовъ своихъ трудовъ и выручки за траты. А такъ какъ этотъ переходъ будетъ происходить на выставкахъ, то это дастъ средство къ вѣрнѣйшему наблюденію за состояніемъ коневодства.

Поощреніе наградами и облегченіемъ сбыта жеребятъ перваго возраста или подростковъ на выставкахъ, пріохотитъ тѣхъ изъ частныхъ лицъ, которые имѣютъ страсть къ лошади и состоятельны по средствамъ. Лошади, купленныя изъ подъ матки воспитателемъ, могутъ быть сбываемы въ третью ихъ осень, когда приплодъ уже довольно великъ и въ нѣкоторой степени

опредѣлится въ своихъ достоинствахъ. Тутъ лошадь могутъ купить люди, желающіе готовить ее къ труду, которые будутъ заниматься ею для приготовленія къ тому или другому роду службы. Поэтому выставки должны быть *центральныя* для лошадей разныхъ возрастовъ. Имъ бы слѣдовало быть въ трехъ мѣстахъ: въ Уфѣ, Оренбургѣ, а вмѣсто Самары, при Александровскомъ конномъ заводѣ Бугурусланскаго уѣзда, гдѣ притомъ имѣется ветеринарное училище, снабжающее край ветеринарными фельдшерами.

Кромѣ центральныхъ выставокъ хорошо бы учредить *окружныя выставки*, въ которыхъ главнымъ образомъ должны быть представляемы матки съ своимъ приплодомъ. Выставки эти должны быть учреждаемы въ волостяхъ для небольшихъ районовъ, такъ чтобы пригонъ жеребятъ не былъ изнурителенъ. Жеребята на эти выставки должны быть приводимы подъ матками. Начиная съ августа выставки должны тянуться въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, и открываться постепенно на 2—3 дня въ каждомъ избранномъ мѣстѣ, такъ чтобы одинъ скупщикъ жеребятъ, воспитатель, могъ набирать ихъ на нѣсколькихъ пунктахъ.

Центральная выставка, послѣдняя въ своемъ районѣ по времени, назначается для лошадей разныхъ возрастовъ, и соединяется съ *испытаніями*, которыя должны состоять въ скачкахъ, бѣгахъ и возкѣ тяжестей, смотря по мѣстности и по назначенію разводимыхъ въ ней лошадей.

Кромѣ того должна быть еще *общая выставка* для цѣлаго края, чрезъ каждыя три года, по очереди на одномъ изъ пунктовъ, гдѣ будутъ центральныя выставки, такъ что 9-ти лѣтніе труды коневодства всего околодка, будутъ яснѣе видны въ сравненіи съ другими.

Поощренія отъ правительства могли бы состоять:

Въ пожалованіи въ видѣ призовъ, для пользованія на болѣе или менѣе продолжительное время небольшаго числа удобныхъ земельныхъ участковъ, и то только на первое время; а) лицамъ, которые изъявятъ готовность ввести въ край въ теченіе 5 лѣтъ кровную лошадь и будутъ извѣстны, какъ надежные коннозаводчики и б) благонадежнѣйшимъ учредителямъ питомниковъ.

Въ пожалованіи владѣльцамъ отборныхъ косяковъ надежныхъ производителей, а воспитателямъ лучшихъ жеребятъ, дабы при питомникѣ могли они имѣть и случной пунктъ.

Въ дозволеніи владѣльцамъ надежныхъ жеребцовъ, получившихъ преміи, открывать случные пункты за плату.

Въ небольшихъ денежныхъ ссудахъ (для расширенія существующаго предпріятія) въ денежныхъ наградахъ, медаляхъ, похвальныхъ листахъ и проч.

Выгоды, представляемыя краемъ коневодству, должны со временемъ заставить нашихъ коннозаводчиковъ перевести свои заводы въ этотъ край; правительство же съ своей стороны можетъ содѣйствовать этому переходу раздачею (напр. на 99 лѣтъ) въ пользованіе зе-

мель, налагая на заводчика обязанность вмѣсто большой платы допускать къ безплатной случкѣ извѣстное число аттестованныхъ кобылъ постороннихъ лицъ.

Кромѣ этихъ наградъ, можетъ служить надежнымъ поощреніемъ коневодства распоряженіе, чтобы ремонтеры приводили только половину лошадей не съ качествами туземныхъ.

Для руководства къ улучшенію коневодства и постояннаго наблюденія за его ходомъ необходимо учредить въ краѣ 3 комитета: въ Уфѣ, Оренбургѣ и Самарѣ изъ знатаковъ дѣла съ присоединеніемъ нѣсколькихъ ветиринаровъ. Въ начальствующія же лица назначить только одниxъ спеціалистовъ. Комитетъ долженъ представлять собою родъ общества, составленнаго изъ практическихъ людей всѣхъ состояній, но довольно образованныхъ и пріобрѣтшихъ въ краѣ репутацію истинныхъ знатоковъ дѣла, а не изъ дилетантовъ, которые держатъ часто заводы сами не зная зачѣмъ.

Такимъ образомъ, при тщательномъ выборѣ производителей, при надлежащемъ воспитаніи лошадей, при назначеніи поощрительныхъ мѣръ со стороны правительства и устройствѣ необходимыхъ для того 3-хъ комитетовъ, Оренбургскій край, благодаря благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ, могъ бы въ недалекомъ будущемъ представить для Россіи надежный разсадникъ лошадей, какъ чистыхъ мѣстныхъ породъ, но только улучшенныхъ, такъ и постороннихъ кровныхъ лошадей; такой разсадникъ, который за удовле-

твореніемъ мѣстныхъ потребностей легко и дешево могъ бы снабжать лошадьми и наши внутренніе рынки и заграничныхъ потребителей. Лошадь Оренбургскаго края, въ особенности съ тавромъ ОК, должна быть со временемъ искомымъ товаромъ на конныхъ ярмаркахъ за границею, гдѣ конечно съумѣютъ всегда оцѣнить дѣльную русскую сухую лошадь.

Но для достиженія всего этого необходимо безотлагательное вмѣшательство правительства.»

Послѣ обѣда назначена была выставка и народный праздникъ. Самарская выставка устроена была дворянствомъ по предложенію губернскаго предводителя дворянства г. Обухова, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ г. Протопопова и управляющаго удѣльною конторой г. Рихтера, для ознакомленія Наслѣдника Цесаревича съ сельско-хозяйственною, торговою и фабричною промышленностью всѣхъ уѣздовъ Самарской губерніи.

Въ 10 верстахъ отъ Самары, близь деревни Смышляевки, выстроено было зданіе для помѣщенія выставки. Вокругъ зданія предполагалось кромѣ того выполнить еще различные опыты обработки земли мѣстными способами и усовершенствованными орудіями, дабы тѣмъ яснѣе и нагляднѣе представить параллель между простыми здѣсь преобладающими формами сельскаго хозяйства и хозяйствомъ уже усовершенствованнымъ.

Отъ самаго города народъ густыми толпами валилъ къ выставкѣ. Дорога была буквально покрыта таранта-

сами, долгушками, дрожками и наконецъ верховыми. Густыя облака пыли закрывали горизонтъ и окрестности. То мчалась удалая тройка съ тарантасомъ, нагруженнымъ, смѣло можно сказать, черезъ край сѣдоками, то тряслись мелкою рысью верхомъ на одной лошади два Татарина, или наконецъ скакала четверня съ щегольскою коляской. Чѣмъ ближе къ выставкѣ, тѣмъ толпы народныя становились все гуще и наконецъ передъ нами раскрылся одинъ необозримый таборъ. Цѣлое народонаселеніе Самары перекочевало, казалось, на это время къ выставкѣ, и подъѣзжая къ самому зданію, ясно можно было уже предвидѣть, что осмотръ выставки, стоившей столько трудовъ и заботъ, будетъ весьма затруднителенъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ предчувствовали это, кажется, и почтенные учредители и распорядители выставки. Никакими усиліями, ни просьбами, ни мольбами, ни угрозами, нельзя было упросить публику отойдти подальше и оставить на столько свободнаго мѣста, чтобы можно было съ удобствомъ обходить и осматривать выставленные предметы. Толпы такой конечно бы не было, еслибы не пришла кому-то въ голову странная мысль устроить въ одинъ и тотъ же день и на томъ же мѣстѣ народный праздникъ со всѣми крѣпительными принадлежностями такого празднества. Мало того, сюда явился даже странствующій содержатель звѣринца, хотя, строго говоря, ему дѣйствительно тутъ не могло быть мѣста, при такомъ множествѣ лошадей, которыя легко могли бы испугаться и надѣлать бѣды въ

массахъ толпящагося народа. Слава Богу, что все обошлось благополучно.

Но вотъ заслышалось вдали глухое *ура*, толпы заколыхались, и побѣжали въ разсыпную на встрѣчу этому крику, дружно его подхватывая. Облака пыли крутятся въ воздухѣ, и среди ихъ зачернѣетъ, то здѣсь, то тамъ, брошенная вверхъ шапка. *Ура* слышится все ближе и ближе, раза два-три промелькнули въ пыли казачьи пики, *ура* еще громче, толпа движется и медленнѣе, и гуще, едва дозволяя экипажу подаваться впередъ. Еще одно оглушительное *ура*, и Великій Князь вошелъ въ зданіе выставки.

Здѣсь губернскій предводитель дворянства Б. П. Обуховъ передалъ Цесаревичу двѣ карты Самарской губерніи, одну съ показаніемъ сѣвооборотовъ всѣхъ мѣстностей Самарской губ. и другую съ изображеніемъ *движенія хлѣбной торговли* Самарской губ. и обозначеніемъ главныхъ путей подвоза хлѣба на разныя пристани. Карты эти составлены при содѣйствіи г. управляющаго палатою гасударственныхъ имуществъ извѣстнаго своими трудами по хозяйственной статистикѣ Россіи Д. С. Протопопова, принимавшаго въ выставкѣ самое дѣятельное участіе.

На выставкѣ были предметы въ высшей степени интересные, но ихъ было такъ много, содержаніе выставки такъ разнообразно и полно, что въ краткомъ обзорѣ нѣтъ никакой возможности вдаваться въ подробное ихъ описаніе. Мы постараемся указать на главныя статьи

и считаемъ долгомъ отдать полную справедливость прекрасно и дѣльно задуманному плану и систематическому порядку, въ которомъ были расположены предметы. Здѣсь видна была опытная рука и просвѣщенный взглядъ на дѣло.

Первое мѣсто на самарской выставкѣ принадлежало коллекціи *почвъ* изъ различныхъ мѣстностей губерніи съ растущими на нихъ степными травами и хлѣбными растеніями. Изъ представленныхъ пластовъ почвъ, особенно были замѣчательны: *ковыль* хлѣбородный въ Николаевскомъ уѣздѣ, по лѣвую сторону р. Камашки, съ дѣвственной почвы на башкирскихъ казенныхъ земляхъ участокъ № 12; пластъ *солонцовъ* и *пластъ пшеницы*, съ той же мѣстности.

Изъ хлѣбныхъ растеній въ зернахъ, стебляхъ и снопахъ, была представлена *богатая коллекція пробъ* пшеницы разныхъ сортовъ: бѣлотурка, перéродъ, русская и озимая за 1860, 1861 и 1862 года, съ показаніемъ цѣнъ и сбыта ея на различныхъ пристаняхъ Самарской губерніи. Особое вниманіе обратила на себя пшеница изъ Николаевскаго уѣзда. Потомъ степныя травы: *ковыль*, *пырей*, *чебаръ*, *перéродъ тимоѳеевой травы* и проч. Новоузенскаго, Бузулукскаго и Николаевскаго уѣздовъ. Медоносныя травы Бугурусланскаго уѣзда, Пригородской волости. *Лебеда* и *полынь*, повсемѣстно произростающія, изъ которыхъ исключительно добывается поташъ. *Сѣно* ковыльное и залежное. *Ячмень*, *овесъ*, *рожь*, *горохъ* изъ различныхъ мѣстностей Самар-

ской губерніи, съ указаніемъ цѣнъ. Превосходное *просо* изъ имѣнія гг. Самариныхъ, Самарскаго уѣзда, села Васильевскаго. *Марена* изъ имѣнія г. Обухова, Самарскаго уѣзда. *Солодскій корень*, Новоузенскаго уѣзда. Замѣчательны были образцы льна, изъ Бузулукскаго уѣзда. *Репсъ* въ различномъ видѣ и горчица, въ стебляхъ, изъ колоніи Екатериненштатъ. *Табакъ* Орловской колоніи и въ томъ числѣ два растенія гаванскаго табаку изъ заграничнаго сѣмени. Образецъ сигарнаго табаку въ листахъ, лежавшихъ болѣе двухъ лѣтъ. Образцы турецкаго и желтаго (американскаго) табаку, наконецъ табакъ трехъ сортовъ Новоузенскаго уѣзда, Покровской волости.

Воздѣлываніе табаку составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства въ приволжскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Оно было введено тотчасъ послѣ переселенія сюда колонистовъ. Сначала разводили табакъ только мѣстами. Потомъ, когда опытъ доказалъ, что климатъ и почва благопріятны для табака, и что онъ можетъ акклиматизироваться, плантаціи увеличились и производство усилилось, особенно, когда табакъ сталъ значительною статьей и внутренней и внѣшней торговли, когда куреніе табаку въ Россіи все болѣе и болѣе увеличивалось. Разведеніе табаку все больше и больше распространялось, и достигло мало по малу той высокой степени, на которой находится въ настоящее время. Въ приволжскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ добывается теперь

ежегодно около 300/т. пудовъ табаку, разныхъ сортовъ. Воздѣлываніемъ табаку занимаются преимущественно колоніи, лежащія на лѣвой, луговой сторонѣ Волги въ Самарской губерніи. Въ колоніяхъ на правой, нагорной сторонѣ Волги, въ Саратовской губерніи, нѣтъ табачныхъ плантацій. Самыя большія табачныя плантаціи находятся въ округахъ: Панинскомъ и Екатериненштадтскомъ, Николаевскаго, въ Красноярскомъ и Тонкошнуровскомъ, Новоузенскаго уѣздовъ. Колоніи, выселившіяся изъ этихъ 4-хъ округовъ въ степь, и образующія новые округи, занимаются также разведеніемъ табаку, только въ далеко меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ ихъ метрополіи.

Вообще разводятся слѣдующіе сорты табаку: 1) Русскій (махорка), 2) Нѣмецкій, 3) Мариландъ, 4) Виргинскій (сигарный), 5) Гаванна (сигарный), 6) обыкновенный черный табакъ, 7) Турецкій, нѣсколькихъ сортовъ. Русскій табакъ употребляется для куренья только нашимъ простонародьемъ въ сѣверныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ, а именно: въ Вятской, Казанской, Оренбургской, Астраханской, Пензенской, Симбирской и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ производится въ необработанномъ видѣ. Черный табакъ идетъ въ Петербургъ и оттуда въ Финляндію, гдѣ также употребляется въ необработанномъ видѣ. Прочіе сорта — Мариландъ, сигарный и Турецкій, прежде употребленія, обработывается на внутреннихъ фабрикахъ въ Саратовѣ, Са-

рептѣ, Москвѣ, Петербургѣ. *) Цѣны на табакъ различны, смотря по количеству сбора и качеству его. Можно принять, что среднимъ числомъ стоитъ:

1) Русскій табакъ отъ 40 до 50 к. за пудъ, 2) Мариландъ 2 р., 3) Сигарный 1½ до 2 р., за пудъ, 4) Черный 80 к. до 1 р., 5) Турецкій 3 до 5 р.

Среднимъ числомъ ежегодно добывается:

		сборъ съдесятины (⅓ казенной).
Русскаго табаку .	100/т. пуд.	80 пуд.
Мариланда . . .	20/т. „	40 „
Сигарнаго . . .	50/т. „	80 „
Чернаго	120/т. „	80 „
Турецкаго . . .	10/т. „	30 „

Всѣ сорты табаку, воздѣлываемые въ колоніяхъ акклиматизировались, сдѣлались туземными, и сѣмена ихъ исключительно употребляются для разведенія. Только для нѣкоторыхъ сортовъ, подлежащихъ фабричной обработкѣ, сѣмена обновляются выписными заграничными. Сорта, получаемые въ первое время отъ этихъ сѣмянъ самаго лучшаго качества; но чѣмъ болѣе они акклиматизируются, тѣмъ болѣе теряютъ въ достоинствѣ.

---

*) Изъ столичныхъ фабрикъ покупаютъ:

Миллеръ, въ С.-Петербургѣ, — желтый и Турецкій;

Бр. Мусатовы и Бостанжогло въ Москвѣ, — тоже.

Какъ скоро табачные корешки пустятъ изъ себя ростки, ихъ разсаживаютъ въ концѣ апрѣля въ парникахъ, гдѣ молодыя растенія остаются до половины мая; потомъ ихъ сажаютъ рядами, идущими поперегъ каждаго отдѣльнаго поля, на табачныхъ поляхъ, предварительно два раза вспаханныхъ и унавоживаемыхъ отъ времени до времени. Сажаютъ табачные стебли въ различномъ разстояніи одинъ отъ другаго, смотря по сорту самаго табаку. Стебли русскаго и сигарнаго табаку, пускающіе отъ корня широкіе листы, разсаживаются очень широко, на $^3/_4$ аршина одинъ отъ другаго; стебли турецкаго табаку и мариланда, у которыхъ листья малы, разсаживаются гуще,—вершковъ на 8 одинъ отъ другаго. Послѣ посадки поле постоянно очищаютъ отъ сорныхъ травъ, взрыхляя землю. Когда растеніе достигло требуемой величины и имѣетъ надлежащее количество листьевъ, тогда срываютъ верхушку, чтобы не позволить ей цвѣсти, а задержать ростъ вверхъ, и дать питанію перейдти въ листья. Зубчатые побѣги, идущіе изъ стеблей и листьевъ и безъ пользы отвлекающіе питаніе, обрываются, такъ чтобы однимъ листьямъ доставалось все питаніе. Работы эти приходятся на іюль мѣсяцъ. Обрываніе листьевъ или табачная жатва начинается въ августѣ, то есть въ то время, когда растеніе достигаетъ зрѣлости. Если въ концѣ августа или въ началѣ сентября наступаютъ морозы по ночамъ, то табакъ убирается и не совершенно зрѣлымъ. Этотъ табакъ значительно уступаетъ, по досто-

инству, совершенно зрѣлому. При сборѣ табаку листья, собранные съ каждаго кустика, связываются въ пачки и отправляются домой. Потомъ ихъ выравниваютъ и на ребрѣ каждаго листа дѣлаютъ разрѣзъ, длиною вершка въ два. При помощи этого разрѣза листки табаку нанизываются на палки, длиною въ сажень, шириною отъ $^1/_2$—$^3/_4$ вершка, такъ называемые шпилеры. Эти шпилеры, съ нанизанными на нихъ листьями, развѣшиваются въ сушильныхъ сараяхъ, въ разтояніи отъ 5—6 футовъ одинъ отъ другаго. Сухой табакъ остается въ этихъ сараяхъ до октября или ноября; тогда при наступленіи сырой погоды его снимаютъ и приготовляютъ къ продажѣ. Это дѣлается такимъ образомъ: табакъ связываютъ въ папуши, отъ 15—20 гладко разглаженныхъ листовъ каждая, при чемъ сортируютъ табакъ. Послѣ разглаживанія нѣкоторые сорты еще выколачиваютъ, складывая ихъ въ большія кучи, гдѣ табакъ согрѣвается, и посредствомъ этой операціи разлагаютъ въ немъ грубыя растительныя вещества.

Кромѣ произведеній сельскаго хозяйства Самарской губерніи выставка была богата образцами самыхъ разнообразныхъ продуктовъ царства ископаемаго, изъ которыхъ многіе, ежели и не составляютъ еще предмета народной промышленности, то все же представляютъ собой вѣрную характеристику богатства даровъ природы, которыми обладаетъ этотъ прекрасный край.

Здѣсь были: *сѣра*, представленная г. Свѣтовымъ изъ разныхъ мѣстностей Самарскаго уѣзда, между рѣками

Волгою, Самарою и Сокомъ, городомъ Самарой и селеніями Смышляевкой, Алексѣевкой, Новымъ Сѣмякинымъ и Краснымъ Яромъ, въ дачахъ удѣльнаго вѣдомства и губернскаго города. *Бурый каменный уголь*, представленный имъ же изъ Бузулукскаго уѣзда, близь рѣчки Тананыки, въ дачахъ государственныхъ крестьянъ деревни Шебаловки, а также Николаевскаго уѣзда, въ дачахъ государственныхѣ крестьянъ села Богдановки, около рѣчки Кутурушки, при озерѣ Каменномъ. *Соль* илецкая комовая и молотая. *Нефть*, *сѣрная вода* съ Сергіевскихъ минеральныхъ водъ. *Соленыя* и *горько-соленыя воды* изъ Николаевскаго уѣзда Богдановской волости изъ колодцевъ села Мокши и того же уѣзда Вязовской и Малоперекапновской волостей изъ устья рѣчки Солянки, и Новоузенскаго уѣзда изъ рѣчки Горькой.*) *Известь* (жигулевская) въ сыромъ видѣ и пережженномъ Самарскаго уѣзда. *Алебастръ* Самарскаго уѣзда въ сыромъ видѣ. *Песчаникъ*, какъ строительный матеріялъ, добывающійся въ дачахъ пригородской волости Бугурусланскаго уѣзда.

По отдѣлу заводской промышленности первое мѣсто безспорно принадлежало, и по качеству и по значенію въ мѣстномъ хозяйствѣ, различнымъ заводскимъ издѣліямъ изъ пшеницы, представленнымъ инженеръ-техно-

---

*) Нѣкоторыя изъ этихъ водъ изслѣдованы инженеръ-технологомъ г. Рихтеромъ. Изъ его анализовъ видно, что въ этихъ водахъ преобладаетъ глауберова соль, поваренная соль и сѣрнокислая магнезія.

логомъ г. Рихтеромъ съ самарскаго пароваго крахмальнаго завода г. Балабина. Тутъ былъ крахмалъ разныхъ сортовъ и разнаго вида: кристалическій такъ-называемый англійскій въ различныхъ способахъ его сушки, искуственныя гуммiи изъ крахмала для аппретуры и сгущенія красокъ на ситцевыхъ фабрикахъ, а именно: искуственная сенегальская гуммія, жженный крахмалъ, кристалическій декстринъ для кружевныхъ фабрикъ и различные сорты гоммелина; глютинъ въ различныхъ его видахъ и между прочимъ съ примѣсью 20% муки для приготовленія сухарей для арміи; *кристализованный крахмалъ* для тюлевыхъ и кружевныхъ фабрикъ, и наконецъ различные образцы тѣста, употребляемаго въ пищу, какъ-то *макароны*, *вермишель*, *Pâte d'Italie*, *гаріока*, *саго* и проч.

Особенное вниманіе обратилъ на себя приготовляемый на заводѣ г. Балабина новый продуктъ, добытый г. Рихтеромъ и названный имъ *Charlottine*. Онъ можетъ замѣнить яичный альбуминъ. Весьма были интересны также рисунки, представленные г. Рихтеромъ, изображающіе видоизмѣненія крахмала и пшеницу въ увеличенномъ видѣ.

Самарскій пивоваренный заводъ г. Свѣтова представилъ трехъ сортовъ пиво, солодъ ячменный и пшеничный молотый и немолотый, а паровая мукомольная мельница г. Свѣтова три сорта пшеничной крупичатой муки.

Съ самарскихъ салотопенныхъ заводовъ выставлено было *сало* нутровое *сырецъ*, *кружковое*, перетапливаемое въ печахъ крестьянами, и пробы сала, очищеннаго паромъ изъ кружковаго и гуртоваго, въ томъ видѣ, какъ оно отправляется къ с.-петербургскому порту.

Желтый и бѣлый воскъ и восковыя свѣчи были съ завода бугурусланскаго купца Козакова, гдѣ производится ежегодно до 2000 пудовъ свѣчъ. *Поташъ* съ бугурусланскаго же завода, гдѣ его производится ежегодно до 10,000 пуд.

Са табачно-сигарной фабрики колоніи Золотурнъ были табакъ крошенный мариландскій, крошенный турецкій и сигары.

Образцы шпанской шерсти представлены изъ Самарскаго уѣзда изъ имѣнія гг. Самариныхъ, а образцы сукна изъ Новоузенскаго и Бузулукскаго уѣздовъ.

Въ отдѣлѣ разныхъ издѣлій временно-обязанныхъ крестьянъ Самарской губерніи первое мѣсто принадлежало, безспорно, Бузулукскому уѣзду, какъ по качеству, какъ и по разнообразію издѣлій. Замѣчательны были бузулукскіе и бугурусланскіе *ковры* крестьянской работы, нѣкоторые изъ мѣстной шерсти и красокъ. *Сукно* черное Новоузенскаго уѣзда, Покровской волости. Извѣстные шерстяные бузулукскіе *кушаки*. Разноцвѣтныя *шерстяныя ткани*, *ленъ*, *холстъ*, *столовое бѣлье* и всякая *пестрядь*. Замѣчателенъ былъ образецъ холста, вытканнаго изъ льна съ бумагой крестьянкой Самарскаго уѣзда, села Павловки; различные жен-

скіе головные уборы и кички; кожа бузулукская и самарская; кизякъ, употребляемый здѣсь повсемѣстно какъ топливо.

Мы упомянули уже выше, что кромѣ выставки произведеній Самарскаго края, предполагалось еще показать Его Высочеству различные способы обработки земли въ Самарскомъ краѣ и простыми и усовершенствованными орудіями. Но эта прекрасная мысль рѣшительно не могла быть выполнена. Различные виды сохъ, плуговъ, машинъ жатвенныхъ и косильныхъ, наконецъ косцы и жницы, все это было готово для нагляднаго проведенія параллели между формами хозяйства существующаго и хозяйства начинающагося—но увы! Ежели нельзя было удержать массу публики отъ вторженія въ зданіе выставки, гдѣ не было рѣшительно никакой возможности отчетливо высмотрѣть интересные предметы, то въ полѣ, гдѣ предполагалось производить опыты, народъ рѣшительно покрылъ собою все пространство, и прежде чѣмъ было приступлено къ жнитву, успѣлъ уже вытоптать передъ нашими глазами всю пшеницу. Тутъ было уже не до опытовъ; тутъ скорѣе всѣми овладѣло чувство самосохраненія и опасенія за массу женщинъ, дѣтей, попавшихъ волею и неволей между лошадьми, изъ которыхъ многія выражали и съ своей стороны нѣкотораго рода безпокойство, что легко могло бы кончиться плачевно. Два-три опыта съ плугами кое-какъ были произведены, но за тѣмъ Великій Князь уѣхалъ прямо на пароходъ.

Картина, которую видѣли мы передъ собой, возвращаясь съ выставки, была по истинѣ необыкновенная, и по своему характеру вполнѣ соотвѣтствовала здѣшнему краю. Поле, на которомъ устроена была выставка, приняло видъ огромнаго кочевья или лагеря. Все оно покрыто было повозками, телѣгами и фурами, самаго разнообразнаго вида, въ которыхъ съѣхались на праздникъ тысячами изъ города, изъ селъ и изъ степи цѣлыя семейства крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и чиновниковъ: иныя стояли запряженныя, другія были распряжены, и возлѣ нихъ лошади стояли на привязи, а хозяева разбрелись по полю или расположились группами около своихъ повозокъ. Когда уѣхалъ Великій Князь, только часть этого лагеря осталась на мѣстѣ догуливать день и доканчивать праздникъ, но бо́льшая часть гуляющихъ спѣшили вслѣдъ за нимъ, чтобы поспѣть еще въ городъ къ проводамъ, потому что въ эту же ночь предположено было сняться съ якоря. Мы уѣхали вслѣдъ за Великимъ Княземъ, и уѣзжая любовались еще живописнымъ видомъ лагеря, широко раскинувшагося на возвышеніи около палатки. Но скоро настигли насъ первыя ряды повозокъ, возвращавшихся съ праздника и составили около насъ по всей дорогѣ движущуюся картину самаго страннаго вида. Вся дорога на протяженіи 10 верстъ покрылась повозками, нагруженными народомъ и всадниками скакавшими впередъ безъ оглядки, по ровной и гладкой дороги, которая въ сумракѣ и въ пыли обозначалась только ря-

дами смоляныхъ бочекъ, горѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ на всемъ протяженіи отъ выставки до города. Здѣсь потянулись въ нѣсколько рядовъ коляски, дрожки, тарантасики, телѣги, дроги съ плетеными корзинами, изъ которыхъ выглядывала только голова сѣдока, и всякаго рода самодѣльные экипажи, которымъ развѣ только самъ строитель могъ бы прибрать приличное имя. Когда стемнѣло, и вся эта картина освѣтилась отблесками огней, горѣвшихъ по дорогѣ, она стала еще своеобразнѣе: надо было ѣхать тихо, съ осторожностью, чтобы не наткнуться на какую-нибудь шальную телѣгу.

Мы едва поспѣли на пароходъ ко времени отплытія. Черезъ десять минутъ пароходъ снялся и потянулась мимо насъ Самара вся убранная яркими огнями иллюминаціи. Колокола звонили, со всего берега раздавалось *ура;* на пристани загорѣлись бенгальскіе огни. И какъ красивъ былъ въ эту минуту самарскій берегъ!

ГЛАВА XI.

От Самары до Саратова. Ночь на Волгѣ. Сызрань. Хвалынскъ. Вольскъ. Народная встрѣча въ Саратовѣ. Пожертвованія. Обозрѣніе старинныхъ актовъ. Обѣдъ отъ дворянства. Вечерняя прогулка по городу. Соколова гора. Испытаніе возовыхъ лошадей. Саратовскій институтъ для дѣвицъ. Переѣздъ отъ Саратова до Сарепты. Встрѣча на пристани и въ колоніи.

Но лучшее было еще впереди, на Волгѣ. Когда потухли за нами и скрылись изъ виду огни самарскіе, открылась надъ нами во всей красотѣ тихая, свѣтлая ночь, засіяло небо тысячами звѣздъ и яснымъ мѣсяцемъ, отражавшимися въ тихой водѣ переливнымъ серебрянымъ свѣтомъ. Мы долго не рѣшались покинуть верхнюю галлерею надъ рубкой и спуститься въ душную каюту. Такъ хорошо было на верху: вольный видъ во всѣ стороны на воды, разстилавшіяся вдаль темносинею равниной, на серебристый отблескъ мѣсяца,

быстро перебѣгавшій по водѣ рядомъ съ нашимъ пароходомъ. Справа густая тѣнь падала на воды отъ крутаго берега; слѣва луговой берегъ смотрѣлся въ тихую воду съ деревьями и кустарниками; впереди, на носу парохода, у самой воды, свѣтился красный огонь фонаря, отражаясь на волнѣ, разсыпавшейся красными брызгами по обѣ стороны. Мы разошлись уже поздно, но нельзя было долго спать, потому что утро снова вызывало насъ на палубу. Въ 4 часа утра пароходъ остановился подъ Сызранью, у пристани с. Батраковъ, гдѣ Его Высочество принималъ хлѣбъ-соль отъ сызранскаго общества. Берега Волги между Самарой и Саратовымъ оживлены большими селами, и двумя большими живописными городами — Хвалынскомъ и Вольскомъ. Мы любовались прекрасною панорамой Хвалынска, окруженнаго известковыми и меловыми горами: на этомъ бѣломъ фонѣ особенно красива казалась пестрая толпа народная, собравшаяся у берега, и пристань, убранная флагами, и цѣлая флотилія расцвѣченныхъ вымпелами шлюпокъ у пристани. Еще поразительнѣе былъ видъ Вольска. За нѣсколько верстъ до города начинаются высокія мѣловыя горы и бугры ослѣпительной бѣлизны: ближе къ городу они разступаются въ видѣ громаднаго полукружія, облѣпленные деревянными домиками,—безъ малѣйшаго признака зелени, какъ будто покрытые только что выпавшимъ весеннимъ снѣгомъ. Въ этомъ полукружіи, на склонѣ горъ и бугровъ, раскинулся обширный и богатый Вольскъ, окан-

чиваясь книзу густыми садами, которыми славится городъ. Его Высочество сходилъ на пристань, гдѣ городская депутація поднесла ему хлѣбъ-соль на богатомъ блюдѣ.

18 іюля, въ 6 часовъ вечера, открылся передъ нами Саратовъ. Городъ самый обширный и самый населенный изъ всего Приволжья, онъ расположенъ на плоскомъ бугрѣ, между высокими горами. Въ сравненіи съ верховыми городами мѣстоположеніе Саратова на Волгѣ можно назвать неживописнымъ, но за то своею величиной онъ поражаетъ даже прихотливый взглядъ, привыкнувшій къ красивымъ панорамамъ. Городъ тянется вдоль берега верстъ на семь отлогимъ амфитеатромъ къ югу; съ сѣверной стороны спускается къ нему величественная Соколова гора, обрываясь къ Волгѣ крутымъ утесомъ до ста саженъ вышины.

Въ обыкновенную пору населеніе Саратова доходитъ до 80.000. Къ пріѣзду Наслѣдника въ городъ сошлось и съѣхалось съ разныхъ сторонъ еще не менѣе 30.000. Можно представить себѣ, какая громадная толпа встрѣтила насъ на пристани и разливалась по берегу и по множеству судовъ, облѣпившихъ берегъ, и какіе раздались крики, когда Великій Князь ступилъ на пристань. Народу тутъ было конечно не менѣе ста тысячъ; всѣ мачты на судахъ были облѣплены народомъ; смѣльчаки взбирались на самый верхъ мачты и оттуда бросали шапки, махали руками и кричали громкимъ крикомъ. Кромѣ общаго *ура*, — въ ко-

торомъ все сливается, слышались и другія слова, произносимыя отъ полноты сердца то громкою рѣчью, то тихимъ и ласковымъ шепотомъ. Теперь, когда вспоминаешь объ этихъ сценахъ, въ памяти мелькаютъ то курчавая голова съ удалыми смѣющимися глазами, которая кричитъ изо всѣхъ силъ съ своей барки: „Ура! Бѣлому Царю и Царевичу"—то другая, русая, въ кружокъ обстриженная, которую я видѣлъ на пристани, какъ она, вся сіяя радостью и кланяясь, говорила проходившему мимо Наслѣднику: „здравствуй, батюшка Николай Александровичъ!" — то слышалось какъ старухи шепотомъ называютъ Его „Голубчикомъ" или „райскимъ цвѣточкомъ."

Мы пріѣхали въ Саратовъ въ знойную погоду. Облака пыли висѣли надъ городомъ, и зелень пожелтѣла отъ жару, доходившаго въ послѣдніе дни до 40 градусовъ. Только на дворахъ, между зданіями, въ защитѣ отъ вѣтровъ и пыли, еще поддерживалась скудная зелень. На дворѣ губернаторскаго дома, въ которомъ приготовлено было помѣщеніе для Его Высочества, насажена небольшая липовая аллея; въ этомъ уголкѣ пыли не было, и изъ нашихъ оконъ, выходившихъ на дворъ, можно было съ удовольствіемъ полюбоваться непривычнымъ для насъ видомъ высокихъ горъ, которыя со всѣхъ сторонъ охватывали горизонтъ, невдалекѣ отъ насъ, такъ что, казалось, весь городъ стоитъ въ котловинѣ, окруженной горами. Видъ на эти горы былъ особенно живописенъ ночью, когда улеглась пыль, при

свѣтѣ яснаго мѣсяца. Утро обрадовало насъ свѣжестью: ночью неожиданно собрались тучи, и шелъ довольно сильный дождь. Потомъ, почти каждый день повторялись дожди, такъ что въ Саратовѣ имѣли мы болѣе прохлады, чѣмъ можно было ожидать въ эту пору года.

На другой день утромъ представлялись Его Высочеству губернскія и городскія власти, депутаты отъ сословій и волостные старшины. При этомъ поднесены были Его Высочеству собранныя по добровольной складкѣ въ разныхъ крестьянскихъ волостяхъ деньги, для употребленія въ пользу раненыхъ на войнѣ и ихъ семействъ. Всего набралось этихъ денегъ до 3.000 руб. сер. Отъ каждой волости или сельскаго общества деньги эти представлены были особенно; нѣкоторыя общества дѣлали сборъ съ особымъ назначеніемъ въ пользу своихъ односельцевъ, раненыхъ въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Кромѣ того, нѣмецкіе колонисты Саратовской и Самарской губерній прислали съ своими депутатами деньги, собранныя ими въ пользу семействъ раненыхъ за народное дѣло. Прослышавъ объ ожидаемомъ проѣздѣ Великаго Князя, общества колонистовъ обослались между собою и на сходахъ своихъ положили общій сборъ для этой цѣли: составилась сумма 27.154 р. 38½ к. сер.

Въ это же утро приглашенъ былъ къ Великому Князю трудолюбивый изслѣдователь здѣшней исторіи, Г. Мордовцевъ. Продолжая свои изысканія въ здѣшнихъ архивахъ, онъ открылъ недавно нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ исторіи Пугачевскаго

бунта, подлинную переписку военныхъ начальниковъ, между прочимъ интересныя письма и приказы Суворова и Михельсона. Акты эти, которые принесъ съ собою Г. Мордовцевъ, бросаютъ новый свѣтъ на важный въ исторіи Пугачевскаго бунта эпизодъ—осаду Саратова и Царицына и на характеры мѣстныхъ дѣятелей—Цыплетева и Бошняка. Великій Князь съ любопытнымъ вниманіемъ слушалъ интересные разсказы и объясненія г. Мордовцева и разсматривалъ принесенные имъ документы.

Въ тотъ же день саратовское дворянство давало обѣдъ въ честь Цесаревича въ залѣ Дворянскаго Собранія, оживленный радушіемъ хозяевъ и патріотическими тостами. На тосты отзывалось *ура!* изъ залы далеко въ толпу народную, которою наполнена была улица. Главнымъ представителемъ хозяевъ обѣда былъ г. Слѣпцовъ, исправляющій должность губернскаго предводителя; тосты провозглашалъ петровскій уѣздный предводитель г. Аристовъ. На другой день тѣ же изъявленія горячаго чувства повторились на обѣдѣ, данномъ саратовскимъ купечествомъ, въ залѣ городскаго общества. Въ отвѣтъ на предложенные тосты Его Высочество сказалъ нѣсколько словъ, предлагая тостъ за успѣхъ и процвѣтаніе Саратова и всего дорогаго отечества.

Послѣ дворянскаго обѣда, вечеромъ, Великій Князь поѣхалъ въ коляскѣ кататься по городскимъ улицамъ, и, посѣтивъ острогъ, возвратился домой. Эта прогулка

была неожиданная, и потому въ началѣ коляска ѣхала по пустымъ улицамъ, но не прошло десяти минутъ, какъ всѣ уже узнали, куда поѣхалъ Великій Князь; всѣ бросились изъ домовъ и лавокъ, изъ всѣхъ улицъ и переулковъ повалила толпа; наконецъ, точно рѣка собирается изъ маленькихъ ручьевъ, собрался народъ по дорогѣ, и когда мы поѣхали по большой улицѣ, мимо Гостиннаго двора, стало уже затруднительно двигаться экипажу. Мы спустились съ горы къ мосту, и передъ нами открылась на той сторонѣ оврага живописная слобода, раскинувшаяся вдоль по горѣ, съ церковью Сошествія Св. Духа. Поднявшись вверхъ, мы остановились на Соколовой горѣ, откуда открывается поразительный видъ на весь Саратовъ, на широкую Волгу и на горы, которыми окруженъ городъ: только съ этой точки можно видѣть городъ вполнѣ и убѣдиться, какъ онъ обширенъ. Это одна изъ превосходнѣйшихъ панорамъ, какія удавалось намъ видѣть по дорогѣ. Соколова гора имѣетъ для Саратова историческое значеніе: 5 августа 1774 года Пугачевъ, послѣ перваго неудачнаго приступа къ Саратову, взошелъ на Соколову гору и отсюда сталъ обстрѣливать городъ: это, вмѣстѣ съ измѣною Кобякова и Салманова, рѣшило участь Саратова.

20 іюля, вечеромъ, часу въ 7, назначено было испытаніе возовыхъ лошадей, въ присутствіи Великаго Князя. Масса народа, какъ слѣдовало ожидать, крики, хлопотня полиціи, не имѣющей никакихъ средствъ удер-

жать эти безпрерывно приливающія, то и дѣло волнующіяся и кричащія толпы. Были хорошія лошади; двѣ изъ нихъ провезли по 260 и 240 пудовъ; какъ и въ Симбирскѣ, здѣсь также была выставка крестьянскихъ лошадей, и также какъ въ Симбирскѣ, вызывались охотники поскакать, но несчастный случай былъ еще въ свѣжей памяти у Его Высочества, и онъ не согласился. Саратовскіе наѣздники, не менѣе пестрые, удовольствовались тѣмъ, что имъ дозволили проѣхать по одиночкѣ передъ террасой, что̀ они и исполнили съ величайшимъ достоинствомъ, а нѣкоторые даже прикладывали руку къ козырьку *съ ловкостью почти военныхъ людей*, какъ говоритъ нашъ незабвенный Гоголь.

На томъ же полѣ, гдѣ происходило испытаніе лошадей и гдѣ производятся обыкновенно конскіе бѣга, находится и зданіе Саратовскаго института для благородныхъ дѣвицъ. Прямо изъ бѣговой галлереи Его Высочество прошелъ пѣшкомъ въ институтъ, и въ одинъ мигъ всѣ зрители, не ожидавшіе этого поворота, бросились съ своихъ мѣстъ, чтобы слѣдовать толпой за Великимъ Княземъ до воротъ. Въ институтѣ Его Высочество былъ встрѣченъ начальницею, г-жею Эрнстъ, и всѣми дѣвицами, которыхъ на этотъ разъ оставалось въ заведеніи не болѣе 50, по случаю лѣтней вакаціи. Послѣ молебна въ институтской церкви, Цесаревичь прошелъ по классамъ, слушалъ въ большой залѣ сонату Моцарта, разыгранную въ 4 руки дѣвицами, и потомъ спустился въ садъ, гдѣ всѣ воспитанницы ро-

емъ слѣдовали за нимъ, совершенно довольныя и счастливыя; въ заднихъ рядахъ можно было слышать обычныя въ этихъ случаяхъ восклицанія юныхъ институтокъ.

Въ воскресенье, 21 числа, Великій Князь слушалъ литургію въ большомъ соборѣ св. Александра Невскаго. Соборъ этотъ, оконченный въ 1825 году, замѣчателенъ тѣмъ, что построенъ на деньги пожертвованныя всѣми сословіями Саратовской губ. въ память войны 1812 года и освобожденія Россіи отъ нашествія. Внѣшній видъ собора своеобразенъ: большой кубъ съ фронтонами и портиками съ трехъ сторонъ, съ низкимъ римскимъ куполомъ наверху и съ лѣпными фигурами ратниковъ по карнизу.

Великій Князь еще разъ посѣтилъ институтъ передъ самымъ выѣздомъ изъ Саратова. Въ понедѣльникъ, 22-го іюля, всѣ собрались въ прекрасной церкви института за торжественной обѣдней, которую служилъ преосвященный. Послѣ обѣдни и царскаго молебна мы простились съ Саратовомъ; воспитанницы провожали Его Высочество до коляски, и поднесли Ему множество прекрасныхъ букетовъ. Мы отправились прямо на пристань, гдѣ собралась уже несмѣтная толпа въ ожиданіи Его Высочества.

За Саратовомъ Волга становится еще шире и раздольнѣе, и правый нагорный ея берегъ еще разъ измѣняетъ свои живописныя очертанія. Безпрестанно встрѣчаются величественные обрывистые утесы, какъ

будто обточенные, въ видѣ такъ-называемыхъ *столбицей*. Весь день прошелъ въ путешествіи по волжскому раздолью; вечеромъ была обычная стоянка и попытка охотиться на берегу за дикими утками. Чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ ранѣе темнѣетъ и тѣмъ болѣе сокращается вечерняя заря. Подъ Царицынымъ почти уже нѣтъ сумерекъ; около 8 часовъ внезапно обрывается день: его какъ будто накрываетъ ночь, тихая, теплая, звѣздная. Катаясь въ лодкѣ около парохода, мы долго любовались прекрасною ночью; гребцы пѣли русскія пѣсни, и пароходъ сіялъ въ темнотѣ огнями развѣшенными на палубѣ.

На слѣдующее утро мы подошли къ Сарептѣ. Сама колонія находится верстахъ въ трехъ отъ пристани, устроенной внизу обрывистаго, глинистаго берега. Онъ такъ высокъ, что глядя вверхъ ничего нельзя было видѣть, кромѣ людей стоявшихъ на самомъ краю обрыва: они составляли какъ будто ленту, которою былъ окаймленъ отвѣсный берегъ. Подъѣзжая къ Сарептѣ, мы ожидали встрѣтить здѣсь нѣчто совершенно новое, нисколько не похожее на то, что видѣли до тѣхъ поръ. И точно, съ той минуты, какъ мы ступили на берегъ начались совершенно новыя впечатлѣнія. У пристани ожидали Великаго Князя члены правленія евангелическаго братства, съ пасторомъ колоніи, и управляющій саратовскою конторой иностранныхъ поселенцевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Лизандеръ. Старшина правленія, г. Битнеръ, встрѣтилъ Его Высочест-

во привѣтственною рѣчью на нѣмецкомъ языкѣ. Дальше, по берегу и по крутому въѣзду, раскинулась толпа народа, сбѣжавшагося изъ сосѣднихъ селеній; она состояла бо̀льшею частью изъ русскихъ лицъ, — но съ перваго взгляда было видно, что мы пріѣхали въ такое мѣсто, гдѣ хозяйничаетъ, распоряжается, и все сдерживаетъ своеобразною дисциплиной элементъ не русскій. Только главныя лица колоніи встрѣтили насъ у пристани, а населеніе ожидало встрѣчи дома. На пристань прибѣжали крестьяне, прибѣжали мальчики и старухи; кромѣ Нѣмцевъ, на пристани стояли рядомъ еще невиданныя нами фигуры калмыцкихъ гелюновъ въ желтыхъ и оранжевыхъ длинныхъ одеждахъ и въ круглыхъ блюдообразныхъ шапкахъ; на берегу виднѣлись двѣ мужскія и двѣ женскія фигуры въ калмыцкомъ нарядѣ, верхомъ на верблюдахъ. Все это стояло чинно; разъ только послышался дружный крикъ: *ура!* но затѣмъ все пришло въ порядокъ и молчаніе: видно было, что тутъ отдано было особое приказаніе, заранѣе установленъ чинъ встрѣчи. Нѣсколько колясокъ, дрожекъ и тарантасиковъ стояло въ готовности у подъема на высокую гору, — процессія тронулась, и поднявшись на гору, проѣхала сквозь тріумфальную арку, украшенную зеленью и флагами, съ надписью *Willkommen*. Передъ нами открылась степь, и повѣяло со всѣхъ сторонъ степнымъ воздухомъ, засвѣжѣвшимъ отъ утренняго дождя и пропитаннымъ ароматами степныхъ травъ. Вдали Сарепта рисовалась передъ нами въ видѣ зеленаго

оазиса посреди голой степи; красныя крыши домовъ ея и фабрикъ выглядывали изъ-за зелени садовъ и пирамидальныхъ тополей. Коляска Великаго Князя уѣхала далеко впередъ, окруженная небольшимъ отрядомъ казаковъ Астраханскаго казачьяго войска, ожидавшимъ его у пристани.

Интересно было смотрѣть какъ ѣхалъ по степи этотъ пестрый кортежъ, собравшійся кучею около коляски Наслѣдника. Выше всего выглядывали пики и мохнатыя шапки астраханскихъ казаковъ и огромныя фигуры Калмыковъ въ синихъ балахонахъ верхомъ на верблюдахъ; вокругъ бѣжалъ пѣшій и скакалъ конный народъ, а позади желтѣлись яркіе цвѣта одежды гелюновъ, замыкавшихъ поѣздъ верхомъ на лошадяхъ. Такъ мы въѣхали въ Сарепту новыми тріумфальными воротами, и только тутъ, какъ будто по командѣ, Великій Князь былъ встрѣченъ дружнымъ *ура!* которое не смѣло раздаваться во все время поѣзда.

Мы съ любопытствомъ осматривали улицы; проливной дождь, который шелъ цѣлую ночь, избавилъ насъ отъ пыли, но въ замѣнъ того повредилъ эффекту извѣстной чистоты и опрятности сарептскихъ улицъ. Мы должны были ѣхать по лужамъ и по липкой грязи глинистаго грунта. При всемъ томъ домики, мимо которыхъ мы ѣхали, смотрѣли опрятно и привѣтливо; передъ каждымъ посажены деревья; у каждаго садикъ и крылечко на улицу. У двери стоятъ хозяева, большею частью женщины, одѣтыя по праздничному. Сарепта съ осно-

ванія своего построена по размѣренному плану, въ видѣ правильнаго четыреугольника, окруженнаго съ трехъ сторонъ рвомъ и валомъ, а съ четвертой—рѣкою Сарпой. Въ то время главная забота была обращена на укрѣпленіе колоніи отъ нападенія Калмыковъ, кочевавшихъ близь Сарепты, и первые поселенцы жили въ ежедневномъ опасеніи. Теперь укрѣпленія сдѣлались уже ненужны, но валъ все еще остался. Внутри этой черты построены были очень тѣсно дома первыхъ поселенцевъ. Съ тѣхъ поръ жестокіе пожары не разъ заставляли колонію перестраиваться, улицы стали шире, и между домами оставлено до 15 саженей разстоянія для садиковъ.

Такъ мы пріѣхали къ центру колоніи, то-есть къ большой четыреугольной площади, гдѣ сосредоточены главныя общественныя зданія. Помѣщеніе для Его Высочества было приготовлено въ домѣ пастората. У входа Великаго Князя ожидали дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ и чепцахъ съ бѣлыми лентами; онѣ держали въ рукахъ гирлянды и корзинки съ цвѣтами и бросая ихъ передъ Великимъ Княземъ, пѣли ему привѣтственный гимнъ. Передъ домомъ собралась толпа народу, видимо сдерживаемая дисциплиною колоніяльнаго управленія. Прокричавъ однажды, всѣ стояли въ молчаніи, и ожидали пока выйдетъ или выѣдетъ Великій Князь. Между народомъ разъѣзжали верхомъ и расхаживали особые пристава въ черныхъ фракахъ и сюртукахъ, перевязанные черезъ плечо желтымъ шарфомъ,

съ тростью въ рукахъ: это чины сарептской полиціи, выбираемые изъ граждан. Начальникъ ихъ, или полицеймейстеръ, стоялъ у входа, распоряжаясь порядкомъ; въ рукахъ онъ держалъ большую трость съ серебрянымъ набалдашникомъ; фигура его, высокая, плотная, широкоплечая, и марціальное лицо съ усами, замѣтно отличались отъ всѣхъ остальныхъ Сарептянъ. Въ числѣ колонистовъ мы не замѣтили ни одного ему подобнаго. Въ Сарептѣ большею частью народъ мелкій, мало замѣтный; почти всѣ, кого случилось намъ видѣть изъ должностныхъ лицъ, капиталистовъ и хозяевъ были люди бывалые и образованные — это можно было видѣть и по выраженію лица и по разговору. За то въ рабочемъ, безкапитальномъ классѣ насъ поражала странность физіономіи — какая-то неподвижность взгляда, какая-то тупость выраженія, особенно у жёнщинъ и у старухъ; казалось, будто улыбка не можетъ никогда появиться на этихъ лицахъ и освѣтить эти неподвижно-стянутыя черты.

Завтракъ приготовленъ былъ въ другомъ домѣ, въ домѣ правленія общества, гдѣ полагается квартира старшины и гдѣ сосредоточено общественное управленіе. Комнаты, въ которыхъ мы завтракали, были очень просто, но красиво и опрятно отдѣланы, и всѣ стѣны увѣшаны видами разныхъ гернгутерскихъ колоній и портретами замѣчательныхъ дѣятелей братства. Онѣ принадлежали къ квартирѣ г. Битнера, нынѣшняго старшины правленія. Старшина присылается во всѣ

гернгутерскія колоніи изъ центральнаго общества, то-есть изъ Гернгута въ Саксоніи, и по правилу не можетъ оставаться въ своемъ званіи долѣе 8 лѣтъ, а потомъ возвращается назадъ или переводится въ другія колоніи.

ГЛАВА XII.

Богослуженіе въ Сарептской церкви. Горчичный заводъ Глича и горчичное производство въ Сарептѣ. Сарептскіе водопроводы. Начало Сарепты и ея исторія. Общественное управленіе колоніи. Промышленное значеніе Сарепты. Обѣдъ въ домѣ правленія. Прогулка по колоніи. Домашній бытъ Сарептянъ. Миссіонерская дѣятельность Гернгутеровъ. Обученіе молодежи и внутренняя дисциплина Гернгутерскихъ общинъ. Возвращеніе на пароходъ. Общее заключеніе о Сарептѣ.

Послѣ завтрака Великому Князю доложили, что въ церкви готовится торжественное богослуженіе и собралась часть братства въ ожиданіи Его посѣщенія. Мы отправились пѣшкомъ въ церковь, которая помѣщается въ особенномъ домѣ на той же площади: храмъ состоитъ изъ одной большой четвероугольной залы, безъ всякихъ украшеній, кромѣ повѣшенной на стѣнѣ картины съ изображеніемъ Распятія. Стѣны просто выбѣлены; наверху съ обѣихъ сторонъ сдѣланы хоры: на

однихъ помѣщалась часть собранія, на другихъ—хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ; въ числѣ послѣднихъ молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и бѣлыхъ чепчикахъ съ розовыми лентами. Вдоль залы съ одной стороны поставлены были рядами скамьи, занятыя братьями и сестрами въ праздничныхъ платьяхъ. Съ другой стороны по стѣнѣ, на возвышеніи, стоялъ простой покрытый столъ для проповѣдника, и рядомъ со столомъ еще рядъ скамеекъ и стульевъ, на которыхъ мы заняли мѣста вслѣдъ за Великимъ Княземъ. Кромѣ прихожанъ, въ церкви помѣстилось стоя множество народа, собравшагося изъ любопытства; въ числѣ прочихъ тутъ стояли и калмыцкіе гелюны въ своихъ желтыхъ костюмахъ. Богослуженіе открылось гимномъ изъ *Сотворенія Міра* Гайдна, который исполнили весьма удовлетворительно пѣвчіе на хорахъ съ аккомпаниментомъ инструментальной музыки. Потомъ всталъ съ своего мѣста пасторъ, и вслѣдъ за нимъ поднялось все собраніе. На немъ была церемоніальная пасторская одежда съ бѣлою манишкою; но намъ сказывали, что вообще эта одежда не употребляется при богослуженіи Гернгутеровъ, и пасторы ихъ остаются въ обыкновенномъ своемъ платьѣ. Обратясь лицомъ къ собранію, пасторъ произнесъ торжественнымъ, но монотоннымъ голосомъ благодарственную молитву о благоденствіи Государя Императора, Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и всего Царствующаго Дома: молитва была довольно продолжительна, а послѣ молитвы

все собраніе стоя пропѣло прекрасный гимнъ, который всѣмъ намъ очень понравился, и мелодіей и ея исполненіемъ. Музыка имѣетъ очень важное значеніе и въ богослуженіи Гернгутеровъ и въ домашней жизни. Особенно всѣ дѣйствія и событія, имѣющія религіозное значеніе, освящаются музыкою. Каждый *хоръ* или каждый отдѣлъ общественный имѣетъ свои гимны на разные случаи. Въ Гернгутѣ, какъ скоро умираетъ членъ общины, раздается съ высокой башни, при трубномъ звукѣ, гимнъ, по которому можно распознать къ какому хору принадлежалъ умершій: каждый хоръ имѣетъ свою погребальную пѣснь. При звукахъ трубъ, съ музыкою, несутъ тѣло на кладбище. Въ день Пасхи главное торжество совершается на кладбищѣ, куда вся община отправляется съ музыкою на восходѣ солнца. Для богослуженія у Гернгутеровъ назначены собранія, по нѣскольку разъ въ день, обыкновенно три раза, по $^3/_4$ часа заразъ, и послѣднее богослуженіе соединяется всегда съ пѣніемъ тѣхъ стиховъ, которые относятся къ такъ-называемому дневному лозунгу, или библейскому тексту: выборка и назначеніе такихъ текстовъ дѣлается обыкновенно на каждый годъ для всей общины центральнымъ церковнымъ или синодальнымъ собраніемъ. Замѣчателенъ еще у Гернгутеровъ обычай частаго причащенія, которому всякой разъ предшествуетъ такъ-называемая *вечеря любви*: на этой вечерѣ, съ молитвами и пѣніемъ разносятся всѣмъ присутствующимъ чай, молоко и хлѣбное печенье.

Послѣ богослуженія предположено было заняться осмотромъ важнѣйшаго изъ промышленныхъ заведеній въ Сарептѣ, горчичнаго завода Гличъ.

Горчичное производство издавна началось въ Сарептѣ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія стали здѣсь сѣять горчицу, но въ Сарептѣ мало мѣстъ удобныхъ для посѣва, такъ какъ горчица всего лучше растетъ на влажныхъ мѣстахъ. Такихъ мѣстъ довольно въ степныхъ лощинахъ между Волгой и Дономъ, въ Черноярскомъ и Царевскомъ уѣздахъ Астраханской губерніи. Отсюда почти весь урожай горчицы поступаетъ въ Сарепту на заводы. Можно сказать, что Сарепта завела, Сарепта и поддерживаетъ здѣсь горчичныя плантаціи между жителями. Ежегодно весною фабриканты раздаютъ крестьянамъ сѣмена для посѣва, и затѣмъ, по окончаніи уборки, весь сборъ доставляется на фабрику по цѣнамъ, смотря по урожаю—отъ 80 коп. до 1 р. 50 к. за пудъ. Урожаи въ здѣшнихъ мѣстахъ очень неровные, потому что зависятъ отъ множества непредвидимыхъ условій погоды и климата: при хорошемъ урожаѣ десятина даетъ до 80 пудовъ, что̀ бываетъ рѣдко, а при плохомъ собирается и не болѣе 3 пудовъ съ десятины. Сосѣдніе съ Сарептой крестьяне охотно разводятъ горчицу, потому что сбытъ ея готовъ тотчасъ послѣ уборки; въ неурожайные годы фабриканты даютъ имъ деньги впередъ, въ видѣ задатка, безъ процентовъ. Основателемъ горчичной фабрикаціи въ Сарептѣ былъ Конрадъ Нейцъ, съ 1801 года; работа производилась

у него сначала на ручной, а потомъ на лошадиной мельницѣ, но до 1815 года обработывалось не болѣе 1000 пудовъ. Потомъ фабрика досталась по наслѣдству Гличу и распространилась значительно, такъ что теперь на новой фабрикѣ обрабатывается уже не менѣе 30.000 пудовъ. Кромѣ ея существуетъ въ Сарептѣ другая фабрика г. Кноблоха, и по примѣру Сарепты заведены подобныя фабрики въ селѣ Чамурлыкахъ Астраханской губерніи и въ Дубовскомъ посадѣ.

Заводъ братьевъ Гличъ въ нынѣшнемъ видѣ существуетъ съ 1852 года. Онъ помѣщается въ новомъ каменномъ 4-хъярусномъ зданіи, которое по вышинѣ своей и виду выдается изъ ряду остальныхъ домовъ въ Сарептѣ. Заводъ дѣйствуетъ паровою машиной въ 18 лошадиныхъ силъ. Горчичное сѣмя въ мѣшкахъ поднимается прямо въ верхній этажъ и доставляется на очистительную машину. Отсюда очищенное сѣмя спускается въ третій этажъ и падаетъ на первые, — потомъ, во второмъ этажѣ, на вторые вальки, гдѣ оно щелушится. Пройдя черезъ вальки, зерна опять поднимаются въ 4-й этажъ посредствомъ черпальной машины и поступаютъ на механическія терки; съ терокъ транспортные винты переносятъ ихъ на вѣяльную машину. Отсюда совсѣмъ очищенное сѣмя пересыпается трубою въ нижній этажъ. Здѣсь рабочіе кладутъ сѣмя подъ жернова для размолу и составленія горчичнаго тѣста. Тѣсто должно подвергнуться нагрѣванію и для этого устроенъ особый паровой аппаратъ, подъ названі-

емъ жаровни, съ механическими мѣшалками. Изъ согрѣтаго тѣста добывается масло гидравлическимъ прессомъ. Выжимки изъ-подъ масла поступаютъ опять подъ жерновъ и обращаются въ порошокъ, изъ котораго посредствомъ просѣвательныхъ цилиндровъ дѣлаются разные сорта горчицы. Нынѣшніе владѣльцы завода, братья Гличъ, сдѣлали въ немъ значительныя усовершенствованія, въ особенности по примѣненію механической силы вмѣсто ручныхъ работъ; зимою заводъ отопляется парами отъ машины. При немъ существуетъ для ремонта свое механическое и слесарное заведеніе. Осмотрѣвъ заводъ, мы взошли черезъ крыльцо верхняго этажа на открытую террасу, съ которой открывается прекрасный видъ на всю колонію съ рѣкою Сарпой и на широкую степь вокругъ. Непривычному взору странно видѣть эту степную равнину, голую, сухую, покрытую остатками травъ сожженныхъ солнцемъ; только весною да осенью развивается здѣсь растительность, но съ половины мая до августа невыносимые жары вмѣстѣ съ сухимъ туманомъ, теплыми восточными и юговосточными вѣтрами уничтожаютъ здѣсь всякую зелень. Близъ самой колоніи степь принимаетъ однакоже менѣе однообразный видъ; на югъ и на западъ тянутся отроги Ергеневскихъ горъ, которыхъ высота близъ Сарепты доходитъ до 400 футовъ; кое-гдѣ виднѣются лѣсистые островки. Подъ колоніей и садами не болѣе 58 десятинъ, но къ ней принадлежитъ по планамъ всего 15.821 десятина,

въ числѣ коихъ около 10.000 солончаковъ, такъ что пахатной и сѣнокосной земли приходится около 1.000 дес., да 874 десятины лѣсу, сберегаемаго съ особенною заботливостью. Вблизи самой колоніи уже виднѣются кибитки астраханскихъ Калмыковъ, которыхъ кочевья подходятъ къ дачамъ Сарепты. Кибитки издали манили новостью наше любопытство, и мы собирались уже ближе посмотрѣть на нихъ, но узнали, къ удивленію, что ревнивое начальство астраханской губерніи распорядилось поднять орду съ кочевья и отозвать ее дальше въ глубь къ астрахани, для того чтобы у себя показать высокому путешественнику особенность своего управленья.

Съ высокой террасы мы могли слѣдить за извилистымъ теченіемъ рѣки Сарпы, впадающей въ Волгу, въ разстояніи одной версты отъ колоніи. Она состоитъ изъ ряда озеръ или солончаковъ, соединяющихся въ общемъ теченіи. Озера эти тянутся отъ Сарепты къ югу въ Астраханскую степь на 200 верстъ, и питаются степными источниками такъ скудно, что въ жаркіе мѣсяцы даже пересыхаютъ: отъ того Сарепта нуждается въ водѣ и дорожитъ ею. Близъ колоніи есть два ключа, изъ которыхъ вода проведена въ поселеніе деревянными трубами, изъ одного на 340, изъ другаго на 1,300 саженъ; поддержаніе этихъ водопроводовъ стоитъ не менѣе 500 рублей въ годъ. Центральное водохранилище устроено въ садикѣ, огороженномъ посреди городской площади; изъ него вода проводится въ фон-

таны, устроенные на каждой улицѣ, а также въ фабрики и заводы. Водопроводы доставляютъ въ Сарепту ключевой воды около 1,000 ведеръ въ часъ; но этого количества было бы недостаточно, потому что по условіямъ здѣшняго климата и при продолжительныхъ засухахъ сады, плантаціи и поля требуютъ искусственнаго поливанія. Для этого, вскорѣ по учрежденіи колоніи, рѣка Сарпа была запружена плотиной, въ 15 саженъ длины, съ 4 шлюзами. Посредствомъ этой плотины удерживается весной снѣговая вода, собственно для поливки садовъ, производящейся водоподъемными машинами, дѣйствующими лошадиною силой. Нужда заставила здѣшнихъ жителей заботиться о сбереженіи воды всѣми способами. Поемныхъ луговъ и естественныхъ займищъ нѣтъ въ Сарептѣ, а сѣна, получаемаго изъ степей, далеко не хватаетъ для прокормленія скота, и потому въ низменныхъ мѣстахъ устроены также малыя плотины, куда весною стекаетъ съ горъ снѣговая вода; ей даютъ разлиться по лугамъ и потомъ направляютъ ее особымъ каналомъ въ рѣку Сарпу.

Какъ ни мала однако же рѣчка, Сарептяне дорожатъ и гордятся ею, соединяя съ нею память о началѣ своей колоніи. Когда первые учредители колоніи, пять членовъ евангелическаго братскаго общества, отправились въ 1765 г. въ Царицынъ, осматривать мѣста для своего поселенія, эта пустопорожняя степь, служившая до тѣхъ поръ мѣстомъ передвиженія и кочевья дикимъ племенамъ монгольскимъ, вмѣстѣ съ рѣкою Сарпою,

напомнила набожнымъ гернгутерамъ странствованіе пророка Иліи по волѣ Божіей черезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту и слова, сказанныя имъ вдовѣ Сарептянкѣ, что „мука въ ея водоносѣ не оскудѣетъ и чванецъ елея не умалится". Принявъ эту мысль за указаніе Божіе, они остановились здѣсь, назвали новую колонію Сарептой, и избрали эмблемой для общественной печати сосудъ съ колосьями и масляную кружку подъ масличнымъ деревомъ. Не мало было затрудненій при основаніи Сарепты: всѣ строительные матеріялы и работниковъ надо было привозить издалека, всѣ инструменты для обзаведенія выписывать изъ-за границы. Русское правительство помогало имъ щедрою рукой, но и при этихъ вспоможеніяхъ только неослабное терпѣніе и постоянное трудолюбіе могло удержать ихъ на пустынномъ мѣстѣ и утвердить въ немъ промыслы, которыми держалась и до сихъ поръ держится колонія. Поселенцамъ приходилось жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ нападенія кубанскихъ Татаръ, Кабардинцевъ и Калмыковъ Большой орды. Въ пугачевщину жители должны были бѣжать изъ своей колоніи. Пугачевъ ее разграбилъ такъ, что по возвращеніи на мѣсто, надобно было все заводить сызнова. Съ пособіемъ отъ правительства колонія въ скоромъ времени поправилась и процвѣла снова; но жестокіе пожары 1812 и 1823 года два раза раззоряли ее. Послѣдній былъ такъ гибеленъ, что многіе жители рѣшились оставить Сарепту. Однако же щедрое пособіе отъ императора

Александра I и на этотъ разъ дало ей возможность поправиться. Она процвѣтаетъ и теперь, сколько можно судить по наружному ея виду и по словамъ тѣхъ жителей, съ которыми удалось намъ говорить. Они, повидимому, очень довольны своимъ положеніемъ. Они пользуются до сихъ поръ значительными льготами, которыя были представлены колоніи при ея основаніи. Они освобождены отъ рекрутской, отъ постойной, квартирной, подводной и прочихъ повинностей, платятъ только поземельную подать по 7¼ коп. съ десятины внося ее черезъ свое управленіе; пользуются правомъ свободнаго винокуренія и пивоваренія и свободной продажи вина въ предѣлахъ своего округа; по торговлѣ и промысламъ уволены отъ записки въ гильдію; только фабрики учрежденныя въ колоніи, обязаны платить по 30 коп. со стана или по проценту съ капитала. Они управляются сами собою безъ всякаго вмѣшательства мѣстныхъ, губернскихъ и уѣздныхъ властей, состоя только въ зависимости отъ министерства государственныхъ имуществъ. Управленіе внутренними церковными и гражданскими дѣлами въ Сарептѣ состоитъ изъ одного епископа или пресвитера братской евангелической церкви, одного младшаго пастора, инспектора училищъ и директора финансоваго управленія. Для внутренняго судебнаго производства и для расправы по гражданскимъ дѣламъ учреждено у нихъ правленіе евангелическаго братскаго общества — изъ двухъ начальниковъ, одного юстиціаріуса и двухъ вы-

борныхъ засѣдателей. Правленіе это, считаясь наравнѣ съ магистратами, не подчинено никакому присутственному мѣсту и состоитъ въ зависимости только отъ министерства госуд. имуществъ, которому даетъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Въ судебныхъ дѣлахъ дѣятельность его примирительная, и не было еще примѣра, чтобы судебное дѣло между жителями Сарепты доходило до разбирательства общихъ судебныхъ мѣстъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ жители подчинены общему суду, но съ самаго основанія Сарепты въ ней, сказываютъ, не было ни одного уголовнаго дѣла. Всѣхъ жителей въ Сарептѣ около 450 обоего пола, и около 600 постороннихъ людей работаютъ на ея фабрикахъ и заводахъ. Ежегодные общественные расходы на содержаніе колоніи и жалованье должностнымъ лицамъ простираются до 10.000 р. и покрываются доходами съ общественныхъ промысловъ, общественной торговли и личнымъ сборомъ.

Сарепта живетъ промышленностью; но виды промысловъ, на которые въ особенности обращалась дѣятельность жителей, нѣсколько разъ измѣнялись. Какъ скоро въ той или другой отрасли промышленнаго дѣла начиналась сильная конкурренція или измѣнялись благопріятныя условія, и промыселъ становился невыгоденъ колоніи, она оставляла его и принималась за другой: такимъ образомъ Сарепта съ самаго основанія получила для края значеніе разсадника новыхъ промысловъ. Въ началѣ завелись въ Сарептѣ мельницы му-

комольныя и лѣсопильныя: тогда въ Сарпѣ было много воды, но потомъ, съ оскуденіемъ ея, мельничное дѣло затихло. Сарепта славилась до 1823 года ткацкими фабриками, и въ связи съ ними распространилось въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ прядильное дѣло; сарептская бумага получила извѣстность въ Россіи и вывозъ ея усилился; въ эту пору ткацкія фабрики въ Сарептѣ ввели въ производство новую матерію извѣстную подъ названіемъ сарпянки; но когда ткацкія фабрики въ Россіи расширили свое производство, и англійская бумага стала вытѣснять сарептскую, это дѣло ослабѣло въ Сарептѣ, а въ замѣнъ того распространилось красильное производство. Въ Сарептѣ, заводились и суконныя фабрики; этотъ промыселъ прекратился, какъ скоро оказались неблагопріятныя для него условія. Табачная фабрика въ Сарептѣ была первая въ Саратовской губ. и донынѣ пользуется извѣстностью такъ же какъ мыльный и свѣчной заводы; но табачныя плантаціи въ Сарептѣ теперь почти уже оставлены, и фабрикація ослабѣваетъ вслѣдствіе конкурренціи ею же возбужденной. Разведеніе винограда, тутовыхъ плантацій, выдѣлка сахару изъ сорго — за все это и за многое другое принималась сарептская промышленность, но опыты не всегда удавались.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ благосостояніе колоніи поддерживается и общественнымъ ея устройствомъ, но по сознанію мѣстныхъ жителей, съ которыми доводилось намъ говорить, Сарепта не могла бы поддержать свои

промыслы и свою дѣятельность, еслибы не поддерживала постоянной связи съ Германіей и съ Гернгутомъ. Общественная торговля Сарепты ведется съ помощью капиталовъ Гернгута, на общій счетъ братства, которое изъ Гернгута присылаетъ своихъ ревизоровъ и должностныхъ лицъ для контроля и для участія въ финансовомъ и общественномъ правленіи.

Осмотрѣвъ, послѣ фабрики Глича, садъ и виноградныя плантаціи Гильденфельда, мы вернулись домой къ обѣду. Обѣдъ былъ приготовленъ въ томъ же домѣ правленія, гдѣ былъ завтракъ. На прекрасно-убранномъ столѣ каждый приборъ былъ покрытъ оригинально сложенною накрахмаленною салфеткой; каждая салфетка представляла какую-нибудь замысловатую фигуру — птицу, цвѣтокъ, розетку и т. п., и въ складкахъ была убрана очень красиво цвѣтами. Въ концѣ обѣда, передъ тостомъ за здоровье Его Высочества, г. Битнеръ обратился къ Великому Князю съ привѣтственною рѣчью, на которую Его Высочество отвѣчалъ также на нѣмецкомъ языкѣ тостомъ за процвѣтаніе Сарепты и ея промышленности. Послѣ обѣда всѣ вернулись въ домъ пастората, гдѣ на балконѣ приготовленъ былъ кофе. По улицѣ проѣзжала между тѣмъ интересная кавалькада изъ Калмыковъ и Калмычекъ на 4 верблюдахъ; они въѣхали на дворъ, очень довольные тѣмъ, что обратили на себя вниманіе Его Высочества и сойдя съ верблюдовъ, заставляли ихъ становиться на колѣна и вставать по приказанію.

Между тѣмъ дождь сталъ усиливаться. Его Высочество вскорѣ послѣ обѣда уѣхалъ на пароходъ съ частью свиты, въ сопровожденіи того же пестраго кортежа, который слѣдовалъ за нимъ съ пристани при встрѣчѣ.

По отъѣздѣ Великаго Князя изъ Сарепты, намъ хотѣлось еще остаться и подробнѣе осмотрѣть колонію. Мы пошли гулять подъ дождемъ по грязнымъ улицамъ, проведеннымъ правильными линіями вдоль и поперекъ колоніи. Улицы не широкія и должны быть чисты въ сухое время; онѣ казались чисты и въ эту пору, несмотря на покрывавшую ихъ глинистую грязь. Пройдя площадь, мы повернули вправо мимо двухъэтажнаго дома, на которомъ была надпись: гостинница для пріѣзжающихъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался повидимому трактиръ и въ окнахъ виднѣлись раскраснѣвшіяся фигуры, конечно не гернгутерскія, а русскія. На дорогѣ попался намъ обязательный Сарептянинъ который вызвался быть нашимъ путеводителемъ; намъ совѣстно было сказать ему, что намъ хотѣлось бы побывать въ одномъ изъ домиковъ, которые такъ привѣтливо глядѣли на насъ изъ-за зелени и посмотрѣть какъ живутъ Сарептяне дома. Наконецъ мы рѣшились, и спутникъ нашъ, одинъ изъ здѣшнихъ горчичныхъ фабрикантовъ, предложилъ намъ войдти въ его домъ, который случился тутъ же по близости. Съ улицы къ дому примыкало небольшое крыльцо. Десятилѣтній мальчикъ, сынъ хозяина, въ красной шелковой дѣтской рубашкѣ,

отворилъ намъ дверь, и любезный хозяинъ прямо изъ передней провелъ насъ въ большую залу очень опрятно убранную, увѣшанную картинами и портретами. Въ одномъ концѣ комнаты стоялъ прекрасный рояль: въ Сарептѣ почти всѣ занимаются музыкой, особливо женщины. Рояль принадлежалъ хозяйкѣ, и мы спѣшили ознакомиться съ ея нотами, которыми была наполнена стоявшая въ углу этажерка. Здѣсь прежде всего попался намъ Гуммель, потомъ Бетговенъ, котораго, по словамъ хозяина, особенно любятъ въ колоніи, Мендельсонъ-Бартольди... Вся этажерка была наполнена классическими именами, обозначавшими вкусъ здѣшнихъ любителей музыки. На роялѣ лежало впрочемъ и нѣсколько новыхъ вальсовъ небольшою кучкой; въ другихъ тетрадяхъ видѣли мы собраніе шведскихъ и нѣмецкихъ гимновъ и пѣсенъ. Между нотами лежали тетрадки нѣмецкихъ журналовъ для юношества, нумера *Gartenlaube* и т. п. Черезъ нѣсколько времени вошла хозяйка, которая всѣмъ намъ показалась очень любезною, и мы не замѣтили, какъ прошло болѣе получаса въ разговорѣ, очень интересовавшемъ насъ. Мы слышали, что жизнь гернгутеровъ скучна и тосклива: ничего похожаго на скуку и угрюмость не замѣтили мы въ своихъ хозяевахъ. Они казались очень веселы, привѣтливы, словоохотливы, и не знали какъ нахвалиться своею жизнью въ Сарептѣ. Здѣсь, говорили они, мы не знаемъ, что такое скука, мы всегда заняты и когда бываемъ въ Саратовѣ, ждемъ не дождемся возвраще-

нія домой. Впрочемъ хозяйка наша выѣзжала изъ Сарепты только разъ въ жизни, но не далѣе Саратова, и то не надолго. Каждый изъ членовъ этой маленькой общины занятъ своимъ дѣломъ цѣлое утро. Вечера они проводятъ въ семьѣ; многіе занимаются музыкой, читаютъ (въ Сарептѣ есть общая библіотека, кромѣ того почти въ каждомъ домѣ есть своя небольшая библіотека), выписываютъ журналы и мѣняются ими другъ съ другомъ для чтенія. „Правда ли, что у васъ запрещены танцы?“ спрашивали мы. „Да, отвѣчалъ съ улыбкою хозяинъ; то-есть прямаго и рѣшительнаго запрещенія нѣтъ, но танцы у насъ вообще не одобряются. Мы думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ позволительное и простое такъ близко граничитъ съ непозволительнымъ, излишнимъ и опаснымъ, что не рѣшаемся проводить черту, дальше которой идти нельзя, и вовсе отказываемся отъ танцевъ. Правда что иногда случается, въ домашней жизни, молодые люди захотятъ поиграть, сдѣлаютъ кругъ — другой, но тутъ и довольно; наше дѣло остановить ихъ. Зато, прибавилъ нашъ хозяинъ, въ музыкѣ предоставляется имъ полнѣйшая свобода. Одинъ изъ нашихъ пасторовъ прекрасно знаетъ музыку, и онъ главный директоръ музыкальныхъ занятій у насъ въ Сарептѣ“. Этого пастора особенно хвалилъ нашъ хозяинъ. „Когда бъ вы видѣли, говорилъ онъ,— какъ этотъ пасторъ любитъ дѣтей нашихъ и объ нихъ заботится. Онъ у насъ первый учитель дѣтей нашихъ.“

Каждый вечеръ въ Сарептѣ бываетъ богослуженіе, на которое сходится собраніе, впрочемъ не обязательно. Здѣсь поются гимны и читаются иногда «Missionsbriefe,» извлеченіе изъ писемъ и донесеній о дѣйствіяхъ и судьбѣ миссіонеровъ гернгутеровъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Извѣстно, что миссіонерство составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей гернгутерскаго общенія, и общины гернгутерскія высылаютъ миссіонеровъ во всѣ части свѣта. Изъ числа нынѣшнихъ сарептскихъ пасторовъ одинъ родился въ Гренландіи, а другой въ Лабрадорѣ. Съ 1732 евангелическое братство гернгутеровъ заявило съ успѣхомъ свою миссіонерскую дѣятельность въ Вестъ-Индіи, на Суринамѣ, въ южной и средней Африкѣ, у Индійцевъ Сѣверной Америки и между Эскимосами. Главнымъ побужденіемъ ихъ при выборѣ приволжскихъ степей для поселенія была близость Калмыковъ, между которыми они задумали распространять христіянство. До 1815 года нѣсколько членовъ Сарептскаго общества постоянно занимались изученіемъ калмыцкаго языка; одинъ изъ нихъ, Шмидтъ, бывшій послѣ того академикомъ, предпринялъ по порученію Россійскаго Библейскаго Общества, переводъ Новаго Завѣта на калмыцкій языкъ, и окончилъ переводъ Евангелія отъ Матѳея, напечатанный въ 1815 году на счетъ Библейскаго Общества. Сарептскіе миссіонеры занялись распространеніемъ этого перевода между Калмыками; первые опыты ихъ миссіонерской дѣятельности имѣли успѣхъ, но съ 1823 года эти опыты прекратились,

такъ какъ гернгутерамъ положительно запрещено было причислять Калмыковъ къ своему обществу, и первыя калмыцкія семьи, обращенныя въ христіянство сарептскими миссіонерами, причислены къ православной церкви.

Въ Сарептѣ видно очень мало молодыхъ людей: они по большей части въ отлучкѣ. Я спрашивалъ у одного изъ здѣшнихъ жителей, гдѣ его сыновья. Оказалось, что одинъ — въ Саратовѣ, живетъ коммиссіонеромъ, другой — въ Германіи, доканчиваетъ курсъ наукъ въ одной изъ богословскихъ семинарій, третій—въ Сарептѣ, занимается при аптекѣ. Въ Сарептѣ есть своя школа, сказываютъ, хорошо устроенная, для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ отдѣльно. Учители выписываются изъ Германіи, и курсъ, говорятъ, не ниже гимназическаго. Вообще всѣ члены сарептскаго общества умѣютъ читать и писать и знаютъ ариѳметику. Къ сожалѣнію мы не имѣли времени осмотрѣть сарептскую школу, да и пора была вакаціонная. Сарептяне считаютъ необходимымъ учить своихъ дѣтей и русскому языку, но учитель рускаго языка у нихъ не изъ Рускихъ: они приготовили для этого Нѣмца, пославъ его предварительно въ Петербургъ для систематическаго изученія рускаго языка. Почти всѣ Сарептяне, по крайней мѣрѣ мущины, говорятъ довольно свободно по-руски: это для нихъ необходимость, потому что по своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ они должны входить въ безпрерывныя сношенія съ Рускими и брать рускихъ работниковъ на свои фабри-

ки. И на оборотъ, здѣсь не рѣдкость встрѣтить рускаго работника, который свободно говоритъ по-нѣмецки; даже нѣкоторые Калмыки выучились нѣмецкому языку. О Калмыкахъ вообще слышали мы отъ Сарептянъ добрые отзывы. „Калмыки—все равно что дѣти," говорили намъ, но въ то же время жаловались, что между сосѣдними Калмыками сильно развито конокрадство.

Хозяйка привела намъ маленькихъ дѣтей своихъ. Одна 6-лѣтняя дѣвочка, Лиза, намъ особенно полюбилась открытымъ выраженіемъ лица и умнымъ взглядомъ. Она сказала намъ, что утромъ тоже принесла свой букетъ бросить въ коляску Наслѣднику, но не достала до коляски, и очень огорчилась, что букетъ ея такъ остался. Мы сказали ей что возьмемъ ея букетъ, свеземъ Великому Князю и скажемъ, что Ему посылаетъ цвѣты маленькая дѣвочка Лиза. Дѣвочка съ восторгомъ побѣжала и принесла намъ свой букетъ.

Обязательный хозяинъ пошелъ съ нами еще далѣе по улицамъ и по площади, которая вся была иллюминована шкаликами и разноцвѣтными фонарями. Несмотря на дождь, довольно сильный, и на страшную грязь, всѣ тротуары были наполнены гуляющимъ народомъ. Хозяева и жильцы домовъ и магазиновъ усердно хлопотали около шкаликовъ и фонарей, очень акуратно приготовленныхъ, повидимому, каждымъ у себя дома. Ихъ выносили изъ кладовыхъ корзинами и разставляли по окнамъ и тумбамъ. Видъ площади былъ очень жи-

вописенъ въ эту минуту; не мало красы придавалъ ей садикъ посрединѣ, съ особою заботливостью иллюминованный, со щитами и транспаранами. Мы обошли вокругъ площадь, на которой соединяются всѣ главныя общественныя зданія Сарепты: церковь, пасторатъ, домъ правленія общества, магазинъ, вдовій домъ, домы сестеръ и братьевъ. Мы не мало сожалѣли о томъ, что не успѣли ближе познакомиться съ этими послѣдними заведеніями, въ которыхъ содержатся на общественный счетъ или за ничтожную плату безпріютныя вдовы и старыя дѣвушки сарептскаго общества. Извѣстно что у Гернгутеровъ всѣ члены общины раздѣляются по полу и возрасту на такъ-называемые хоры, какъ-то: хоры дѣвочекъ, мальчиковъ, холостыхъ братьевъ, холостыхъ сестеръ, вдовцовъ, вдовъ, и каждый хоръ имѣетъ своего блюстителя или блюстительницу, обязанныхъ наблюдать за нравами, порядкомъ и дисциплиною въ хорѣ. На блюстителѣ лежитъ обязанность приготовлять членовъ своего хора къ причастію, въ которомъ по правилу участвуютъ всѣ черезъ четыре воскресенья: для этого онъ съ каждымъ по одиночкѣ бесѣдуетъ о душевномъ его состояніи, вмѣсто исповѣди. Въ Гернгутѣ холостые братья вмѣстѣ съ молодыми людьми, кончившими курсъ ученья, живутъ въ одномъ т. наз. братскомъ домѣ, гдѣ занимаются ремеслами и работами вмѣстѣ: точно также живутъ сестры, вдовицы, вдовцы. — Даже и состоящіе въ бракѣ раздѣлены по хорамъ, хотя живутъ въ домахъ своихъ. —Соб-

раніе или совѣтъ старшинъ наблюдаетъ за хорами чрезъ блюстителей или предстоятелей. Первые поселенцы Сарепты въ 1765 году просили разрѣшенія „имѣть у себя такіе домы, гдѣ содержать не только молодыхъ дѣтей но и взрослыхъ, мужескаго и женскаго пола мѣщанъ, каждый полъ особо, въ общемъ домостроительствѣ, до времени вступленія ихъ въ бракъ", и въ общемъ Уставѣ о колоніяхъ до сихъ поръ дѣйствуетъ статья, разрѣшающая имъ подобныя учрежденія; но соблюдается ли и нынѣ во всей строгости этотъ порядокъ раздѣленія, не совсѣмъ согласный съ естественнымъ развитіемъ семейной жизни, — мы не успѣли удостовѣриться. Воспитаніе у Гернгутеровъ отличается тоже своеобразными чертами, и строгимъ наблюденіемъ системы согласной съ духомъ всего учрежденія. По строгости гернгутерскаго устава дѣвушки съ молодыми людьми не сходятся въ общей бесѣдѣ и обращеніи до брака, а выборы невѣстъ и жениховъ допускаются даже по жребію: но намъ сказывали, что этотъ обычай если и былъ когда въ Сарептѣ, то давно уже оставленъ. Передъ пасторатомъ, гдѣ была квартира Его Высочества, и гдѣ обыкновенно помѣщаются оба пастора и докторъ, собралось много народу въ ожиданіи музыки, которая готовилась на террасѣ. Насъ зазвали еще въ домъ отдохнуть и послушать музыку въ квартирѣ пастора Мюллера.

Темною ночью, въ проливной дождь, по густой и липкой грязи, возвратились мы на пароходъ, и долго

еще говорили между собой о Сарептѣ, которая всѣхъ заинтересовала своимъ своеобразнымъ устройствомъ. Надобно было бы пожить въ ней долѣе и войдти въ сношеніе со всѣми слоями ея общества, чтобъ узнать ближе внутренній бытъ маленькой колоніи и опредѣлить безошибочно то значеніе, которое имѣетъ она въ средѣ русскаго и инородческаго степнаго населенья. Судя по тому, что̀ мы видѣли и слышали въ этотъ день, можно думать, что Сарепта процвѣтаетъ и пользуется довольствомъ; но нельзя было позабыть что мы всетаки видѣли только ходъ машины и не могли изслѣдовать механизма, которымъ она приводится въ дѣйствіе; слышали только рѣчи передовыхъ людей, но характеръ и бытъ массы населенія вовсе остался намъ неизвѣстенъ. Осуществляется ли дѣйствительно въ этомъ обществѣ идея братства, которую оно носитъ въ себѣ, какими связями и пружинами держится этотъ союзъ — вотъ что̀ хотѣлось бы знать опредѣлительнѣе. Мы могли однакожь видѣть, что братство это имѣетъ довольно сложную и искусственную организацію, мы могли замѣтить, что въ немъ тоже фактически существуетъ раздѣленіе общества на классы и отличіе высшаго слоя отъ низшаго по богатству, по образованію, по образу жизни и слѣдовательно по самымъ понятіямъ. Можно было замѣтить, что въ самомъ краю существуетъ два мнѣнія о Сарептѣ: есть и горячіе сторонники ея, и горячіе противники. Нечего говорить о противникахъ общественнаго ея устройства: это значило бы

выходить на поле отвлеченныхъ умствованій о лучшемъ устройствѣ общества. Устройство гернгутерскихъ обществъ всегда было и будетъ исключительнымъ, частнымъ явленіемъ, и нельзя противъ него спорить во имя теоретическихъ или государственныхъ началъ, если оно существуетъ во имя высшаго начала нравственнаго, и, не разлагаясь, удерживаетъ въ себѣ экономію быта, удовлетворяющую его потребностямъ и согласную съ основными началами государственнаго и общественнаго быта страны. Сарепта имѣетъ другихъ противниковъ, которые не могутъ примириться съ мыслью, что посреди русскаго населенія и на русской землѣ существуетъ островокъ нѣмецкихъ людей, которые, не имѣя органической связи съ землею и чуждые быту ея, живутъ себѣ лишь на пользу, тяготѣя къ чужой національности и не раздѣляя съ русскимъ населеніемъ общихъ государственныхъ и земскихъ тягостей. Это мнѣніе людей, не сочувствующихъ Сарептѣ, можно понимать и не соглашаясь съ нимъ; но мнѣ представляется въ немъ увлеченіе и крайность національнаго чувства или отвлеченнаго разсужденія. Кажется, что не переставая быть рускимъ человѣкомъ и не ослабляя національнаго чувства, можно терпѣть въ руской землѣ такое явленіе какъ Сарепта и даже сочувствовать ему: на это есть основательныя причины. Пускай Сарепта составляетъ аномалію: этой аномаліи покуда есть еще мѣсто въ нашемъ обществѣ, которое терпитъ въ себѣ великое

множество противорѣчивыхъ явленій, если они не нарушаютъ государственнаго единства и не враждебны ему. Сарептскіе гернгутеры, пожалуй, гости въ нашей землѣ, но этихъ гостей мы вызвали и приняли, и притомъ, по особенностямъ своего общественнаго устройства, они повсюду казались бы гостями и составляли бы особенный островъ. Эти гости, можетъ-быть, прямо не заинтересованы въ нашей домашней экономіи, но они не враждебны ей, и этого покуда довольно. Войдя къ намъ въ домъ, они никого не вытѣснили; они заняли пустой уголъ, который безъ нихъ, по всей вѣроятности, оставался бы пустымъ и до сего времени. Если они завели въ нашей пустынѣ цвѣтущій островокъ, и поддерживаютъ его до сихъ поръ въ цвѣтущемъ видѣ, мы можемъ только радоваться этому, хотя бы они работали на себя, думая о своей пользѣ: работая на себя, умножая свои капиталы, они и намъ приносятъ пользу хоть тѣмъ однимъ, что создаютъ движеніе тамъ, гдѣ его не было прежде. Можетъ быть въ другомъ обществѣ, достигшемъ цѣльнаго экономическаго развитія, Сарепта, съ ея особенностями и привилегіями, была бы явленіемъ уродливымъ, заѣдала бы чужой хлѣбъ, колола бы глаза несправедливостью: у насъ, при неравномѣрности нашего экономическаго развитія, и особенно въ томъ пустынномъ краѣ, гдѣ Сарепта находится, она имѣетъ значеніе и можетъ процвѣтать, ничѣмъ не оскорбляя національнаго чувства. Что касается до ея привилегій, — можно

спорить о мѣрѣ, до которой онѣ могутъ простираться, но нельзя отрицать, что безъ этихъ привилегій невозможно было бы существованіе Сарепты въ степяхъ Царицынскихъ. Люди, близко знакомые съ краемъ, говорили намъ что нельзя сомнѣваться въ великой пользѣ, которую приноситъ ему Сарепта: занимая много рукъ своими промыслами, она многихъ кормитъ. Еще важнѣе то нравственное и экономическое дѣйствіе, которое производитъ примѣръ ея; отъ нея распространились въ краю промыслы, о которыхъ прежде здѣсь и не думали; она поддерживаетъ экономическое движеніе, заводя у себя безпрестанно новые промыслы, и оставляя ихъ, какъ скоро они успѣли войдти въ обращеніе: въ этомъ отношеніи особенно важно, какъ сказывали намъ, вліяніе Сарепты на остальныя нѣмецкія колоніи Саратовской и Самарской губерній.

ГЛАВА XIII.

От Сарепты до Астрахани. Станицы казаковъ астраханскаго войска. Тюменевка. Домъ владѣльца и кибитки хазяекъ. Зачатки Калмыцкой осѣдлости въ Тюменевкѣ и въ степи. Попытки Замьяна и Тюменей къ заведенію поселеній между Калмыками. Астрахань. Первыя впечатлѣнія на пристани и въ городѣ. Новые типы населенія. Вечерняя иллюминація на площади.

---

24 іюля рано утромъ мы отплыли отъ Сарептинской пристани. До Астрахани предстоялъ длинный переѣздъ болѣе 400 верстъ. Здѣсь берега Волги измѣняются, принимая однообразный степной видъ: съ обѣихъ сторонъ тянутся сыпучіе пески, покрытые кое-гдѣ желтою травой, высокимъ камышомъ, или тальникомъ. Изрѣдка встрѣчаются по берегу калмыцкія кибитки, еще рѣже селенія, станицы и рыбныя ватаги. Но въ тихую и ясную погоду пріятно было оставаться на палубѣ; можно было забыть объ однообразномъ видѣ береговъ, любуясь на раздолье волжскихъ водъ которыя паро-

ходъ нашъ рѣзалъ быстрымъ своимъ бѣгомъ. *Туристъ* отличный ходокъ, и на полной водѣ можетъ идти не менѣе 30 верстъ въ часъ по теченію. По берегу поѣздка эта разнообразилась только казачьими станицами: почти всѣ онѣ расположены на крутизнахъ, и когда мы проходили мимо, все населеніе встрѣчало Великаго Князя громкими криками. У нѣкоторыхъ станицъ пароходъ останавливался, и Великій Князь принималъ депутацію отъ казаковъ съ хлѣбомъ-солью. Мы причаливали къ Ветлянской станицѣ, гдѣ у берега выстроились рядами казаки, и сѣдой урядникъ встрѣтилъ Великаго Князя у стола, на которомъ стояла хлѣбъ-соль и лежали два огромные арбуза. По крутой подъемной дорогѣ, прорѣзанной сквозь отвѣсный берегъ, Великій Князь прошелъ пѣшкомъ въ церковь: вслѣдъ за нимъ повалило все населеніе, состоявшее бо́льшею частью изъ женщинъ и дѣтей; особенно много было послѣднихъ, всякаго возраста. Интересно намъ было приглядываться къ этому новому для насъ типу Астраханскаго казака, въ которомъ съ первой половины прошлаго столѣтія совершается переходъ калмыцкой и татарской крови въ русскую; особенно замѣтно это въ мальчикахъ: изъ нихъ одни имѣютъ чисто калмыцкую физіономію, въ другихъ совершилось уже смѣшеніе типа калмыцкаго съ русскимъ. Извѣстно, что астраханская трехсотенная команда, послужившая началомъ казачьему войску, и образованная въ 1737 году для защиты бывшей царицынской линіи, составлена была изъ 200

крещеныхъ Калмыковъ и 100 русскихъ служилыхъ людей; потомъ, пополняясь въ теченіи времени крещеными Татарами, Калмыками, казачьими дѣтьми и разночинцами, команда была преобразована въ 1806 году въ три полка Астраханскаго казачьяго войска. Теперь Астраханскихъ казаковъ считается всего болѣе 15.000 душъ обоего пола; по неплодородію почвы они мало занимаются хлѣбопашествомъ, и промышляютъ особенно покосами, рыбною ловлей, бахчами и перевозкой тяжестей между Дубовкой и Качалинымъ. Обязанность Астраханскаго казачьяго войска — содержать кордоны Каспійской и внутренней Астраханской линіи, посылать команды въ калмыцкую орду, для употребленія при улусныхъ попечителяхъ, въ ставку хана внутренней Киргизской орды, въ Астрахань и Царицынъ для охраны и конвоевъ — наконецъ выставлять полки на службу, куда назначено будетъ. Вся Ветлянская станица состоитъ изъ хатъ и мазанокъ неправильно разбросанныхъ около берега; ни одного деревца, ни зеленой травки, повсюду желтая голь и не видно вспаханной нивы около поселенія; только рисуются на горизонтѣ кое-гдѣ разбросанныя калмыцкія кибитки. Великій Князь пожелалъ войдти въ одну изъ хатъ и посмотрѣть обстановку домашняго быта у казаковъ; мы подивились чистотѣ и опрятности внутри небольшаго домика, принадлежавшаго простому казаку.

На слѣдующій день, верстъ за 100, не доѣзжая Астрахани, на луговомъ берегу Волги показалась Тюме-

невка, владѣніе калмыцкаго Нойона Церенъ-Джабъ Тюменя, съ красивымъ ламайскимъ хуруломъ и двухъэтажнымъ деревяннымъ домомъ владѣльца. Здѣсь постоянное жилище владѣльца, обсаженное деревьями и похожее во всемъ на загородный помѣщичій домъ со службами: всего считается тутъ до 300 человѣкъ жителей и болѣе 50 постоянныхъ кибитокъ. Умершій владѣлецъ, Тюмень, учился въ Казани, и поступилъ на службу въ атаманскій казачій полкъ, имѣлъ нѣсколько орденовъ и дослужился до полковничьяго чина и до званія командира казачьяго полка. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и владѣніе его состоитъ подъ опекой до совершеннолѣтія наслѣдниковъ. Въ Тюменевкѣ проживаетъ молодая вдова покойнаго, Эльзенъ Учерала, дочь одного изъ владѣльцевъ Большедербетовскаго улуса, съ малолѣтнымъ сыномъ, записаннымъ въ пажескій корпусъ и съ своими родственницами Эльзенъ Чокъ, вдовою Церенъ-Нарбо, и съ другою, вдовою Аюка-Ханова. На этотъ разъ здѣсь, кажется, не ждали посѣщенія Великаго Князя, и когда мы причалили къ пристани, хозяйки не были еще готовы. Мы вошли въ домъ, который совершенно напоминаетъ деревенскіе дома помѣщичьи: большія комнаты съ диванами, гостиная обвѣшанная портретами генераловъ 1812 года, билліардная и кабинетъ хозяина со множествомъ оружія, которымъ увѣшана вся стѣна: на другой стѣнѣ портреты Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника; въ числѣ украшеній на стѣ-

нахъ мы замѣтили, въ особой рамкѣ за стекломъ, пригласительные билеты и объявленія о торжествахъ по случаю коронаціи 1856 года, когда покойный Тюмень былъ въ Москвѣ въ числѣ представителей калмыцкаго народа. Покойника очень хвалятъ; говорятъ, что онъ былъ человѣкъ веселаго права, гостепріимный, преданный правительству, и пользовался большимъ вліяніемъ на свой народъ въ Хошоутовскомъ улусѣ, въ которомъ былъ владѣльцемъ до 2000 кибитокъ. Проживая въ Тюменевкѣ, онъ любилъ принимать у себя заѣзжихъ русскихъ людей и знатныхъ иностранцевъ, угощалъ ихъ здѣсь на европейскій ладъ и устроивалъ для нихъ калмыцкіе праздники. По смерти его, домъ его оставленъ вдовою въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ находился онъ при кончинѣ Тюменя, но въ домѣ никто уже не живетъ, а вдова князя съ своими родственницами живетъ въ кибиткахъ, устроенныхъ по-калмыцки съ примѣсью европейскаго комфорта.

Молодая вдова Тюменя встрѣтила Великаго Князя у входа въ свое кибитку. Типъ ея физіономіи чисто калмыцкій, тотъ же приплюснутый носъ, узенькіе глаза, широкія скулы, но совсѣмъ тѣмъ черты лица ея очень пріятны и всѣмъ намъ понравились. Она смотритъ прямо, а не изподлобья; во взглядѣ у нея доброе, кроткое выраженіе, а въ манерахъ есть особая складка, не лишенная своего рода граціи. Одѣта была она по-калмыцки, въ богатомъ верхнемъ платьѣ, въ родѣ туники безъ рукавовъ: на головѣ калмыцкій уборъ, напо-

минающій своею формой конфедератку или приплюснутую уланскую шапку, съ небольшимъ чернымъ султанчикомъ съ боку и съ широкою навѣской напереди, закрывающею почти всю правую сторону лба. Рядомъ съ нею стояла и тетка ея въ подобномъ же нарядѣ. Кибитка, въ которую мы вошли, была убрана чисто и даже съ нѣкоторою роскошью. Прямо противъ входа, у противоположной стѣны, на возвышеніи, стоялъ диванъ, покрытый парадною постелью, и нѣсколько ниже, другой диванъ для сидѣнья, со столомъ. Влѣво отъ входа, на стѣнѣ, висѣло платье покойнаго Тюменя, съ религіознымъ уваженіемъ сохраняемое вдовою. Дальше устроена была на особомъ столикѣ домашняя божница, обвѣшенная раскрашенными языческими изображеніями; божница, по обряду, уставлена была серебреными колокольчиками и жертвенными чашечками, а въ срединѣ передъ кумирами горѣлъ въ фонарикѣ огонь, зажженный изъ хурула. Здѣсь же, на маленькомъ столикѣ лежали, вмѣстѣ съ другими вещами, книги: мы здѣсь увидѣли калмыцко-русскій словарь и нѣсколько книжекъ *Собранія иностранныхъ романовъ въ русскомъ переводѣ*. Книги эти читаетъ, какъ сказывали намъ, не сама хозяйка, а одна изъ молодыхъ ея родственницъ, довольно хорошо знающая рускую грамоту. У противоположной стѣны стоялъ другой столикъ съ туалетными принадлежностями, подсвѣчниками, папиросами въ серебреныхъ стаканахъ и т. под. Нѣсколько красивыхъ стульевъ и круглый столикъ посрединѣ

дополняли убранство кибитки. Изъ этой кибитки мы прошли въ другую, принадлежавшую другой калмыцкой дамѣ, теткѣ хозяйки, и нашли здѣсь такое же убранство. Затѣмъ, получивъ отъ хозяекъ на память, фотографическія ихъ карточки съ калмыцкою подписью, мы простились съ ними—до свиданія, потому что великій Князь предположилъ еще заѣхать сюда на обратномъ пути изъ Астрахани.

Въ Тюменевкѣ есть нѣкоторые, впрочемъ весьма непрочные зачатки осѣдлости—здѣсь считается около 150 постоянныхъ домиковъ и мазанокъ. Поселеніе это заведено умершимъ Тюменемъ, который, по примѣру своихъ предковъ, не оставлялъ заботы о пріученіи калмыковъ къ осѣдлости, — но дѣло это, покамѣстъ, не представляетъ большой надежды на успѣхъ. Первая попытка къ заведенію осѣдлости между Калмыками сдѣлана была около 95 лѣтъ тому назадъ владѣльцемъ Хошоутовскаго улуса Замьяномъ. Сблизившись съ астраханскими властями во время кочевокъ, онъ едвали не первый между калмыцкими владѣльцами, началъ принимать привычки цивилизованнаго круга, и связалъ свое честолюбіе съ мыслью о распространеніи между калмыками домовитости. Съ разрѣшенія иностранной коллегіи, завѣдывавшей тогда калмыками, Замьяну разрѣшено было по просьбѣ его, завесть калмыцкое поселеніе въ перемежку съ Астраханскими казаками на такъ-называемомъ Крымскомъ Затонѣ, въ 60 верстахъ выше Астрахани; но эта попытка не удалась и руские

поселенцы не ужились съ калмыками. Между тѣмъ, по поводу этого опыта, разнесся въ народѣ слухъ, будто правительство русское намѣрено поселить всѣхъ калмыковъ. Слухъ этотъ возбудилъ крайнее неудовольствіе. Кромѣ этой, были и другія причины ропота. Калмыки въ эту пору были еще степными хищниками и между ними держались во всей силѣ преданія о чжунгарской родинѣ и о подвигахъ предковъ. Руское правительство взялось за рѣшительныя мѣры къ ограниченію самовластія хановъ ихъ и къ подчиненію калмыковъ мѣстнымъ рускимъ властямъ: нѣкоторыя мѣры истолкованы были въ смыслѣ посягательства на вѣру и обычаи народные. Кромѣ того были и справедливые поводы къ неудовольствію — притѣсненія со стороны русскихъ приставовъ и чиновниковъ. Еще въ 1701 году до 15000 кибитокъ откочевали изъ русскихъ предѣловъ въ Чжунгарію съ сыномъ Аюки-хана, и эти выходцы, поддерживая сообщеніе съ русскими калмыками, постоянно подговаривали ихъ послѣдовать тому же примѣру. Слѣдствіемъ всего этого былъ совершившійся въ 1771 году побѣгъ Убуши-хана съ 30,000 кибитокъ за Уралъ въ Чжунгарію. Бо́льшая часть калмыковъ оставили въ это время Россію: удержались только улусы кочевавшіе на нагорной сторонѣ Волги, потому что не хотѣли или не могли перейти черезъ рѣку къ бѣглецамъ. Осталось не болѣе 13,000 кибитокъ, въ томъ числѣ и хошоутовскій улусъ или родъ, съ Замьяномъ. Это событіе имѣло рѣшительное значеніе въ судьбѣ русскихъ калмыковъ,

ослабивъ въ нихъ мало по малу связь съ первоначальною родиной и племенными преданіями. Прекратились прежнія политическія распри между родами, и исчезла ханская власть, служившая до тѣхъ поръ среднимъ звеномъ между народомъ, владѣльцами и русскимъ правительствомъ, такъ что правительство, имѣя передъ собою успокоенное племя, могло приступить къ законной организаціи въ немъ управленія.

Преемникомъ Замьяна былъ усыновленный имъ потомокъ древняго калмыцкаго рода нойонъ и маіоръ *Тюмень-Чжиргаланъ*. Онъ-то и перенесъ свою ставку съ Калмыцкаго Затона на луговую сторону Волги и въ пожалованной ему дачѣ основалъ селеніе *Тюменевку*. Тюмень Чжиргаланъ, по завѣщанію своего усыновителя, сталъ продолжать дѣло его на новомъ мѣстѣ. Самъ жилъ зимою въ деревянномъ домѣ и побуждалъ своихъ людей строить домики и мазанки, запасалъ на зиму сѣно для скота, заводилъ хутора, устроилъ конскій заводъ, всячески старался преодолѣть въ калмыкахъ отвращеніе отъ прививанія оспы и заботился дать образованіе своимъ дѣтямъ. Ему наслѣдовалъ въ 1817 году старшій сынъ Сербечжабъ Тюмень, во всемъ подобный отцу, полковникъ русской службы, вернувшійся изъ французскаго похода. Сербечжабъ, по отзывамъ знавшихъ его, былъ достойный человѣкъ и хозяинъ опытный. Не оставляя Тюменевки, онъ купилъ еще другую дачу *Кедре* въ Енотаевскомъ уѣздѣ, и уговорилъ 30 калмыцкихъ семействъ поселиться здѣсь на

льготныхъ условіяхъ. Они поселились, обзавелись, жили повидимому покойно, — но вдругъ однажды стосковались по степи, и бросивши все, ушли на старое кочевье. Въ 1850 году Сербечжабъ умеръ, и ему наслѣдовалъ племянникъ Церенъ-Джабъ Тюмень, о которомъ говорено выше. Церенъ-Джабъ съ новою горячностью принялся за осуществленіе мысли, завѣщанной ему предками и въ 1858 году поднялъ снова дѣло о заселеніи дачи Кедре, покинутой первыми поселенцами; собиралъ нѣсколько разъ тѣхъ изъ своихъ людей, которые бывали въ работѣ у русскихъ на ватагахъ и уговаривалъ ихъ селиться, предлагая самыя выгодныя условія. Они долго колебались, все спрашивали: станутъ ли чиновники вмѣшиваться въ ихъ хозяйство, наконецъ согласились. Тюмень подрядилъ плотниковъ, выстроилъ на свой счетъ 36 домовъ, по хозяйственному образцу, съ голландскими печами, съ широкою улицей, и въ августѣ 1859 года водворилось поселенье. Владѣлецъ освободилъ ихъ на 2 года отъ всякихъ повинностей, уступилъ имъ щедрою рукой дачи подъ пашню и сѣнокосы, снарядилъ ихъ орудіями и волами. Поселеніе до сихъ поръ держится, и калмыцкія поселянки принялись уже печь хлѣбъ и калачи въ печахъ своихъ, что для калмыка дѣло небывалое. Молодая вдова Тюменя задумала завесть въ Кедре училище для калмычекъ, но не знаю приведена ли эта мысль въ исполненіе. Трудно покуда представить себѣ распространеніе грамотности между калмычками въ простомъ быту,

покуда не измѣнились остальныя условія ихъ быта, покуда женщина занимаетъ въ домѣ мѣсто не выше работницы и для мужчины считается даже не приличнымъ говорить съ нею какъ съ равною или обходиться ласково въ присутствіи постороннихъ. Между мужчинами только люди высшаго сословія—зайсанги и нойоны обучаются въ дѣтствѣ у гелюновъ калмыцкой граматѣ, да обучаются еще при хурулахъ манджи или мальчики, обрекаемые въ духовный чинъ; рѣдкіе знаютъ теперь по тангутски и по монгольски, но прежде, когда держалась связь у калмыковъ съ Монголіей и Тибетомъ, изученіе и этихъ языковъ было въ обыкновеніи. По-руски учатся только по навыку, при сообщеніи съ рускими, съ улусными попечителями, съ толмачами и казачьими урядниками. Въ Астрахани есть казенное калмыцкое училище, состоящее въ вѣденіи Пал. Госуд. Имущ. и основанное именно для распространенія между калмыками рускаго языка и для приготовленія писарей и переводчиковъ. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ родахъ, напр. у Тундутовыхъ, у Тюменей, издавна ведется изученіе рускаго языка. Братъ Сербечжаба Тюменя, Церенъ-Нарбо, управлявшій за старостью его хошоутовскимъ улусомъ, писалъ даже по-руски литературнымъ языкомъ, съ нѣкоторою изысканностью слога и помѣщалъ хозяйственныя статьи въ «Запискахъ Общества Сельскаго Хозяйства южной Россіи»: у него была порядочная библіотека русскихъ журналовъ, историческихъ и хозяйственныхъ книгъ. Другой братъ Сербечжаба,

Батуръ-Убуши, убитый въ польскую кампанію подъ Остроленкой, былъ извѣстный между приволжскими калмыками поэтъ и историкъ. Онъ занимался архитектурой, и по его плану выстроенъ замѣчательной архитектуры Хурулъ или *Сюмè* въ Тюменевкѣ.

Вообще въ разныхъ мѣстностяхъ Хошоутовскаго улуса считается до 100 домиковъ и мазанокъ, которыя можно, пожалуй, признать зачатками калмыцкой осѣдлости,— но трудно еще ожидать, чтобы охота къ поселенью скоро утвердилась и распространилась между ними. Необходимо сначала, чтобы между Калмыками возникли и вошли въ силу тѣ потребности, которыя только въ осѣдломъ бытѣ могутъ получить удовлетвореніе. До сихъ поръ, имѣя для привольнаго кочевья слишкомъ 10 милліоновъ десятинъ земли — Калмыки бѣдны; еще не на чемъ утвердиться у нихъ стремленію обезпечить себя и собирать капиталъ на будущее время, стремленію, полагающему начало всякой осѣдлости. И теперь по закону главное начальство Калмыковъ должно приглашать ихъ къ поселенью, отводить имъ мѣста, и заботиться о распространеніи въ поселеніяхъ добраго хозяйства, но успѣховъ почти не видно. Калмыкамъ казенныхъ улусовъ были отведены удобныя для поселенія мѣста, выстроены домы, предоставлены льготы, розданы награды изъявившимъ желаніе поселиться. Но прошло болѣе 10 лѣтъ, а поселенцы и не заходили въ свои дома. Дома и землю отдавали въ наемъ татарамъ, а на эти деньги и на казенное пособіе увеличивали свои

стада и жили по прежнему въ кибиткахъ; такъ что въ 1859 году дома были отъ нихъ отобраны и проданы съ аукціона по распоряженію Палаты Госуд. Имуществъ.

Въ 5 часовъ вечера показалась вдали Астрахань. За 4 версты до города, на правомъ берегу, на высокомъ холмѣ, раскинуто селеніе Калмыцкій Базаръ, къ которому приписано до 150 Калмыковъ и до 40 постоянныхъ кибитокъ. Здѣсь живетъ часть духовенства съ ламою и есть постоянный хурулъ. Передъ селеніемъ собралось къ проѣзду Великаго Князя все духовенство въ церемоніяльныхъ одеждахъ, съ инструментами. Только что поровнялся съ берегомъ пароходъ, какъ раздались звуки богослужебной музыки; они долетали до насъ лишь отрывками, но по этимъ звукамъ мы могли уже предчувствовать ту дикую гармонію, которую довелось намъ потомъ слышать вполнѣ въ самомъ хурулѣ. Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ городу, тѣмъ явственнѣе растягивалась передъ нами длинная береговая его линія и тѣмъ красивѣе представлялись ея очертанія. Кажется будто весь городъ построенъ на обширномъ островѣ: множество судовъ съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ придаютъ ему видъ огромнаго приморскаго города. Кремль, возвышаясь надъ всѣми зданіями, походитъ на крѣпостную стѣну вѣнчающуюся громаднымъ соборомъ. Намъ сказывали, что съ приближеніемъ къ берегу это очарованіе изчезаетъ; мы испытали противное, видъ берега издали нисколько не обманулъ насъ. Пароходъ нашъ обогнулъ вдоль бере-

га узкую косу, и вступилъ въ узкій проходъ между рядами судовъ, поставленныхъ съ той и другой стороны. Насъ удивило количество ихъ. Среди малыхъ мачтовыхъ судовъ стояло тутъ немало большихъ, частныхъ и военныхъ пароходовъ, и мы увидѣли здѣсь въ первый разъ на Волгѣ большія суда, назначенныя для морскаго плаванія. Между большими судами стояли небольшія лодки, нагруженныя до верху арбузами и дынями. На всѣхъ судахъ было множество народу: новыя физіономіи, напоминавшія о другомъ краѣ, новые костюмы, новыя выраженія лицъ. И вся эта масса народа встрѣчала насъ восторженными криками съ той и съ другой стороны, съ каждаго судна, съ каждой лодки,—и эти крики сливались и замирали въ стотысячномъ хорѣ, который раздался вдругъ съ пристани и съ берега: тамъ виднѣлась изъ-за судовъ и мачтъ безпредѣльная, черная, волнующаяся масса головъ, рукъ и шапокъ. Не берусь вамъ описывать, какъ встрѣтили Великаго Князя на пристани; достаточно сказать вамъ, что въ теченіи 140 лѣтъ, со времени Петра Великаго, въ Астрахани не бывалъ никто изъ рускихъ государей или ближайшихъ членовъ Императорскаго дома, и что масса населенія въ Астрахани состоитъ изъ людей восточныхъ, Азіятцевъ или пришельцевъ изъ разныхъ мѣстъ,—людей мало привыкшихъ сдерживать себя и выраженія своего чувства. Удержать порядокъ и дисциплину въ этой разнохарактерной толпѣ и въ такую минуту, было въ высшей степени трудно,

и потому нельзя довольно надивиться, что мы не слыхали ни объ одномъ несчастномъ случаѣ въ Астрахани. Едва-едва оставалось мѣсто для прохода Великаго Князя съ пристани къ экипажу, чтобъ ѣхать въ соборъ. Мы принуждены были ждать пока отхлынетъ толпа, и любовались пристанью, которая была необыкновенно изящно убрана виноградными лозами, съ роскошною зеленью листьевъ и со множествомъ полныхъ гроздьевъ. За пристанью слѣдовала сквозная тріумфальная арка, убранная также зеленью. Толпа съ трудомъ позволила намъ добраться до губернаторскаго дома. Такъ велико было стеченіе и такъ сильно движеніе народа, что температура въ тѣхъ улицахъ, гдѣ скоплялась толпа, очень замѣтно возвышалась, и пыль поднималась густыми облаками. Пріятно было, выйдя изъ этой душной атмосферы, очутиться въ большихъ, высокихъ залахъ губернаторскаго дома. Окна по здѣшнему обычаю были затворены сквозными ставнями и въ комнатахъ было свѣжо и прохладно. Въ этомъ отношеніи, въ Астрахани нашли мы такія удобства, какихъ нигдѣ не было: въ теченіе всего пути намъ угрожали Астраханью, говорили о невыносимомъ тоскливомъ зноѣ и о множествѣ мухъ и комаровъ, отъ которыхъ нѣтъ никакого спасенья въ эту пору года. Вышло совершенно противное тому, что̀ намъ предсказывали: въ такую пору, когда Астрахань стоитъ безъ дождей по нѣскольку мѣсяцевъ, прошелъ обильный дождь передъ самымъ нашимъ пріѣздомъ, такъ что именно въ Астра-

хани пользовались мы, сверхъ ожиданія, прохладою и благорастворенiемъ воздуха.

Обойдя всѣ комнаты, мы сошли внизъ въ ванну, которая была прекрасно устроена для Его Высочества, чтобы полюбоваться на красу здѣшней флоры, знаменитую каспійскую кувшинку (Nymphaea caspica) — растеніе, которое исключительно свойственно прикаспійскому краю и здѣсь водится только въ одномъ мѣстѣ, въ такъ-называемомъ Чулпанскомъ протокѣ. Въ двухъ кадкахъ наполненныхъ водою красовалось оно широкими листьями и пышными цвѣтками необыкновенной величины.

Между тѣмъ, въ ожиданіи пріѣзда Великаго Князя, наполнилась народомъ вся огромная четырехъ-угольная площадь, на которую обращенъ фасадомъ губернаторскій домъ. Его Высочество, сдѣлавъ смотръ казакамъ и матросамъ, выстроеннымъ вдоль по улицѣ, вошелъ въ домъ, который былъ буквально облѣпленъ народомъ, тѣснившимся какъ можно ближе къ подъѣзду. Великій Князь вышелъ на балконъ — и раздались такіе крики, какихъ мы еще нигдѣ не слыхивали, и въ такомъ тонѣ, который напоминалъ уже объ иномъ діапазонѣ звука. Съ криками сливались еще другіе звуки — отъ хлопанья въ ладоши, чѣмъ иные пришельцы съ Востока выражали свой восторгъ, по своему обычаю. Нигдѣ не видали мы такой пестрой толпы, такого разнообразія типовъ и костюмовъ. Знакомыя черты великорусскаго типа надо было съ трудомъ отыскивать въ этомъ

морѣ головъ иноязычныхъ. Греки, Армяне, Персіяне, Калмыки, Татары — вотъ изъ кого составлялась общая физіономія толпы, покрывавшей площадь. Изъ нея всего явственнѣе выступали первые ряды и отдѣльныя кучки и фигуры стоявшія ближе къ балкону,—фигуры, которыя улыбались бѣлыми какъ снѣгъ зубами и сверкающими глазами, и съ выраженіемъ восторга и любопытства кланялись или указывали другъ другу пальцемъ на балконъ и на Великаго Князя.

Мы сѣли у окна въ боковой комнатѣ, выходившей прямо на улицу, и долго не могли отвести глазъ отъ оригинальной картины, которая намъ представилась. Мы какъ будто попали въ другой міръ, и съ удивленіемъ готовы были другъ друга спрашивать: гдѣ мы? Но какъ ни странна была для насъ картина, въ эту минуту явственнѣе, чѣмъ когда-либо чувствовали и понимали мы, что находимся въ Россіи, въ одномъ изъ отдаленныхъ краевъ великаго царства, сплоченныхъ воедино крѣпкою связью государственной силы и сознаніемъ государственнаго единства; мы чувствовали, что этому смѣшенію „одеждъ и лицъ и нарѣчій„ основнымъ тономъ служитъ все-таки великій, созидательный и собирательный элементъ русскаго племени.

Насупротивъ нашего окна, на другой сторонѣ Московской улицы, расположенъ персидскій гостиный дворъ: внизу лавки; на верху, во второмъ этажѣ большаго каменнаго зданія, квартиры постояльцевъ; всѣ окна были украшены пестрыми коврами, и въ каждомъ

окнѣ расположилась цѣлая группа фигуръ въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, и въ высокихъ персидскихъ шапкахъ. Всѣ они, лежа или прислонившись къ подоконнику, съ любопытствомъ, но вмѣстѣ съ спокойнымъ видомъ, оглядывали улицу и наши окна. Въ глубинѣ оконъ, на заднемъ планѣ, обрисовывались другія фигуры, съ чайниками и трубками. Въ одномъ окнѣ видно было какъ старикъ Персіянинъ совершалъ по уставу свою вечернюю молитву. Внизу у лавокъ сидѣли неподвижно, скрестивъ подъ себя ноги, другія фигуры. По улицѣ бродила пестрая толпа и слышались носовые звуки иноязычной, не европейской рѣчи. Въ толпѣ виднѣлись вмѣстѣ остроконечныя шапки Персіянъ, чухи татарскія, халаты и чалмы Бухарцевъ, бѣлыя покрывала Армянокъ, рускія рубахи, казачьи казакины, форменныя фуражки чиновниковъ. Кое-гдѣ поднимался крупный разговоръ, завязывалась иноязычная перестрѣлка, и уже спѣшилъ на выручку блюститель порядка. Въ это время Великій Князь вошелъ въ нашу комнату, и изъ окна смотрѣлъ на оживленныя сцены на улицѣ. Съ этой стороны не ожидалъ Его никто; общее вниманіе привлечено было въ другую сторону, къ площади, гдѣ всѣ ожидали появленія Его на балконѣ. Въ первую минуту Его не замѣтили, но скоро разгадавъ, кто смотритъ изъ окошка, прохожіе начали останавливаться, и поднявъ голову къ верху, смотрѣли на него съ довольною улыбкой. Интересно было наблюдать за этою кучкой безпрерывно прибывавшею: всѣ стояли въ молчаніи,

очень довольные тѣмъ, что сюрпризомъ увидѣли Великаго Князя, и могутъ на свободѣ смотрѣть на него, и всѣ молчали, какъ будто сговорившись не кричать, чтобы не вызвать съ площади прилива массы народной, которая заставила бы ихъ потерять мѣсто.

Когда стемнѣло, вся площадь освѣтилась огнями и приняла очень красивый, нѣсколько фантастическій видъ. Иллюминація устроена была прекрасно; особенно хорошо былъ освѣщенъ щитами и транспаранами во всю стѣну домъ приказа общественнаго призрѣнія. Этимъ эффектнымъ видомъ площади со всѣми ея огнями, освѣщавшими сплошную массу народа, завершились для насъ впечатленія вечера. Этотъ вечеръ обѣщалъ намъ много новыхъ и интересныхъ впечатлѣніи, и ожиданіе наше не было обмануто.

ГЛАВА XIV

Представленіе инородцевъ. Посѣщеніе Института. Армянскій соборъ. Обѣдъ отъ купечества. Казачій бугоръ и прогулка по городу. Поѣздка на Камызякъ и осмотръ работъ для углубленія волжскаго фарватера. Каспійское море. Рыбная ватага на Чаганѣ. Возвращеніе въ Астрахань. Иллюминація на Волгѣ. Астраханскій соборъ. Адмиралтейство и военный Портъ.

На слѣдующій день по пріѣздѣ въ Астрахань, утромъ, послѣ представленія всѣхъ флотскихъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ астраханскаго управленія и депутатовъ отъ сословій, Его Высочество принималъ представителей отъ Персіянъ и отъ инородцевъ, населяющихъ Астраханскую губернію и сосѣднія мѣста. Въ большой залѣ расположились они всѣ обширнымъ полукругомъ, по которому проходилъ Великій Князь въ сопровожденіи губернатора. Тутъ могли мы на свободѣ разсматривать черты каждой народности и каж-

даго костюма. Прежде всего представлялись Его Высочеству Персіяне, торгующіе въ Астрахани. Во главѣ ихъ стоялъ персидскій консулъ въ мундирѣ. Персидскіе купцы поднесли Великому Князю богатый коверъ, чапракъ и нѣсколько ящиковъ съ сушеными фруктами. За Персіянами слѣдовали Армяне, далѣе калмыцкіе зайсанги, которыхъ представлялъ г. Костенковъ, управляющій астраханскою палатой государственныхъ имуществъ и попечитель калмыцкаго народа, потомъ киргизскіе владѣльцы и султаны, въ богатыхъ бархатныхъ платьяхъ и въ высокихъ шапкахъ. Мы любовались красивыми ихъ лицами, ростомъ и стройнымъ сложеніемъ. Это положительно самое красивое племя изъ числа всѣхъ, нами въ тотъ день видѣнныхъ. За Киргизами стояли представители Туркменъ, въ большихъ черныхъ шапкахъ, опоясанныхъ красною тканью, самое воинственное и хищное изо всѣхъ племенъ Средней Азіи, гроза степныхъ каравановъ Хивы и Бухары. Часть ихъ, около 1000 человѣкъ, прикочевала въ последнее время къ Русскому Мангишлаку, но они не приняты еще окончательно въ русское подданство: племя красивое, съ умнымъ взглядомъ и благородными чертами физіономіи. Потомъ Кундровскіе и Юртовскіе Татары представлялись въ лицѣ своихъ волостныхъ старшинъ, засѣдателей и депутатовъ, съ хлѣбомъ и солью; рядомъ съ ними стояли ихъ муллы, въ длинныхъ бѣлыхъ одеждахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Полукругъ замыкался представителями ламайскаго калмыцкаго ду-

ховенства, въ желтыхъ и оранжевыхъ одеждахъ, и во главѣ всѣхъ Лама въ оригинальной остроконечной шапкѣ, которая невольно напомнила намъ извѣстную форму шапки венеціянскихъ дожей *). При каждой группѣ находился переводчикъ, посредствомъ котораго Его Высочество разговаривалъ съ иноязычными людьми, но изъ числа Калмыковъ и Киргизовъ почти всѣ могли сами объясняться по-русски. Въ это же утро Великій Князь былъ въ Астраханскомъ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь, въ комнатахъ начальницы заведенія, представлены были Его Высочеству жены киргизскихъ султановъ въ великолѣпныхъ костюмахъ, отдѣланныхъ золотомъ. На этотъ разъ Киргизы сдѣлали исключеніе изъ обычая, строго соблюдаемаго между ними—охранять женъ своихъ отъ мужскаго глаза. Осмотрѣвъ затѣмъ женское училище 1-го разряда, Его Высочество прибылъ въ армянскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ его у входа старецъ архіепископъ съ архиман-

---

*) Вотъ списокъ всѣмъ лицамъ изъ Калмыцкаго народа представлявшихся въ этотъ день Его Высочеству: Лама—Арши Онгоджіевъ; Бакши: Зодбо Самтановъ, Эрдени Собоковъ; начальники хуруловъ: Малодербетовскаго Улуса—Габунгъ Буучіевъ, Яндыковскаго—Самтанъ Оточіевъ, Эрденіевскаго—Джембе Очировъ; Владѣльцы улусовъ—Нойоны: штабъ Ротмистръ Церенъ Норбо Тюмень, сотникъ Церенъ Убуши Дугаровъ, Хорунжій Цанджинъ Тундутовъ. Зайсанги: Манхадыкъ Басанговъ, Хангоръ Ака Манджіевъ, Цебекъ Джалъ Онкоровъ, Батыръ Корнѣевъ, Серникъ Оклѣевъ, Кармыкъ Шараповъ, Мучка Кариповъ, Улюнджи Нимаевъ, Менко Церенъ Дарджаевъ.

дритами, священниками и діаконами въ полномъ облаченіи, и по входѣ привѣтствовалъ армянскою рѣчью; послѣ того былъ молебенъ съ многолѣтіемъ. Въ Астрахани около 5000 Армянъ грегоріянскаго исповѣданія; большой соборъ ихъ очень красивъ и отдѣланъ съ пышностью; иконы блестѣли богатыми окладами, и служеніе было торжественное; только пронзительное крикливое пѣніе и носовые звуки служебнаго речитатива странно поражали непривычное ухо. Мы съ любопытствомъ присматривались къ особенностямъ облаченія архіепископа, къ его высокой остроконечной митрѣ и высокому стоячему воротнику, составляющему у Армянъ необходимую принадлежность облаченія высшихъ чиновъ іерархіи. Церковь вся была переполнена народомъ, состоявшимъ большею частью изъ прихожанъ; болѣе чѣмъ на половину было женщинъ и дѣтей, и женскіе головные уборы—бѣлая вуаль, перевязанная чернымъ платкомъ — пестрѣли вокругъ насъ по всѣмъ направленіямъ.

Въ тотъ же день Астраханское купечество давало въ честь Великаго Князя обѣдъ въ залѣ гимназіи. Послѣ обѣда Его Высочество ѣздилъ въ главную станицу Астраханскаго казачьяго войска, въ 4 верстахъ отъ города, на такъ-называемый *Казачій Бугоръ*, что̀ на Казачьемъ Ерикѣ. Первые казаки трехсотенной команды жили въ Астрахани, Русскіе по домамъ, а Калмыки въ войлочныхъ кибиткахъ, но въ 1757 году всѣ были переведены въ ново-учрежденную станицу, и затѣмъ

уже образовались другія станицы вверхъ по нагорной сторонѣ Волги, къ Енотаевску, Черному Яру и Камышину. Сдѣлавъ смотръ казакамъ, Его Высочество слушалъ молебенъ въ станичной церкви, и заходилъ въ домъ къ станичному атаману. Между тѣмъ, по дорогѣ изъ Астрахани въ Казачій Бугоръ, поднялось пѣшкомъ, верхомъ и въ экипажахъ множество жителей, провѣдавшихъ, куда поѣхалъ Наслѣдникъ, и на обратномъ пути въ городъ вся дорога превратилась въ народное гулянье. Кромѣ почетнаго конвоя Астраханскихъ казаковъ, около коляски Его Высочества всегда собирался конвой приватный. Только что выѣзжала коляска изъ улицы, — вдругъ, Богъ знаетъ, откуда показывался Татаринъ верхомъ на куцой лошаденкѣ; черезъ нѣсколько минутъ присоединялись другой, третій и такъ далѣе: составлялась цѣлая компанія верховыхъ Татаръ, скакавшихъ во всю прыть, кто въ шапкѣ, кто безъ шапки, около экипажа: всякій разъ во время выѣздовъ насъ не мало забавляли эволюціи этой импровизированной кавалеріи: иной бросалъ шапку вверхъ, и мчался уже безъ шапки, другой самъ валился съ лошади, но ни мало не конфузясь, поднимался, вскакивалъ на лошадь снова, и мчался, сломя голову, догонять своихъ товарищей.

На обратномъ пути мы заѣзжали посмотрѣть одинъ изъ виноградныхъ садовъ, неподалеку отъ Казачьяго Бугра. Пріятно было очутиться вдругъ посреди густой зелени, въ низкихъ крытыхъ аллеяхъ изъ винограда.

Здѣсь виноградъ разсаживаютъ аллеями, а не на тычинкахъ, потому что выдѣлываютъ его на продажу натурой, а не для винодѣлія, стало быть заботятся не столько о качествѣ сока, сколько о количествѣ гроздьевъ и о сочности ягодъ; на тычинкахъ нечѣмъ любоваться, потому что лоза выходитъ тощая, и на ней видишь въ пору созрѣванія жалкіе, мелкіе листья; напротивъ здѣсь, въ крытыхъ аллеяхъ, истиннымъ наслажденіемъ для насъ было любоваться на вьющіяся лозы, покрытыя роскошною зеленью, листьями самыхъ изящныхъ очертаній и огромными, полными гроздьями, только что начинавшими приходить въ зрѣлость. Здѣсь для винограда употребляется искусственное поливанье, и между аллеями проведены деревянные желобки, а вверху сада находится большой колодезь съ чигиремъ или водоподъемною машиной.

Хотѣлось еще посмотрѣть на городскія улицы, и мы насквозь проѣхали весь городъ, до Паробичева бугра, мимо Варваціева канала, по маленькимъ улицамъ и переулкамъ, обстроеннымъ небольшими деревянными домами, принадлежащими Армянамъ, Персіянамъ и Татарамъ, мимо деревянной мечети, съ которой муэззинъ затягивалъ свою вечернюю пѣсню. Въ дальнихъ переулкахъ приходилось ѣхать по сплошнымъ лужамъ, образовавшимся отъ сильнаго дождя: явленіе необыкновенное въ Астрахани въ эту пору года. Странныя физіономіи, непривычные костюмы видѣли мы по дорогѣ въ окнахъ и у воротъ: на улицахъ играли куч-

ками дѣти и глядѣли на насъ большими, круглыми, черными глазами. По временамъ обдавало насъ сильнымъ рыбнымъ запахомъ, хорошо знакомымъ всякому бывалому въ Астрахани. Съ Паробичева бугра открывается прекрасный видъ на городъ, но уже становилось темно, и мы едва успѣли уловить въ туманѣ быстро исчезавшія черты широкой панорамы

27-го іюля утромъ, послѣ обѣдни Великій Князь, въ сопровожденіи военнаго губернатора, контръ-адмирала Воеводскаго, гражданскаго губернатора Дегая, канитана 1-го ранга Ивашинцева, производящаго уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ гидрографическое описаніе Каспійскаго моря, управляющаго работами по углубленію волжскаго фарватера генералъ-майора Лямина, прибылъ на пароходъ *Астара* и отправился для обозрѣнія работъ, имѣющихъ въ виду важнѣйшую, и въ коммерческомъ и въ государственномъ отношеніи цѣль — улучшить способы судоходства по мелѣющимъ съ каждымъ годомъ исходамъ Волги въ море. Неудобство выхода въ море—это безспорно одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ развитію судоходства и торговли при Астраханскомъ портѣ, географическое положеніе котораго даетъ ему полное право на громадное меркантильное значеніе. Теперь всѣ суда идутъ изъ Астрахани сначала по главному рукову Волги, а потомъ продолжаетъ путь по разнымъ проливамъ и истокамъ, на которые развѣтвляется Волга, до самаго мѣста, гдѣ начинается мелководье или розсыпи. Изъ

послѣднихъ главныя — Княжая въ 53 верстахъ отъ порта, и на ней глубины $6\frac{1}{2}$ футовъ; въ 75 верстахъ, Шаданская, глубиной въ $5\frac{1}{2}$ ф., въ 82-хъ верстахъ Ракушинская, самая мелкая ($4\frac{1}{2}$ ф.) и наконецъ при самомъ выходѣ въ море около Бирючей косы, въ 90 верстахъ отъ порта находится розсыпь Зюзинская (7 футовъ). Но эта глубина бываетъ при ординарной водѣ. Когда подымается моряна, то глубина увеличивается на 1 и даже 3 фута, но при верховомъ вѣтрѣ вода, наоборотъ, сгоняется часто до такой степени, что на ракушинской розсыпи едва можетъ пройти катеръ. Суда принуждены разгружаться и нерѣдко по нѣскольку недѣль ждать моряны, чтобы войти въ Астрахань. Можно себѣ представить, какъ отзывается такое неудобство на торговлѣ Астрахани. Еще въ 1854 году было одобрено предположеніе провести фарватеръ рѣкою Камызякъ въ замѣнъ обмелѣвшаго, проходящаго мимо Бирючей косы фарватера отъ Астрахани до Каспійскаго моря. Замѣчательно, что существуетъ предѣніе, будто Петръ Великій, отправляясь въ Персидскій походъ въ 1722 году шелъ Камызякскимъ рукавомъ. Объ удобствѣ этого пути дивно знали, но онъ былъ закрытъ потому, что рѣка Камызякъ была перепружена рыбною забойкою и за право имѣть ее рыбные промышленники платили значительную сумму. Камызякъ былъ въ полномъ ихъ распоряженіи. Изысканія начались въ 1855 году по рѣкамъ, составляющимъ Камызякскій рукавъ и послѣ осмотра прочихъ рукавовъ волжской дельты

съ цѣлью развѣдать, не существуетъ ли кромѣ Камызякскаго другой рукавъ, болѣе его удобный изслѣдованія были въ 1857 году окончены, и Камызякскій рукавъ признанъ наиболѣе удовлетворяющимъ всѣмъ условіямъ, требуемымъ для хорошаго фарватера. Рукавъ этотъ составляютъ выходящая изъ рѣки Волги, въ 9-ти верстахъ ниже Астрахани, рѣчка Мордашка, послѣ сліянія которой съ рѣчкою Башмаковкой протекаетъ рѣка Тизань до впаденія въ нее слившихся рѣкъ Мунсуры и Чагана. Здѣсь рѣка принимаетъ названіе Торновой до истока изъ нея рѣки Табалы. Ниже этой рѣки идетъ собственно уже рѣка Камызякъ до перваго истока въ правую сторону, подъ названіемъ рѣки Артельной или Бусманки, потомъ рѣчка Полдневая до Караульнаго протока, идущаго въ правую сторону, и наконецъ рѣка Зюйдовая, впадающая въ море тремя устьями, изъ которыхъ одно, идущее въ лѣвую сторону, по значительной, въ сравненіи съ остальными двумя глубинѣ и ширинѣ, принято за самое удобное для выхода судовъ въ море. Противъ этого-то устья назначено прорыть морской каналъ черезъ баръ по направленію 15-ти градусовъ къ югу отъ юговостока до 8-ми футовой глубины моря на 13-й верстѣ, съ оградами по сторонамъ и разстояніемъ отъ средины до средины оградъ въ 70 саженъ, съ постепеннымъ для этого съуживаніемъ, на первыхъ $3^1/_2$ верстахъ, пространства между оградами, начиная со 175 сажень, соотвѣтствующихъ ширинѣ устья рѣки. По проекту, ут-

вержденному 7-го августа 1858 года, нредположено оградить морской каналъ съ обѣихъ сторонъ дамбами, насыпанными изъ грунта, добываемаго землечерпаніемъ. Откосы канала должны быть защищены фашинною кладкой и каменною отсыпью. Фашинные откосы укладываютъ, смотря по глубинѣ бара, или прямо на грунтѣ или же на предварительно положенныхъ фашинныхъ тюфякахъ въ одинъ или въ два слоя. Высота дамбъ назначена до $1\frac{1}{2}$ сажени надъ ординаромъ, ширина въ верху до 3 саженъ. Для регулированія же рѣчнаго фарватера и уменьшенія расхода воды побочными истоками положено снять свайную забойку (учугъ) противъ селенія Камызяка, запрудить нѣкоторые побочные истоки въ верхней и въ нижней части рѣчнаго фарватера, произвести землечерпанія на меляхъ противъ Яксатскаго и Камызякскаго селенія, и наконецъ построить на болѣе удобномъ и по возможности близкомъ къ главнымъ работамъ мѣстѣ, деревянныя зданія для жительства производителей работъ, надсморщиковъ, цейхгаузъ, бани и кузницу. Работы начаты были въ 1858 году, и производятся дѣятельно на всѣхъ пунктахъ.

Пустынны и грустны берега, мимо которыхъ шелъ по пролагаемому новому фарватеру пароходъ. Они поросли густымъ камышомъ, кишащимъ всякаго рода птицей и гдѣ попадаются нерѣдко кабаны. Отъ комаровъ и мошекъ нѣтъ никакого спасенія, и только Калмыкъ, этотъ усердный и почти единственный надежный

работникъ въ здѣшнемъ краѣ, можетъ выдерживать эту пытку. И дѣйствительно, Калмыки — это неоцѣненные рабочіе. Куда бы вы ни обратились, на рыбную ли ловлю—тамъ работаютъ Калмыки, гребцами сидятъ Калмыки, на земляныхъ работахъ, на землечерпательной машинѣ вездѣ онъ, вездѣ видится его мѣдно-красное, полуобнаженное тѣло, покрытое нечеловѣческою кожей, а скорѣе юфтью, недоступною, ни жалу комариному, не поддающеюся ни стужѣ, ни жару. Это Богомъ данная здѣшней мѣстности рабочая сила, потому что наши рабочіе менѣе способы выдерживать здѣшній зной и здѣшній климатъ при тяжелыхъ работахъ. Въ продолженіе нашего трехчасоваго плаванія по Камызякскому рукаву, генералъ Ляминъ показывалъ Его Высочеству чертежи работъ, и объяснялъ во всей подробности всѣ частности, до нихъ относящіяся, частности въ высшей степени любопытныя,—объяснялъ такъ просто и удобопонятно для всѣхъ, мало знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, что возбудилъ во всѣхъ слушателяхъ самый живой интересъ къ этимъ прекраснымъ и замѣчательнымъ работамъ. Естественно, что съ Камызяка разговоръ перешелъ къ Каспійскому морю, къ его коммерческому и политическому значенію — и тутъ живая книга Каспійскаго моря была на пароходѣ — это почтенный и ученый нашъ гидрографъ Николай Алексѣевичъ Ивашинцевъ, уже нѣсколько лѣтъ начальствующій экспедиціей для гидрографическаго изслѣдованія Каспійскаго моря. И вотъ послѣ

лекціи о волжскомъ фарватерѣ началась новая лекція, не менѣе поучительная и интересная, о Каспіѣ. Капитанъ Ивашинцевъ говорилъ много о прежнихъ работахъ по гидрографіи Каспійскаго моря, показывалъ прежнія карты и объяснялъ новыя, составленныя по послѣднимъ изысканіямъ. Результаты экспедиціи нашего ученаго гидрографа весьма важны; собранная при этихъ работахъ масса свѣдѣній гидрографическихъ, магнитныхъ, метеорологическихъ и другихъ наблюденій громадна, и представляетъ замѣчательный, по богатству, матеріялъ для новаго полнаго гидрографическаго описанія Каспійскаго моря. Предпринятое морскимъ вѣдомствомъ гидрографическое изслѣдованіе Каспійскаго моря имѣетъ главною цѣлью составленіе вѣрныхъ картъ и лоціи этого моря. Экспедиція была снаряжена въ 1856 году и работы продолжались дѣятельно, но гибель парахода *Куба* 14 сентября 1857 года, при входѣ въ Апшеронскій заливъ, прекратили ихъ. Вмѣстѣ съ пораходомъ погибли главные сотрудники г. Ивашинцева — Лейтенанты Кошкуль и Симоновъ и всѣ плоды годичныхъ работъ экспедиціи, журналы наблюденій, хронометры и всѣ вообще свѣденія, относящіяся до Каспійскаго моря, собранныя г. Ивашинцовымъ въ продолженіе трехъ предыдущихъ лѣтъ. Зимы 1857 и 1858 года прошли въ приготовленіяхъ къ новой экспедиціи, и начиная съ 1859 года изслѣдованіе Каспійскаго моря идетъ почти уже безостановочно. Въ подробности мы не входимъ, а предоставляемъ нашимъ читателямъ обра-

титься къ запискѣ почтеннаго нашего гидрографа, читанной имъ въ собраніи Географическаго Общества 7-го ноября 1862-го года и напечатанной въ Запискахъ Общества. Главными работами экспедиціи были: опредѣленіе географическаго положенія сорока точекъ, лежащихъ по возможности въ равныхъ между собой разстояніяхъ вокругъ всего моря черезъ наблюденіе звѣздъ по берегу; подробная съемка всего берега и внутренности страны на столько, на сколько это нужно для потребностей судоходства; промѣръ глубины пребрежныхъ водъ и средины съ всею подробностью, какая требуется для безопасности плаванія; опредѣленіе элементовъ земнаго магнетизма на всѣхъ астрономическихъ пунктахъ и, по возможности, въ другихъ мѣстахъ по берегамъ моря и въ самомъ морѣ; изслѣдованіе теченій вѣтровъ, и вообще сборъ матерьяловъ для руководства къ безопасному и успѣшному плаванія по Каспійскому морю. Сюда долженъ относиться также сборъ матерьяловъ для опредѣленія закона, по которому происходятъ давно уже замѣчанныя колебанія уровня на Каспійскомъ морѣ, и наконецъ составленіе изъ всѣхъ этихъ матеріаловъ лоціи Каспійскаго моря и новыхъ его картъ. Къ составленію и изданію новаго атласа Каспійскаго моря уже приступлено по проэкту, представленному еще въ 1860-мъ году Его Высочеству генералъ-адмиралу и Имъ одобренному. Полное собраніе морскихъ картъ Каспійскаго моря будетъ состоять изъ 22-хъ

листовъ. Изъ нихъ одна генеральная, три главныхъ путевыхъ картъ для сѣверной, средней и южной частей, и восемнадцать подробныхъ путевыхъ картъ для важнѣйшихъ частей моря. Въ новый атласъ войдетъ еще болѣе пятидесяти частныхъ картъ и плановъ рейдовъ и якорныхъ мѣстъ; они будутъ помѣщены отчасти на поляхъ большихъ картъ, отчасти же на особыхъ листахъ, по нѣскольку на каждомъ. Болѣе половины моря уже изслѣдовано и неутомимые гидрографы наши надѣются, что имъ же предстоитъ довести свои многообѣщающіе важные труды до конца.

Но вотъ *Астара* остановилась у землечерпательной машины, у самаго входа въ морской каналъ. Передъ нами разстилался, сливаясь съ горизонтомъ, покрытый мглою, сѣдой Каспій. Вотъ оно бѣдное, забытое море, но которое снова должно скоро открыться и занять приличествующее ему мѣсто въ дѣлѣ развитія нашей азіятской торговли и нашего политическаго значенія въ Персіи и въ Туркестанѣ. Придетъ время — и оно, сдается намъ, не далеко, — когда Каспій станетъ въ дѣйствительности вполнѣ нашимъ озеромъ, и возродится снова, и еще въ бо́льшихъ противъ прежняго размѣрахъ, торговля наша съ богатыми прибрежными областями Персіи, производящими хлопокъ, шолкъ, эти важные матеріялы для нашей мануфактурной дѣятельности и съ Среднею Азіей, куда путь изъ Астрахани черезъ Каспій, по общему отзыву, и удобнѣе и ближе. И снова русскому человѣку мысленно надо прекло-

ниться передъ памятью Великаго Петра, утвердившагося на персидскомъ берегу, и глубоко понявшему важность и значеніе Астрахани и Каспія въ дѣлѣ русской торговли и политическаго нашего значенія въ Азіи. И это не однѣ пустыя фантазіи. Англійскій посланникъ въ Персіи,—такъ говорили намъ—плывшій Волгою и пораженный громаднымъ по ней движеніемъ и массою пароходовъ, высказалъ заботливо мысль о возможности транзита шелка черезъ Россію въ Европу, а мѣсяца за два до нашего пріѣзда говорили то же самое астраханскому губернатору Греки, коммиссіонеры греческихъ торговыхъ домовъ въ Лондонѣ. Вопросъ этотъ очень серьезенъ и съ нимъ связаны такіе важные интересы меркантильные и политическіе, что онъ невольно привязываетъ къ себѣ и заставляетъ глубоко въ него вдумываться.

И мы смотрѣли съ любовью на Каспій, а на кормѣ въ то же время поднята была подзорная трубка и долго не сводилась съ моря, а изъ-подъ трубки катилась слеза по смуглому, загорѣлому лицу стараго моряка, знаменитости нашего флота, а теперь прикащика пароходной компаніи. Тяжелы были его думы, и пестрый рой воспоминаній навѣялъ на него нашъ Каспій, на него, избороздившаго по морскимъ волнамъ полсвѣта, пользовавшагося уваженіемъ извѣстнѣйшихъ адмираловъ англійскаго флота, и невольно мы смолкли и съ почтеніемъ слѣдили за слезой, и у многихъ пробѣжала мысль: жалко, что въ такія тяжкія времена лишилась его и безъ того малочисленная фаланга дѣль-

ныхъ и опытныхъ моряковъ. Но вотъ катеръ,—всѣ сѣли, и быстро полетѣлъ онъ въ морской рукавъ, по сторонамъ котораго были ясно видны начатки работъ, плотины и дамбы, о которыхъ говорено было выше. Значеніе ихъ и способы постройки были снова объясняемы генераломъ Ляминымъ Его Высочеству.

Около 2-го часа возвратились мы на пароходъ, который немедленно пошелъ въ обратный путь, дабы поспѣть еще во время къ селенію Чаганъ, гдѣ находится извѣстная ватага. Часу въ 5 подошли мы къ Чаганскому учугу (забойкѣ) и стали на якорь. Большой катеръ съ 12 гребцами Калмыками, щегольски одѣтыми, присталъ къ пароходу для принятія дорогого гостя. На катерѣ былъ одинъ изъ компаньоновъ г. Макаровъ *) со звѣздой Льва и солнца, которая особенно въ ходу въ Астрахани. Рѣдкій купецъ не имѣетъ Льва и Солнца. Близость Персіи и постоянныя дѣла Астрахани съ Персіянами легко объясняютъ такое явленіе. Катеръ, сопровождаемый громкимъ, неумолкаемымъ *ура* и пестрою, густою вереницей лодокъ, изукрашенныхъ разноцвѣтными флагами, присталъ къ плоту, большому зданію на сваяхъ со спусками къ водѣ, куда свозятъ пойманную рыбу. Едва успѣлъ Великій Князь взойти на плотъ, какъ тотчасъ же понеслись лодки съ ловцами за рыбой

---

*) Чаганскія воды, бывшія прежде во владѣніи Куракиныхъ, принадлежать теперь казнѣ, и отдаются на откупъ такъ-называемой учужной компаніи, въ которой принимаютъ участіе гг. Бенардаки и Утинъ съ комп.

къ забойкамъ. Изъ этихъ забоекъ осталось въ настоящее время только три на протокахъ въ участкѣ, принадлежащемъ казнѣ. Забойки эти состоятъ изъ ряда толстыхъ свай, которыми перегораживается рѣка; пространство же между сваями закладывается до самаго дна рѣки особыми рѣшетками, и рыба, остановленная на ходу вверхъ такою забойкой, вылавливается крючковою снастью, т.-е. рядомъ крючковъ, прикрѣпленныхъ къ длиннымъ веревкамъ, разбросаннымъ въ разныхъ направленіяхъ передъ забойкой. Къ этимъ-то крючкамъ понеслись лодки, и въ каждой изъ нихъ сидѣло по двое, по трое, а въ иной и четыре ловца. И вотъ, то тамъ, то здѣсь всплески воды и качаніе лодки заявляли, что на крючкѣ есть добыча и что идетъ борьба ловца съ какимъ-нибудь удивительнымъ произведеніемъ природы, которымъ такъ усердно занимался нашъ общій старый знакомый Собакевичъ, на завтракѣ у полицемейстера. Не прошло уже и ½ часа, какъ бо̀льшая часть лодокъ мчались съ добычей къ плоту, куда и поднимали рыбу съ подмостокъ, устроенныхъ откосами. Здѣсь черезъ нѣсколько минутъ лежали уже цѣлыя груды бѣлуги, осетровъ, севрюги и стерляди. Нѣсколькими ударами топора разсѣкали рыбѣ черепъ, и за тѣмъ другой работникъ съ ловкостью самаго искуснаго препаратора раздѣлывалъ рыбу, и вынималъ изъ нея икру, которая складывалась въ особыя кади, безукоризненной чистоты, вынималъ клей, имѣющій видъ плены бѣлаго цвѣта, и наконецъ выдергивалъ вязигу. Затѣмъ икра, клей и

вязига передавались для приготовленія въ особыя отдѣленія. Въ икрянномъ отдѣленіи, куда насъ перевели, стояли уже кади съ свѣжею, только что вынутою икрой, которую сначала протирали черезъ сито, а потомъ клали въ тузлукъ, крѣпкій разсолъ, откуда всплывшая наверхъ и просолившаяся икра вынималась, и завернутая въ чистую холстину, клалась подъ прессъ, а черезъ нѣсколько минутъ намъ подали кусокъ прекрасной свѣжей паюсной икры. Самая лучшая икра это бѣлужья. Клей передаютъ также въ особое отдѣленіе, гдѣ онъ подвергается немедленно очисткѣ, промывкѣ и просушкѣ на солнцѣ. Клей, это самый цѣнный продуктъ. Его продаютъ отъ 80 — 120 руб. за пудъ, икра продается, смотря по качеству, отъ 10—25 р., вязига отъ 8 — 13 р. за пудъ. Не знаемъ, всегда ли работы на промыслахъ производятся съ такою опрятностью, какъ это было теперь, но тутъ насъ невольно поразила чистота, съ какою шло все производство, эта безукоризненная бѣлизна рубахъ и всего платья на рабочихъ, эта чистота посуды и блестящій лоскъ ножей и орудій. Рыбы икряной было не очень много, да и вообще уловъ былъ не значителенъ. Мы попали какъ разъ въ тотъ періодъ втораго лова, называемаго перекатнымъ и начинающагося съ убылью воды, съ теченіемъ которой рыба уходитъ обратно въ море. Рыба, ловимая въ это время, называется также *перекатною* и по большей части бываетъ безъ икры. Ловъ въ это время вообще не обиленъ.

Послѣ лова и осмотра пригототовленія продуктовъ Великій Князь пошелъ смотрѣть выставку всѣхъ рѣшительно рыболовныхъ снастей и орудій, употребляемыхъ на здѣшнихъ промыслахъ и разставленыхъ на обширномъ мѣстѣ, нарочно для этого избранномъ на берегу, гдѣ г. Макаровъ объяснялъ Его Высочеству значеніе и употребленіе каждой снасти. Потомъ осмотрѣны были огромные выхода и ледники, гдѣ хранятся громаднѣйшіе запасы соленой рыбы всякаго рода, и около которыхъ нагромождены цѣлыя груды сушеной *частиковой* рыбы: тарани, воблы, бѣшенки, судаковъ — рыбы, отправляющейся на судахъ, до верху нагруженныхъ, вверхъ по Волгѣ, развозимой цѣлыми обозами по всему приволожскому и смежному съ Волгой краю, и составляющей главную пищу нашего простонародья. Изъ частиковой рыбы, и по преимуществу изъ огромнаго количества бѣшенки, добывается рыбій жиръ, и притомъ самымъ простымъ и незатѣйливымъ способомъ. Рыбу бросаютъ прямо изъ сѣтей въ чаны, и наливаютъ на нее горячую воду. Все это дѣлается на открытомъ воздухѣ, подъ палящимъ солнцемъ, и въ это время горе непривычному обонянію. Вонь отъ гніющей рыбы заражаетъ воздухъ. Рыба эта чрезвычайно жирна; отъ теплоты и влажности она подвергается гніенію и отдѣляющійся жиръ собирается съ поверхности налитой на рыбу воды. Такой же операціи подвергаются для отдѣленія жира внутренности и другихъ рыбъ, частиковой же породы, при значительномъ ихъ

уловѣ и послѣ раздѣлыванія ихъ для торговли. Рыбій жиръ—продуктъ не цѣнный, за который платится отъ рубля до рубля 80 к. за пудъ, и составляетъ предметъ промышленности станицъ Астраханскихъ казаковъ, занимающихся ловлей бѣшенки и жиротопленіемъ съ 15-го апрѣля по 5-е мая. Но часть лова бѣшенни, получила, слава Богу, въ послѣднее время другое назначеніе, и какъ говоритъ здѣсь общій голосъ, благодаря стараніямъ и указаніямъ извѣстной экспедиціи для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства. До 25 милл. штукъ бѣшенки солится и приготовляется здѣсь уже на манеръ сельдей, и находитъ себѣ обширный сбытъ. Промыселъ этотъ во всякомъ случаѣ прибыльнѣе жиротопленія.

Рыболовство переживаетъ здѣсь въ настоящее время періодъ кризиса. Теперь все сѣверо-западное прибрежье Каспійскаго моря, начиная отъ водъ Уральскихъ казаковъ и до Персидской границы, на протяженіи 2.000 верстъ слишкомъ, находится въ пользованіи нѣсколькихъ, береговыхъ владѣльцевъ, монастыря и пяти компаній откупщиковъ; лучшія мѣста въ ихъ рукахъ, а для вольнаго лова отведены глубь моря и Эмбенскія участки на сѣверовосточномъ берегу, гдѣ нѣтъ прѣсной воды и гдѣ рыбы гораздо меньше. Но этому положенію дѣлъ, вѣроятно, придетъ скоро конецъ, и море откроется для всѣхъ вольныхъ ловцовъ. Это вопросъ величайшей важности; его много подвинула впередъ коммиссія для изслѣдованія каспійскаго рыболовства,

подъ руководствомъ извѣстнаго нашего ученаго академика Бера и при содѣйствіи г. Данилевскаго. Дай Богъ только, чтобы эта свобода лова была дѣйствительная, и чтобы рыбная ловля не попала опять въ руки другаго рода монополіи, хоть бы напр. одного только астраханскаго общества.

Послѣ роскошнаго обѣда, предложеннаго г. Макаровымъ, Великій Князь уѣхалъ на пароходъ, сопровождаемый снова цѣлою вереницей лодокъ, разукрашенныхъ флагами, съ гребцами всѣхъ половъ и возрастовъ. Нескончаемое *ура* провожало отходящій пароходъ. Было уже совершенно темно, когда мы подходили къ Астрахани, но вотъ вдали замелькали огоньки то бѣлый, то красный, то зеленый—еще нѣсколько минутъ и чудесная панорама представилась нашимъ взорамъ. Всѣ суда безъ исключенія, покрывавшіе Волжскую пристань, были разукрашены цвѣтными фонарями, ярко блестѣвшими на темномъ ночномъ покровѣ; по временамъ освѣщали путь пароходу разноцвѣтные бенгальскіе огни. Это была рѣшительно великолѣпнѣйшая декорація, какую намъ когда-либо приходилось видѣть. Но вотъ засверкала вдали огнями пристань; она была убрана зеленью виноградныхъ лозъ, которая ярко кинулась намъ въ глаза при блескѣ шкаликовъ. Громкое оглушающее *ура* привѣтствовало возвращавшійся пароходъ.

Воскресенье 28-го іюля начали мы обѣднею въ соборѣ. Астраханскій соборъ, построенный въ 1698 году,

поражаетъ своими колоссальными размѣрами. Не мало величія придаетъ храму огромный иконостасъ, украшенный рѣзною работой нижегородскихъ рѣщиковъ 1703 года, и недавно поновленный саратовскими мастерами; въ немъ серебренныя царскія врата чеканной работы и богатые оклады на ризахъ. Вообще въ храмѣ и въ ризницѣ не мало драгоцѣнностей: есть большое Евангеліе въ окладѣ, который цѣнятъ въ 20.000 р., есть митра цѣною 15.000, но всего примѣчательнѣе хранимая въ ризницѣ окровавленная одежда митрополита Іосифа, замученнаго шайкою Стеньки Разина при взятіи Астрахани. Странно видѣть соборъ старой постройки съ голыми стѣнами, отдѣланными подъ мраморъ безъ стѣннаго письма. Хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ, пѣвшій во время литургіи, принадлежитъ къ лучшимъ, какіе удавалось намъ слышать въ теченіе всей поѣздки.

Послѣ обѣдни Великій Князь поѣхалъ осмотрѣть астраханскій военный портъ. Начало Астраханскому военному порту положилъ опять-таки онъ, великій кормчій земли Русской, начала прошедшаго столѣтія. Іюня 15-го 1722 года прибылъ Петръ въ Астрахань на Московскомъ стругѣ, и остановился въ маленькомъ деревянномъ домикѣ на р. Кутумѣ. Мѣсто это теперь съ точностью не извѣстно, но говорятъ, что еще въ 1804 году, на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливался Государь, былъ садъ армянина Никиты Калустова. Положеніе Астрахани и Волжскаго устья, какъ мѣста, на перепутьѣ морского пути въ Азію и рѣчнаго во внутрь

Россіи и до самого Балтійскаго моря, мѣста которому сама судьба указала великую всемірно историческую роль: быть складочномъ мѣстомъ торговли между Востокомъ и Западомъ — не могло остаться незамѣченнымъ и не укрылось отъ вниманія великаго преобразователя, и онъ повелѣлъ быть здѣсь военному порту. Какъ памятники пребыванія Великаго, хранятся въ портѣ баржа и верейка его въ особо-устроенномъ помѣщеніи; тутъ же хранятся нѣкоторые инструменты, будто бы оставленные имъ, но объ этомъ нѣтъ положительныхъ и вѣрныхъ указаній. Мѣсто, избранное Петромъ для адмиралтейства на р. Кутумѣ въ то время еще достаточно глубокой, было оставлено, и въ 1726 году портъ былъ окончательно устроенъ на р. Скаржинкѣ, гдѣ и остается до сихъ поръ, Рѣка Скаржинка пересохла; образовавшаяся впереди ея коса присоединена къ старому адмиралтейству, и портъ занялъ все пространство до р. Волги, раздѣлившись на двѣ части, старое и новое адмиралтейство, соединенныя земляною дамбой черезъ р. Скаржинку. Измѣненіе р. Волги заставило перемѣщать нѣсколько разъ элингъ адмиралтейства. Съ 1726—1815 годъ онъ былъ на Скаржинкѣ, потомъ перенесенъ на Царевъ, притокъ Волги, въ 5 верстахъ отъ порта, а съ 1824 года онъ находится въ новомъ адмиралтействѣ на Волгѣ, гдѣ и расположены главныя строенія. До 1827 года, при существованіи одного стараго адмиралтейства, при портѣ не было строительной части. Всѣ главныя построй-

ки перенесены въ новое адмиралтейство, гдѣ и возведены каменныя зданія. Въ старомъ помѣщаются присутственныя мѣста и морская библіотека, заключающая въ себѣ 1203 тома и выписывающая до 35 журналовъ и газетъ. Въ новомъ адмиралтействѣ особенно замѣчателенъ механическій заводъ, открытый въ 1858 году. Въ немъ помѣщаются слесарная, кузнечная, лѣсопильная, литейная, желѣзо-и-мѣдно-котельная, фонарная, компасная, малярная, столярная, блоковая, модельная и рѣзная мастерскія. Когда подумаешь, что на всемъ пространствѣ отъ Симбирска до Астрахани нѣтъ ни одного механическаго заведенія, и припомнишь огромное количество плавающихъ по Волгѣ пароходовъ, тогда польза этого механическаго заведенія ярко кидается въ глаза. Значеніе прекраснаго заведенія такъ велико, что грѣшно было бы подумать о сокращеніи его или о переводѣ въ другое мѣсто, о чемъ стали ходить въ послѣднее время слухи. Съ неменьшею пользой служитъ и пловучій докъ, открытый за извѣстную плату и частнымъ лицамъ.

Съ основанія порта, съ 1722 г. и до 1821 года, постройка военныхъ судовъ въ Астрахани почти не производилось. Въ теченіи всего этого времени, построены были, сколько извѣстно, только три судна: яхта *Марія* для графа Зубова, въ 1796 году; бомбардирскій корабль *Громъ* въ 1805 году и одинъ пакетботъ въ 1815 году. Всѣ же суда строились въ Казани, гдѣ было и адмиралтейство. Послѣ уничтоженія Казанскаго

адмиралтейства, астраханскій портъ пріобрѣтаетъ большее значеніе и судостроеніе развивается. Съ 1828 года появляются первые пароходы: *Предпріятіе* и *Кама*. Въ послѣдней войнѣ съ Персіею, флотилія наша состояла изъ 14 военныхъ судовъ, въ числѣ которыхъ были: 6 бриговъ 12-ти-пушечныхъ и 4 8-ми-пушечныхъ; кромѣ того, было: 6 транспортовъ, 2 парохода и 12 разныхъ мелкихъ судовъ. Въ 1843 году флотилію составляли: 4 брига, 1 тендеръ, 2 парохода въ 40 силъ, 6 транспортовъ, 5 эмбенскихъ ботовъ и 4 мелкихъ судна. Въ 1845 году присланы были въ Астраханскій портъ, въ частяхъ, два сто-сильныхъ парохода изъ Англіи и одинъ изъ Голландіи. Они назначались для перевозки почты изъ Астрахани по портамъ Каспійскаго моря, и имѣли болѣе коммерческое назначеніе. Почтовое пароходство лежало на обязанности здѣшняго флота съ 1846 года по 1860 годъ, до того времени, пока общество „Кавказъ и Меркурій" не приняло на себя эту обязанность, вмѣстѣ съ перевозкой всѣхъ казенныхъ грузовъ по Каспійскому морю.

Главное же вниманіе обращено было на усиленіе Каспійской флотиліи только съ 1857 года. Съ этого времени началась дѣятельная постройка желѣзныхъ паровыхъ судовъ. Составъ флотиліи былъ совершенно измѣненъ; она потеряла уже свой коммерческій характеръ и самый портъ возведенъ былъ въ первокласный. Паровой флотъ большею частію замѣнилъ прежній парусный, появились винтовыя шхуны,

потомъ въ 1862 году и канонерскія лодки. Въ настоящее время въ Каспійской флотиліи числится 43 судна. Паровыхъ 23, парусныхъ 12 *).

Кромѣ того, при здѣшнемъ портѣ находится деревянный пловучій докъ изъ трехъ частей, построенный въ Астрахани въ 1858 году; 6-ть-грузовыхъ баржъ, паровая землечерпательная машина въ 26 силъ, построенная также въ Астрахани въ 1845 году для углубленія адмиралтейскаго канала, брантвахтенное судно на Бирючей Косѣ и пловучій маякъ.

Неудобство волжскаго фарватера и разныя другія соображенія возбудили мысль о перенесеніи военнаго порта изъ Астрахани въ Баку, представляющій болѣе удобства. Не беремся судить объ этомъ дѣлѣ, но должны замѣтить, что слышали отъ знатоковъ, будто это мысль не практическая. Въ Баку придется все-таки возить всѣ принадлежности для военнаго порта черезъ Астрахань; неисчислимы будутъ издержки для содержанія въ Баку порта, и лучше было бы употребить всѣ средства для улучшенія астраханскаго рейда. Если это такъ, то зачѣмъ бы ломать старое, когда въ старомъ достаточно жизни и есть зародыши обновленія?

---

*) Паровыхъ: колесныхъ пароходовъ 8 (6 морскихъ и 2 рѣчныхъ), шхунъ винтовыхъ 4, винтовыхъ канонерскихъ лодокъ 3, винтовыхъ транспортовъ 4, (вооруженъ одинъ только транспортъ *Калмыкъ*, остальные находятся при портѣ), винтовыхъ барказовъ 4; парусныхъ: шхунъ 1, транспортовъ 3, баржъ морскихъ 8.

Послѣ осмотра порта, Великій Князь прибылъ въ 11 часу на пароходъ, который немедленно пошелъ вверхъ къ Царицыну.

Общій говоръ касательно торговли Астрахани тотъ, что она теперь въ сильномъ упадкѣ. Самыя разнообразныя условія были тому причиной. Въ прежнее время, когда торговля съ средней Азіей по оренбурской линіи еще только начиналась, когда торговли на Кавказѣ почти еще не было, Астрахань была главнымъ пунктомъ нашихъ торговыхъ сношеній съ Персіей и Средней Азіей. Подворья Индѣйское и Персидское служатъ ясными и краснорѣчивыми памятниками прежняго значенія Астрахани. Теперь уже не то. Все наше вниманіе обратилась на развитіе торговыхъ сношеній съ средней Азіей въ Оренбурскомъ краѣ; мы тамъ достигли блистательныхъ результатовъ, но ради Оренбурга не забыли ли черезъ чуръ уже Астрахань, представляющую во всякомъ случаѣ и болѣе близкое и болѣе удобное сношеніе съ среднею Азіей. По крайней мѣрѣ не подлежитъ сомнѣнію, что развитіе и расширеніе торговли по оренбурской линіи имѣло вредное вліяніе на торговлю Астрахани, точно также какъ и открытіе военно-грузинской дороги и умноженіе торговли въ Тифлисѣ. Общая сумма торговыхъ нашихъ оборотовъ съ Персіей, Хивой и Бухарой, строго говоря, не уменьшились—даже, пожалуй, увеличились въ своихъ размѣрахъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, но они раздробились по нѣсколькимъ пунктамъ и, нѣтъ сомнѣнія,—въ ущербъ Астраха-

ни. Весь вопросъ состоитъ теперь въ томъ—выгоднѣе и удобнѣе ли для насъ будетъ поддерживать Астрахань и содѣйствовать ей всѣми средствами. Сомнѣнія тутъ кажется быть не можетъ, ежели взять въ разсчетъ ея положеніе, удобный морской путь, водное сообщеніе съ центромъ Иимперіи и несравненно кратчайшее разстояніе отъ Хивы. Наши плѣнные, возвратившіеся изъ Хивы, пришли оттуда черезъ Тюбъ-Караганъ и на пароходѣ въ Астрахань въ 10 дней.

Главныя статьи привозныхъ изъ Персіи и съ восточнаго берега Каспійскаго моря товаровъ — это хлопокъ, бумажная пряжа, шелкъ, сырецъ, чернильные орѣшки, марена и другой красильный товаръ, рисъ, фрукты, бумажныя шерстяныя и шелковыя издѣлія, рыба, рыбій клей и вязига (съ ферабадскихъ промысловъ). Товаровъ этихъ привозилось съ 1857—1863 среднимъ числомъ ежегодно на 4,061,658.

Главныя же статьи нашего вывоза—это разнаго рода хлѣбъ, желѣзо, сталь, разныя желѣзныя, мѣдныя и чугунныя издѣлія, фарфоровая посуда, бумажныя, шерстяныя и шелковыя издѣлія, писчая бумага, сандалъ, сахаръ, чай. Въ теченіе того же времени ихъ вывозилось среднимъ числомъ ежегодно на 5,368,500 р.

Торговля на Мангишлакѣ и съ пребрежными Туркменами пока еще ничтожна, и состоитъ въ обмѣнѣ хлѣба, разныхъ бумажныхъ издѣлій, посуды и снастей на кожи, шерсть, козій пухъ и на рыбный товаръ.

Съ устройствомъ и очищеніемъ волжскаго устья и съ заведеніемъ правильныхъ пароходныхъ сообщеній, съ измѣненіемъ конструкціи судовъ и наконецъ съ устройствомъ надежныхъ и постоянныхъ факторій на восточномъ берегу Каспія,—торговыя связи Астрахани значительно должны, казалось бы, расшириться. Нельзя также не упомянуть о томъ, что, по общему мнѣнію, дозволеніе вывоза въ Персію и въ среднюю Азію звонкой монеты весьма вредно подѣйствовало на нашу отпускную торговлю. Персіяне перестали брать наши товары, и стараются вымѣнивать свои на звонкую монету.

ГЛАВА XV.

Поѣздка въ Тюменевку. Встрѣча у Хурула и ламайская священная музыка. Обстановка богослуженія и внутренность хурула. Обрядовыя вещи и одежды духовенства. Впечатлѣніе отъ хурула. Священныя книги въ хурулѣ. О священной литературѣ Буддизма. Курду. Характеръ Буддизма. Буддійская іерархія. Новѣйшія изслѣдованія о Буддизмѣ. Сущность Буддійскаго ученія.

Жаль было уѣзжать изъ Астрахани: такъ интересенъ показался намъ городъ со всею его обстановкой. Но и наступившій день обѣщалъ намъ много интереснаго въ Тюменевкѣ, куда располагалъ заѣхать Великій Князь. Въ 4-мъ часу показались на береговой линіи узорчатыя верхушки Тюменевскаго хурула, и скоро мы подъѣхали къ пристани, гдѣ ожидала насъ толпа Калмыковъ въ праздничныхъ платьяхъ; впереди всѣхъ стояли хозяйки и хозяева Тюменевки. Съ нами плыли музыканты, и Великій Князь приказалъ сыграть на встрѣчу что-

нибудь калмыцкое. Заиграли одну изъ калмыцкихъ пѣсенъ, въ которой мотивъ, простой, но странный для уха, привыкшаго къ инымъ тонамъ, повторяется безъ перерыва въ безконечность, — въ родѣ руской сказки про бѣлаго быка; этотъ мотивъ, самъ по себѣ игривый, привязался потомъ къ намъ въ родѣ того, какъ иной разъ привязывается къ слуху, и вертится въ немъ безсознательно и безъ всякаго резона какой-нибудь стихъ или какое-нибудь слово, Богъ знаетъ когда и гдѣ на лету пойманное. Такова была прелюдія празднества, ожидавшаго насъ въ Тюменевкѣ. За этою прелюдіей слѣдовала симфонія совсѣмъ иного рода. Не подалеку отъ дома, у хурула, ожидало Великаго Князя полное собраніе ламайскаго духовенства, во всеоружіи, то-есть со всѣмъ арсеналомъ своихъ музыкальныхъ инструментовъ. Хурулъ выстроенъ покойнымъ Тюменемъ, весь каменный, очень красивой архитектуры. Верхняя часть его, совершенно въ стилѣ китайскихъ храмовъ, выведена остроконечными крытыми башенками, съ загнутыми вверхъ краями, а нижняя часть обставлена съ обоихъ концовъ полукруглою колоннадой. Внутри всего этого полукружія расположились вмѣстѣ съ ламою разнообразные чины ламайскіе, страннаго вида, въ странныхъ одеждахъ, съ странными, на первый разъ непонятными инструментами въ рукахъ. Едва показался Великій Князь какъ всѣ эти оружія пришли въ движеніе: завыли огромныя *укыр-бюрѐ*, трубы изъ красной мѣди и кожи, аршина въ 4 длиною, точно ревомъ коровы или

какого-то дикаго животнаго, запищали, переливаясь дикими, пронзительными трелями, *дунгары* или рожки, загудѣли большіе и малые барабаны, зазвенѣли огромныя мѣдныя тарелки ужаснымъ оглушительнымъ звономъ, — и все это, сливаясь со звуками множества другихъ неизвѣстныхъ и странныхъ иструментовъ, составило неслыханное, невѣроятное сочетаніе звуковъ, такое дикое, что мы въ первую минуту не могли опомниться отъ изумленія. Невозможно представить себѣ то впечатленіе, которое производитъ на нервы эта музыка, когда въ первый разъ ее слышишь: когда ухо начинаетъ привыкать къ ней, тогда успѣваешь различать въ ней какіе-то основные тоны и своего рода дикій строй, но на первый разъ она ошеломила бы всякаго, какъ насъ ошеломила. Казалось, мы попали какими-то судьбами, въ какой-то особенный міръ, который самая дикая фантазія населила нечеловѣческими образами и наполнила нечеловѣческими звуками. Мы вошли въ хурулъ. У самыхъ дверей стояла, въ родѣ привратника, огромная фигура въ красной одеждѣ, накрытая большою шапкой въ видѣ остроконечнаго шлема; подъ этой шапкой смотрѣло на насъ красное лицо неподвижнымъ взглядомъ, изъ-подъ бровей, вымазанныхъ черною сажей. Отъ дверей во всю длину зданія до главнаго капища шли рядами каменные столбы, и въ этой колонадѣ сидѣли на полу въ два ряда, обратившись другъ къ другу лицами, калмыцкіе бакши и гелюны съ другими чинами ламайскаго обряда: ряды замыкались у самаго ка-

пища ламою и главнымъ бакши. Оба сидѣли на низкихъ скамьяхъ и держали въ рукахъ колокольчики. Ламайское духовенство многочисленно, и іерархія его дробится и развѣтвляется до неопредѣленныхъ размѣровъ. Каждый хурулъ имѣетъ видъ монастыря, къ которому принадлежитъ множество чиновъ: здѣсь есть и настоятели, и благочинные съ товарищами, распорядители, уставщики, экзаминаторы, надзиратели за порядкомъ въ кумирнѣ, заправщики или начинатели службы, казначеи и т. под., кромѣ музыкантовъ, пѣвцовъ, чтецовъ, прислужниковъ.

Въ ламайскихъ храмахъ окна бываютъ съ восточной и западной стороны, а главное капище или жертвенникъ, съ сѣверной. Таково было и расположеніе частей тюменевскаго хурула. Мы стали противъ ламы, около самаго жертвенника, который помѣщается въ глубинѣ темной ниши, подъ балдахиномъ, опоясаннымъ бахрамою съ кистями по угламъ: по правую и лѣвую сторону видны были еще два подвижные навѣса, употребляемые во время процессій. Къ сожалѣнію, мы не могли во время служенія разсматривать подробно всѣ принадлежности жертвенника; внутренность его тускло освѣщалась жертвенными огоньками, горѣвшими въ цвѣтныхъ фонарикахъ; по бокамъ курились, издавая странный, тяжелый запахъ, цвѣтныя свѣчки, сдѣланныя изъ какой-то смолы. Мы не замѣтили здѣсь множества кумировъ: на верху въ глубинѣ жертвенника виднѣлась только одна позолоченная сидячая фигура, державшая что-то

въ рукахъ: по всей вѣроятности это изображенiе буддiйскаго полубога Шакаямуни, считаемаго родоначальникомъ буддизма: кумиръ его обыкновенно ставится въ буддiйскихъ храмахъ. Вообще калмыцкiе хурулы, какъ видно, не изобилуютъ идолами, не такъ какъ бурятскiе капища, въ которыхъ обыкновенно ставится несмѣтное число истукановъ. На жертвенникѣ стояло множество серебреныхъ чашечекъ съ приношенiями, въ числѣ которыхъ мы замѣтили пшеничныя зерна, лепешки и свѣжiя яблоки; тутъ же стояло нѣсколько колокольчиковъ. По буддiйскому обряду приношенiя сводятся къ шести слѣдующимъ категорiямъ: вода — жертва отъ морей, сѣмена—отъ земли, куренiя — отъ воздуха, лампада — отъ огня, опрѣсноки — отъ человѣка, и музыкальное орудiе (колокольчикъ) — отъ всего мiра. Жертвы эти по уставу должны перемѣняться ежедневно, и приносятъ обыкновенно не малый доходъ духовенству, такъ какъ мiряне приносятъ ихъ для умилостивленiя боговъ по поводу каждой нужды, бѣдствiя или чрезвычайнаго событiя въ домѣ. Остальныхъ принадлежностей жертвенника мы не могли разсмотрѣть, но безъ сомнѣнiя нашли бы тутъ всѣ символическiя принадлежности буддiйскаго богослуженiя, *мандалъ* или металлическiй кружокъ—символъ неба, *толи*—медальйонъ съ изображенiемъ буддiйской додекады—символъ вселенной, *эрдени* или пирамиду изъ шариковъ, изображающую таинственныя силы природы, колесо—символъ превратности судьбы, *алтанъ-мелекея* или золотую лягушку, на которой

держится міръ и т. под. Около жертвенника висѣли на стѣнкѣ раскрашенныя изображенія изъ буддійской миѳологіи; кромѣ того мы еще замѣтили четырехцвѣтную хоругвь, означающую четыре обряда принятые въ буддизмѣ. По обѣ стороны жертвенника стояли все время два *сайбуна* или прислужника, съ бритыми, но непокрытыми головами, въ длинныхъ красныхъ одеждахъ: они стояли неподвижно и держали въ рукахъ курильныя свѣчки краснаго и зеленаго цвѣта. Только они двое оставались непокрытые; всѣ остальные, сидѣвшіе на землѣ, были въ самыхъ разнообразныхъ и странныхъ уборахъ. Эта часть обрядоваго чина очень развита въ буддизмѣ: облаченіе, напримѣръ, одного гелюна состоитъ изъ 8 или 9 составныхъ частей: желтый камзолъ съ обшлагами, мантія съ короткимъ зубчатымъ воротникомъ, пояса, повязки, широкія ленты, длиною доходящія иногда до десяти аршинъ, которыя перекидываются черезъ плечо и наматываются на руку, шапки разныхъ видовъ и священные коврики; гелюнъ, въ полномъ своемъ нарядѣ, весь пестрѣетъ съ головы до ногъ накинутыми и повязанными тканями. Буддійская іерархія дѣлится на нѣсколько орденовъ, сильно напоминающихъ католическіе ордена, и каждый орденъ имѣетъ особый уставъ одежды и дисциплины. Вообще же духовенство буддійское, обязанное къ безусловному безбрачію, дѣлится на четыре главныхъ обряда: желтый, красный, бѣлый и черный. Судя по разнообразію одеждъ, которыя мы видѣли въ тюменевскомъ хурулѣ, можно

думать, что въ многочисленномъ собраніи духовенства были представители всѣхъ четырехъ обрядовъ, потому что многіе костюмы отличались чудовищною пестротою цвѣтовъ, составляющею особенную принадлежность послѣднихъ трехъ обрядовъ. Первый разрядъ, желтый — посвященъ Шакьямунію, образцу милосердія и любви, а три послѣдніе *докшитамъ* или грознымъ духамъ, и въ обрядѣ ихъ изобилуетъ все, что можетъ служить къ возбужденію священнаго ужаса. Мы видѣли презамысловатые головные уборы, то въ видѣ шести-стороннихъ шапокъ вѣнцами, украшенныхъ изображеніями *кумировъ* и мертвыхъ головъ, то въ видѣ остроконечныхъ черныхъ касокъ, изъ-подъ которыхъ падаютъ черные волосы, закрывая лицо, или образуютъ на головѣ нѣчто въ родѣ круглой пирамиды. Въ числѣ духовенства сидѣли и молоденькіе мальчики, или такъ-называемые *манджи*, состоящіе при гелюнахъ въ родѣ послушниковъ, и для прислуги при служеніи. Въ разсадкѣ замѣтенъ былъ систематическій порядокъ, въ родѣ того, какъ разсаживаются музыканты въ оркестрѣ, и каждый держалъ въ рукахъ инструментъ, которымъ дѣйствовалъ по чину. Только у ламы и сидѣвшаго насупротивъ его бакши были колокольчики. Колокольчикъ или *хонхо* имѣетъ весьма важное значеніе въ ламайскомъ богослуженіи: безъ него не совершается ни одна служба, и по нуждѣ онъ одинъ можетъ замѣнять собою всѣ музыкальныя орудія. На немъ изображаются символическіе знаки и первая священная молитва буддій-

ская, извѣстная подъ названіемъ *мани*, а рукоятью служитъ *очир-дара* или изображеніе богини Дары. За *хонхою* первое мѣсто занимаетъ *дамара* или двойной бубенчикъ, который долженъ означать ту мысль, что міръ небесный связанъ съ земнымъ, и что все совершаемое на землѣ отзывается на небѣ, и обратно. Лама сидѣлъ неподвижно и только по временамъ двигалъ колокольчикомъ или складывалъ особеннымъ манеромъ пальцы, приближая одну ладонь къ другой. На главномъ жрецѣ въ ламайскомъ богослуженіи лежитъ важная забота—наблюдать за символикою, которая очень развита и очень сложна въ буддизмѣ, и которую онъ долженъ знать въ совершенствѣ по книгамъ. Въ каждомъ знаменательномъ и патетическомъ мѣстѣ онъ обязанъ выражать смыслъ его извѣстнымъ движепіемъ пальцевъ или одного изъ священныхъ инструментовъ.

Молча мы приглядывались и прислушивались: въ хурулѣ было душно и отъ жару, и отъ особой тяжкой атмосферы, напитанной сильнымъ запахомъ бараньяго жира и служебнаго куренья. Еще разъ убѣдились мы, что въ звукахъ ламайской музыки, раздирающей слухъ невѣроятнымъ сочетаніемъ звуковъ, есть однакожъ какая-то дикая, своеобразная гармонія, сильно дѣйствующая на нервы. Прибавьте къ этому всю обстановку хурула и рядъ чудовищно убранныхъ фигуръ, исполнявшихъ музыку. Щеки ихъ надувались, глаза неподвижно смотрѣли на насъ, но въ движеніяхъ, съ которыми, приступали они, каждый въ свое время, къ участію въ

музыкѣ, и въ расположенiи паузъ, замѣтно было, что каждый слѣдуетъ чину особо для него назначенному; иногда на минуту музыка прерывалась, и начиналось протяжное пѣнiе или произнесенiе словъ молитвы.

Служенiе кончилось, но служившие остались неподвижно на своихъ мѣстахъ въ ожиданiи нашего выхода. Великiй Князь спросилъ, есть ли въ хурулѣ священныя книги; намъ показали ихъ въ длинныхъ связкахъ на верху подъ навѣсомъ жертвенника. Одинъ изъ гелюновъ досталъ такую связку, и сѣвъ на полъ принялся ее развязывать, что оказалось не совсѣмъ простымъ дѣломъ. Верхняя оболочка была изъ шелковой матерiи, затянутой въ нѣсколько оборотовъ длиннымъ снуркомъ. За этою оболочкой слѣдовала другая такая же, за другою третья, и такъ далѣе, такъ что всякiй разъ, когда мы ожидали увидѣть подъ оболочкою книгу, являлся вмѣсто книги новый обвязанный свертокъ. Наконецъ, помнится уже подъ седьмою или восьмою оболочкой, показались длинные бумажные листки сложенные правильною кипой; каждый листокъ лежалъ отдѣльно, бумага темнаго цвѣта, покрытая тибетскими письменами. Мы просили гелюна прочесть что-нибудь, и онъ прочелъ нѣсколько строчекъ — не безъ запинки. Калмыцкое духовенство не славится ученостью, подобно тибетскому, и никто изъ стоявшихъ передъ нами жрецовъ не выходилъ дальше сферы туземнаго, степнаго обученiя. Поэтому можно думать, что никто изъ нихъ не погружался глубоко въ тайны буддизма и что всѣ они читаютъ свои

священныя книги съ запинкою. Притомъ нѣсколько связокъ, которыя мы видѣли въ хурулѣ на верху жертвенника, показались бы конечно ученому буддисту жалкимъ отрывкомъ въ сравненіи съ полнымъ канономъ буддійскаго закона.

Извѣстно, что ни въ одной религіи масса священныхъ книгъ не достигала и приблизительно такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ въ буддизмѣ. Священныя книги Тибета состоятъ изъ двухъ собраній называемыхъ Канъ-джіуръ и Танъ-джіуръ. Канъ-джіуръ содержитъ въ себѣ не менѣе 100 фоліантовъ въ новыхъ изданіяхъ, печатанныхъ въ Лассѣ и Пекинѣ. Въ нихъ помѣщено всего 1083 отдѣльныя творенія. Пекинское изданіе Танъ-джіура состоитъ изъ 225 фоліантовъ, каждый вѣсомъ отъ 4 до 5 фунтовъ. Экземпляръ Пекинскаго изданія Канъ-джіура стоитъ около 600 фунтовъ стерлинговъ. Кеппенъ въ своемъ сочиненіи о буддизмѣ пишетъ, что за одинъ экземпляръ Канъ-джіура было заплочено 7000 быковъ. Вотъ чего стоитъ священная литература буддизма! Часть священныхъ книгъ буддійскихъ есть и на калмыцкомъ языкѣ. Вслѣдъ за изобрѣтеніемъ калмыцкихъ письменъ въ половинѣ XVII-го столѣтія, переведено на калмыцкій языкъ до 200 сочиненій, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій можно до сихъ поръ встрѣтить у грамотныхъ Калмыковъ. Изобрѣтателемъ калмыцкой письменности былъ знаменитый у Калмыковъ Лама Зая-Пандита, родомъ изъ хошоутовскаго улуса.

По выходѣ изъ хурула, на дворѣ, показывали намъ желѣзное кресло, съ обручемъ, въ которомъ обыкновенно сожигаютъ по калмыцкому обряду знатныхъ покойниковъ, напримѣръ зайсанговъ и нойоновъ. Къ креслу привязываютъ тѣло съ поджатыми ногами и обливъ пахучимъ масломъ, ставятъ на костеръ. Пепелъ тщательно собирается; его мѣшаютъ съ тѣстомъ въ видѣ лепешекъ, которыя потомъ раздаются для храненія и памяти друзьямъ и родственникамъ умершаго, или дѣлаютъ изъ него изображенія бурхановъ и ставятъ въ хурулахъ. Намъ сказывали, что и покойнаго Тюменя хоронили по тому же обряду. Но тѣла простыхъ Калмыковъ не погребаются и не подвергаются сожженію, а бросаются просто въ степь, гдѣ ихъ сушитъ солнце и истребляютъ звѣри и птицы.

Лама провелъ насъ изъ хурула къ небольшой стоявшей въ сторонѣ башенкѣ, довольно красивой архитектуры и отдѣлки. Внутри этой башенки помѣщается *курду*, извѣстный инструментъ ламайской молитвы и средство для облегченія молитвенныхъ подвиговъ. Это большой шестисторонній цилиндръ или барабанъ, расписанный шестью священными цвѣтами и обращающійся на вертикальной оси. На поверхности цилиндра написаны, съ многократнымъ повтореніемъ, двѣ священныя, таинственныя ламайскія молитвы: одна, о которой упоминалось выше, *мани*, состоитъ изъ шести словъ, произнесенныхъ будто бы верховнымъ божествомъ при устройствѣ міра и указывающихъ на шесть разрядовъ

сотворенныхъ существъ; другая молитва, подъ названіемъ *мекдземъ*, содержитъ въ себѣ примѣненіе ко всѣмъ обстоятельствамъ человѣческой жизни и ко всему сонму боговъ. Въ центрѣ курду полагается мѣсто богу милосердія — и въ рединѣ помѣщаются еще иногда священныя книги и бумажные свитки съ тѣми же молитвами. Въ такомъ видѣ *курду* считается образомъ вселенной; шесть сторонъ соотвѣтствуютъ шести классамъ міровыхъ существъ; верхъ ея служитъ символомъ горняго міра, а низъ—символомъ міра земнаго и преисподняго. Буддисты вѣруютъ, что тотъ, кто съ благоговѣніемъ обращаетъ *курду* около оси, вступаетъ въ близкій союзъ со всѣми существами, и пріобрѣтаетъ помощь ихъ и содѣйствіе. Такимъ образомъ одинъ оборотъ *курду* равняется тысячамъ молитвъ, и *курду* представляетъ самый легкій и удобный способъ замѣнить молитву механическимъ дѣйствіемъ. У ламаитовъ употребляются разнаго рода *курду*: есть молитвенныя машины въ родѣ флюгеровъ, приводимыя въ движеніе вѣтромъ. Тюменевскій *курду* огромнаго размѣра и щеголеватой отдѣлки, и лама показывалъ намъ механизмъ, посредствомъ котораго онъ двигается.

Курду находится въ связи съ общимъ характеромъ ламайства и ламайскаго богослуженія. Буддизмъ дѣлитъ людей на неперерожденныхъ и перерожденныхъ, и относительно первыхъ, т. е. относительно массы человѣческаго рода, почти не оставляетъ мѣста живому личному отношенію человѣка къ божеству. Оттого въ буд-

дизмѣ нѣтъ ничего похожаго на церковь или собраніе единовѣрныхъ; духовенство является единственнымъ живымъ посредникомъ между Божествомъ и простыми смертными, и богослуженіе представляется не выраженіемъ чувства вѣрующихъ, но актомъ, который касается исключительно до духовенства, въ немъ участвующаго; внутренность храма почти недоступна народу, и народъ не составляетъ съ духовенствомъ одного молитвеннаго собранія: онъ стоитъ внѣ храма и слушаетъ съ трепетомъ несущіеся изъ него звуки. Буддизмъ оставляетъ личности слишкомъ мало мѣста и высшую степень совершенства полагаетъ въ безразличномъ поглощеніи личности Божествомъ. Правда, что каждому изъ своихъ послѣдователей онъ вмѣняетъ въ обязанность личное самоусовершеніе и указываетъ ему кодексъ, поражающій чистотою нравственнаго начала; но средство для усовершенія заключается во множествѣ правилъ и указаній, дробящихся до безконечности и недоступныхъ для изученія простымъ людямъ. Предоставляя своему духовенству исключительное право и на знаніе и на умоленіе Божества, окружая чинъ перерожденныхъ (какъ-то Хубилгановъ, Хутукту, Далай-Ламу) поклоненіемъ и почестями, свойственными Божеству, онъ оставляетъ народъ, т. е. простыхъ смертныхъ, въ невѣденіи, и даетъ имъ въ руководство для жизни обрядовыя правила, въ руководство для молитвы нѣсколько таинственныхъ, ни для кого не понятныхъ словъ, и въ дѣлѣ вѣры ставитъ ихъ въ рабскую зави-

26

симость отъ духовенства. Отъ того вся сила буддизма сосредоточилась бездѣйственно въ этомъ сословіи, и племена, исповѣдывающія это вѣроученіе, какъ будто осуждены на всегдашній умственный сонъ или вялое прозябаніе.

Во главѣ буддійской іерархіи стоятъ Далай-Лама и Баньчень Богдо, имѣющіе пребываніе въ Тибетѣ, и Хутукту въ Китайской Монголіи. Но руское ламайское духовенство, и у Бурятъ, и у Калмыковъ не состоитъ въ зависимости ни отъ одного изъ этихъ лицъ. До конца прошлаго столѣтія ламы получали посвященіе отъ Тибетскаго Далай-Ламы и отъ Хутукту получали священныя книги и вещи для богослужебнаго обряда, отправляли къ нему почетныя посольства; но потомъ, по распоряженію русскаго правительства, іерархическія ихъ сношенія съ Тибетомъ прекращены. Лама выбирается теперь, по отзывамъ управляющихъ улусами владѣльцевъ, изъ числа бакшей, начальствующихъ въ большихъ хурулахъ, и представляется чрезъ министра Внутреннихъ Дѣлъ на Высочайшее утвержденіе. Отъ ламы же зависитъ назначеніе въ низшія степени іерархіи, равно какъ и исключеніе недостойныхъ изъ духовнаго званія. Духовенство ламайское имѣетъ сильное вліяніе на народъ и по своему положенію имѣетъ въ рукахъ всѣ средства обогащаться на счетъ народа. Оно пользуется всѣми случаями дѣйствовать на суевѣріе Калмыковъ для своей выгоды: простой Калмыкъ готовъ отдать своему гелюну всякую

вещь, которую гелюнъ объявитъ несчастною, недоброю, заклятою—и гелюны часто этимъ пользуются. Такъ до сихъ поръ еще не вывелся между Калмыками обычай отдавать духовенству все движимое имущество, до послѣдняго платья, послѣ умершихъ.

До послѣдняго времени Калмыцкое духовенство умножалось почти безгранично и во всѣхъ семействахъ старалось вербовать себѣ членовъ, приверженцевъ и преданныхъ людей, обрекая повсюду, еще съ колыбели, малолѣтныхъ дѣтей, на духовное званіе, такъ что между Калмыками не рѣдкость встрѣчать въ простой кибиткѣ гелюновъ или манджи, числящихся въ духовенствѣ безъ дѣйствительнаго служенія. Кромѣ того еще не такъ давно у набожныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ было въ обычаѣ отдавать при жизни или при смерти цѣлые роды подвластныхъ Калмыковъ въ вѣчное владѣніе хуруламъ въ прислугу и для доходовъ: такъ мало по малу образовался цѣлый классъ, такъ-называемыхъ *Шабинеровъ* или хурульныхъ, монастырскихъ людей: всѣ они считались принадлежностью духовнаго управленія и свободными отъ податей, и къ этому рязряду людей принадлежало въ 1810 году немного менѣе *пятой* части всего калмыцкаго народа. Къ отвращенію всѣхъ этихъ злоупотребленій, въ послѣднее время правительство установило нормальные штаты калмыцкаго духовенства.

Надолго осталось у насъ впечатленіе отъ тюменевскаго хурула и отъ ламайскаго служенія. Многихъ изъ насъ поразило замѣчательное сходство нѣкоторыхъ

обрядовъ его съ католическими; сходство это простирается и далѣе обрядовой части служенія—на церковную дисциплину и церковныя отношенія. Оно поражало всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, занимавшихся изученіемъ буддійской вѣры, и нѣкоторые изъ самыхъ ревностныхъ католиковъ (напримѣръ аббатъ Гюкъ въ своемъ путешествіи по Тибету), замѣчая это сходство, терялись въ усиліяхъ объяснить его. Аббатъ Гюкъ съ изумленіемъ перечисляетъ всѣ признаки этаго сходства, и приводитъ ихъ такъ много, что его книга попала въ число сочиненій, запрещенныхъ римскою Куріей. Посохъ, митра, далматикъ, круглая шапка, которую ламы носятъ въ дорогѣ или на служеніи внѣ храма; служеніе на два хора, чтеніе молитвъ речитативомъ, кадило на 5 цѣпочкахъ, которое можно по произволу раскрывать и закрывать, благословеніе которое лама даетъ народу, простирая надъ головами правую руку, четки, безбрачіе духовенства, монастырскій чинъ, почитаніе святыхъ, посты, процессіи, молебны, освященіе воды, вотъ — говоритъ Гюкъ — поразительныя черты сходства между нами и буддистами. Кромѣ того извѣстно, что буддисты чествуютъ кости людей, почитаемыхъ ими за святыхъ, что у нихъ есть постриженіе, есть исповѣдь, которой придается важное значеніе. Гюкъ остановился на той мысли, что все это дѣло злаго духа, устроенное съ цѣлью соблазна для вѣрныхъ. Но по мѣрѣ того какъ знакомились новѣйшіе ученые съ содержаніемъ священной литературы

буддизма, началось объясненіе и нѣкоторымъ изъ этихъ странныхъ явленій, — въ преданіяхъ и въ символахъ самого буддизма. Къ сожалѣнію, во время путешествія, съ нами не было капитальныхъ сочиненій о буддизмѣ. Къ счастію однакоже, во время проѣзда нашего черезъ Ярославль, преосвященный Нилъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи изслѣдователей обрядовой части сибирскаго ламайства, подарилъ намъ свое сочиненіе о буддизмѣ, изданное въ 1858 году; и эта книга, переходя изъ рукъ въ руки, читалась въ нашей каютъ-компаніи съ живымъ любопытствомъ.

Новѣйшія изслѣдованія европейскихъ ученыхъ многое разъяснили въ исторіи и догматахъ этого ученія, что было прежде темно и непонятно. Серіозная исторія этихъ изслѣдованій начинается не такъ давно, съ 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. До тѣхъ поръ свѣденіе о буддизмѣ доходило до европейскихъ ученыхъ не прямымъ путемъ, а изъ вторыхъ рукъ, изъ Китая, изъ Тибета, изъ Монголіи; но здѣсь буддизмъ является уже въ измѣненномъ видѣ, во второй степени, а колыбель его въ Индіи, и оригинальный языкъ священныхъ книгъ его санскритскій: онѣ переведены на тибетскій языкъ не ранѣе 8 или 9 вѣка по Р. Х. и были извѣстны ученымъ только въ переводахъ, по которымъ нельзя было составить себѣ точнаго и яснаго понятія обо всѣхъ предметахъ религіознаго ученія Будды. Въ 1824 году нѣкто Ходгсонъ, политическій агентъ Остъиндской компаніи въ Непалѣ, розыскалъ и собралъ въ тамошнихъ

монастыряхъ полные списки оригинальнаго текста священныхъ книгъ буддизма: нѣкоторые изъ нихъ восходили до 2 вѣка по Р. Х. — Всѣ эти списки въ 60 фоліантахъ были доставлены Азіятскому Обществу въ Калькуттѣ. Между тѣмъ въ дополненіе къ оригинальному санскритскому списку, разными путями было открыто и разработано еще 3 иноязычныхъ списка тѣхъ же книгъ. Въ 30-хъ годахъ появился въ Калькуттѣ замѣчательный человѣкъ, нѣкто Чёма де Кёрёсъ, Венгерецъ, одинъ изъ энтузіастовъ науки, какіе не часто встрѣчаются въ исторіи. Его издавна занимала мысль о происхожденіи венгерскаго племени. Изслѣдованія навели его на слѣды этого племени въ центральной Азіи, и онъ пустился, не смотря ни на какія препятствія, по этимъ слѣдамъ. Не имѣя почти никакихъ средствъ, пѣшкомъ прошелъ онъ изъ Венгріи въ Тибетъ и здѣсь, какъ случалось со многими, попалъ на дѣло, которымъ вовсе не разсчитывалъ заняться. Въ Тибетѣ, первый изъ ученыхъ западной Европы, изучилъ онъ тибетскій языкъ, и принялся за изслѣдованіе священной литературы Тибета. Кто рѣшился пройти пѣшкомъ изъ средней Европы въ среднюю Азію, тому доступны геркулесовскіе подвиги: Кёрёсъ успѣлъ прочесть весь громадный текстъ Буддійскаго канона по тибетски и составить изъ него извлеченіе, а въ Калькуттѣ убѣдился онъ въ тождествѣ тибетскаго текста съ оригиналомъ санскритскимъ. Въ тоже время въ Петербургѣ извѣстный оріенталистъ Шмидтъ занимался переводомъ Мон-

гольскаго текста тѣхъ же книгъ. Наконецъ къ этому же времени въ Цейлонѣ Тюрноуръ приготовилъ для пополненія ученыхъ изысканій новый текстъ тѣхъ же самыхъ книгъ, въ переводѣ на священный языкъ Цейлона, древнее нарѣчіе Пали. Вслѣдъ затѣмъ въ Парижѣ Бюрнуфъ, принялся со всѣмъ жаромъ за изученіе санскритскаго текста, полученнаго Парижскимъ Азіатскимъ Обществомъ, и въ 1844 году издалъ свое «Введеніе къ исторіи Буддизма», сочиненіе, которымъ положено начало систематическому изученію буддійскихъ вѣрованій. Съ тѣхъ поръ литература этого предмета обогатилась капитальными сочиненіями Кеппена (на нѣмецкомъ яз.) и Бартелеми Сентъ-Илера (Le Bouddha et sa rèligion). Наконецъ въ нынѣшнемъ году появилось еще замѣчательное изслѣдованіе о буддизмѣ тибетскомъ извѣстнаго путешественника Шлагинтвейта: по отзывамъ ученой критики онъ собралъ много новыхъ свѣденій разъясняющихъ исторію и философію буддизма.

Когда мы стояли въ калмыцкомъ хурулѣ, прислушиваясь къ дикой музыкѣ служенія, всматриваясь въ дикія лица и наряды жрецовъ, странно было подумать, что мы видимъ передъ собою представителей одного изъ древнѣйшихъ вѣрованій, видимъ обряды такой религіи, къ которой еще теперь принадлежитъ по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, наибольшая по числу доля человѣческаго рода. Бергаузъ въ своемъ «Физическомъ Атласѣ» выводитъ распредѣленіе всего рода человѣческа-

го по вѣрованьямъ. По его расчету на долю буддизма приходится 31. 2 процента, на долю христіянской вѣры—30. 7, на магометанство—15. 7, на браманство 13. 7, на язычество всякаго рода 8. 7 и на еврейскую вѣру 0. 3 процента.—Берггаузъ, говорятъ, ошибся въ расчетѣ, потому что причислилъ весь Китай къ буддизму, тогда какъ въ Китаѣ необходимо различить послѣдователей Конфуція и Лаотсе, да и вообще въ Китаѣ трудно опредѣлить, къ какому именно вѣрованію принадлежитъ каждый: такъ перемѣшаны тамъ вѣрованія. Въ такомъ случаѣ первенство по числу, остается за христіянскою вѣрой, но все-таки за буддизмомъ оказывается громадная пропорція, и все-таки мы стояли въ эту минуту передъ лицомъ такого вѣрованія, которое, черезъ 2000 лѣтъ по смерти своего основателя, послѣ многихъ переворотовъ и пораженій считаетъ еще за собою по примѣрному расчету около 455 милліоновъ человѣческихъ душъ. Индія была колыбелью ученія Будды; отсюда ревностные миссіонеры распространили его въ Цейлонѣ, по индійскому архипелагу, Японіи, Китаю и Средней Азіи. Послѣ смерти основателя своего (около 500 лѣтъ до Р. Х.) ученіе Будды вступило въ борьбу со старою браминскою вѣрой и одолѣло ее, провозгласивъ новыя начала не только религіозныя но и соціальныя; но около 8 вѣка по Р. Х. буддизмъ въ свою очередь долженъ былъ уступить возродившемуся браминству въ Индіи; съ тѣхъ поръ началось выселеніе буддійскаго духовенства въ среднюю Азію,

въ Тибетъ, гдѣ и теперь еще находится главное гнѣздо верховной буддійской іерархіи, соединяющей духовную власть со свѣтскою въ лицѣ Далай-Ламы.

Пестрая картина Ламайскаго служенія, которую мы видѣли передъ собою, раскрывала передъ нами только внѣшнюю сторону религіи, имѣющей столь важное значеніе въ исторіи человѣчества, и по всему вѣроятію немного далѣе внѣшности простирались понятія представителей этой религіи, которые стояли передъ нами. Съ тѣхъ поръ какъ калмыцкіе ламаисты прекратили сношенія съ тибетомъ — центромъ Ламаизма, духовенство ламайское потеряло, можно сказать, ключь къ таинствамъ своей религіи, и погрузилось почти исключительно въ ея обрядностяхъ. Въ этихъ обрядахъ все имѣетъ видъ язычества, и ничто не напоминаетъ о метафизическомъ ученіи Будды. Въ періодѣ своего упадка буддизмъ, въ новой формѣ ламаизма, смѣшался со множествомъ языческихъ вѣрованій, и принялъ въ себя догматы и обряды, совершенно несогласные съ основною мыслью Будды; въ цѣлости остался только кодексъ нравственныхъ правилъ. Глядя на идолослуженіе, происходившее передъ нами, кто могъ-бы подумать, что мы стоимъ передъ лицомъ единственной въ своемъ родѣ религіи, религіи, въ основу которой положено начало *атеизма* и *нигилизма*. Новѣйшими изслѣдованіями доказано, что первоначальное ученіе буддизма вовсе не допускало понятія о личномъ Божествѣ: понятіе это появилось уже въ эпоху смѣшенія.

Вся философія буддизма основана на отрицаніи, и притомъ на такомъ безусловномъ отрицаніи, до какого не доходилъ еще ни одинъ изъ новѣйшихъ представителей отрицательной школы въ европейской философіи. Нѣтъ ничего дѣйствительнаго въ мірѣ, по понятіямъ буддизма; все мечтательно и ничтожно, ничто не имѣетъ конечной причины и творца, все пустота и ничтожество. Есть только матерія, не имѣющая впрочемъ реальности ни въ прошедшемъ ни въ будущемъ; видоизмѣняясь безпрерывно по закону необходимости въ совокупленіи неизбѣжныхъ причинъ и послѣдствій, она стремится къ ничтожеству и изъ ничтожества произошла. Существованіе личности въ мірѣ есть непрерывное страданіе, и одно только средство освободиться отъ страданія и зла — утратить, погасить свою личность и бытіе свое. Истинно мудръ только тотъ, кто уразумѣлъ ничтожество всего существующаго, и стремится перейти въ ничто, исчезнуть, войти въ такъ называемую *Нирвану*, то есть туда гдѣ нѣтъ ни бытія, ни личности, ни сознанія. Величайшее несчастіе—быть, а не быть—высшее блаженство. Нирвана, крайняя награда, которую Будда обѣщаетъ ученикамъ своимъ. Такова Нирвана—составляющая вмѣстѣ съ отрицаніемъ Божества—самую характерную особенность буддизма. Въ послѣющемъ искаженіи его измѣнилось и понятіе о Нирванѣ; подъ этимъ названіемъ стали разумѣть состояніе положительнаго бытія въ блаженномъ состояніи наслажденія; но коренное ученіе о Нирванѣ полагаетъ въ

ней не что иное какъ рѣшительное освобожденіе отъ всякаго бытія. Невозможно представить себѣ, какимъ образомъ ученіе, основанное на этимъ понятіи, могло привлечь къ себѣ массы народныя: однакожъ исторія свидѣтельствуетъ, что такъ было. Не диво, что отдѣльные умы, въ нетерпѣніи страсти, по минутному увлеченію или по прихоти мысли, фальшиво направленной, восхваляютъ ничтожество. Вольтеръ говорилъ: «любишь жизнь, но и ничтожество не дурно". У одного изъ новѣйшихъ германскихъ философовъ читаемъ «когда глядишь на жизнь съ объективной точки зрѣнія, становится болѣе, чѣмъ сомнительно — предпочитать жизнь ничтожеству. Кажется и опытъ и размышленіе должны внушать намъ предпочтеніе ничтожества — жизни. Мы—то, чему не должно бы быть, и кончимъ тѣмъ, что перестанемъ быть.» Отдѣльные голоса въ этомъ смыслѣ не должны удивлять насъ. Но то удивительно, что было время, когда такая мысль составляла догматическое вѣрованіе, соединявшее едва не половину рода человѣческаго религіозною связью.

Нелегко понять также, какъ въ связи съ такимъ догматомъ отрицательнаго свойства состоитъ нравственный кодексъ, внѣ христіянскаго вѣроученья неимѣющій себѣ подобнаго по чистотѣ и возвышенности,—кодексъ, проповѣдующій безусловную кротость, милосердіе, благотворительность, забвеніе обидъ, чистоту нравственную и умиреніе страстей и желаній. Но такая дѣятельность поставлена Буддою въ связи съ основнымъ

догматическимъ началомъ его ученія: онъ внушаетъ своимъ послѣдователямъ отрекаться отъ своей личности до крайняго предѣла, погашая въ себѣ дѣйствіемъ воли бытіе свое, желающую душу—какъ величайшее зло: здѣсь корень и аскетизма буддійскаго и нравственной дѣятельности. Но гдѣ нѣтъ мѣста самосознанію и свободному дѣйствію личности, тамъ не можетъ быть совершенства, не можетъ быть восхожденія и плодотворнаго развитія. Удивительно-ли что религія, основанная на такомъ началѣ, бездѣйственно проносится надъ массами, и что многочисленныя племена, исповѣдующія это вѣроученіе, какъ будто осуждены исторіей на всегдашній умственный сонъ или вялое прозябаніе. Не могу не привесть здѣсь слова одного англійскаго писателя по поводу буддизма: «много пользы приноситъ намъ тщательное изслѣдованіе религіозныхъ ученій, но всего важнѣе то, что оно даетъ намъ узнать истинную цѣну своей религіи. Похоже на то, какъ мы возвращаемся изъ путешествія домой: въ эту минуту всего живѣе и горячѣе чувствуемъ мы цѣну роднаго края. Стоитъ посмотрѣть на чужія вѣрованія — что̀ другіе народы имѣли и имѣютъ еще въ качествѣ религіи; стоитъ узнать молитвы, обряды богослуженія, религіозные догматы у другихъ, даже высоко образованныхъ народовъ, у Грековъ, у Римлянъ, у Индусовъ, у Персовъ,—и можно тогда понять вполнѣ, какое великое благо, что намъ дано съ самаго рожденія дышать чистымъ воздухомъ христіянскаго знанія, христіянскаго просвѣщенія.

Мы слишкомъ склонны привыкать къ самымъ благословеннымъ дарамъ, до того, что забываемъ ихъ значеніе. Мы такъ мало работали сами для того, чтобы пріобрѣсть себѣ религію, такъ мало страдали за дѣло истины, — что не умѣемъ въ мѣру оцѣнить свое христіянское имя и званіе: мы узнаемъ ему цѣну только тогда, когда сравнимъ его со всѣми остальными вѣрованіями человѣчества.»

Были люди, которые думали въ буддизмѣ отъискивать начало христіянства: конечно такая мысль не пришла бы въ голову никому, кто имѣетъ правильное понятіе о сущности христіянства, равно какъ и о сущности буддизма. Буддизмъ нельзя назвать и религіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ напр. о религіи языческой, магометанской, христіянской: ученіе буддизма стоитъ само по себѣ, въ отдѣльности отъ всякаго религіознаго вѣрованія, ибо не признаетъ во всей вселенной ничего кромѣ человѣка, и упорно отказывается признать чтобы то ни было, хотя въ то же время и человѣка сливаетъ съ природою, посреди которой онъ живетъ. Оттого, при встрѣчѣ съ буддизмомъ, вспоминаемъ невольно, по сродству понятій, объ ученіи новѣйшихъ матеріялистовъ. Здѣсь мы тоже встрѣчаемся съ теоріями, которыя пытаются объяснить міръ и человѣка, отрицая Бога и Провидѣніе, — точно такъ какъ отрицалъ ихъ Будда; отрицаютъ будущую жизнь, ставя ни во что всеобщее стремленіе цѣлаго человѣчества, и безсмертіе души думаютъ замѣнить безсмертіемъ со-

зданій человѣческихъ; не признаютъ Бога Творцемъ и Владыкою, а на мѣсто Божества ставятъ человѣка, утверждая, что человѣкъ есть единственное существо въ которомъ безконечное приходитъ къ сознанію о себѣ. «Эти теоріи, говоритъ Бартелеми Сентъ-Илеръ (le Bouddha et sa religion), рекомендуются намъ во имя науки, во имя исторіи, филологіи, даже метафизики, — и хотя въ нихъ нѣтъ ни новаго ни оригинальнаго,—слабыя сердца ими соблазняются. Полезно было бы проповѣдникамъ этихъ теорій обратить вниманіе на буддизмъ, такъ мало еще у насъ извѣстный: примѣръ буддизма показалъ бы имъ, до чего можетъ дойти человѣкъ, когда онъ на себя одного положится, и его разумъ, ослѣпленный безсознательнымъ чувствомъ гордости, доведетъ его до той бездны, въ которой потонулъ Будда. Каковы бы ни были достоинства той или другой философской системы, о каждой системѣ можно судить по тѣмъ конечнымъ выводамъ до которыхъ она доходитъ, и многія изъ новыхъ ученій — хоть и совсѣмъ инымъ путемъ—дошли до такихъ же выводовъ, къ которымъ пришелъ Будда 2400 лѣтъ тому назадъ.»

ГЛАВА XVI.

Обѣдъ въ Тюменевкѣ. Калмыцкой праздникъ. Скачка, борьба. Соколиная охота. Ловля дикихъ лошадей. Перекочевка. Джигитовка. Пѣсни и пляски. Гонка водки изъ молока. Прощанье съ Тюменевкой. Плаваніе до Царицына. Вечерняя охота на Волгѣ Царицынъ. Память Петра Великаго. Послѣдній вечеръ на Волгѣ.

Послѣ хурула и осмотра скота былъ обѣдъ, во время котораго играла флотская музыка. Ламы обѣдали особо за маленькимъ столикомъ, весьма низенькимъ, передъ которымъ они сидѣли на корточкахъ, точно также неподвижно и съ такимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ и самоуглубленіемъ, какъ они сидѣли въ хурулѣ. Послѣ обѣда начались увеселенія и зрѣлища, устроенныя для Великаго Князя попечителемъ калмыцкаго народа К. И. Костенковымъ *), и удавшіяся какъ нельзя лучше. Его

---

*) Г. Костенковъ былъ начальникомъ экспедиціи снаряженной въ 1860 году Министерствомъ Г. Имущ. по Выс. повелѣнію для

цѣль была показать Великому Князю въ продолженіи одного дня всю жизнь и весь бытъ Калмыковъ въ степи. Религіозная сторона была представлена хуруломъ. Послѣ обѣда начались народныя увеселенія. Онѣ открылись скачкой, въ которой состязались лошади всѣхъ улусовъ. Скакало до 20 лошадей; наѣздниками были по большей части ребятишки отъ 10 до 12 лѣтъ. Хошоутовскій улусъ Тюменей одержалъ верхъ и получилъ первую награду. Лошадей побѣдительницъ водили подъ устцы, привязавъ къ удиламъ пестрые платки, жертвованные княгинями. Мальчуганы-наѣздники подъѣзжали къ Великому Князю, изъ рукъ котораго получали награду, кивали головой, и бормотали себѣ подъ носъ *уру! уру! уру!* Но милѣе всѣхъ былъ наѣздникъ хошоутовской лошади побѣдительницы. Онъ явился героемъ не въ первый разъ, и скакалъ уже будучи восьми лѣтъ отъ роду. Когда ему вручили часы въ футлярѣ, онъ не могъ удержаться, громко захохоталъ, потомъ кивнулъ головой, снова захохоталъ, проговорилъ *уру!* и за тѣмъ не выпуская своего приза изъ рукъ, преважно и безпрестанно ухмыляясь, сталъ взадъ и впередъ разъѣзжать на своей лошади.

ученаго и хозяйственнаго изслѣдованія Кумо-манычской низменности и калмыцкой степи между Волгою и Дономъ. Занятіе экспедиціи продолжалось около 2 годовъ. Собранные ею матеріялы и свѣденія о степи и о бытѣ Калмыковъ будутъ, какъ намъ сказывали, въ скоромъ времени изданы Министерствомъ Гос. Имуществъ.

Но вотъ раздается громкій смѣхъ и за тѣмъ голоса: дамамъ надо удалиться. Дѣйствительно хозяйки съ губернаторшей и другими посѣтительницами удалились въ кибитку. Причиной всему этому было странное привидѣніе въ бѣломъ саванѣ, или, если хотите, бѣлой накидкѣ, изъ-подъ которой выглядывало только мѣднокрасное лицо съ черными какъ смоль волосами. Разступается снова толпа, и другое такое же привидѣніе является съ другой стороны. Это начинается калмыцкая борьба. Бѣлыя накидки сбрасываются и остаются бойцы нагіе, въ одномъ короткомъ до колѣнъ исподнемъ платьѣ, а подлѣ нихъ посредники. Бойцы, медленно размахивая руками, выправляя мускулы, и потирая, изрѣдка наклоняясь, руки пескомъ, описываютъ нѣсколько круговъ, долго высматривая другъ друга. Но вотъ удобная минута уловлена, и противники бросаются другъ на друга. Мускулы напрягаются и представляютъ во всей красѣ мощное и сильное сложеніе этихъ дѣтей степи. Крѣпко схватываются они, стараются поднять на себя или сбить противника; вотъ одинъ валится, но вотъ онъ опять вскочилъ на ноги, и приподнялъ протнвника; вотъ они опять выжидаютъ и ловятъ удобный мигъ; вотъ новая схватка, и одинъ лежитъ на пескѣ спиной, а возлѣ нихъ стоятъ уже посредники. Вся цѣль борьбы заключается въ томъ, чтобы повалить противника на спину. Боролись три пары, поочередно, и въ томъ числѣ два мальчика, возбудившіе всеобщее удовольствіе и всеобщій смѣхъ. Они, во всемъ подражая старшимъ, съ та-

кимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ и такимъ же серіознымъ видомъ описывали круги и разводили руками, приготовляясь къ борьбѣ.

За борьбой слѣдовала соколиная охота, но это было скорѣе театральное представленіе, нежели дѣйствительная охота. Сокола были дѣйствительно пущены за цаплями, сокола били ихъ—но что̀ же это были за цапли? Бѣдныя, измятыя, заранѣе для охоты пойманныя. Но что же дѣлать? Дабы видѣть эту интересную, благородную потѣху — надо ѣхать съ ястребами и балабанами въ степь и посмотрѣть тамъ на борьбу цапли съ хищною птицей. Но нужно было видѣть всѣ калмыцкія забавы — слѣдовательно въ программу вошла и соколиная охота. Но самая интересная сцена — была, безспорно, ловля дикихъ лошадей. Табунъ ихъ былъ пригнанъ къ ставкѣ. Нѣсколько табунщиковъ бросились въ его средину съ арканами на длинныхъ палкахъ. Въ одинъ мигъ арканъ уже на шеѣ у лошади, палка отброшена, и дикій конь несется на арканѣ, который все болѣе и болѣе укорачивается табунщикомъ, всею силой своей тяжести наклонившимся на другую сторону, и стягивающимъ все болѣе и болѣе петлю. Лошадь, наконецъ, или останавливается, или падаетъ на землю. Тогда ее берутъ за уши или за хвостъ, и сѣдокъ вскакиваетъ на нее, а петля отъ аркана сбрасывается. Можно себѣ представить бѣшенство свободнаго животнаго, ни разу еще не бывшаго подъ верхомъ. Дико рвется степной конь и бѣшенно скачетъ, дѣлая прыжки

и козлы, чтобы сбросить всадника, который сидитъ безъ сѣдла, держась за гриву, и угощаетъ коня каждую секунду добрыми ударами. Часто лошадь падаетъ и вновь вскакиваетъ, чтобы сбросить дерзкаго, но Калмыкъ крѣпко держится за гриву, словно приросъ къ лошади, и скачетъ до тѣхъ поръ, пока лошадь не утомится, или пока скачущій возлѣ него товарищъ не пересадитъ его къ себѣ на лошадь. Смирившееся же животное готово къ услугамъ своего укротителя.

Но вотъ показались вдали навьюченные верблюды, окруженные всадниками и всадницами, въ лучшихъ праздничныхъ нарядахъ, на лошадяхъ, покрытыхъ блестящею, дорогою сбруей. Это перекочевка. Ставку княгини переносятъ на другое мѣсто. Ея прислужницы на лошадяхъ, въ лиловыхъ шелковыхъ платьяхъ, въ кокетливыхъ желтыхъ и лиловыхъ сорочкахъ, а мущины въ щегольскихъ чекменяхъ соскакиваютъ съ лошадей, заставляютъ верблюдовъ стать на колѣни и развьючиваютъ съ нихъ всю хурду-мурду—весь скарбъ—и живо приступаютъ къ установкѣ кибитки. Живо поставлены рѣшетчатыя стѣнки, сперва одна, составляющая часть круга, потомъ другія. Онѣ связываются шерстяными тесьмами, оставляя отверстіе на востокъ, гдѣ прикрѣпляется дверь. Къ этой круглой загородкѣ, надъ самымъ ея центромъ, прикрѣпляется *унинами*, длинными палками, деревянный кругъ, *харачи*. Поднявъ его на нѣсколькихъ палкахъ, ставятъ остальныя палки, острымъ верхнимъ концемъ втыкая въ кругъ, а нижнимъ

прикрѣпляя петлями къ рѣшеткѣ. Потомъ ставятъ надъ харачей крестообразно двѣ дуги, которыя даютъ кибиткѣ округлость, и весь этотъ деревянный остовъ покрывается кошмами. Въ какіе-нибудь полчаса кибитка была готова, и дала намъ ясное понятіе о перекочевкѣ. Не доставало только огромныхъ стадъ, тянущихъ за кочевниками, и массы народа, ѣдущаго такимъ же порядкомъ за своимъ перекочевывающимъ владѣльцемъ. Но не забудемъ, что это было представленіе, данное дорогому гостю хозяйкой, представленіе во всякомъ случаѣ и любопытное и поучительное.

Но этимъ еще вечеръ не кончился. Была и джигитовка. Нѣсколько ловкихъ наѣздниковъ на всемъ скаку подбирали съ земли мелкую серебреную монету. Была калмыцкая пляска, весьма монотонная, состоящая изъ какихъ-то кривляній подъ тактъ музыки; пѣсни также монотонны и унылы, и слышится безпрерывно переходъ въ гортанные звуки. Инструменты ихъ — *ятга*—о семи мѣдныхъ струнахъ, но ее мы не видѣли, и балалайка, подъ звуки которой они и плясали. Послѣднимъ зрѣлищемъ была перегонка молока въ *арьку*, то-есть, вино, которое еще передвояется, и даетъ еще болѣе крѣпкій напитокъ *арза*. Выдѣлка производится и просто и скоро. Въ котелъ, поставленный на таганъ, вливается молоко; котелъ закрывается крышкою, которую обмазываютъ глиной или коровьимъ каломъ. Потомъ ставятъ въ наполненное водой корыто другой, также закрытый котелъ, соединяя его съ первымъ не-

большою деревянною кривою трубой. Молоко начинаютъ затѣмъ кипятить, и проводя пары его въ порожній котелъ, имѣющій отдушину, получаютъ часа черезъ полтора вино. Но, Боже, что̀ это за вкусъ! Мы его пробовали, и цѣлый день противный вкусъ оставался во рту. Калмыки его много пьютъ, но сами жалуются, что оно причиняетъ головную боль и какую-то одурѣлость, продолжающуюся два-три дня.

Вечеръ заключился чаемъ въ кибиткѣ княгини Эльзенъ *) Тюмень, послѣ котораго Великій Князь, простившись съ хозяйкой и съ астраханскимъ обществомъ, перешелъ на свой пароходъ, который долженъ былъ тронуться ночью въ дальнѣйшій путь. Ракеты и бенгальскіе огни съ двухъ пароходовъ и дружное *ура* напутствовали дорогому гостю. Остальная часть вечера, почти вплоть до нашего отхода, прошла незамѣтно въ разговорѣ и замѣчаніяхъ о всемъ, что̀ видѣли въ этотъ день, и разговоръ былъ тѣмъ интересенъ, что не всякому удалось все видѣть, у каждаго были пробѣлы. Часто онъ прерывался громкимъ смѣхомъ, вызваннымъ странными и дѣйствительно для Европейца смѣшными сторонами своеобразнаго быта кочеваго племени.

---

*) Имена при рожденіи дѣтей во владѣльческихъ калмыцкихъ семействахъ даются по выбору духовенства, тангутскія или монгольскія, и заимствуются обыкновенно изъ священныхъ книгъ. Въ этихъ именахъ есть мысль или поэтическій образъ. Такъ напр. имя *Бадма* означаетъ цвѣтокъ; *Церенъ-Норбо*—вѣчная драгоцѣнность, *Эльзенъ-цокъ*—верхъ благополучія, *Утпала*—звѣзда; *Эрдени*—сокровище, *Баатыръ-убуши*—богатырь отшельникъ и т. п.

Весь слѣдующій день, 29-го іюля, прошелъ въ обратромъ плаваніи, отъ Тюменевки до Царицына. Скоро ужь надо было намъ разставаться съ Волгою и съ *Туристомъ*; въ этотъ вечеръ предстояла послѣдняя стоянка и послѣдній ночлегъ на Волгѣ, за Чернымъ Яромъ. Неудачныя попытки достать одну изъ птицъ-бабъ, которыя все плавали впереди насъ по Волгѣ и не давались въ руки,—раздражили нашихъ охотниковъ, и имъ захотѣлось еще разъ попробовать счастья. Адмиралъ подалъ мысль пустить въ ходъ военную, или лучше сказать, охотничью хитрость. Послали на берегъ матросовъ, нарубили въ береговой поросли нѣсколько большихъ вѣтокъ тальнику, снарядили шлюпку, и обстановили ее всю кругомъ зелеными вѣтками. Такъ устроилась зеленая засада, пловучій островокъ: имъ наши охотники задумали обмануть птицу, которую всѣ называли глупою, хотя она до сихъ поръ очень умно убѣгала отъ преслѣдованія. Неподалеку отъ парохода плавали рядкомъ нѣсколько этихъ глупыхъ птицъ, и мы рѣшились отправиться за ними, съ твердою рѣшимостью — хранить глубокое, охотничье молчаніе: «неохотниковъ» пустили въ лодку только подъ этимъ условіемъ. Охотники хранили глубокое молчаніе съ важнымъ видомъ, а неохотники изо всѣхъ силъ старались удерживаться отъ смѣха, присматриваясь къ серіозному выраженію лицъ экипажа и матросовъ, залегшихъ на днѣ лодки, подвигавшейся по вѣтру безъ гребли: на кормѣ сидѣлъ старый адмиралъ съ зрительною

трубкой, высматривая глупую птицу, какъ можетъ-быть прежде въ опасный часъ высматривалъ въ морѣ непріятельскіе корабли. Однакожь и на этотъ разъ не мы обманули непріятеля, а онъ обманулъ насъ: чѣмъ дальше шла лодка, тѣмъ дальше отплывали отъ насъ птицы, а крѣпкія перья ихъ помогали имъ безвредно выносить мѣткіе выстрѣлы, которыхъ нельзя было сдѣлать въ упоръ и на близкомъ разстояніи. Экспедиція наша оказалась безплодною и, погулявъ по песчаному берегу, всѣ скоро вернулись на пароходъ.

На слѣдующее утро подошли къ Царицыну, который въ недавнее время сталъ разрастаться и растягиваться вверхъ по берегу, вслѣдствіе движенія, возбужденнаго постройкою желѣзной дороги. Пароходъ остановился у пристани, возлѣ самой станціи желѣзной дороги, и мы поѣхали въ соборъ довольно длиннымъ береговымъ путемъ, мимо новыхъ деревянныхъ домиковъ, на которыхъ и здѣсь, какъ повсюду, въ невѣроятномъ количествѣ, расплодились вывѣски «заведеній для продажи питей распивочно и на выносъ.»

До обѣда оставалось еще часа два; но день былъ такой жаркій и такая несносная пыль стояла надъ городомъ, что невозможно было пуститься въ новую поѣздку по городскимъ улицамъ. Мы успѣли однакоже посмотрѣть картузъ и трость Петра Великаго, хранящіеся въ Царицынской городской думѣ. Преданіе говоритъ, что государь оставилъ ихъ на память Царицыну, когда проѣзжалъ городъ на возвратномъ пути изъ пер-

сидскаго похода. Онъ объѣхалъ царицынскія укрѣпленія, слушалъ обѣдню въ Троицкой церкви, и самъ читалъ Апостолъ. Царицынъ былъ въ то время на опасномъ пунктѣ, и принужденъ былъ часто обороняться отъ набѣга кочевниковъ. Петръ, окруженный народомъ, просившимъ его объ утвержденіи правъ города на землю, отдалъ ему трость, сказавъ: «Вотъ вамъ моя трость! какъ я управлялся ею съ друзьями, такъ вы обороняйтесь ею противъ враговъ.» Потомъ снялъ съ головы шапку и отдавая народу, сказалъ: «Какъ никто не смѣетъ этотъ картузъ съ головы Царскаго Величества снять, такъ никто не смѣетъ васъ изъ Царицына выводить.» Картузъ Петра, въ видѣ круглой шапки съ откиднымъ козырькомъ, изъ валенаго сукна, и на половину изъѣденъ молью. Палка съ большимъ сукомъ, вырѣзана изъ турецкой или персидской черешни: палка огромныхъ размѣровъ, достойная великана, и глядя на нее можно себѣ представить, каково приходилось тѣмъ «друзьямъ,» съ которыми расправлялся Петръ посредствомъ этого орудія.

Послѣ обѣда, который давало въ честь Великаго Князя царицынское городское общество, всѣ вернулись ночевать на пароходъ. Грустно было войдти въ опустѣвшія каюты — всѣ наши вещи перевезли уже на желѣзную дорогу. Надо было проститься съ Волгою, съ *Туристомъ*, къ которому мы такъ уже привыкли, и мы прощались съ сожалѣніемъ. Послѣдній вечеръ провели мы на палубѣ, въ виду раздольной рѣки. Во-

кругъ чайнаго стола собралась вся каютъ-компанія въ старомъ своемъ составѣ: къ ней присоединилось на этотъ разъ новое лицо—инженеръ-полковникъ Панаевъ, главный распорядитель работъ по Волго-Донской и Грушевской желѣзной дорогѣ, который долженъ былъ сопровождать Его Высочество до Калачевской пристани. Завязался интересный разговоръ о желѣзной дорогѣ въ здѣшнемъ краю, о Донѣ, объ антрацитовыхъ копяхъ и о пароходствѣ. Слушая разказы г. Панаева и разсматривая планы и чертежи его, мы засидѣлись до поздняго часа: ночь была превосходная, тихая, теплая, звѣздная. Передъ отходомъ ко сну мы пошли на берегъ посмотрѣть станцію желѣзной дороги и походить по платформѣ. Такъ было странно подумать о впечатлѣніяхъ послѣднихъ дней. Сарепта, Каспійское море, калмыцкое кочевье—и вотъ, рядомъ съ Калмыками, въ голой степи, раздается вдали свистокъ желѣзной дороги. Это былъ ночной поѣздъ изъ Калача въ Царицынъ. Мы съ жадностью смотрѣли на подвигавшійся въ темнотѣ паровозъ, но вотъ онъ остановился, и кондукторъ выпустилъ пассажировъ. Велико было наше удивленіе, когда мы увидѣли, что поѣздъ привезъ только четверыхъ, и то были крестьяне-работники, возвращавшіеся съ Дона. Странный поѣздъ—какого мы еще не видывали. Но Волго-Донская дорога только еще начинается, и дай Богъ ей идти впередъ, умножая съ каждымъ днемъ свои грузы.

ГЛАВА XVII.

Калачевская пристань. Встрѣча на Дону. Наказный Атаманъ П. Х. Граббе. Плаваніе до Нижнечирской станицы. Казачій типъ. Образованіе Казачьяго населенія. Черты общежитія и внутренняго управленія въ старомъ Казачествѣ. Развитіе гражданственности и преобразованія въ управленіи. Нижнечирская станица. Первый вечеръ на Дону. Крестный ходъ на воду, Старинный казачій нарядъ. Плаваніе отъ Нижнечирской станицы. Перекаты на Дону.

Переѣздъ нашъ отъ Царицына до Калача по ровной однообразной степи скоро окончился. Черезъ два часа по выѣздѣ изъ Царицына — Калачевская станція. Виднѣется тихій синій Донъ и дымится пароходъ *Казакъ* у пристани. На пристани ожидалъ Великаго Князя наказный атаманъ Войска Донскаго, генералъ-адъютантъ Граббе, въ полной атаманской формѣ, которая придавала особенную красоту его почтенной физіономіи. Возлѣ него были: дежурный штабъ-офицеръ Боковъ, адъютантъ атамана Марковъ и чиновникъ особыхъ порученій войсковой старшина Барабанщиковъ. Они оставались

при Великомъ Князѣ во все время путешествія по Дону, и только отъ станицы до станицы присоединялись къ поѣзду лица мѣстнаго управленія для сопровожденія Его Высочества до новаго округа. Всѣ эти лица скоро стали для насъ знакомыми лицами, и каждый изъ нихъ своимъ особымъ характеромъ оживлялъ еще болѣе общее впечатлѣніе, которое оставилъ по себѣ Донъ. Съ особымъ чувствомъ уваженія смотрѣли мы всѣ на почтеннаго Наказнаго Атамана и слушали рѣчи его, въ которыхъ нельзя было не распознать сразу и образованнаго ума, и душевной теплоты, и того горячаго одушевленія ко всему доброму и благородному, которое такъ возвышаетъ старость, и придаетъ ей такую привлекательность въ глазахъ молодаго поколѣнія. Нельзя было не уважать въ нашемъ Атаманѣ геройское имя, знаменитое въ исторіи военныхъ подвиговъ; но мы и полюбили его сердечно. Онъ разказывалъ намъ о дѣлахъ славной эпохи, которыхъ былъ участникомъ и свидѣтелемъ, о знаменитыхъ лицахъ, къ которымъ былъ близокъ; говорилъ о своихъ дѣтяхъ, которыхъ любитъ со всѣмъ жаромъ родительской нѣжности и которыми имѣетъ полное право гордиться. Въ эти минуты никто изъ насъ не думалъ, что скоро придется намъ съ глубокою грустью вспоминать объ этихъ бесѣдахъ. Не прошло и недѣли съ тѣхъ поръ, когда разстались мы съ почтеннымъ атаманомъ, какъ насъ поразило извѣстіе о геройской кончинѣ любимаго сына его, въ дѣлѣ подъ Сендзіевицемъ.

Съ пристани Его Высочество прошелъ рядами казаковъ и народа къ приготовленной квартирѣ, у которой стояли въ строю рядовые казаки: здѣсь мы въ первый разъ любовались стройнымъ, красивымъ, ловкимъ казацкимъ войскомъ на Дону. Цѣлой половины его не было дома: не менѣе 40 полковъ отправились съ Дону на военное дѣло, а дома, въ станицахъ, оставалось и можно было по нуждѣ приготовить еще столько же!

Въ комплектѣ донскихъ казачьихъ полковъ полагается всего 64: въ каждомъ полку по 750 рядовыхъ казаковъ, командиръ, старшина, 5 есауловъ, 7 сотниковъ, 7 хорунжихъ, 56 урядниковъ, 48 приказныхъ и 19 трубачей; каждый полкъ дѣлится на 6 сотенъ и каждая сотня на 4 взвода. Полки всѣ значатся по фамиліи командира и по тому номеру, который данъ полку по выходѣ его съ Дона, по жеребью; затѣмъ каждый выходящій на службу донской полкъ долженъ принимать свободный нумеръ изъ возвратившихся на Донъ со службы полковъ. Такимъ образомъ ни одинъ изъ донскихъ полковъ общаго состава не остается неподвижнымъ, и не можетъ сохранить своего тождества. Это обстоятельство причиною того, что донское войско не имѣетъ до сихъ поръ полной своей исторіи, и славные подвиги каждаго полка пропадаютъ часто безслѣдно, оставаясь лишь въ устной памяти, и исчезая вмѣстѣ съ личнымъ преданіемъ, — такъ какъ каждый полкъ, утрачивая, такъ сказать, непрерывно отдѣльную свою личность, не можетъ имѣть и ничего похожаго на *свою*

исторію. Но кромѣ комплектныхъ полковъ общаго состава въ войскѣ донскомъ полагаются еще лейбъ-гвардіи казачій полкъ, лейбъ-атаманскій полкъ, конно-артиллерійскія бригады, учебный полкъ съ трубачьею сотней, устроенный для усовершенствованія во всѣхъ правилахъ казачьей службы, рабочій полкъ для пособія при возведеніи войсковыхъ зданій и для работъ по устройству г. Новочеркаска, назначаемый на работы съ весны до осени. Сверхъ того учреждены особыя команды для охраненія границъ со стороны Ставропольской и Астраханской губ., команда при Ольгинской дамбѣ и при арсеналѣ, войсковая сотня мастеровыхъ, и табунщики изъ калмыковъ. Сотня мастеровыхъ составляется изъ 221 казаковъ, выбираемыхъ въ Новочеркасскѣ и въ многолюдныхъ станицахъ: обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы по даннымъ образцамъ приготовлять и исправлять для нижнихъ чиновъ войска къ службѣ одежду, вооруженье и конскую принадлежность, съ платою за работу по таксѣ. Всѣ эти полки и команды несутъ особую службу, и потому освобождаются отъ общей служебной казачьей повинности, или, какъ говорятъ, *обслуживаются* цѣлымъ войскомъ.

За исключеніемъ этихъ полковъ и командъ, служебная повинность лежитъ на всѣхъ казакахъ; и едва ли согласились бы они эту поголовную повинность промѣнять на систему очереднаго выбора и такъ-называемой регулярной службы. Коренной казакъ ни за что на свѣтѣ не захотѣлъ бы превратиться въ солдата. Въ

связи съ этою повинностью состоитъ и замкнутость, почти безусловная, казачьяго сословія. Люди однажды поступившіе въ войсковое сословіе, со всѣмъ своимъ потомствомъ, остаются въ немъ навсегда, какъ сказано въ законѣ. Выходъ изъ казачьяго сословія запрещается. Исключеній изъ этого правила весьма немного: иногда, по распоряженію правительства цѣлыя семейства переводятся съ Дона на Кавказъ въ сословіе линейныхъ казаковъ; по собственному желанію могутъ выписываться изъ войска только офицеры, кончившіе курсъ въ Военной Академіи и другихъ спеціальныхъ заведеніяхъ. Съ другой стороны не дозволяется и приписка постороннихъ къ войску.

Съ самаго дѣтства казакъ привыкаетъ къ мысли о службѣ и объ военномъ дѣлѣ. По закону станичныя правленія обязаны въ своихъ станицахъ возобновлять и укоренять „древнія воинскія игры" казаковъ, наѣздничество, плаванье, стрѣльбу, бѣганье, борьбу и т. п. По праздничнымъ днямъ, послѣ обѣда, атаману съ судьями вмѣняется въ обязанность собирать молодыхъ казаковъ и малолѣтковъ въ назначенномъ мѣстѣ и заставлять ихъ, вмѣсто забавы, заниматься всѣми этими упражненіями. Дѣти растутъ, а между тѣмъ каждый изъ нихъ записанъ, независимо отъ метрики, въ станичной книгѣ будущимъ казакомъ. Но до 17 лѣтъ малолѣтокъ свободенъ. Съ 17 лѣтняго возраста начинается для него внутренняя станическая повинность, или такъ называемыя *сидѣнки*. Этой повинности подлежатъ всѣ

мальчики, рожденные въ казачьемъ или урядничьемъ званіи отцовъ, писарскіе, фельдшерскіе и даже сыновья священно-и церковно-служителей казачьяго происхожденія, остающіеся за наполненіемъ церковныхъ штатовъ. Минуло 19 лѣтъ, сидѣнки прекращаются, малолѣтокъ записывается въ казаки и даетъ присягу на вѣрность службы—но весь 20-й годъ оставляется ему на приготовленіе къ полевой службѣ; съ наступленіемъ 21 года казакъ поступаетъ въ служебную очередь.—Дѣти дворянъ съ 15-ти-лѣтняго возраста принимаются на службу прямо въ полки или въ судебныя мѣста рядовыми казаками, но начало службы считается каждому только съ 19-лѣтняго возраста.

Такимъ обычаемъ доставляется государству войско, по роду своей службы, во многихъ отношеніяхъ, незамѣнимое регулярными полками, и снаряжаемое изъ своихъ собственныхъ средствъ. Самое выступленіе казачьихъ полковъ на службу отличается особенностью. Казачій полкъ формируется на походѣ съ необыкновенною быстротою, что едва ли возможно для полковъ регулярныхъ. Казачьи полки составляются въ округахъ. Какъ скоро полученъ въ Окружномъ Дежурствѣ приказъ о нарядѣ назначеннаго числа полковъ на службу внѣ предѣловъ войска, очереднымъ казакамъ передается этотъ приказъ черезъ Станичныя Правленія, съ указаніемъ сборнаго мѣста, куда они должны явиться. Туда же пріѣзжаютъ назначаемые по очереднымъ спискамъ офицеры и урядники, окружный генералъ для осмотра казаковъ и для повѣрки

ихъ по очереднымъ спискамъ, и, для принятія полка, командиръ, которому полкъ достался по жребію, заблаговременно вынутому въ присутствіи Наказнаго Атамана въ Войсковомъ Держурствѣ. Тутъ все сборище казаковъ разбивается на сотни, въ каждую сотню назначаются урядники, полковой командиръ распредѣляетъ офицеровъ, составляются посотенные списки полка, принимается полковое знамя, шнуровыя книги, и деньги на довольствіе полка до предѣловъ войсковой земли. Все это оканчивается обыкновенно въ трое сутокъ, и полкъ выступаетъ по маршруту. Полковой командиръ уже на походѣ знакомится съ полкомъ своимъ и переранжировываетъ его, смотря по надобности, на дневкахъ. При этомъ значительно помогаютъ ему казаки и урядники учебнаго полка, которыхъ обыкновенно бываетъ около 60 въ каждомъ полку, выступающемъ въ походъ. Такъ, при хорошемъ и заботливомъ командирѣ полкъ, справляясь въ пути, приходитъ къ мѣсту назначенія „коненъ, люденъ и оруженъ".

Сдѣлавъ смотръ казакамъ, Государь Наслѣдникъ прошелъ въ квартиру, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Послѣ завтрака мы сѣли на пароходъ *Казакъ*, приготовленный Волжско-Донскою компаніей для проѣзда Его Высочества.

Пароходъ тронулся. Сразу почувствовали мы, что насъ несутъ уже мелкія воды тихаго Дона въ меженную пору, когда суда, очень мелко сидящія въ водѣ, едва могутъ пробираться съ затрудненіями: колеса на-

шего парохода безпрерывно чертили по дну; однакоже намъ говорили, что до Нижнечирской станицы остановки не будетъ, и что затрудненія начнутся за нею. Пароходъ останавливался не надолго у Пятиизбянской станицы, гдѣ Его Высочество принималъ хлѣбъ-соль отъ казаковъ. Часу въ четвертомъ показалась станица Нижнечирская, въ которой назначена была первая продолжительная остановка. Здѣсь мы провели цѣлыя сутки и въ первый разъ увидѣли вблизи физіономію казацкой станицы. Не здѣсь однакоже, а въ нижнихъ частяхъ Дона, слѣдуетъ искать истиннаго, чистаго типа казачьяго, и верхнія станицы до сихъ поръ отличаются въ этомъ отношеніи отъ нижнихъ; ибо на низу, въ Раздорахъ, въ старомъ Черкасскѣ, было первое зерно казачества. Сюда прибывали съ разныхъ мѣстъ люди всякихъ племенъ и нарѣчій искать вольной жизни и вольнаго промысла, и отсюда распространялись потомъ вверхъ по Дону новыя поселенія. Населеніе верхняго Дона пополнялось болѣе великорусскими пришельцами, а на низу главными поселенцами были люди малороссійскаго племени. Между тѣми и другими до сихъ поръ есть отличіе въ мѣстномъ говорѣ. У верховыхъ казаковъ слышатся въ разговорѣ великорусскія: *што*, *чаво*, и низовые казаки издавна дразнятъ верховыхъ словомъ: «*чига*» а верховые издавна дразнили низовыхъ названіемъ *булочниковъ*, за слово: *булъ*, вмѣсто *былъ*,—малороссійскаго говора. Съ любопытствомъ приглядывались мы къ новому типу рускаго человѣка, замѣчательно-

му особою выразительностью физіономіи, особымъ оттѣнкомъ той же мысли, которая сказывается во взглядѣ и чертахъ рускаго облика. Рускій человѣкъ поселился здѣсь на руской землѣ, и ни на одну минуту въ Землѣ Войска Донскаго нельзя забыть, что находишься между своими, и что въ этихъ мѣстахъ бьетъ живымъ ключомъ та же сила, которая видится и слышится повсюду въ землѣ руской. Здѣшнее населеніе умножалось въ теченіе двухъ столѣтій наплывомъ пришлыхъ людей, прибирало ихъ къ себѣ, и пришелецъ, какого бы ни былъ роду и племени, незамѣтно принималъ характеръ цѣлой земли и общій типъ кореннаго ея населенія. Невозможно въ настоящее время прослѣдить въ точности этотъ физіологичесскій процессъ переработки племенныхъ особенностей въ одинъ общій типъ, невозможно вскрыть и обозначить всѣ слои, которые давно уже сплотились въ одну массу. Теперь только по именамъ и прозвищамъ можно иногда распознать слѣды происхожденія того или другого казачьяго рода, и въ этомъ отношеніи полный списокъ всѣхъ казацкихъ именъ и прозвищъ могъ бы представить очень интересныя указанія. Любопытно, что на Дону, кромѣ Черкесовыхъ, Поляковыхъ, Турчаниновыхъ и т. п., встрѣчаются часто нѣмецкія фамиліи коренныхъ жителей: есть напримѣръ казаки Миллеры; слышишь фамилію или прозвище съ чисто русскимъ окончаніемъ, а вамъ сказываютъ, что окончаніе прибавлено къ нѣмецкому имени, и нѣтъ памяти о томъ, когда именно

это имя обрусѣло и Нѣмецъ превратился въ казака. Въ составъ казацкаго типа вошли черты Калмыцкія, Татарскія, Греческія, Турецкія. Польскихъ выходцевъ на Дону селилось множество еще въ концѣ 18 столѣтія, и лишь въ 1785 году, рѣшительно запрещено было принимать ихъ; однакоже и послѣ того вольные люди, приходившіе на Донъ, принимались безпрепятственно, женились на казачьихъ дочеряхъ и записывались въ казаки. Платовъ представлялъ въ 1807 году военной Коллегіи, чтобы и на будущее время разрѣшено было принимать на Дону свободно выходцевъ разныхъ націй, а особливо Польскихъ шляхтичей; но сенатъ въ 1810 году рѣшительно запретилъ таковой пріемъ, а въ 1811 году особымъ именнымъ указомъ рѣшительно повелѣно Платову не записывать въ казачьи полки людей, не принадлежащихъ къ Донскому войску и принятыхъ уже выключить изъ списковъ. Съ тѣхъ поръ запрещеніе уже не повторялось и пріемъ прекратился.

Крайне любопытно было бы прослѣдить въ подробностяхъ процессъ, черезъ который перешло образованіе общества на Дону съ той самой поры, какъ здѣсь появилось казачество. Къ сожалѣнію матеріялы для возстановленія полной картины первоначальнаго быта этого общества слишкомъ скудны; всѣ они заключаются въ преданіяхъ значительно исказившихся отъ времени, хотя, правду сказать, не такъ еще далеко отъ насъ то время, когда казаки на Дону жили въ видѣ

военнаго товарищества *). Не ранѣе какъ въ концѣ 18 столѣтія, съ покореніемъ Крыма, съ учрежденіемъ Кавказской линіи, съ усмиреніемъ Калмыковъ, на Дону началось замиреніе и возникла гражданственность. До тѣхъ поръ какъ ей было возникнуть, когда населеніе должно было жить постоянно на готовѣ къ отпору, окруженное врагами со всѣхъ сторонъ: съ низу—Турки въ Азовѣ, съ правой стороны—Крымскіе Татары, съ лѣвой стороны—Нагайскіе Татары и Черкесы; кромѣ того—грабители Калмыки. Полевыя и сѣнокосныя работы приходилось отправлять всею станицей, съ оружіемъ, подъ прикрытіемъ карауловъ и разъѣздовъ. Нерѣдко, на работѣ показывался гонецъ со знаменемъ—тутъ всѣ бросали работу и собирались въ городокъ, въ осаду; иногда изъ городковъ населенію приходилось искать убѣжища на островахъ, съ пожитками. На Манычь, за солью, ѣздили изъ всѣхъ станицъ вмѣстѣ въ урочное время, по войсковой границѣ, какъ въ военный походъ, съ ватажнымъ атаманомъ, и только съ 1789 года разрѣшено ѣздить за солью свободно, безъ повѣстокъ.

Въ Донскихъ Вѣдомостяхъ 1860 года напечатана любопытная записка донского старожила Котельникова, составленная въ 1818 году, о Верхнекур-

---

*) Въ *Русской Старинѣ* Корниловича (Спбургъ. 1825) помѣщено замѣчательное и прекрасно составленное описаніе нравовъ и общежитія у донскихъ казаковъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ. Любопытствующимъ совѣтуемъ познакомиться съ этою прекрасною картиной.

моярской станицѣ. Въ этой запискѣ сохранились интересныя черты стараго быта казачьяго, и по ней можно судить какъ образовалась на Дону осѣдлость станичная. Первымъ зерномъ поселенія служилъ зимовникъ, или зимовое становище. Вольные люди собирались на Донъ для военнаго промысла и добычи, за которою отправлялись съ весны по Волгѣ, по Яику, по Каспійскому и по Азовскому морю; но на зиму, когда походы останавливались, имъ нуженъ былъ пріютъ. Собираясь компаніями они выбирали высокое, безопасное отъ воды мѣсто для займища, и ставили на немъ становую избу: безсемейные, бездомовные люди жили въ избѣ однимъ хозяйствомъ, человѣкъ по 10 и болѣе, считаясь по *сумамъ* добычнаго запаса. Сума была первою единицей зимней осѣдлости, и всѣ бывшіе въ одной сумѣ, считались *односумами*. Въ каждомъ стану было большею частью по одной избѣ, рѣдко по нѣскольку (отсюда названіе пятиизбянской станицы), и въ каждой избѣ бывало по нѣскольку односумствъ, такъ что число всѣхъ обитателей въ избѣ доходило человѣкъ до 80 и больше. Мѣсто для стана выбиралось на лѣсныхъ островахъ, для защиты отъ набѣговъ и розысковъ непріятеля, но въ иныхъ мѣстахъ, наиболѣе подверженныхъ нападенію, ставились еще городки или укрѣпленія. Все это еще до образованія семьи. Начало семейнаго быта было первою ступенью къ преобразованію: тогда стали селиться по семьямъ отдѣльными избами, и селеніе сдѣлалось станицею, но въ

каждой станицѣ непремѣнно была станичная изба, общая, для собраній и для дѣлъ станичныхъ, и по коренной привычкѣ къ общежитію, долго держалось обыкновеніе всѣмъ сходиться къ станичной избѣ на работу и на веселье.

Но семейная жизнь началась на Дону не рано—въ иныхъ станицахъ не за долго до Петра. Женъ доставали или по уговору или увозомъ отъ сосѣдей, отъ Татаръ и изъ Руси: стали приходить на Донъ и новые поселенцы, съ женами. Сочинитель записки о Курмоярской станицѣ говоритъ, что современники его старожилы помнили еще первыхъ женщинъ, бывшихъ въ станицѣ и что сохранилось въ ней преданіе о рожденіи перваго ребенка, котораго всей станицею няньчили, и когда прорѣзался у него первый зубокъ, всѣ сбѣгались смотрѣть на него съ восторгомъ. Гдѣ не было церквей и священниковъ, тамъ бракъ былъ вольный, безъ вѣнчанья. Доставали дѣвушку, женихъ приходилъ съ нею въ станичную избу, помолившись, кланялись на 4 стороны и говорили другъ другу! „Ты Настасья будь мнѣ жена“ „ты Гаврила будь мнѣ мужъ“, и отправлялись жить вмѣстѣ. Также удобно и разводились: мужъ выводилъ жену на сборъ и говорилъ: “вотъ, честная станица, она мнѣ не жена, а я ей не мужъ“ и тутъ же другой казакъ, прикрывши полой отпущенницу, могъ взять ее себѣ въ жены. И послѣ вѣнчанья разводы до половины 18 стол. происходили тѣмъ же порядкомъ. Церковное правительство въ станицахъ

устроивалось тоже какъ случится: случалось, что приставалъ къ берегу заѣзжій старикъ, объявлялъ себя попомъ, и станица оставляла его у себя жить въ станичной избѣ и отправлять требы церковныя.

Съ утвержденіемъ семейной жизни и домашняго хозяйства появилась надобность и въ разграниченіи общихъ владѣній или станичныхъ юртовъ; границами разводились полюбовно. Гдѣ владѣнье вольное, мірское, и гдѣ трудъ человѣка не провелъ еще на землѣ отмѣтокъ своихъ сохою или плугомъ, тамъ трудно бываетъ ограничивать владѣнія математической чертой. Практической смыслъ стараго быта прибѣгалъ для этого къ общей правдѣ, на которую полагались по взаимному согласію для проведенія межи. Замѣчательно, что на Дону прорѣзывали этимъ способомъ границу и по водѣ. Казакъ, на кого ссылались въ общую правду, долженъ былъ отъ грани, насѣченной на одномъ берегу плыть на лошади до другаго берега, и гдѣ онъ выплывалъ тамъ ставили грань. Понимая всю важность твердой границы, казаки всячески оберегали святость общей правды; ее никоимъ образомъ не позволялось опорочивать, и въ полюбовныхъ записяхъ о разводѣ писалось: „Ежели какой станичный казакъ станетъ говорить неистовыя рѣчи что-де тѣ правды не въ правду сказали и мы на той твердости положили, и того казака людьми дойтить и безъ суда прибить.“—Въ случаѣ спора о проведенной границѣ, когда надо было поновить ее, жаловались войску, и въ Черкаскѣ, въ

войсковомъ кругу разбирались споры черезъ старожиловъ. Къ утвержденію границъ между станицами служилъ между прочимъ и обычай снаряжать ежегодно такъ называемую зимовую станицу: каждую весну снаряжалась она подъ начальствомъ особаго зимоваго сплавнаго атамана, и плыла на баркѣ внизъ по Дону: каждая станица встрѣчала ее на своемъ рубежѣ съ знаменами и пальбою, и провожала до слѣдующаго рубежа.

Любопытны разсказы и преданія о старомъ порядкѣ выборовъ и о порядкѣ общественнаго станичнаго управленія. Въ старину, говорятъ, не было охотниковъ въ атаманы: кого выбирали, тотъ уклонялся и отпрашивался. Говорятъ будто съ 1775 года стали оказываться охотники, съ своекорыстными цѣлями, изъ тщеславія и роскоши. Появились интриги и запрашиванья, и передъ выборами, въ филиповъ постъ, искатель старался запрашивать и запаивать выборщиковъ. Въ положенный день (на Богоявленье, или на новый годъ, или на масленицѣ), послѣ утрени вся станица по закличкѣ, собиралась въ станичную избу выбирать атамана, и къ нему десять человѣкъ въ судьи или въ подписные старики.

Судебныя дѣла производились на полномъ сборѣ. Проситель выходилъ, кланялся на 4 стороны и сказывалъ свою просьбу атаману со стариками. Старики рѣшали стоитъ ли дѣло того, чтобы объ немъ докладывать собранью, и по мнѣнію стариковъ атаманъ докладывалъ, то-есть спрашивалъ собраніе, что̀ дѣлать. Собраніе присуждало къ пенямъ, къ исправительнымъ наказань-

ямъ; въ числѣ штрафовъ былъ такъ называемый *напой*, то есть угощенье виномъ, и этотъ штрафъ косвенно обращался въ пользу общества, такъ какъ торговля виномъ была отъ войска. Виноватый избавлялся отъ наказанія, если за него вступалось старинное односумство или все станичное общество. „Всѣ таковыя дѣла,—говоритъ Котельниковъ, происходили на сборахъ среди шума за междоусобныя житейскія дѣла, особливо отъ *сіухи*, выносимой туда въ штрафъ виновныхъ, а по недостатку иногда и въ счетъ будущихъ виновныхъ, приговаривая: наливай! станичная шея толста!... Такой обычай на сборахъ продолжался до 1795 года, т. е. до учрежденія станичныхъ начальствъ." И недавно еще поклонники стараго казачества доходили въ своемъ увлеченіи до того, что эту неурядицу станичныхъ собраній и стараго войсковаго круга представляли въ видѣ идеала, къ осуществленію котораго слѣдуетъ стремиться всѣми силами.

Естественно, что первобытныя формы внутренняго казачьяго управленія не могли выдержать столкновенія съ новыми формами государственнаго быта. Какъ ни были несовершенны эти новыя формы въ первомъ періодѣ своего развитія, онѣ вносили съ собою начало единаго суда Царскаго и единой Царской правды—новый идеалъ, передъ которомъ рано или поздно долженъ былъ исчезнуть старый идеалъ правды казачьей. Дѣло обошлось не безъ борьбы и не безъ насилія со стороны государственной власти; но послѣ укрощенія булавин-

скаго бунта при Петрѣ нечего было и помышлять объ отпорѣ новому началу. Когда съ замиреніемъ границъ и съ утвержденіемъ внѣшней безопасности кончились разгульные походы казацкіе, и прекратилось то состояніе всегдашней войны, на которомъ держалось старое качество, старыя формы казацкаго быта начали разлагаться, и оказались уже недостаточными для удовлетворенія новымъ потребностямъ, возникшимъ среди замиреннаго и осѣвшаго населенія. Въ казачествѣ началось дѣленіе на чины и на классы, яснѣе обнаружилась рознь, обнаружилось надъ своими людьми насиліе *своихъ* начальниковъ—изо всѣхъ возможныхъ насилій самое нестерпимое. Власть атаманская, въ военную пору казавшаяся законною властью вождя—перваго между равными,— не могла выдержать своего начальнаго характера тогда, когда, съ замиреніемъ края, атаманъ изъ военнаго начальника превратился въ гражданскаго правителя со всѣми принадлежностями неограниченной и безотчетной воинской власти. Посреди гражданскаго быта неограниченнымъ начальникамъ предстояло слишкомъ много соблазновъ и искушеній къ злоупотребленіямъ и насиліямъ. Прежняя поговорка: „Царь царюетъ на Москвѣ а казаки на тихомъ Дону", когда-то звучавшая поэтическою правдою для вольныхъ казаковъ, къ концу XVIII столѣтія стала уже анахронизмомъ и преданіемъ, и простому казаку стало уже понятно, что не казачество царюетъ, а царевать стали начальные люди, не во имя царской прав-

ды, а ради своего господства и своей корысти. Жалобамъ и ропоту открывался и здѣсь, какъ нѣкогда въ Малороссіи, одинъ исходъ—искать царской правды, во имя общаго государственнаго начала. Рано или поздно историческая судьба вела къ водворенію на Дону новыхъ формъ государственнаго быта. Этому естественному ходу событій помогало развитіе экономическаго быта, вызывавшее новыя потребности и указывавшее новыя средства къ удовлетворенію ихъ.

Первая рѣшительная, но еще не окончательная мѣра къ преобразованію управленія по Дону, принята было Потемкинымъ, вице-президентомъ военной коллегіи и генераломъ-губернаторомъ Новороссійскимъ и Азовскимъ. Въ 1775 году онъ представлялъ императрицѣ о неудобствахъ „образа правленія у казаковъ". „Гражданскія и земскія дѣла, — писалъ онъ въ своемъ докладѣ,—имѣютъ у нихъ теченіе несооотвѣтственно генеральному въ государствѣ положенію, и не такъ основано тамъ, чтобъ рѣшеніе чинилось правильно и именемъ законовъ, безлично, но купно съ дѣлами военными подвержены неограниченной власти своего атамана". Въ слѣдствіе того Потемкинъ почиталъ нужнымъ „для правленія всѣхъ земскихъ дѣлъ учредить войсковое гражданское правительство, которому ввѣрить все хозяйственное въ предѣлахъ войска донскаго внутреннее распоряженіе, равнымъ образомъ сборъ всѣхъ установленныхъ доходовъ и расходовъ, также всѣ до промысловъ, торговли и прочія гражданскому суду подлежа-

щія дѣла производить на генеральномъ во всемъ государствѣ установленіи, съ соблюденіемъ данныхъ войску привилегій". Докладъ Потемкина былъ утвержденъ,—но мѣра принята была еще не ко времени. Въ то время все государство не имѣло еще твердой и правильной системы гражданскаго управленія, слѣдовательно и трудно было примѣнить къ Дону „генеральное установленіе", которое и въ остальныхъ частяхъ Россіи не обезпечивало порядка. Правда, въ 1775 году издано было учрежденіе о губерніяхъ, съ котораго начинается новая эпоха управленія въ Россіи; но что изъ него выйдетъ и какъ оно привьется, этого еще нельзя было предвидѣть. Между тѣмъ тотъ же указъ 1775 года ввелъ на Дону военные чины, со всѣми ихъ принадлежностями, между прочимъ и съ правомъ на полученіе дворянства, о которомъ прежде на Дону помину не было. Это распоряженіе повело къ оффиціяльному признанію разницы въ сословіяхъ и, узаконеніемъ дворянской привилегіи, способствовало къ образованію на Дону помѣщичьяго класса и крѣпостнаго права.

Указъ 1775 года не удержался въ силѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Павла Петровича уничтожены были всѣ распоряженія Потемкина „яко клонившіяся всегда къ истребленію общественнаго порядка вещей". Въ слѣдствіе того, по указу новаго Императора, въ 1797 году, возстановлено на Дону прежнее правленіе войсковой канцеляріи и атамана со старшинами. Съ тѣхъ поръ управленіе на Дону измѣнялось постепенно и по

частямъ отдѣльными указами, до учрежденія въ 1819 году коммисіи для составленія общаго положенія о войскѣ донскомъ, приведеннаго къ окончанію и изданнаго въ 1835 году.

Нижнечирская станица расположена, какъ всѣ почти станицы казацкія, неправильно, по мѣрѣ разселенія. И здѣсь, какъ повсюду, къ станицѣ примыкаютъ отдѣльные хутора, разбросанные около нея по степи. Границею станицы съ одной стороны служитъ рѣчка Чиръ, впадающая въ этомъ мѣстѣ въ Донъ; отъ рѣчки тянется главная улица вдоль по правому берегу Дона. Примыкая съ другой стороны къ большому холму, на которомъ расположено кладбище, станица растягивается отсюда далеко въ ширь рядами маленькихъ улицъ и переулковъ. Съ высоты холма, отъ кладбищенской церкви, открывается широкій видъ на всю станицу съ хуторами и на берегъ Дона съ садами; но для насъ самая улица со всею своею обстановкой представляла интересъ новости. Къ дому Великаго Князя примыкала сквозная деревянная галлерея, передъ которою цѣлый день стояли небольшія кучки народа; у дверей стоялъ почетный казачій караулъ, а по галлереѣ расхаживалъ взадъ и впередъ сѣдой станичный атаманъ М. Т. Садчиковъ. Въ рукахъ у него былъ знакъ атаманскаго званія, трость съ большимъ серебренымъ набалдашникомъ, въ родѣ булавы, называемая *насѣкою* (первоначально насѣкою называлась простая терновая палка, на которой еще на корню дѣлали ножемъ насѣч-

ки, которыя зарастая потомъ, производили пестрые рубцы на палкѣ). До поздняго вечера онъ не оставлялъ своего офиціальнаго поста, а на другой день, съ ранняго утра, онъ снова появился на галлереѣ, и во всѣхъ выходахъ шелъ впереди, устанавливая порядокъ. Вечеромъ противъ дома зажгли щитъ, и въ густой толпѣ народа, собравшейся на улицѣ противъ оконъ, не умолкалъ хоръ рускихъ и казацкихъ пѣсенъ.

На утро 1-го августа, по случаю праздника, Великій Князь былъ у обѣдни: изъ Новочеркасска привезли войсковыхъ пѣвчихъ, которые пѣли очень хорошо, и богослуженіе было торжественное. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ на воду къ пристани, и Великій Князь присутствовалъ при освященіи воды. Все населеніе станицы было въ ходу и стояло у пристани. Здѣсь, въ толпѣ, слѣдовавшей за Великимъ Княземъ въ ходу, видѣли мы въ первый разъ нѣсколько пожилыхъ женщинъ, одѣтыхъ по старому обычаю въ цвѣтной шапочкѣ или головной повязкѣ и въ платьѣ нѣсколько напоминавшемъ старый Донской *кубилѐкъ*; впрочемъ это сходство съ кубилекомъ состояло только въ металлическихъ пуговицахъ на груди. Старый кубилекъ былъ короткій, по колѣна и съ короткими рукавами. Намъ сказывали что старинный донской костюмъ вовсе ужь вышелъ изъ употребленія и развѣ кое-гдѣ въ станицахъ у старухъ, можно найти его. Стоило-бы предохранить отъ забвенія по крайней мѣрѣ черты этого костюма—любопытно было бы изслѣдовать и формы его, сложившіяся по-

добно типу казацкому, изъ разныхъ элементовъ. Въ старой казацкой одеждѣ, какъ мужской, такъ и женской, можно открыть и азіятскій и русскій и польскій строй. Каждый пришелецъ, безъ сомнѣнія, приносилъ съ собою свою форму одежды и убора; и изъ каждаго похода выносились съ добычею новыя формы одеждъ изъ разныхъ мѣстъ военнаго дѣйствія. Но женскій уборъ, уступая дѣйствію моды, принялъ мало по малу общую форму европейскаго покроя, а для мущинъ введена уже по распоряженію правительства, въ 1801 году, нынѣшняя единообразная форма стараго казацкаго чекменя.

Въ тотъ же день дворянство округа давало обѣдъ въ честь Его Высочества; тосты провозглашалъ за обѣдомъ предводитель, или, по донскому чину, депутатъ дворянства Секретёвъ. Вечеромъ, послѣ прогулки верхомъ, Великій Князь переѣхалъ на пароходъ, и мы простились съ Нижнечирскою станицей, которая оставила во всѣхъ самое пріятное воспоминаніе. Покуда мы не пріѣхали еще на Донъ, многимъ казалось, что насъ ожидаютъ во всѣхъ станицахъ однообразныя впечатлѣнія. Вышло совершенно противное, и каждая станица, въ которой мы останавливались, открывала намъ особые оттѣнки характера; каждая имѣла, такъ сказать, особую физіономію, и оставляла въ памяти отдѣльное впечатлѣніе.

На слѣдующій день намъ предсказывали затруднительное плаваніе, съ остановками на перекатахъ, которыми наполненъ весь переѣздъ по Дону отъ Нижне-

чирской до Цымлянской станицы. Утромъ, часу въ 10-мъ поравнялись мы съ Потемкинскою станицей, преемницею старой станицы Зимовейской, изъ которой вышелъ Пугачевъ. Здѣсь была первая остановка; другая была подъ Верхнекурмоярскою станицей и третья, самая затруднительная, у станицы Нагавской. Благодаря мѣрамъ, которыя приняло войсковое начальство, и дружнымъ усиліямъ станичнаго населенія, задержка на перекатахъ была не такъ продолжительна, какъ можно было опасаться, судя по низкому уровню воды въ эту пору. Странно было подумать, что на такой низкой водѣ могутъ проходить и плавать пароходы: случалось, что люди, помогавшіе стаскивать судно съ мели, стояли въ водѣ по колѣно, и вообще на мѣстахъ перекатовъ можно было переходить Донъ отъ одного берега до другаго. Не разъ любовались мы оживленною картиной, которая рисовалась въ это время на водѣ: съ берега собиралась къ пароходу пѣшкомъ и верхомъ большая толпа казаковъ, сотни рукъ хватались за судно, и съ дружными криками стаскивали его съ мели, потомъ раздавалось громкое *ура*! и по водѣ черезъ всю рѣку растягивалась линія казаковъ, съ пѣснями возвращавшихся въ свою станицу съ работы.

ГЛАВА XVIII.

Видъ Цымлянской станицы. Виноградники и винодѣліе на Дону. Утренняя поѣздка въ виноградники. Вечерній видъ на Цымлянскую станицу и окрестности. Ночь на пароходѣ. Романовская станица. Донскіе Калмыки ихъ устройство и управленіе. Богослуженіе въ хурулѣ. Калмыцкіе табуны и ловля лошадей въ табунахъ. Константиновская станица. Раздорская станица и ея вина. О донскихъ лѣсахъ. Мелиховская станица.

Послѣ обѣда всѣ собрались на палубу. Вдали открывалась Цымлянская станица. Берегъ Дона около воды здѣсь отлогій; онъ возвышается въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки непрерывною цѣпью холмовъ известковой формаціи, расположенныхъ одинъ надъ другимъ неправильными уступами. Когда мы подъѣхали ближе, станица стала обозначаться явственнѣе, и берега запестрѣли виноградниками, разведенными на большомъ пространствѣ, на известковомъ грунтѣ крутыхъ склоновъ, къ солнечному припеку; лозы разводятъ здѣсь на ты-

чинкахъ, расположенныхъ рядами, и бѣловатыя верхушки тычинъ, торча изъ-за тощей зелени лозъ, производятъ вмѣстѣ съ бѣловатымъ грунтомъ ту пестроту, по которой издали можно отличить на Дону виноградную плантацію. Въ эту пору Цымлянская станица была особенно оживлена ярмаркой, для которой устроивается особое временное помѣщеніе на лѣвомъ, противоположномъ берегу Дона; такъ что когда мы подъѣзжали къ станицѣ, любуясь однимъ изъ лучшихъ видовъ, какіе только встрѣчали на Дону, съ обоихъ береговъ неслись на встрѣчу Великому Князю привѣтственные крики. Цымлянская станица приняла видъ большаго, населеннаго и торговаго города, и сама ярмарка казалась мѣстомъ оживленнаго торга, хотя въ сущности обороты ея незначительны, и торговля на ней производится всего болѣе лѣснымъ товаромъ, для мѣстныхъ потребностей, привозимымъ изъ Дубовки, и краснымъ товаромъ, который привозятъ сюда офени. Отъ пристани надо было еще съ версту проѣхать до самой станицы, расположенной у подошвы крутыхъ холмовъ, которыми въ этомъ мѣстѣ опоясанъ берегъ. Квартира Его Высочества была въ домѣ Копылкова, отставнаго войсковаго старшины и перваго здѣшняго винодѣла. Сѣдой хозяинъ, окруженный всѣмъ своимъ семействомъ, дѣтьми и внучатами, встрѣтилъ Высокаго Гостя у крыльца, съ хлѣбомъ и солью. Домы въ станицѣ стоятъ прислонившись къ крутому подъему горы, на которой расположены, позади каждаго дома, сады и виноградники обы-

вателей; сзади устроена каменная терраса со сходомъ въ садъ; а сбоку идетъ другая терраса съ широкимъ крыльцомъ и открытою лѣстницей, по которой входятъ со двора. На дворѣ и у воротъ на улицѣ, стоялъ народъ, — мущины обыкновенно по одну сторону, женщины и дѣти по другую. Вообще, какъ только въѣхали мы въ Донскую землю, при встрѣчахъ Великаго Князя стало замѣтно гораздо болѣе порядка и сдержанности; видно было, что здѣсь населеніе привыкло къ извѣстной дисциплинѣ, и что станичнымъ атаманамъ, которые распоряжались обыкновенно порядкомъ, немного труда сдерживать въ рядахъ населеніе: каждый какъ будто самъ зналъ свое мѣсто, и немногіе рвались впередъ. Притомъ надо замѣтить, что станичное населеніе состоитъ почти исключительно изъ мѣстныхъ жителей, и что здѣсь вовсе не видно того смѣшаннаго населенія, которое мы встрѣчали, напримѣръ, въ городахъ по Волгѣ, гдѣ толпа при встрѣчахъ состояла на бòльшую долю или изъ рабочаго класса, или изъ деревенскихъ жителей, на время приходившихъ въ городъ.

Вечеромъ, послѣ чаю, мы вышли на террасу и расположившись на ступенькахъ широкой лѣстницы, любовались тихою звѣздною ночью. Для сѣверныхъ жителей особенно пріятно дышать мягкимъ и теплымъ воздухомъ здѣшней ночи: не въ привычку было намъ въ этотъ часъ сидѣть на открытомъ воздухѣ, не чувствуя въ немъ ни малѣйшей влажности. Гостепріимный хозяинъ принесъ намъ на пробу нѣсколько бутылокъ вина, ко-

торымъ славится здѣшняя станица и въ особенности славятся его виноградники. Здѣсь почти у всякаго жителя съ нѣкоторымъ достаткомъ есть свой виноградъ и свое вино, дома выдѣланное, которое они употребляютъ дома и обращаютъ въ продажу, такъ что вино служитъ главною доходною статьей и главнымъ средствомъ содержанія для здѣшнихъ жителей: отъ винограднаго урожая зависитъ годовое благосостояніе каждаго хозяина. Сорты лозъ не отличаются на Дону разнообразіемъ; разводятся большею частью тѣ же самыя лозы, которыя первоначально, еще со временъ Петра, выписывались для здѣшняго края, то-есть бургундскія и шампанскія,—и всего въ Донской землѣ извѣстно до 30 сортовъ винограда. Но здѣшнее чистое вино почти вовсе неизвѣстно за предѣлами войска Донскаго, и для того чтобы узнать его, надо пить его здѣсь. Все настоящее вино, цымлянское и раздорское расходится въ продажѣ на мѣстѣ; чистое вино можно достать развѣ изъ первыхъ рукъ, отъ самихъ хозяевъ, винодѣловъ. Промышленники и винные торговцы обыкновенно подслащиваютъ и поддабриваютъ вино, покупая его ведрами у производителей, или скупая осенью виноградъ, жмутъ его сами; при чемъ обыкновенно полагается до 1½ пуда ягоды на ведро вина. Цѣны на виноградъ чрезвычайно мѣняются, по количеству урожая и по качеству ягоды; въ Раздорахъ, говорятъ, въ урожайные годы, цѣна за пудъ ягоды спускается до 20 коп. сер.; въ Цымлѣ, по словамъ здѣшнихъ жителей, лучшій ви-

ноградъ, въ неурожайные годы, продается отъ 3 до 5 рублей за пудъ. Декабрьскіе морозы безъ снѣгу попортили въ нынѣшнемъ году много лозъ, а лѣтніе жары помѣшали росту; оттого нынѣшній годъ принадлежитъ къ числу самыхъ неурожайныхъ, но за то виноградъ ожидается лучшаго качества. На зиму здѣшнія лозы сберегаютъ отъ морозовъ, закрывая сѣномъ, фашинникомъ и снѣгомъ, и если снѣгу много, то онѣ прекрасно выдерживаютъ самые сильные морозы, но къ сожалѣнію, снѣгъ весьма трудно удержать въ большомъ количествѣ на горной крутизнѣ: его безпрерывно сметаютъ вѣтры. Въ Цымлянской станицѣ вино выдѣлывается большею частью красное; когда оно молодо, оно сильно пѣнится, имѣетъ мало крѣпости и много сладости, что придаетъ чистому вину необыкновенно пріятный вкусъ; здѣсь любятъ болѣе всего пѣнистое и сладковатое вино, и промышленники, примѣняясь къ этому вкусу, портятъ его искусственнымъ вспѣниваньемъ и подслащиваньемъ. Но настоящія вина, чѣмъ долѣе стоятъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ силы, крѣпости и чистоты, теряя сладость. У Копылкова пробовали мы вина всякихъ сортовъ и возрастовъ, начиная отъ самаго молодаго до стараго 40-лѣтняго, которое доводится до высокаго достоинства и отличается тонкимъ ароматомъ и крѣпостью, напоминая лучшіе сорта венгерскихъ и токайскихъ винъ. Здѣшнее винодѣліе много обязано графу Платову, который выписывалъ на Донъ и новыя лозы и лучшихъ винодѣловъ изъ Германіи;

но нельзя не пожалѣть, что эта промышленность до сихъ поръ такъ мало развита на Дону, что можетъ расчитывать почти исключительно только на мѣстное потребленіе. Мы видѣли на опытѣ, что здѣсь могутъ производиться превосходные сорты вина; но нашимъ потребителямъ надобно еще привыкнуть къ особенному его вкусу, потому что ихъ вкусъ воспитанъ на извѣстныхъ сортахъ винъ, привозимыхъ изъ-за границы или фабрикуемыхъ издавна въ большихъ городахъ, и требуется еще много времени и усилій для того, чтобы преобразовать этотъ вкусъ и привлечь его къ винамъ совсѣмъ инаго сорта, какъ бы они ни были хороши въ своемъ родѣ.

На другой день рано утромъ, въ 6-мъ часу, пока еще низко было солнце и не раскалились известковые берега, Великій Князь отправился верхомъ вдоль по берегу, на которомъ сплошною линіей расположены верстъ на пятнадцать станичные виноградники: тамъ-и-сямъ между виноградниками сидятъ кучками старыя деревья; на всемъ этомъ пространствѣ крутой откосъ берега покрытъ лозами на тычинахъ. Хозяева большихъ садовъ живутъ въ станицахъ, имѣя въ саду только сторожки и работниковъ; но въ маленькихъ садахъ живутъ нерѣдко и сами хозяева со всѣмъ обзаведеніемъ и со всею семьею.

Проѣхавъ верстъ десять вдоль виноградниковъ, мы остановились у одного сада, гдѣ живетъ самъ хозяинъ, старый казакъ, пропитываясь рыболовствомъ и садомъ,

изъ котораго получаетъ ведеръ до 30 въ годъ. На обратномъ пути въ станицу мы уже чувствовали, что солнце поднялось высоко: около девяти часовъ жаръ становился нестерпимый отъ раскалившихся мѣловыхъ откосовъ берега.

Ночь наступаетъ рано въ здѣшнихъ мѣстахъ, и вечеръ коротокъ. Послѣ обѣда немного уже оставалось времени до темноты вечерней. Надо было проститься съ Цымлянскою станицей. Готовясь переѣхать на пароходъ, я поднялся еще разъ по сухимъ бѣловатымъ тропинкамъ въ садъ своего хозяина, отставнаго урядника Ульянова, и дальше, на самую вершину холма, возвышавшагося по крайней мѣрѣ сажень на 80 надъ уровнемъ рѣки. Съ высоты открылась передо мной чудная картина, отъ которой жаль было оторваться. Верстъ на 30, если не дальше, открывалась перспектива. Налѣво, у самой подошвы, разстилалась панорамою станица со всѣми своими улицами и съ каменною церковью, глядѣвшею изъ-за краевъ плана. Прямо, куда только проникалъ взоръ, раскидывалась широкая равнина, по сю и по ту сторону Дона, протекавшаго отъ края до края синею извилистою линіей. Немного поближе, параллельно Дону, маленькою серебристою змѣйкой струилась Цымля между песками. Равнина вовсе не имѣла пустыннаго вида; большія купы деревъ — большею частью ива, лоза и верба—раскидывались около Дона въ разныя стороны, влѣво тянулась отъ рѣки длинная зеленая линія хуторовъ, состоящихъ въ связи

со станицей, и деревянныя крыши выглядывали изъ-за сплошной цѣпи зеленыхъ садовъ; впереди, за рѣкою, тоже группа хуторовъ, принадлежащихъ къ станицѣ, съ деревянною церковью, а тамъ еще дальше и къ самому горизонту, въ туманной дали, еще хутора и зелень. Вправо, на поворотѣ рѣки, по обоимъ песчанымъ берегамъ раскинулась ярмарка,—выросъ цѣлый городокъ деревянныхъ бараковъ и лавочекъ,—выросъ лѣсной рядъ изъ досокъ и брусьевъ, сложенныхъ пирамидами; стояли сотнями распряженныя фуры съ товаромъ, и тутъ же лежали волы; возлѣ, у берега, барки и лодки мачтовыя тоже съ товаромъ, который распродается прямо съ судна—и между всѣмъ этимъ копышится народъ, суетятся торговцы пріѣхавшіе изъ разныхъ мѣстъ, изъ Ростова, изъ Курска, изъ Воронежа, и неизмѣнные Владимірцы съ краснымъ товаромъ. Еще дальше, вправо отъ ярмарки по песчаному берегу—рядъ высокихъ, старыхъ, развѣсистыхъ, густыхъ осокорей, которые неизвѣстно когда и кѣмъ тутъ посажены и представляются въ этомъ мѣстѣ необыкновеннымъ явленіемъ. Вечернія тѣни, которыя падали на эту картину, очерченную широкими штрихами, на огромномъ пространствѣ, придавали ей особенно живописный видъ. По серединѣ плана, вдоль по Дону, выступало огромною пестрою кучей стадо, возвращавшееся домой въ облакѣ пыли. Немного ближе, посреди равнины, собранъ былъ станичный табунъ, приготовленный къ осмотру для Его Высочества. Въ ожиданіи выѣзда Цеса-

ревича, передъ его квартирою на дворѣ, собралась толпа народа: казаки стояли съ одной стороны, женщины и дѣти съ другой; передъ воротами расположились другіе люди отдѣльными группами, въ которыхъ было не мало живописнаго разнообразія. Тутъ стояло множество возовъ, запряженныхъ волами; вощики остановились на дорогѣ и усѣлись около возовъ своихъ въ ожиданіи, между возами нѣсколько экипажей, дрожекъ и тарантасиковъ съ семействами станичныхъ чиновниковъ. Вдругъ вся эта масса зашевелилась; изъ воротъ выѣхала компанія всадниковъ, впереди Великій Князь въ своей казацкой формѣ, за нимъ свита, станичные чиновники и казаки; они понеслись по равнинѣ къ табуну и вслѣдъ за ними въ разсыпную побѣжала и поѣхала пестрая толпа въ томъ же направленіи, поднимая облака пыли.

Стемнѣло уже, когда мы вернулись къ ночлегу на пароходъ, и народъ хлынулъ къ пристани. Скоро совсѣмъ опустилась ночь, со всѣхъ сторонъ охватила насъ глубокими своими тѣнями и сверху засіяла яснымъ звѣзднымъ небомъ. На палубѣ стало очень хорошо. Съ одной стороны берегъ и пристань съ народомъ; посреди толпы расположились музыканты атаманскаго полка. Они заиграли попурри изъ русскихъ пѣсенъ, которыя въ эту минуту особенно всѣмъ пріятно было слушать; въ числѣ ихъ нѣсколько разъ встрѣчались мотивы народнаго гимна, и всякой разъ какъ народъ узнавалъ этотъ мотивъ, раздавалось громкое *ура́*, за-

глушая музыку. Въ перемежку съ оркестромъ, компанія пѣсенниковъ пѣла хоровыя русскія и донскія пѣсни. Съ другой стороны, на томъ берегу Дона, въ осокоревой рощѣ зажглись огни, картинно отражаясь на густой зеленой листвѣ; около парохода появились небольшія лодки съ отдѣльными группами любопытныхъ зрителей. Они плыли въ темнотѣ и молчаніи, приглядываясь и прислушиваясь, но лишь только показывался у борта Великій Князь, пловцы кричали *ура*, бросали шапки въ воду и потомъ ловили ихъ веслами.

Утромъ 4-го августа, въ воскресенье, показалась Романовская станица, въ голой степи; кое-гдѣ торчали тощія деревца и кусточки, но все вокругъ было сухо и желто, и пыль поднималась съ немощеныхъ улицъ. Обѣдню Великій Князь слушалъ въ станичной церкви, а затѣмъ, въ сопровожденіи всего населенія станицы, отправились мы къ калмыцкимъ кибиткамъ, разбитымъ неподалеку отъ станицы въ степи. Къ Романовской станицѣ примыкаетъ земля, отведенная для Калмыковъ Войска Донскаго въ количествѣ слишкомъ милліона десятинъ (1.034.000); во время отвода земли Калмыковъ мужскаго населенія считалось около девяти съ половиною тысячъ, такъ что на каждаго приходилось около 100 десятинъ; нынѣ ихъ считается 10.400 душъ. За пользованіе этой землей Калмыки обязаны несть полевую и внутреннюю службу наравнѣ съ казаками, но въ исполненіе этой служебной повинности зачитается имъ, между прочимъ, то, что они поступаютъ въ та-

бунщики къ частнымъ конскимъ табунамъ. Всѣ конскіе заводы на Дону пользуются Калмыками какъ самыми ловкими табунщиками: для этого дѣла Калмыки незамѣнимы. Калмыки назначаются къ заводамъ отъ войсковаго начальства, а коннозаводчики за каждаго назначеннаго Калмыка платятъ опредѣленную сумму въ войсковой капиталъ. Послѣдній законъ (1858 г.) о поземельныхъ надѣлахъ ставитъ войсковому начальству въ обязанность заботиться „о распространеніи между Калмыками землепашества и объ устройствѣ прочной ихъ осѣдлости, въ видахъ увеличенія войсковаго запаса земель и упроченія благосостоянія донскихъ Калмыковъ.“ Но по характеру Калмыковъ, и при такомъ количествѣ земли, которое съ излишкомъ удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ кочевой жизни, нечего и думать о пріученіи ихъ къ земледѣлію: для этого слѣдовало бы имъ перемѣнить свою природу. Теперь они даже и не ѣдятъ хлѣба сами, а питаются молокомъ и мясомъ. Правительство, слѣдуя предписанію закона, старается привлечь ихъ къ земледѣлію разными поощреніями, и нѣкоторые изъ богатыхъ Калмыковъ заводятъ у себя плуги, но для того только, чтобы отличиться передъ начальствомъ. Между Калмыками считается до 300 земледѣльцевъ, съ 7-ю плугами, и хлѣбнаго посѣва показывается у нихъ до 1.000 четвертей. Донскіе Калмыки принадлежатъ къ Большедербетовскому улусу, и кочуютъ въ здѣшнихъ мѣстахъ съ 1710 года, когда по распоряженію правительства 10,000 ки-

битокъ изъ этого улуса отведены сюда для охраненія границъ Войска Донскаго; въ 1731 году, эти Калмыки подчинены Войсковому управленію. Въ настоящее время ими завѣдываетъ Калмыцкое правленіе, состоящее изъ судьи и двухъ засѣдателей, по назначенію изъ Войсковаго начальства, и изъ двухъ депутатовъ—Калмыковъ. Мѣстное управленіе сосредоточивается въ 3 улусахъ, которыя дѣлятся на сотни, а сотни на хотуны. Каждая сотня управляется сотникомъ по избранію общества, а при сотникѣ состоятъ двое Калмыковъ въ качествѣ станичныхъ судей; хотуны управляются приказными подъ надзоромъ сотниковъ. Внутренняя расправа у Калмыковъ производится на сотенномъ сборѣ, который долженъ собираться не менѣе 2 разъ въ мѣсяцъ и состоитъ изъ 15 отцовъ семействъ. Онъ разбираетъ споры между Калмыками и присуждаетъ наказанія за маловажные поступки и за кражу до 30 р. сер.. Калмыкамъ присвоивается особый хозяйственный капиталъ, составляемый изъ доходовъ отъ отдачи въ оброчное содержаніе Калмыцкихъ земель (около 74.000 десятинъ).

У походнаго хурула, помѣщеннаго въ большой кибиткѣ, калмыцкое духовенство, то-есть всѣ гелюны вмѣстѣ съ бакши, главнымъ своимъ начальникомъ, встрѣтило Великаго Князя музыкою, подобною той которую мы слышали въ Тюменевкѣ. Всѣ они стояли передъ кибиткой въ два ряда, держа въ рукахъ свои инструменты, и надъ ними въ два ряда развѣвались высокія хоругви, обвѣшанныя длинными и узкими полосами

шелковой матеріи съ вытканными изображеніями и узорами. Мы вошли въ хурулъ. Устройство его въ маломъ видѣ такое же, какъ и въ Тюменевкѣ, только здѣсь, вмѣсто колоннъ, широкій проходъ посреди кибитки отъ входа до жертвенника отдѣлялся двумя рядами длинныхъ полосъ шелковой матеріи, свѣшенныхъ съ потолка. Между этими рядами расположились и здѣсь въ сидячемъ положеніи всѣ гелюны съ своими прислужниками, а бакши стоялъ въ главѣ у самаго жертвенника. Началось служеніе съ музыкой, въ которой слышались уже знакомые намъ тоны, но впечатлѣніе было далеко не то, которое испытали мы въ Тюменевскомъ хурулѣ. Число исполнителей было несравненно менѣе, и оркестръ далеко не полный; самые инструменты только формою были похожи на тѣ, что мы видѣли въ Тюменевкѣ: здѣшніе были гораздо меньшихъ размѣровъ, за то отдѣланы тщательнѣе, даже съ нѣкоторою щеголеватостью, напримѣръ трубы здѣсь были серебряныя. Вообще звукъ былъ слабѣе и далеко не такъ дикъ какъ тамъ. Костюмы и физіономіи духовныхъ лицъ были гораздо проще, но за то и гораздо пристойнѣе; въ облаченіи не было никакой пестроты, и оно было гораздо роскошнѣе, свѣжѣе и опрятнѣе; головы у бакши и гелюновъ оставались непокрытыя, безъ всякаго убора. Убранство жертвенника было тоже проще, но и богаче чѣмъ въ Тюменевкѣ: мы замѣтили тутъ не одну, а три сидячія фигуры идоловъ, сдѣланныя изъ серебра, довольно красивой отдѣлки. Калмыки Донскаго

войска гораздо зажиточнѣе астраханскихъ. Это замѣтно было и по устройству хурула, и по физіономіямъ и костюму духовенства; здѣшніе гелюны смотрятъ бодрѣе и натуральнѣе, безъ дикаго, тупаго выраженія. Когда окончилось служеніе, одинъ изъ нихъ, въ разговорѣ съ однимъ изъ нашихъ спутниковъ, спрашивалъ: „вѣрно вамъ показалось очень странно наше богослуженіе?“ Было бы очень интересно познакомиться ближе съ состояніемъ здѣшняго ламайскаго духовенства, и сравнить его съ астраханскимъ. Можетъ-быть оказалось бы, что здѣсь, на Дону, гдѣ Калмыки несравненно зажиточнѣе и живутъ, можно сказать, посреди русскаго населенія, соединяясь съ нимъ въ общей повинности,— начинается уже разложеніе первоначальныхъ основъ калмыцкаго быта и ослабленіе строгой исключительности въ религіозной дисциплинѣ. Намъ сказывали однакоже, что и здѣсь, на Дону, калмыцкое духовенство имѣетъ сильное вліяніе на народъ и очень богато. Въ бакши избираются калмыцкими сотнями, по большинству голосовъ, три кандидата, изъ коихъ одинъ утверждается въ званіи наказнымъ атаманомъ. Нынѣшній бакши владѣетъ однимъ изъ богатѣйшихъ табуновъ, въ которомъ считается около 800 головъ и съ котораго онъ получаетъ, говорятъ, около 4000 рублей годоваго дохода; у него есть въ степи домъ съ мебелью, съ гостиною для пріема; есть и карета, въ которой онъ ѣздитъ въ Новочеркасскъ.

Лишь только кончилось служеніе и мы вышли изъ хурула, какъ всѣ священнодѣйствовавшіе поспѣшили

сѣсть на коней и лихими наѣздниками поскакали вслѣдъ за нами въ степь, куда поѣхалъ Великій Князь смотрѣть большой табунъ бакши, пригнанный по этому случаю къ станицѣ. Было прекрасное тихое утро: солнце обливало яркимъ свѣтомъ безпредѣльную равнину; на краю горизонта игралъ миражъ, волнуясь въ воздухѣ и рисуя небывалыя озера и рѣки. Народу собрались тысячи, между нимъ гелюны въ своихъ размашистыхъ одеждахъ, плоскихъ шапкахъ въ видѣ подсолнечника, верхомъ на коняхъ, пестрили толпу, и безъ того пеструю, желтыми и красными цвѣтами. Около табуновъ гарцовали наѣздники и помахивали арканами, въ ожиданіи прибытія Великаго Князя. Глядя на табуны, можно было предвидѣть, что съ здѣшними лошадьми борьба будетъ потруднѣе и посеріознѣе, чѣмъ съ хошоутовскими въ Тюменевкѣ, и что здѣшними арканами, состоящими изъ простой петли на длинной веревкѣ, труднѣе дѣйствовать, чѣмъ тамошними, въ которыхъ петля смыкается палкою. Скоро подъѣхалъ и Великій Князь на превосходномъ конѣ золотистаго цвѣта изъ табуна Калмыка Алешки, извѣстнаго здѣшняго заводчика. Толпа разступилась обширнымъ полукругомъ, и тотчасъ же приступили къ дѣлу наѣздники. Вотъ, намѣтивъ лошадь въ табунѣ и отдѣливъ ее на просторѣ, наѣздникъ гонится за нею по степи; рука у него поднята вверхъ съ собраннымъ въ бухту арканомъ, и онъ летитъ отбросивъ немного назадъ правое плечо и наклонясь впередъ всѣмъ корпусомъ, съ уди-

вительною легкостью и удалью. Догнавъ лошадь въ мѣру своего аркана, онъ въ одно мгновеніе накидываетъ на нее петлю, заскакиваетъ въ бокъ, крутитъ другой конецъ аркана за колѣно и вдругъ останавливаетъ свою лошадь такъ сильно, что пойманная едва не опрокидывается. Затѣмъ онъ направляетъ ее къ кучкѣ Калмыковъ, ожидающихъ добычу съ уздой и сѣдломъ; съ дикими криками они принимаютъ отъ него арканъ; конь храпитъ, ржетъ, *бьется* и пятится назадъ. Первые смѣльчаки хватаютъ его за уши, а наѣздники наровятъ ухватить за хвостъ, быстро накидываютъ на него сбрую, затягиваютъ подпруги сѣдла и снимаютъ арканъ. Тогда новый удалецъ вскакиваетъ на обузданнаго коня. Его въ ту же минуту пускаютъ, и тутъ начинается настоящая борьба животнаго съ человѣкомъ за свою дикую свободу. Чтобы удержать лошадь на ногахъ и развлечь въ ней желаніе броситься на землю, Калмыкъ страшно бьетъ ее нагайкой по чемъ попало; лошадь сгибаетъ шею, вытягиваетъ ее къ землѣ, — то вдругъ отдѣляется отъ земли прыжкомъ, надѣясь разорвать подпругу и сбить сѣдока, то поднимается на дыбы, то бьетъ задними ногами, то вдругъ помчится, сдѣлаетъ крутой поворотъ, опять привскочитъ, взовьется на дыбы и снова помчится. А Калмыкъ все бьетъ ее нагайкой, кривыя ноги его точно закостенѣли обвивъ ея крутыя бедра. Наконецъ конь вдругъ останавливается и затихаетъ: съ него тотчасъ же снимаютъ упряжь и пускаютъ его на волю. Опомнившись,

онъ стоитъ какъ будто въ раздумьѣ, поворачивая голову во всѣ стороны; завидя родной табунъ, онъ мчится назадъ къ табуну. Подъ другимъ наѣздникомъ лошади удалось оборвать подпругу, но онъ успѣлъ ловко соскочить, живъ и невредимъ. Иногда конь ища спасенья, бросается на землю: тутъ въ одинъ мигъ наскакиваютъ Калмыки, хватаютъ его за уши и за хвостъ, и лежачему надѣваютъ узду, и лежачаго сѣдлаютъ. Отважный наѣздникъ, разставя ноги, становится прямо надъ сѣдломъ; лошадь вдругъ отпускаютъ и ударяютъ нагайкой; она вскакиваетъ, поднимая съ собой готоваго наѣздника, который въ ту же минуту прилипаетъ къ ней ногами и мчится, осыпая ее ударами. Трудно передать на словахъ всю дикую красоту этихъ степныхъ картинъ, которыхъ мы были зрителями: духъ захватываетъ отъ удали калмыцкаго наѣздника или казака табунщика, когда онъ борется съ разъяреннымъ животнымъ. Многимъ изъ насъ знакомы по краснорѣчивымъ описаніямъ картины ловли дикихъ лошадей въ Бразиліи и Мексикѣ, но немногіе знаютъ о томъ, что и въ нашихъ степяхъ можно видѣть такія же картины и любоваться такою же удалью и искусствомъ наѣздниковъ.

Прямо со степи мы вернулись на пароходъ, на которомъ успѣли между тѣмъ побывать любопытные гелюны съ своимъ бакши, чтобы посмотрѣть на устройство судна и на убранство каюты Великаго Князя.

Краткость времени и сильные жары не дозволили ѣхать далѣе и обозрѣть задонскія Манычскія степи, имѣющія особливую важность для Дона и для всего государства, по разведенію и воспитанію породы донскихъ лошадей. Лошадь необходима для Донца, и Земля войска Донскаго представляетъ много благопріятныхъ условій для развитія коннозаводства: главныя изъ нихъ— обширная степь и легкость зимы, дозволяющая пригонять сюда табуны на зиму и даже устраивать постоянные зимовники. На этой степи выводится порода лошадей, которая удивительно приходится къ потребностямъ иррегулярной кавалеріи; нечего искать въ ней стройности сложенія и вѣрности аллюровъ; за то она отличается легкостью, крѣпостью и способностью долго выносить скудость въ кормѣ и въ питьѣ, — качество неоцѣненное въ казачьей слубѣ. Собственно для разведенія этой породы, то-есть для довольствія конскихъ табуновъ, принадлежащихъ частныхъ заводчикамъ, отведена на Дону отдѣльная степная площадь, пространствомъ въ 801.871 десят., на которой можетъ помѣститься слишкомъ 66.000 лошадей, считая на каждую для пастбища и сѣнокоса по 12 десятинъ. Вся эта степь раздѣлена на 2 части, одна для устройства зимовниковъ, другая для общаго пастбища: она раздѣлена на участки, въ мѣрѣ опредѣленной для каждаго табуна, и участки эти отдаются въ пользованіе частнымъ заводчикамъ за опредѣленную плату въ размѣрѣ по возможности маломъ, для облегченія заводскаго про-

мысла, по 15 коп. съ головы. За эту цѣну, то-есть за 75 рублей въ годъ, на табунъ въ 500 головъ отводился для зимовника участокъ шириною въ 1½ версты по рѣкѣ, и на 5 верстъ длиною въ степь (около 1250 десятинъ), и сверхъ того предоставлялось свободное пользованіе общимъ пастбищемъ.

Не смотря однакоже на благопріятныя условія, на Дону съ грустью ожидаютъ въ непродолжительномъ времени разстройства, если не совершеннаго паденія этого важнаго промысла, и мы пріѣхали на Донъ именно въ пору всеобщихъ жалобъ и опасеній по этому предмету. Главнымъ поводомъ къ этимъ опасеніямъ служитъ новое, изданное въ 1858 году, еще не приведенное въ дѣйствіе, положеніе „о довольствіи частныхъ конскихъ табуновъ на войсковой землѣ войска Донскаго." Правила эти, безъ сомнѣнія составленныя съ цѣлію улучшить породу лошадей, развить конскій промыселъ и дать ему систематически новое направленіе сообразное мысли составителей, по отзыву мѣстныхъ заводчиковъ и хозяевъ, должны привесть къ противоположному концу, потому что мало разсчитаны на мѣстныя, естественныя и экономическія условія коннозаводства въ здѣшнемъ краю. Первоначальнымъ руководствомъ по этому предмету служило положеніе о Войскѣ Донскомъ 1835 года, но новыми правилами вводятся въ немъ существенныя измѣненія. До сихъ поръ плата за пользованіе степями производилась по числу головъ: теперь плата установляется единообразная съ каждаго

зимовника, но съ тѣмъ, что каждый участокъ разсчитанъ не менѣе какъ на 500 лошадей, тогда какъ прежде можно было имѣть произвольное количество; впредь дозволяется держать на зимовникѣ на первый разъ не менѣе $^3/_5$ всего количества, на которое взятъ участокъ и установляются строгіе и сильные штрафы за нарушеніе этого правила. Хлѣбопашество, которое прежде строго воспрещалось на участкахъ, нынѣ разрѣшено. Главнѣйшее нововведеніе, именно то самое, отъ котораго ожидаютъ упадка въ промыслѣ, состоитъ въ томъ, что новыми правилами ограничено число рогатаго скота и овецъ,—которыхъ разрѣшается имѣть при зимовникахъ,—такимъ незначительнымъ количествомъ, которое недостаточно даже для домашнихъ хозяйственныхъ потребностей. При установленіи этого правила, составляющаго самую рѣзкую черту новаго положенія, безъ сомнѣнія, имѣлось въ виду рѣшительно воспретить соединеніе рогатаго скота съ лошадьми въ заводской промышленности, признаваемое вреднымъ для коннозаводства; но по отзыву мѣстныхъ заводчиковъ, коннозаводство на Дону, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, могло держаться только тѣмъ, что промышленникъ могъ при коневодствѣ разводить и прочій скотъ на томъ же участкѣ, на которомъ находится его зимовникъ: общимъ правиломъ было держать при лошадяхъ и значительное количество скота. На сотню лошадей приходится нынѣ у заводчиковъ среднимъ числомъ около 50 штукъ рогатаго скота и болѣе 200 овецъ, а у иныхъ

пропорція и еще значительнѣе; такъ что въ настоящее время на задонскихъ степяхъ считается до 50.000 лошадей, болѣе 100.000 овецъ и около 25.000 штукъ рогатаго скота: впредь строго положено при пятисотенномъ табунѣ содержать на 100 головъ никакъ не болѣе 4 воловъ и 10 овецъ, а при двухъ-тысячномъ табунѣ пропорція еще менѣе. Поэтому со введеніемъ новыхъ правилъ лошадей будетъ около 40.000 (считая 133 пятисотенные зимовника, на которые дѣлится степь, и въ которыхъ разрѣшено ограничиваться $^3/_5$ нормальной цифры), слѣдовательно и количество лошадей уменьшится, а количество рогатаго скота ограничится 2.076 волами и 5.190 овцами. Кромѣ того, для поддержанія строгаго правила установленъ контроль съ сильными штрафами, и становится возможнымъ безпрерывное вмѣшательство чиновниковъ, которые будутъ въ правѣ преслѣдовать всякую корову и свинью въ домашнемъ и заводскомъ хозяйствѣ.

При этомъ порядкѣ скотоводство, по общему мнѣнію, должно раззориться, и съ будущаго года заводчики должны распродать весь свой скотъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ожидаютъ они не процвѣтанія, а паденія коннозаводства. Новая регламентація коннозаводства на Дону вводитъ еще и другія стѣснительныя для хозяйства правила; напримѣръ, строго ограничивается число людей, которыхъ заводчикъ имѣетъ право держать, при зимовникѣ до 1000 головъ — не болѣе 15, а при зимовникѣ въ 2000 головъ — не болѣе 30, тогда какъ

по условіямъ мѣстнаго хозяйства невозможно, особливо въ зимнее время, ограничиться такимъ малымъ количествомъ прислуги для ухода за лошадьми. Противъ всѣхъ этихъ стѣсненій вопіютъ на Дону коннозаводчики, и намъ сказывали, что ими подано въ числѣ 40 человѣкъ мнѣніе, въ которомъ они просятъ объ измѣненіи новыхъ правилъ, при дѣйствіи коихъ признаютъ невозможнымъ продолжать свой промыселъ.

Отъ Романовской станицы мы поплыли далѣе и остановились только вечеромъ у Константиновской станицы, гдѣ приходилось перегружаться на другой пароходъ *Атаманъ*, ожидавшій Великаго Князя у пристани. Тутъ мы оставались до разсвѣта. Когда стемнѣло, пароходъ нашъ освѣтился фонарями, и мы собрались на палубѣ около почтеннаго Наказнаго Атамана, слушая его разсказы; между тѣмъ на другомъ пароходѣ играла музыка атаманскаго полка, на пристани затянулась хоровая пѣсня и толпа народа до самой ночи волновалась, какъ на гуляньѣ, по отлогости берега.

На утро окрылись новыя мѣста. Въ 10-мъ часу утра послышалось: *станица!* и музыканты на палубѣ заиграли старый казацкій маршъ 1812 года, съ которымъ мы обыкновенно подъѣзжали къ каждой станицѣ. На крутомъ берегу вверхъ по бокамъ двухъ песчаныхъ холмовъ, далеко растягивалась обширная станица Раздорская, коренное гнѣздо Донскаго казачества: видъ ея былъ очень красивъ, но ни въ ней, ни около нея не было замѣтно никакого признака зелени. На пристани

между рядами строевыхъ казаковъ, впереди народа, засыпавшаго весь берегъ, стоялъ станичный атаманъ съ насѣкою, возлѣ стола съ хлѣбомъ-солью и съ огромнымъ блюдомъ винограда, которымъ славится Раздорская станица.

По историческимъ свѣдѣніямъ, еще въ XVI столѣтіи главнымъ притономъ Донскихъ казаковъ было мѣстечко Раздоры, на островѣ, между Дономъ и Сухимъ Донцомъ, при впаденіи послѣдней рѣки въ первую: въ послѣдствіи поселеніе перешло на другую сторону Донца. Раздоры населились пришельцами и бѣглецами разныхъ племенъ и нарѣчій; оттого и теперь физіономія здѣшнихъ жителей носитъ на себѣ признаки разнохарактернаго ихъ происхожденія. Главнымъ промысломъ ихъ служитъ винодѣліе, и раздорскіе сады, числомъ около 2000 тянутся по берегу на протяженіи почти 20 верстъ. Намъ сказывали, что въ урожайный годъ они даютъ до 200.000 пудовъ винограду, вина же выдѣлывается самими жителями около 3.000 ведеръ, цѣною отъ 1 рубля до 5 рублей за ведро. Здѣшнія вина по преимуществу бѣлыя, и качествомъ соперничаютъ съ цымлянскими. Самыми лучшими винодѣлами здѣсь въ станицѣ, и едва ли не на всемъ Дону считаются здѣшніе священники Поповъ и Бондаревскій, получившіе за свои вина медаль отъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Ни малѣйшаго слѣда зелени не было замѣтно ни въ станицѣ ни около нея,—а когда то раздорская станица славилась своими рощами, по разсказамъ сторожиловъ,

На Дону вообще проѣзжаго человѣка поражаетъ совершенное безлѣсье—повсюду видишь степь, голую степь, за ислюченіемъ станицъ и хуторовъ, около которыхъ группируются посаженыя деревья, иногда густыми раскидистыми кучками. Это безлѣсье, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, одна изъ главныхъ причинъ продолжительной лѣтней засухи, на которую всѣ здѣсь жалуются. Старые люди говорятъ, что когда былъ лѣсъ, тогда и дожди были—а лѣсу, по словамъ ихъ, было довольно въ старое время. Въ положеніи о войскѣ Донскомъ 1835 года видна немалая забота объ охраненіи старыхъ лѣсовъ по Дону и о разведеніи новыхъ. Есть даже правило, донынѣ остающееся въ силѣ (102—104 ст., Уст. о благоустр. въ казач. сел.), что станичныя общества должны непремѣнно разводить вновь рощи, особенно изъ вербы и тополя. Каждая станица назначаетъ для того особыя мѣста. Всякой наличный урядникъ, казакъ и малолѣтокъ получающій лѣсовые паи, обязанъ ежегодно осенью посадить на указанномъ мѣстѣ 25 кольевъ, и съ декабря станичные пристава должны лично свидѣтельствовать, исполнена ли эта повинность, а за неисполненье назначены строгія взысканія и штрафы. Когда бы это правило соблюдалось съ 1835 года, конечно весь край былъ бы покрытъ лѣсными разсадами, но оно осталось, повидимому, при всей своей строгости, одною мертвою буквой, ибо никакихъ лѣсныхъ разсадъ на Дону не видно, и какіе есть лѣса, тѣ войсковые и старые: да есть еще кое-гдѣ участки,

засаженные частными лицами по своей волѣ, которыми хозяева могутъ по силѣ закона владѣть исключительно, хотя бы они разведены были и на общественной землѣ.

За Раздорскою станицей, слѣдующая пристань была въ станицѣ Мелиховской, гдѣ въ первый разъ увидѣли мы на берегу большіе склады антрацита. Здѣсь останавливались мы не надолго и спѣшили въ станицу Старочеркасскую.

ГЛАВА XIX.

Старо-Черкасскъ и его историческое значеніе. Старой соборъ и его исторія. Дѣвичій монастырь. Родъ Ефремовыхъ. Церковь Петра и Павла. Вечерняя прогулка по станицѣ. Черкасскія воды. Образованіе Черкасской станицы. Церковь Преображенья. Вечеръ въ Черкасскѣ. Отъѣздъ изъ Старо-Черкаска. Монастырское урочище. Переѣздъ до Аксая и виды по дорогѣ. Аксайская станица. Полковникъ Быхаловъ. Церковь Успенія.

Въ 4-мъ часу по полудни мы подъѣхали къ Старочеркасску. Здѣсь было до 1805 года главное управленіе Войска Донскаго; здѣсь — старинный узелъ казачьяго населенія на Дону. Сюда, на мѣсто прежняго татарскаго населенія, пришли еще въ первой половинѣ XVI столѣтія, выходцы изъ-за Днѣпра, изъ Украинскихъ Черкасъ, поселились въ 50 верстахъ выше Азова на островѣ Лисьемъ и поставили городъ, существовавшій 310 лѣтъ. Здѣсь собирались старые казацкіе круги и майданы, жили и правили старые атаманы казацкіе, от-

сюда ходили казаки громить Азовъ, и здѣсь, до послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, сами ежедневно должны были сидѣть на готовѣ, чтобы отбиваться отъ нападенія Черкесовъ, Крымскихъ Татаръ и Ногайцевъ. Понятно, съ какимъ ожиданіемъ и любопытствомъ подъѣзжали мы къ этому историческому мѣсту. Съ праваго берега издали выглядывалъ на насъ массивный девятиглавый Воскресенскій соборъ; за соборомъ растягивались по низменной плоскости домы, обставленные садами, и изъ-за крышъ виднѣлись еще двѣ высокія колокольни.

Прямо съ пристани Великій Князь проѣхалъ въ соборъ; по высокой каменной лѣстницѣ мы поднялись къ храму, окруженному со всѣхъ сторонъ широкимъ каменнымъ проходомъ, и народная толпа не пропустила, а внесла насъ съ собою въ двери. Храмъ этотъ — одинъ изъ самыхъ величественныхъ, какіе удавалось намъ видѣть: въ началѣ XVII столѣтія, то-есть въ эпоху своей постройки, онъ считался въ ряду знаменитѣйшихъ рускихъ соборныхъ церквей, и по архитектурѣ и по богатству украшеній. Не мало величія придаетъ ему высокій пятиярусный иконостасъ, съ верху до низу покрытый серебреными и позолочеными окладами: трое царскихъ вратъ въ немъ сдѣланы изъ чистаго серебра съ позолотой. Начало собора связано съ знаменитою исторіей Азовскаго похода и сидѣнья Азовскаго. Когда не стало житья казакамъ отъ Азовскихъ Турокъ, задумали они добывать Азова, и на

войсковомъ кругу, весною 1637 года, рѣшено было, что „Азовъ взять любо.“ На походѣ, около удалаго походнаго атамана Татаринова, былъ еще кругъ съ молитвою, и тутъ же казаки дали обѣтъ, что если Богъ поможетъ взять Азовъ, то въ Азовѣ возобновятъ они древнюю греческую Предтеченскую церковь, а въ Черкасскѣ построятъ трехпрестольный соборный храмъ. Извѣстно какъ потомъ казаки отсиживались въ Азовѣ отъ 300-тысячнаго турецкаго войска, и какъ потомъ, послѣ московскаго земскаго собора, по указу царскому, должны были въ 1643 году съ горемъ оставить Азовъ, добытый казацкою кровью. Но въ исполненіе даннаго обѣта, въ 1650 году началась въ Черкасскѣ закладка соборнаго храма. Пожары помѣшали достроить зданіе, и уже въ 1706 году, по указу Петра, строеніе возобновилось и было окончено въ 1719 году; самъ Петръ старательно заботился о постройкѣ и прислалъ изъ Москвы мастеровъ, два колокола, желѣзо, книги, утварь и сто рублей денегъ.

Послѣ молебна почтенный священникъ соборный, о. Левитскій, любитель и знатокъ историческихъ древностей здѣшняго края, показывалъ и объяснялъ Его Высочеству достопримѣчательности храма: богатыя принадлежности ризницы, и старыя иконы XVI и XVII столѣтія. На срединѣ церкви видѣли мы замѣчательное паникадило мѣдное, пятиярусное, привезенное казаками въ 1643 году изъ азовской Предтеченской церкви. На паперти, у самыхъ дверей церковныхъ, съ обѣихъ

сторонъ висятъ желѣзная двухпудовая цѣпь и массивные наручники. Этою цѣпью прикованъ былъ къ церковнымъ дверямъ Стенька Разинъ, когда его привезли послѣ поимки въ Черкаскъ. Спустившись внизъ, у самой стѣны соборной видѣли мы трофеи Азовскаго похода—огромныя желѣзныя ворота Азовскія съ петлями, стрѣлой и городскими вѣсами, вывезенныя казаками въ 1643 году, при оставленіи Азова. Этого поруганія не могли забыть имъ Азовскіе Турки. Здѣсь же стояли прежде и пушки азовскія, на одномъ изъ раскатовъ (или бойницъ), Даниловскомъ, котораго остатки виднѣются за соборнымъ алтаремъ; всего на городской крѣпости было тогда 10 раскатовъ, которые еще за 80 лѣтъ могли быть употребляемы въ дѣло для дѣйствительной защиты отъ нападеній: всѣ эти укрѣпленія сняты, при перенесеніи города на другое мѣсто.

Отъ собора мы поѣхали внизъ по улицѣ къ Донскому дѣвичьему монастырю, образовавшемуся въ 1836 году изъ домовой церкви Ефремовыхъ. Около монастыря видны остатки массивнаго каменнаго моста, на которомъ происходили въ 1708 году кровавыя сцены бунта Булавинскаго. Фамилія Ефремовыхъ, одна изъ богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій на Дону, занимаетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ Донскаго войска. На Дону и знатное дворянство и богатство утверждалось до сихъ поръ на военной чести и на военномъ промыслѣ, такъ что знатнѣйшіе роды донскіе—роды атаманскіе: въ нихъ на ряду съ именами Платова, Иловайскаго и проч. встрѣ-

чается родъ Ефремовыхъ, который идетъ отъ войсковаго старшины и походнаго атамана Ефрема Петрова, задушеннаго въ 1708 году Булавинымъ. Сынъ и внукъ его были войсковыми атаманами въ прошломъ столѣтіи. Имена этихъ атамановъ живутъ до сихъ поръ въ народномъ преданіи и слышатся часто въ разсказахъ. Въ 7 верстахъ отъ Черкасска существуетъ еще и сохраняется въ цѣлости загородный домъ Ефремовыхъ съ остатками прекраснаго сада, и въ домѣ замѣчательная портретная галлерея рода Ефремовыхъ, которую стóитъ посмотрѣть хотя для того, чтобы полюбоваться на старые казачьи типы въ старыхъ атаманскихъ уборахъ. Послѣднимъ представителемъ линіи Ефрема Петрова былъ правнукъ его, полковникъ Данилъ Степановичъ Ефремовъ, и его-то вдова, Авдотья Акимовна, положила начало Донскому монастырю, въ оградѣ котораго находится и старинный домъ Ефремовыхъ и родовое кладбище. Сюда же перешли и всѣ богатства, которыми старые атаманы Ефремовы украшали домашнюю церковь изъ своего пышнаго скарба, добытаго на службѣ. Показываютъ вамъ паникадило и объясняютъ что оно сдѣлано изъ серебреныхъ корытъ и чашъ, изъ которыхъ атаманъ Данила Ефремовъ угощалъ калмыцкихъ хановъ, показываютъ ризы и стихари сшитые изъ кафтановъ, жалованныхъ отъ императрицы. На одномъ изъ аналойныхъ покрывалъ видны прусскіе орлы: это казацкая добыча семилѣтней войны, взятая въ 1737 году. Казакъ кормился и богатился своею добычей и

до послѣдняго времени не помышлялъ о другихъ правильныхъ и постоянныхъ источникахъ поживы. Намъ показывали около стараго собора мѣсто казацкихъ майдановъ, гдѣ происходили сходки, и разказывали любопытное преданіе о происхожденіи стараго герба Донскаго. Однажды Петръ I, будучи въ Черкаскѣ, встрѣтилъ на этомъ майданѣ пьянаго казака, который пропилъ уже почти все свое платье и полунагой, сидѣлъ на бочкѣ съ ружьемъ въ рукахъ. Царь спросилъ его: „Какъ тебѣ быть безъ одежды? отъ чего ты ее пропилъ, а ружье оставилъ при себѣ?"—Нельзя мнѣ быть безъ ружья, отвѣчалъ казакъ; съ ружьемъ Богу, Государю и всевеликому войску Донскому честь и славу заслужу и одежду у врага добуду, а безъ ружья никому не угодишь. Отвѣтъ понравился Царю, и ему пришло на мысль дать войску Донскому гербъ, съ изображеніемъ нагаго по-поясъ казака на бочкѣ, съ ружьемъ въ рукахъ. Таковъ, говорятъ, и былъ первоначальный гербъ войска Донскаго.

Въ Черкасскѣ нѣтъ роскошныхъ домовъ, но Его Высочеству приготовлена была удобная квартира въ домѣ торговаго казака Жученкова, на большой городской площади. Здѣсь, какъ и вездѣ на Дону, гдѣ мы ни бывали, лучшимъ украшеніемъ комнатъ служили старинныя, въ богатыхъ окладахъ, иконы, которыми заставлены были во всю высоту передніе углы; — рядъ иконъ выступалъ даже изъ угла на стѣну. Къ дому пристроена снаружи надъ входною лѣстницей крытая

деревянная галлерея, выходившая съ одной стороны на площадь, а съ другой на дворъ, на которомъ съ утра до вечера играли рѣзвыя и миловидныя внучки хозяина. Вообще на Дону а въ Черкасскѣ особенно, много встрѣчали мы красивыхъ, здоровыхъ дѣтей и часто ими любовались: мы замѣчали что дѣти здѣсь развязнѣе чѣмъ гдѣ-либо, и не дичатся постороннихъ людей, которыхъ видятъ въ первый разъ; они съ перваго раза подходили къ намъ и не смущаясь, называли каждаго изъ насъ «дяденькой».

Послѣ обѣда, вслѣдъ за Великимъ Княземъ, всѣ поѣхали гулять верхомъ по станицѣ и по берегу Дона. Вечеръ уже оканчивался когда кончилась прогулка: въ церквахъ звонили ко всенощной на Преображеньевъ день. Въ концѣ нашей площади, къ низу, красовалась въ тѣни старыхъ развѣсистыхъ ветелъ, окруженная высокою насыпью съ бѣлою каменною оградой, церковь Петра и Павла, построенная въ 1751 году. Мы пошли посмотрѣть ее, и подивились богатымъ ея украшеніямъ, образовавшимся тоже изъ старыхъ казацкихъ вкладовъ. И здѣсь царскія врата чистаго серебра, иконы сплошь унизанныя жемчугомъ, въ богатыхъ окладахъ, и есть нѣсколько древнихъ богослужебныхъ книгъ, между коими особенно замѣчательно одно старинное Евангеліе.

Послѣ всенощной, осмотрѣвъ церковь, мы пошли внизъ по тихимъ улицамъ, посмотрѣть на окраины города. Эта часть его, низменная, особенно понимается водою: идя отъ церкви мы замѣтили длинные ряды вы-

сокихъ мостковъ на сваяхъ, построенныхъ для сообщенія во время разлива. Намъ перерѣзалъ дорогу узкій протокъ съ высокими берегами: мы перешли его по огромному, высоко приподнятому надъ уровнемъ улицы деревянному мосту на столбахъ. Всѣ дома, встрѣчавшіеся на дорогѣ, удивляли насъ чистотою и опрятностью; на Дону пріѣзжаго изъ Великой Россіи поражаетъ опрятность и въ одеждѣ, и въ обстановкѣ домашняго быта. Почти всѣ дома строены на одинъ ладъ, конечно въ ладъ съ потребностями климата и съ условіями низкой мѣстности, въ два этажа: нижній выведенъ съ особенною заботливостью изъ камня обмазаннаго на-бѣло, и всѣ окна въ нижнемъ этажѣ съ боковыми желѣзными ставнями: надъ нижнимъ этажомъ вокругъ всего дома идетъ или галерея, или балкончикъ, или просто положены доски на концахъ балокъ для прохода вокругъ всего втораго этажа; кое-гдѣ попадаются пристроенныя къ дому сквозныя крыльца или нижнія галлерейки, всѣ обвитыя зеленью виноградныхъ лозъ. Въ жаркое время цѣлый день видишь на Дону въ станицахъ ставни повсюду закрытыя отъ солнца, и хозяева обыкновенно перебираются на житье въ нижній этажъ, для прохлады. Намъ попадалось немало простыхъ домовъ, побѣднѣе построенныхъ, просто на сваяхъ. Въ Старочеркасскѣ жители принуждены всѣми мѣрами защищаться отъ воды, которая ежегодно заливаетъ бо̀льшую часть города и долгое время покрываетъ улицы; обыкновенно, сказывали намъ, глубокая

вода стоитъ здѣсь съ конца апрѣля въ теченіе мая и іюня. Въ это время Черкасскъ принимаетъ видъ Венеціи и сообщеніе бываетъ только водяное; отъ того здѣсь всѣ отъ мала до велика привыкли ѣздить по водѣ и плавать; у кого нѣтъ лодки, тотъ по нуждѣ плыветъ, ухватившись за доску отъ дома до дома. Казакъ, котораго мы распрашивали, сказывалъ, что здѣсь не рѣдкость въ полую воду видѣть какъ мать, привязавъ ребенка къ доскѣ, переправляется съ нимъ вплавь, держась за доску. Много разъ терпѣлъ Черкасскъ отъ большой воды, которая въ иные года разоряла бо̀льшую часть города и размывала крѣпкіе каменные двухъэтажные дома. Годы эти памятны старожиламъ черкаскимъ: всѣ они означены мѣтками,—докуда доходила вода,—на стѣнѣ стараго собора, и слывутъ въ народѣ по именамъ атамановъ: Таракановская, 1740 года, Краснощековская 1786, Чернышевская 1820, Сунженская 1845 года. Послѣдняя, крайне разорительная вода была въ 1849 году и названа Венгерскою или Хомутовскою. Случалось, что по случаю наводненія все войсковое управленіе переѣзжало въ Аксай до сбытія воды. Частыя наводненія возбудили еще въ прошломъ столѣтіи мысль о переводѣ войсковаго управленія въ другое мѣсто: въ 1786 году, послѣ Краснощековской воды, всѣ станицы старочеркасскія выслали къ атаману депутатовъ съ просьбой о переводѣ города. Въ выборѣ новаго мѣста колебались между Аксаемъ и Гниловскою станицей, что на устьѣ Дона. Но графъ Платовъ

въ 1805 году рѣшилъ затрудненіе, выбравъ для переселенія то мѣсто, гдѣ нынѣ находится Новочеркасскъ.

Однакожь, несмотря на всю бѣду отъ воды, въ Черкасскѣ есть поговорка: «вода разоряетъ, вода и поправляетъ.» Наводненія помогаютъ главнѣйшему промыслу черкасскихъ жителей — огородничеству и садоводству. Изъ прекрасныхъ огородовъ, размѣщенныхъ наиболѣе въ сѣверной части, Черкасскъ снабжаетъ фруктами и зеленью все низовье Дона, Новочеркасскъ, Аксай, и даже Нахичевань и Ростовъ; въ эти мѣста, въ теченіе іюля и августа, въ послѣдніе года вывозилось изъ Черкасска ежедневно не менѣе 300 возовъ однихъ лѣтнихъ огурцовъ, да въ половинѣ сентября зимнихъ огурцовъ возовъ по 100 въ сутки, кромѣ прочей огородной зелени.

Старый Черкасскъ дѣлился на 12 станицъ, образовавшихся въ разное время, по мѣрѣ прибытія новыхъ поселенцевъ. Первое зерно поселенія составили заднѣпровскіе Черкасы, отъ того самая старая станица названа Черкасскою; потомъ прибыли выходцы изъ Запорожья и составили станицу, названную Прибылянскою. Въ числѣ станицъ была и Татарская, населенная потомками Татаръ, первоначальныхъ жителей этой мѣстности еще съ 1500 года. Названіе это, вмѣстѣ съ названіями и урочищами всѣхъ остальныхъ станицъ, сохраняется въ городѣ и донынѣ, но жители Татары, съ перемѣною резиденціи, переведены въ Новочеркасскъ; у нихъ и теперь еще въ обычаѣ ходить на богомолье въ старый Черкасскъ, на

мѣсто стараго поселенія и старой мечети. Проходя по окраинамъ города, мы могли бы по преданью распознать безъ затрудненія урочища каждой станицы; многія изъ нихъ и донынѣ отличаются особеннымъ характеромъ. Проходя мѣстами Скородумовской и Дурновской станицы, мы видѣли домы торговцевъ и судоходовъ черкасскихъ, намъ встрѣчались по дорогѣ и у домовъ женщины въ нарядныхъ платьяхъ столичнаго манера. Но вскорѣ началась другая станица, Верхне-Рыковская, населенная изстари рыбаками: здѣсь кое-гдѣ у крыльца сидѣли хозяйки, довязывая сѣть, и слышался напѣвъ донской пѣсни: „Ахъ ты, батюшка нашъ славный тихій Донъ." Одна изъ старыхъ станицъ, Средне-Черкасская, населялась разнородными пришельцами изъ разныхъ мѣстъ, приписывавшимися къ городу: жители этой станицы не прежде 1812 года обращены въ казачье сословіе.

Вечеръ былъ тихій и ясный: изъ-за крайнихъ домовъ, обстановленныхъ садами и огородами, завѣшенныхъ густыми деревьями, открывался передъ нами вольный выходъ безъ дороги на степное пастбище и широкій видъ на окрестность. Слѣва и впереди Донъ заворачивалъ за рощу, за рощей виднѣлись верхи высокаго берега, на которомъ расположена Аксайская станица, вправо изъ-за кровель далеко виднѣлись другія высоты— новочеркасскія.

На слѣдующій день, 6-го августа, Его Высочество былъ у обѣдни, у праздника, въ Преображенской церк-

ви, которая принадлежитъ тоже къ историческимъ памятникамъ Старочеркасска. Она построена въ 1731 году въ Ратной станицѣ, гдѣ собирались обыкновенно старые войсковые круги, и оттого до сихъ поръ зовется ратною церковью. Сюда сходились казачьи полки на молитву предъ отправленіемъ въ походъ. Здѣсь же было и главное городское кладбище, на которомъ покоятся старые предводители, донскіе атаманы—Данило Ефремовъ, Лопатинъ, Орловъ, Фроловъ, Таракановъ. Въ церковной оградѣ стоятъ еще обветшалыя каменныя гробницы и часовни, поставленныя надъ ихъ могилами. Литургію совершалъ старый священникъ, который уже 32 года служитъ при церкви въ этомъ санѣ, и до того времени 15 лѣтъ былъ здѣсь же діакономъ. Церковь богата вкладами; замѣчательна въ ней старинная икона Св. Іоанна Предтечи, найденная въ 1691 году на стѣнѣ Азовской, по взятіи Азова воеводою Шеинымъ. Она поставлена была въ церкви, построенной тогда въ Азовѣ, во имя Предтечи, а по отдачѣ Азова Туркамъ вывезена оттуда на Донъ. На образѣ сдѣлана русская надпись въ стихахъ, о его происхожденіи.

Вечеромъ послѣ прогулки, здѣсь, какъ и во всѣхъ станицахъ, гдѣ мы останавливались на ночь, образовалось гулянье на площади, около дома Великаго Князя. Зажгли иллюминацію; напротивъ воротъ размѣстились музыканты атаманскаго полка, обвѣсивъ свой кругъ разноцвѣтными фонариками, а вокругъ нихъ собирались

кучки изъ народа, гулявшаго на площади; у подъѣзда и на крыльцѣ тѣснились нянюшки и матери съ дѣтьми. Дѣтей набралось много: иные робко тѣснились на лѣстницѣ, заглядывая на галлерею и въ окна, выходившія въ гостиную. Дѣтей приласкали и зазвали на галлерею, вслѣдъ за ними пришли другія дѣти, и скоро вся галлерея наполнилась своеобразною публикой, очень довольною своимъ положеніемъ. Дѣти разговаривали и болтали не дичась, и праздникъ довершился для нихъ угощеніемъ изъ большой вазы съ конфетами. Самъ Великій Князь нѣсколько разъ подходилъ къ окну, разговаривалъ съ маленькими гостями и входилъ нѣсколько разъ на галлерею, гдѣ все вокругъ него толпилось, и большія дѣти поднимали на рукахъ маленькихъ, которымъ не видно было сзади. Послѣ чаю публика наша разошлась очень довольная праздникомъ; вслѣдъ за ними погасли огни и затихла музыка.

На слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, мы уѣхали изъ Старочеркасска. Вся станица вышла на проводы Великаго Князя; тѣ самыя дѣвочки, которыя были вчера у него на балконѣ, явились сюда съ матерями и нянюшками, и мы еще разъ любовались вчерашними дѣтскими головками, какъ онѣ выглядывали изъ-за большихъ головъ съ берега. Когда мы тронулись съ мѣста, дѣти долго еще бѣжали за нами по берегу. Немного подальше, у самой воды, выстроились длиннымъ рядомъ монахини, противъ своего монастыря, и всѣ вмѣстѣ низко кланялись, когда поравнялся съ ними пароходъ;

иныя махали платками, другія крестили дорогу Великому Князю.

Верстахъ въ семи отъ Стараго Черкасска, внизъ по рѣкѣ, проѣхали мы мимо мѣста знаменитаго въ исторіи Дона, мимо такъ-называемаго Монастырскаго Урочища. Здѣсь въ исходѣ XVI столѣтія казаки построили укрѣпленный городокъ съ богатой часовней: сюда удалялись на «монастырское» житье дряхлые и увѣчные казаки доживать свой вѣкъ на покоѣ и въ молитвѣ послѣ военныхъ походовъ. Таковъ былъ старый обычай на Дону. У казаковъ было сверхъ того 2 монастыря, которые они считали своими: одинъ Никольскій, ниже Воронежа, другой Рождественскій Чернѣевъ въ Шацкѣ. Сюда тоже, какъ въ инвалидный домъ, удалялись на житье старые казаки—въ этихъ же монастыряхъ хранили они казну свою и дорогія вещи, покуда городки казацкіе не были еще въ безопасности отъ вражьяго набѣга. Но Монастырское Урочище считалось домашнею святыней: черезъ Монастырское казаки всегда ходили внизъ по Дону на ратное дѣло: сюда старались они вывозить тѣла товарищей, убитыхъ въ басурманской землѣ и предавали ихъ честному погребенію въ Монастырскомъ. Когда царь велѣлъ казакамъ оставить Азовъ, они выходя, выкопали по обѣту, кости павшихъ въ бою товарищей и, вывезя на Монастырское, похоронили тутъ въ одной большой могилѣ. Потомъ Турки въ отмщенье за Азовъ, зимой 1644 года, напали ночью на Монастырское и перебили всѣхъ его

жителей, а городокъ сожгли, но онъ опять былъ возобновленъ и укрѣпленъ по распоряженію Петра, для наблюденія за Азовомъ, и упраздненъ окончательно лишь въ 1729 г. Теперь на Монастырскомъ Урочищѣ нѣтъ почти и слѣда старыхъ укрѣпленій и построекъ; вода отмыла значительную часть берега; но оно дорого для Донскаго казачества, потому что здѣсь сложены кости храбрыхъ защитниковъ Азова и участниковъ сидѣнья азовскаго, о которомъ до сихъ поръ живетъ славное преданіе въ памяти народной. Разъ въ годъ на этомъ мѣстѣ совершается торжественное поминовеніе усопшихъ воиновъ по церемоніялу изстари принятому. Въ субботу на масленицѣ походный атаманъ, наряженный войсковымъ начальствомъ, составивъ ополченіе изъ трехъ новочеркасскихъ станицъ, ведетъ его въ Старочеркасскъ, и захвативъ еще Манычскій полкъ, отправляется въ Монастырское, куда къ тому же времени сходятся ополченія станицъ Аксайской и Ольгинской. Здѣсь по командѣ атамана всѣ становятся кругомъ около старыхъ могилъ, и въ этомъ кругѣ служится всенародная паннихида. На пѣніи: «со святыми упокой» — дѣлается общій залпъ изъ ружей; въ концѣ паннихиды провозглашается вѣчная память «православнымъ донскимъ воинамъ, покорившимъ Россійской державѣ Азовъ и защитившимъ его съ православными храмами отъ Агарянъ», и на вѣчной памяти залпъ повторяется три раза. Затѣмъ всѣ отправляются въ Старочеркасскъ къ ратной Преображенской церкви, въ боевомъ строю, съ пѣснями

о старомъ казачествѣ, а молодежь на переходѣ тѣшится удалою скачкой. Въ церкви служится соборне, при стеченіи всего народа, вторичная паннихида по всѣмъ донскимъ воинамъ, и послѣ новаго залпа ополченіе распускается.

Отъ Старочеркасска до Аксая не болѣе часу ѣзды на пароходѣ, и этотъ переѣздъ былъ необыкновенно пріятенъ. Мы не сходили съ палубы, глазъ не хотѣлось отвесть отъ прекрасныхъ видовъ, разстилавшихся около насъ по обѣ стороны рѣки. Еще изъ Старочеркасска виднѣются въ туманной дали на горизонтѣ горы Аксайскія и верхушки станичныхъ церквей; но едва мы выѣхали изъ предѣловъ Старочеркасской станицы, какъ открылась передъ нами вдали вся панорама Аксайской станицы и вправо рядъ горъ, идущихъ отъ нея вдоль по рѣкѣ Аксаю до Новочеркасска. Съ этого мѣста панорама во всѣ стороны была необыкновенно живописная. Направо и налѣво плоскіе берега, покрытые сочною зеленью степныхъ травъ, въ травѣ пасется табунъ и молодая калмычка въ пестромъ платьѣ, съ растрепанною головой, положивъ на плечо длинную палку, верхомъ объѣзжаетъ свою паству. Дальше, у самой воды, на низкомъ берегу пріютилось пестрое стадо, и коровы, спасаясь отъ зною и оводовъ, стоятъ неподвижно въ водѣ возлѣ берега, — а на песчаной отмели усѣлись длинною линіей черные бакланы, дикія утки поднимаются цѣлой стаей изъ тростника,—и наши охотники бѣгутъ къ ружьямъ и стрѣляютъ. Солнце

печетъ, въ воздухѣ невозмутимая тишина, не замѣтно теченія, и вода какъ будто остановилась, ровная и гладкая какъ зеркало, отражая въ себѣ ясно и берега съ кустами и стаю пролетающихъ птицъ, и трубу парохода, который быстро промчался мимо насъ, и парусъ рыбачьей лодки, приставшей у берега. Вокругъ широкое раздолье, и горы поднимаются на краю горизонта, еще въ туманной дали, но глазъ уже различаетъ на нихъ группы деревьевъ и зданій. Аксайская станица виднѣется все яснѣе и яснѣе. За нею, полѣвѣе, выглядываетъ съ горы другая станица, Александровская, и дальше виднѣются верхи церквей въ Нахичевани. Кто-то сказалъ, указывая въ право: вотъ виденъ Новочеркасскъ—и точно, на высотахъ, за рощей, обозначилась громада построекъ и изъ нея выдается темною массой огромное зданіе новопостроеннаго собора. Оглянешься назадъ и видишь за собою знакомую Старочеркасскую станицу, которую только что покинули; она смотритъ издали большимъ и стройнымъ городомъ въ зелени своихъ старыхъ раскидистыхъ вербъ и ветелъ. Наконецъ она скрылась, Аксай уже близко, и является новая картина еще живописнѣе прежней. Ясно видна станица, отлогимъ амфитеатромъ расположенная по склону горы, — обширная, точно большой городъ, со всѣми своими домами и улицами, съ двумя каменными церквами. Отъ нея идутъ вправо Аксайскія горы, и тянется вплоть до Новочеркаасска непрерывная цѣпь садовъ, домиковъ и дачъ—тамъ и сямъ надъ ку-

пами деревьевъ высоко стоятъ стройныя раины (или пирамидальные тополи). По вершинамъ тянется дымъ черною струей: это поѣздъ желѣзной дороги, только-что оконченной между Аксайскою станицей, Новочеркасскомъ и Грушевскими копями. Налѣво отъ Аксайской станицы тянется шоссейная дамба, перерѣзывая протоки и овраги красивыми мостами — она идетъ на 9 верстъ до станицы Ольгинской. Видна и Ольгинская станица съ своими садами и мельницами. Еще лѣвѣе, странный видъ: мельницы, сады и дома стоятъ въ какихъ-то туманныхъ линіяхъ, какъ будто приподнятые отъ земли и окруженныя со всѣхъ сторонъ водою. Это миражъ, какой часто встрѣчается въ здѣшнихъ степяхъ въ жаркую погоду.

Жаръ палилъ нестерпимо, когда мы сошли на пристань. Лошади съ трудомъ вывезли насъ на гору по прекрасному шоссе, проведенному отъ Аксайской станицы до Ольгинской, къ дому военнаго доктора Антропова, гдѣ приготовлено было помѣщеніе для Его Высочества. Въ Аксайской станицѣ пробыли мы весь день до вечера, и только высокія комнаты каменнаго дома, весь день закрытыя ставнями, помогали намъ укрываться отъ палящаго зноя до 5 часовъ. Къ обѣду Его Высочества, вмѣстѣ съ хозяиномъ дома, приглашенъ былъ полковникъ Быхаловъ, старый ветеранъ Донскаго войска, доживающій уже восьмое десятилѣтіе своей жизни на покоѣ въ Аксайской станицѣ. Начавъ службу съ 1802 года, онъ оставилъ ее уже въ тридцатыхъ го-

дахъ, и участвовалъ во всѣхъ славныхъ войнахъ, которыми почти безъ перерыва наполненъ былъ этотъ періодъ руской военной исторіи. Мы съ любопытствомъ слушали разказы почтеннаго старика объ эпизодахъ его военной дѣятельности и о тѣхъ знаменитыхъ полководцахъ, которыхъ приходилось ему видѣть въ дѣлахъ. Быхаловъ стоялъ возлѣ генерала Циціанова въ ту самую минуту, когда онъ былъ измѣннически убитъ Персіянами, и разказывалъ намъ о подробностяхъ этого событія, которыя живо сохранились у него въ памяти.

Долго любовались мы прекраснымъ видомъ на Донъ, на широкую равнину за рѣкою и на Ольгинскую станицу съ красивою дамбой, сидя на балконѣ въ домѣ Антропова. Послѣ обѣда Великій Князь отправился верхомъ осматривать Аксайскую дамбу и потомъ, проѣхавъ по улицамъ станицы, осмотрѣлъ окружное училище. Аксайская станица занимаетъ одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ на Дону, и раскидываясь широкимъ амфитеатромъ по крутому берегу, кажется большимъ и красивымъ городомъ. Дома въ ней выстроены большею частію изъ бѣлаго песчаниковаго камня, которымъ изобилуетъ здѣшняя мѣстность, и улицы вымощены тѣмъ же камнемъ, но ѣзда по нимъ затруднительна, потому что рѣдко выдается плоское мѣсто, но почти всюду приходится или спускаться или подниматься по довольно крутому подъему. Главная улица выходитъ прямо на верхъ горы къ концу станицы, завершаясь большою красивою Успенскою церковью, въ которой

стóитъ полюбоваться на иконы хорошей живописи новаго стиля, а въ заднихъ углахъ церкви помѣщено нѣсколько картинъ оригинальнаго вида и содержанія. Въ одномъ углу разглядѣли мы изображеніе царя Юстиніана съ черепомъ въ рукѣ и прочитали внизу закоптѣлую надпись нравственно-мистическаго содержанія; въ другомъ углу нашли замѣчательную по рисунку и по исполненію старинную Гобеленевскую ткань съ картины священнаго содержанія. Никто не могъ объяснить намъ, когда и кѣмъ вещи эти пожертвованы въ церковь и въ ней поставлены.

ГЛАВА XX.

Переѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ Аксайской станицы въ Ново-Черкасскъ. Встрѣча Цесаревича въ Ново-Черкасскѣ и церемонія въ Войсковомъ Кругу. Новочеркасскъ, его исторія и нынѣшнее положеніе. Новый Соборъ. Вечернее гулянье и танцы въ саду. Присутственныя мѣста казачьяго управленія. Органы мѣстнаго управленія въ землѣ Войска Донскаго. Обѣдъ Цесаревичу отъ дворянства. Смотръ учебному полку. Новочеркасская гимназія. Отдѣленіе восточныхъ языковъ, цѣль его и значеніе. Маріинскій Донскій институтъ. Обѣдъ Великому Князю отъ торговыхъ казаковъ. Устройство торгующаго класса на Дону.

На другой день, въ 9 часовъ утра, мы отправились на пристань желѣзной дороги, только что оконченной между Аксайскою станицей, Новочеркасскомъ и Грушевкою. Покамѣсть еще не ходятъ по этой дорогѣ правильные поѣзды, и самые вагоны, заказанные въ Бельгіи, еще не прибыли, такъ что для проѣзда Его Высочества устроенъ былъ нарочный вагонъ изъ платформы, покрытой и драпированной сукномъ синяго казачьяго

цвѣта. Поѣздъ тронулся въ сопровожденіи начальника и строителя желѣзной дороги, полковника Панаева. Дорога идетъ на протяженіи 30 верстъ вдоль по гористому берегу рѣчки Аксая, непрерывнымъ рядомъ дачъ, которыя тянутся отъ Аксайской станицы до Новочеркасска, въ перемежку съ садами. Къ сожалѣнію дачи эти большею частью стоятъ въ запустѣніи, и только нѣкоторые домики были оживлены движеніемъ въ садахъ и на балконахъ. Палящій жаръ мѣшалъ намъ вполнѣ налюбоваться прекрасною мѣстностью; но съ небольшимъ въ часъ паровозъ домчалъ насъ до Новочеркасска, и мы не безъ волненія вышли на пристань, гдѣ все уже было готово къ встрѣчѣ Государя Наслѣдника, ѣхавшаго принять по старому торжественному обряду казацкому знаки атаманскаго достоинства въ войсковомъ кругѣ. Великій Князь вышелъ изъ вагона въ полной атаманской формѣ съ Андреевскою цѣпью на груди, въ Александровской лентѣ. На пристани ожидали Его Наказный Атаманъ со всѣмъ своимъ штабомъ, трубачи, бунчужные и казаки. Ему подвели коня, и Онъ поѣхалъ верхомъ, въ торжественномъ шествіи, сопровождаемый всѣмъ штабомъ и толпами народа, между рядами казаковъ, стоявшими вдоль по всему пути отъ пристани до площади. Между тѣмъ давно уже изготовилась большая площадь, на которой должно было происходить торжество, вся обставленная рядами верховыхъ казаковъ, вся занятая массами народа, между которымъ безпрерывно носились верховые, поднимая облака пыли. Заѣхавъ впередъ, мы

съ трудомъ умѣстились на паперти соборной, гдѣ собрались войсковые чиновники въ парадной формѣ, и преосвященный Іоаннъ со всѣмъ духовенствомъ въ бѣлыхъ ризахъ ожидалъ прибытія Великаго Князя; около паперти стояли рядомъ по одну сторону воспитанники гимназіи, по другую—институтки съ своею начальницей и классными дамами. Передъ самымъ входомъ въ соборъ расположенъ былъ полукружіемъ такъ-называемый войсковой кругъ, то-есть собраніе войсковыхъ регалій. Здѣсь собраны были: гербъ жалованный Новочеркасску, всѣ станичныя знамена, знамена жалованныя разнымъ полкамъ за отличіе — съ 1807 по 1831 годъ и бунчукъ атаманскаго полка 1814 года, — бунчуки Дмитрія Селунскаго и Животворящаго Креста, пожалованные войску Петромъ I, знамена тоже всему войску жалованныя государями съ 1706 по 1856 годъ, грамоты царскія начиная съ 1706 года, сабля императора Александра I, пожалованная войску Николаемъ I, и всѣ войсковые клейноды, то-есть насѣка и бунчукъ Петра I, перначь Петра I, булава и бунчукъ Екатерины II, и бунчуки за вѣру и вѣрность. Всѣ эти регаліи берутся изъ войсковаго правленія въ 8 часовъ утра въ полномъ собраніи генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и ближайшихъ станичныхъ атамановъ, и относятся на площадь въ торжественной процессіи; за регаліями слѣдуетъ наказный атаманъ, имѣя въ рукѣ насѣку Екатерины II, а за нимъ чиновники, члены новочеркасскихъ присутственныхъ мѣстъ и станичные атаманы.

На встрѣчу процессіи выходитъ изъ собора духовенство, и изъ регалій образуется кругъ.

Былъ уже 11 часъ утра, когда на площадь въѣхалъ Великій Князь въ сопровожденіи всего штаба. Наступила торжественная минута. Сойдя съ лошади, Онъ вошелъ въ кругъ, и заколыхалась съ криками необозримая масса казаковъ и народа, склонились стоявшія кругомъ знамена, зазвонили колокола и раздались пушечные выстрѣлы. Великій Князь, принявъ благословеніе отъ преосвященнаго, пошелъ изъ круга къ собору; на него и на дорогу ему посыпались дождемъ цвѣты и толпа сомкнулась около собора. Въ соборѣ совершено было торжественное молебствіе, и затѣмъ Великій Князь вышелъ изъ собора обратно на площадь, къ накрытому въ самой срединѣ круга столу; здѣсь на блюдѣ лежалъ знакъ атаманскаго достоинства, золотой пернач или насѣка императрицы Екатерины II, которую по обряду принимаетъ Наслѣдникъ рускаго престола, когда вступаетъ, по указу Императора, въ званіе Атамана. Наказный атаманъ поднесъ Его Высочеству блюдо, съ котораго Великій Князь принялъ пернач,—знакъ атаманскаго достоинства,—поднялъ его и громкимъ, звучнымъ голосомъ, долетавшимъ до самыхъ отдаленныхъ концовъ площади, произнесъ слѣдующія слова: «По волѣ Государя Императора Я принимаю знаки Атамана Войска Донскаго. День этотъ останется навсегда памятенъ въ Моей жизни. Да послужитъ это знакомъ взаимнаго довѣрія между доблестнымъ Войскомъ и ва-

шимъ Атаманомъ». По окончаніи церемоніи съ перначенъ въ рукѣ, слѣдовалъ Цесаревичъ къ войсковому правленію; за нимъ въ торжественной процессіи слѣдовали туда же и регаліи войсковаго круга, въ сопровожденіи войска и всего народа, хлынувшаго съ площади. Всѣ улицы по пути залиты были народомъ пѣшимъ, коннымъ и въ экипажахъ, всѣ окна въ домахъ наполнены зрителями, и съ громкими *ура*, раздававшимися отовсюду, съ колокольнымъ звономъ и пушечными выстрѣлами, Новый Атаманъ прибылъ къ войсковому правленію и оттуда въ домъ графа Платова, гдѣ приготовлено было для него помѣщеніе. Здѣсь въ большой залѣ, обвѣшанной портретами бывшихъ войсковыхъ и наказныхъ атамановъ, поставлены были у стѣны между знаменами, на все время пребыванія Великаго Князя, принятые имъ знаки атаманскаго достоинства. Въ этотъ же день появился собственноручно написанный Государемъ Наслѣдникомъ приказъ по Войску Донскому:

«Повелѣніемъ Великаго Государя и Августѣйшаго Родителя Моего Я принимаю сегодня въ Войсковомъ Кругѣ знаки Атамана Войска Донскаго.

Десять дней, проведенныя Мною среди доблестнаго Войска сблизили Меня со многими изъ достойныхъ сыновъ его и съ героемъ Наказнымъ Атаманомъ вашимъ. Находясь среди васъ, узнавъ васъ ближе, Я понялъ всю важность званія Атамана вашего. Вѣрьте, храбрые Донцы, что вы близки моему сердцу, что Я

горжусь Вами и молю Всевышняго, да сохранитъ онъ Васъ на будущія времена тѣмъ, чѣмъ Вы всегда были для славы любезнаго намъ отечества.

«Атаманъ НИКОЛАЙ».

Утомившись отъ жару, отъ переѣзда, отъ пыли, которая облаками носилась по всѣмъ улицамъ, и отъ впечатлѣнія, возбужденнаго торжественною церемоніей, мы спѣшили отдохнуть на своей квартирѣ. Въ первый разъ на Дону увидѣли мы новый, большой городъ, съ широкими, правильно и ровно вымощенными улицами, съ большими каменными домами, — городъ возникшій по волѣ графа Платова, на мѣстѣ которое онъ выбралъ для новой резиденціи войсковаго управленія. И въ то время общее мнѣніе на Дону не одобряло этого выбора и указывало другія мѣстности для перевода резиденціи изъ Старочеркасска, гдѣ вовсе неудобно было оставаться,—но волѣ графа Платова все должно было подчиниться. Говорятъ, что трудно найти на Дону мѣсто менѣе удобное для основанія города, единственнаго города въ Войскѣ. Новочеркасскъ стоитъ на высокой горѣ надъ рѣчкою Аксаемъ, мутнымъ рукавомъ Дона, въ жаркое время пересыхающимъ болѣе чѣмъ на половину; съ другой стороны протекаетъ Тузловъ, который скорѣе можно назвать ручьемъ чѣмъ рѣчкою. Но и этими водами Новочеркасскъ не можетъ пользоваться съ удобствомъ, по возвышенному своему положенію. Городъ удаленъ на 20 верстъ отъ Дона, отъ

становой жилы, которою поддерживается все движеніе въ Землѣ Войска Донскаго, слѣдовательно удаленъ отъ всего этого движенія и не можетъ не только овладѣть имъ, какъ слѣдовало бы городу, но и воспользоваться имъ даже для своего хозяйства и своей торговли. Невыгоды этого положенія обозначаются яснѣе и возбуждаютъ новыя сожалѣнія съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того какъ усиливается на Дону торговое и промышленное движеніе и растетъ значеніе сосѣдняго Ростова, перехватившаго у Черкасска всѣ выгоды, которыми онъ могъ бы пользоваться, еслибъ имѣлъ выгодное положеніе, еслибъ стоялъ не на *Волчьемъ Куту*, какъ называлось прежде выбранное графомъ Платовымъ мѣсто, а на тѣхъ мѣстахъ, которыя прежде указывали и теперь еще продолжаютъ указывать для главнаго города, то-есть на мѣстѣ Аксайской или Гниловской станицы. Къ числу невыгодъ Новочеркасска, связанныхъ съ его положеніемъ, принадлежитъ и крайняя дороговизна въ немъ всѣхъ жизненныхъ потребностей, сравнительно съ сосѣдними мѣстностями, особенно съ Ростовомъ, который всего въ 30 верстахъ отсюда. За что въ Ростовѣ платятъ 1 руб., за тò въ Новочеркасскѣ приходится платить полтора, два, а пожалуй и три рубля. Вообще замѣчательна, особенно на низу, въ Землѣ Войска Донскаго, дороговизна на всѣ главные предметы потребленія, и на рабочихъ всякаго рода. Промышленное и торговое движеніе здѣсь, по мѣстнымъ условіямъ, незначительно; рабочихъ людей и ремеслен-

никовъ между казаками мало; казаки почти не занимаются полевыми и ремесленными работами; для потребностей сельскаго хозяйства приходится расчитывать на рабочихъ, приходящихъ изъ другихъ мѣстъ (помѣщичьи имѣнія здѣсь исключительно въ Донецкомъ, Міюсскомъ и частію въ Хоперскомъ округѣ), и всѣ плотники, каменьщики, маляры и пр., приходятъ сюда изъ Ярославской, Костромской и Владимірской губерній. На всякаго рабочаго человѣка казаки смотрятъ какъ на батрака; ремесло и промышленность до сихъ поръ не въ чести у нихъ. Всякой любитъ самъ около себя собирать все нужное для удовлетворенія первыхъ потребностей. Придетъ, конечно, время, когда это измѣнится; съ развитіемъ экономическаго быта на Дону явятся новыя потребности, вскроются новые источники народнаго богатства и явится желаніе приложить къ нимъ руки. Но не странно-ли слышать, какъ иные страстные защитники замкнутости донскаго быта поставляютъ свою честь и гордость въ томъ, что во всякихъ ремеслахъ и промыслахъ казаки не работаютъ на себя, а работать на нихъ приходятъ „иногородные"?

Какая была причина выбора, сдѣланнаго графомъ Платовымъ при переводѣ города на Волчій Кутъ, объ этомъ до сихъ поръ на Дону думаютъ и гадаютъ. Говорятъ, что Платовъ, принадлежавшій къ числу самыхъ крѣпкихъ старовѣровъ казачества, смотрѣлъ подозрительно на все, что могло какъ-нибудь вывесть его изъ замкнутаго круга военныхъ обычаевъ, и задумалъ заперетъ

для него всѣ торговые пути, которыми могло бы пройти въ войско начало разложенія стараго быта. Извѣстно однакоже, что самъ Платовъ увидѣлъ въ послѣдствіи какъ неудобно положеніе новаго города, сталъ заботиться о переводѣ русла Донскаго ближе къ Новочеркасску, и началъ уже для этого работы, которыя ничѣмъ не кончились. Замѣтно, что многіе жители Новочеркасска, особливо капитальные люди, до сихъ поръ не теряютъ надежды, что городъ переведутъ еще разъ на другое мѣсто; говорятъ, что эта надежда особенно ожпвилась въ 50-хъ годахъ, и разчитывая на нее, многіе долго не рѣшались строиться въ Новочеркасскѣ; но надежда не сбылась въ пору,—и въ послѣднее время, послѣ восточной войны, въ Войскѣ прибавилось капиталовъ и въ Черкасскѣ прибавилось много новыхъ большихъ домовъ. Дома здѣсь вообще приносятъ хорошій доходъ и рѣдко стоятъ пустые; мы замѣтили что и теперь строится немало новыхъ зданій. Одно изъ нихъ—зданіе собора—поражаетъ громадностью своихъ размѣровъ; но съ этимъ зданіемъ второй уже разъ случается несчастіе. Соборъ былъ выведенъ до самаго верху, но не задолго до нашего пріѣзда, въ ночь на 11-е іюля, внезапно обрушился весь массивный его куполъ. Къ счастію никого не задавило,— но страшная масса камня, пролетѣвъ до самаго низу, разбила въ щепу громадныя балки и пробила крѣпкіе своды. Въ ожиданіи новаго собора служба совершается въ старомъ де-

ревянномъ низкомъ зданіи, незатѣйливой архитектуры, но весьма помѣстительномъ.

Домъ графа Платова стоитъ напротивъ городскаго сада, который занимаетъ пространную площадь окруженную домами, и разросшись довольно густо, служитъ единственнымъ гульбищемъ для Новочеркасскихъ жителей. Лѣтомъ сюда переводится новочеркасскій клубъ, и на низкой площадкѣ съ павильйономъ для музыкантовъ, около лѣтняго клуба, бываютъ два раза въ недѣлю танцовальныя собранія, на которыхъ безъ затѣй, въ простыхъ платьяхъ, участвуетъ молодежь всѣхъ сословій: намъ сказывали, что эти собранія отличаются не одною простотой но и приличіемъ, и что съ самаго начала ихъ не случалось ни одной скандальной исторіи. Въ первый же вечеръ по пріѣздѣ Великаго Князя городской садъ наполнился гуляющими, въ ожиданіи Его посѣщенія. Зажгли прекрасную иллюминацію, и изъ залы Великаго Князя, съ балкона который выходитъ прямо противъ большой широкой аллеи сада, открылся прекрасный видъ перспективою на эту аллею, освѣщенную фестонами шкаликовъ, и наполненную народомъ, на огни горѣвшіе въ разныхъ мѣстахъ и на вензеловый щитъ высоко поднятый въ темномъ углу сада надъ самымъ верхомъ деревьевъ. Народъ тѣснился, переливаясь изъ сада на улицу, вплоть до крыльца, въ ожиданіи выхода. Въ 9-мъ часу вечера Великій Князь отправился въ садъ пѣшкомъ черезъ улицу, и за нимъ съ криками повалила въ садъ густая толпа по

середней аллеѣ. Едва можно было сдержать напоръ сзади, и мы едва-едва могли пробраться сквозь народъ, слѣдуя за Великимъ Княземъ,—на танцовальную площадку, ярко освѣщенную и разукрашенную рядами красивыхъ фонарей на проволокахъ, протянутыхъ между деревьями. Множество зрителей покрывало всю галлерею лѣтняго клуба, а на площадкѣ собралось новочеркасское танцующее общество: это собраніе имѣло семейный видъ—и значительную часть его составляли дѣти средняго и старшаго возраста, которые обыкновенно участвуютъ въ здѣшнихъ лѣтнихъ праздникахъ. Дамы были одѣты очень просто, но со вкусомъ; ничего принужденнаго и подготовленнаго не было замѣтно въ собраніи. Въ павильйонѣ заиграла музыка, и тотчасъ по прибытіи Великаго Князя начались танцы, прежде всего между дѣтьми, тоже очень просто но очень мило одѣтыми. Мы долго любовались на дѣтскіе танцы:—своею простотой и непринужденностью они не могли наводить на душу того тяжелаго ощущенія, которое возбуждаетъ у насъ въ столицахъ спектакль, называемый дѣтскимъ баломъ; дѣти здѣсь кружились между собою, малютки съ большими и большіе съ малютками — какъ кто умѣлъ, но многіе танцовали хорошо и ловко. Къ маленькимъ парамъ примѣшивались и скоро совсѣмъ смѣнили ихъ большія пары: Великій Князь съ удовольствіемъ смотрѣлъ на эту оживленную картину а маститый Наказный Атаманъ, стоя возлѣ него, радовался отъ полноты душевной, что и здѣсь, на танцовальномъ

праздникѣ, можетъ похвалиться любезнымъ Домомъ и Донцами, и что Его Высочеству весело смотрѣть на ихъ семейное собраніе.

На другой день, въ 9 часовъ утра Великій Князь посѣтилъ новочеркасскія присутственныя мѣста, которыя всѣ помѣщаются въ огромномъ трехъ-этажномъ домѣ. Руководителемъ этого осмотра былъ старшій членъ Войсковаго Правленія, г. Хоперскій. Начавъ съ войсковаго правленія, и обозрѣвъ хранящееся здѣсь собраніе войсковыхъ регалій и царскихъ грамотъ, Его Высочество осматривалъ, переходя по всѣмъ этажамъ, всѣ остальныя присутственныя мѣста. Здѣсь повсюду— и въ присутственныхъ камерахъ и въ канцеляріяхъ— мы видѣли казаковъ; секретари (или по здѣшнему дьяки) присутственныхъ мѣстъ, и всѣ писцы и канцелярскіе чиновники были въ казацкой формѣ; служба ихъ считается казацкою войсковою службой. Кто пріѣзжаетъ сюда изъ другихъ губерній и привыкъ къ рѣзкому разграниченію военной службы съ гражданскою, тому странно въ Землѣ Войска Донскаго видѣть, что здѣсь всякая служба въ должности общественной или въ мѣстномъ учрежденіи считается исполненіемъ казачьей службы и даетъ права, соединенныя съ войсковою службой: здѣсь и чиновникъ въ канцеляріи присутственнаго мѣста, и преподаватель въ учебномъ заведеніи,—и даже священникъ приходскій, если только онъ изъ донскихъ уроженцевъ,—въ отправленіи своей должности почитаются несущими казачью службу. Одна изъ глав-

ныхъ особенностей здѣшняго гражданскаго управленія, и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ привиллегій, которыми особенно дорожатъ казаки—есть обширное примѣненіе выборнаго начала. За исключеніемъ Наказнаго Атамана и должностей, имѣющихъ специяльное значеніе (напр. по врачебной, учебной, почтовой части и пр.), почти на всѣ должности гражданскаго управленія чиновники назначаются по выбору дворянства. Старшій Членъ Войскового Правленія—должность коего соотвѣтствуетъ Вице-Губернаторской, ассесоры Войсковаго Правленья, казначеи, члены Войсковыхъ Судовъ, судныхъ и сыскныхъ начальствъ—опредѣляются по выборамъ. Въ станицахъ избираются обществомъ станичные атаманы и судьи. Станичное общество въ дѣлахъ мѣстнаго интереса и хозяйства пользуется самоуправленіемъ въ значительныхъ размѣрахъ. Всѣ дѣла общественныя рѣшаются на станичныхъ сборахъ: полные сборы бываютъ не менѣе трехъ разъ въ годъ, а частные—ежемѣсячно въ первое воскресенье послѣ обѣдни. Сборы завѣдываютъ дѣлами станичнаго хозяйства, внутренняго управленія и расправою въ маловажныхъ дѣлахъ, и рѣшаютъ дѣла единогласными приговорами; а свидѣтелями рѣшенія и исполнителями служатъ атаманъ съ судьями; они же предлагаютъ сбору дѣла подлежащія обсужденію. Но выше станичнаго сбора стоитъ сыскное начальство, которое имѣетъ право отмѣнять его приговоры по жалобамъ и представленіямъ. Таковъ законный порядокъ; но какъ осуществляется это самоуправленіе на дѣлѣ,

какъ производятся въ дѣйствительности выборы, какую долю самостоятельности имѣетъ дѣйствительно общество, вотъ вопросы которые въ особенности любопытно было бы изслѣдовать. Когда мы проходили по лабиринту Донскихъ присутственныхъ мѣстъ, осматривая чисто, въ порядкѣ прибранныя комнаты и наполнявшіе ихъ ряды чиновниковъ—казаковъ, невольно приходилось задавать себѣ эти вопросы, и праздничный видъ этихъ палатъ возбуждалъ желаніе видѣть ихъ въ будничномъ убранствѣ и проникнуть глубже въ таинства, которыя скрываетъ въ себѣ каждая канцелярія.

Въ 4 часа былъ данъ въ дворянскомъ собраніи Цесаревичу обѣдъ отъ дворянъ Войска Донскаго. Прекрасный залъ былъ роскошно убранъ и полонъ хозяевами, ожидавшими дорогаго своего гостя, своего Атамана. Сколько было въ этомъ залѣ громкихъ именъ, напоминавшихъ наши славныя войны и старую казацкую славу! Здѣсь были и старые, убѣленные сѣдинами воины, участники славныхъ битвъ начала нынѣшняго столѣтія и молодые воины, достойные сыны ихъ. Рѣдко можно встрѣтить такое множество георгіевскихъ кавалеровъ, какъ здѣсь на казацкомъ обѣдѣ въ честь Цесаревича-Атамана. Были молодые люди съ двумя и тремя знаками военнаго отличія. Но вотъ раздались звуки казачьяго марша, и Атаманъ взошелъ, встрѣченный и окруженный густою толпой старыхъ и молодыхъ Донцевъ.

Послѣ тостовъ за здоровье Государя Императора и Государыни Императрицы, войсковой депутатъ произнесъ простое привѣтствіе Цесаревичу, и поднялъ тостъ за здоровье Его, встрѣченный громкимъ, нѣсколько минутъ неумолкавшимъ, *ура*. За этимъ тостомъ поднялъ бокалъ Цесаревичъ и произнесъ: «Позвольте поблагодарить за радушіе и гостепріимство. Оно останется навсегда въ моей памяти. Повторяю опять—да будетъ всегда довѣріе между войскомъ и его Атаманомъ.» Слова эти, произнесенныя звучнымъ, твердымъ голосомъ, раздававшимся во всѣхъ концахъ залы, произвели неописанный восторгъ, и громкіе крики, громъ и стукъ не умолкали нѣсколько минутъ. Потомъ Его Высочество прочелъ депешу Государя Императора слѣдующаго содержанія: «Скажи Моимъ Донцамъ, что Я тебѣ поручилъ благодарить ихъ за всегда вѣрную и храбрую ихъ службу. Товарищи ихъ и теперь это доказываютъ на дѣлѣ, и въ Польшѣ и на Кавказѣ. Мнѣ остается желать, чтобы новое поколѣніе слѣдовало примѣру отцовъ и дѣдовъ и Я убѣжденъ, что это такъ и будетъ.» Громкое *ура* было отвѣтомъ. Цесаревичъ провозгласилъ затѣмъ тостъ въ честь доблестнаго Наказнаго Атамана. Но нельзя себѣ представить восторга и криковъ, когда Цесаревичъ всталъ и произнесъ слѣдующій тостъ «Выпьемъ же, товарищи, теперь за нашихъ общихъ товарищей Донцовъ, проливающихъ кровь свою за Царя и Отечество противъ польскихъ мятежниковъ.» Все слилось въ одинъ

общій восторженный кликъ, старые воины утирали слезы, у многихъ проявлялось желаніе качать Атамана, и кажется близко было къ этому, но Великій Князь вслѣдъ за этимъ тостомъ всталъ и удалился въ другую комнату.

Вечеромъ назначенъ былъ смотръ учебному полку. Не берусь вамъ описывать достоинствъ полка. Намъ любопытна была картина несущейся *лавой* конницы, хотя наступавшая темнота и густыя облака пыли застилали намъ это любопытное зрѣлище. Но знатоки дѣла, люди военные, были въ восторгѣ отъ полка, который въ добавокъ недавно только собрался, а лошади не задолго передъ нашимъ прибытіемъ пришли изъ табуновъ, гдѣ, какъ вамъ уже извѣстно изъ нашихъ прежнихъ писемъ, они совершенно теряютъ скромность и приличіе лошадей образованныхъ, и становятся вполнѣ дикарями. Но такова казацкая лошадь, таковъ самъ казакъ, который въ одинъ годъ службы дѣлается молодцомъ и доходитъ до полнаго фронтоваго совершенства. За темнотой многое было отложено: такъ напримѣръ, джигитовка и разныя наѣздническія штуки, на которыя лихіе казаки такіе мастера.

Опять освѣтился огнями городской садъ, опять собралось множество народа въ саду и противъ сада. Видно было что всѣ собрались въ надеждѣ еще разъ увидѣть Великаго Князя: онъ еще разъ посѣтилъ садъ въ этотъ вечеръ и гулялъ между народомъ въ аллеѣ, и на танцовальной площадкѣ.

10-го августа, утромъ Цесаревичъ поѣхалъ въ гимназію. Воспитанники были собраны въ большомъ залѣ. И гимназія, какъ все на Дону, носитъ на себѣ рѣзкій военный отпечатокъ цѣлаго края. Дѣти въ казацкихъ чекменяхъ, надзиратели казачьи офицеры, во всѣхъ движеніяхъ, въ походкѣ, въ отвѣтахъ виденъ казакъ. Быстро и проницательно смотрятъ на васъ умные дѣтскіе глазки, такъ вотъ и готовые дать вамъ рѣшительный и бойкій отвѣтъ на вашъ вопросъ. Въ гимназіи слишкомъ 600 учениковъ, такъ что явилась настоятельная нужда въ параллельныхъ классахъ. Такой наплывъ въ гимназію вызвалъ необходимость въ устройствѣ второй гимназіи, Усть-Медвѣдицкой, первые два класса которой уже открыты, если мы не ошибаемся. На Дону считается теперь 2 гимназіи, 8 окружныхъ училищъ, институтъ, одно женское училище 1 разряда, два женскія училища втораго разряда и 8 третьяго разряда. Въ послѣднее время открыто было по желанію станичныхъ обществъ 28 приходскихъ училищъ.

Учебныя пособія въ гимназіи хорошо устроены и довольно богаты, въ цѣломъ же устройствѣ этого заведенія видно присутствіе опытной и твердой руки, которая ведетъ его какъ велитъ педагогическая опытность и серіозный взглядъ на дѣло, не увлекаясь тѣми бреднями и модными возгласами, отъ которыхъ пострадало уже не одно заведеніе и развращено не малое число юношества.

Изъ гимназіи мы поѣхали въ состоящее при ней отдѣленіе восточныхъ языковъ. Это прекрасное заведеніе успѣло уже въ нѣсколько лѣтъ оправдать благую цѣль, съ которою оно было учреждено. Мы пользуемся тѣми свѣденіями, какія имѣли возможность собрать о немъ, благодаря радушію почтеннаго училищнаго начальства.

Цѣль учрежденія восточнаго отдѣленія — образовать переводчиковъ для Кавказской арміи Вызвано оно настоятельною необходимостью для кавказскаго управленія имѣть надежныхъ людей для сношеній съ туземцами. Сношенія эти производились, а отчасти и теперь еще производятся, при посредствѣ переводчиковъ изъ туземцевъ, незнающихъ основательно русскаго языка, неполучившихъ даже спеціяльнаго образованія въ восточныхъ языкахъ. Но это еще ничего бы. Главная невыгода состоитъ въ томъ, что эти туземные переводчики могутъ быть вредны по своимъ племеннымъ и родственнымъ связямъ съ Горцами. Военное министерство, слишкомъ хорошо зная по опыту, какъ сомнительна польза отъ такихъ переводчиковъ, убѣдилось въ необходимости учрежденія школы для образованія военныхъ переводчиковъ на Кавказѣ, и рѣшено было открыть при Новочеркасской гимназіи отдѣленіе восточныхъ языковъ. Сентября 18-го 1850 года положеніе новаго училища было утверждено; въ концѣ 1851 года начались, по прибытіи учителей, классы арабскаго и татарскаго языковъ при гимназіи, а 2-го февраля 1853 года

отдѣленіе восточныхъ языковъ было открыто какъ самостоятельное специяльное заведеніе. Оно состоитъ подъ главнымъ и непосредственнымъ начальствомъ Наказнаго Атамана, отъ котораго зависитъ опредѣленіе и увольненіе учителей и зачисленіе воспитанниковъ. Въ немъ приготовляются 20 воспитанниковъ изъ дворянъ войска Донскаго и 10-ть изъ войска Черноморскаго (Кубанскаго). Воспитанники пользуются казеннымъ содержаніемъ, ближайшій же надзоръ за воспитаніемъ и образованіемъ воспитанниковъ ввѣренъ особому инспектору подъ наблюденіемъ директора училищъ Войска Донскаго. Въ отдѣленіе могутъ поступать только ученики высшихъ классовъ гимназіи. Они занимаются здѣсь четыре года и по окончаніи курса, первые по успѣхамъ получаютъ чинъ хорунжаго, остальные же не ранѣе, какъ прослуживъ шесть мѣсяцевъ въ званіи переводчика. Въ отдѣленіи преподаются по положенію языки—арабскій, изъ татарскихъ нарѣчій—кумыкское и адербейджанское и языкъ аварскій. Языки эти введены по указанію кавказскаго управленія, руководствовавшагося въ этомъ случаѣ положеніемъ нашихъ дѣлъ на Кавказѣ, которыя въ то время, то-есть въ пятидесятыхъ годахъ, были сосредоточены преимущественно на лѣвомъ флангѣ. Но въ настоящее время Наказный Атаманъ Войска Донскаго, видя ясно всю пользу прекраснаго заведенія и получая отзывы о благодѣтельныхъ его результатахъ на Кавказѣ, нашелъ, что весьма было бы полезно ввести въ преподаваніе одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ

языковъ между черкесскими племенами, съ которыми мы теперь имѣемъ дѣло на правомъ флангѣ. Воспитанникамъ Кубанскаго войска несравненно полезнѣе и необходимѣе знать языкъ сосѣднихъ племенъ, нежели аварскій, то-есть языкъ Дагестана, гдѣ кубанскія войска и не служатъ. Изученіе аварскаго языка и занятіе имъ принесло уже существенную пользу на Кавказѣ, какъ мы увидимъ ниже. То же самое можно ожидать и отъ введенія въ курсъ преподаванія одного изъ языковъ черкесскихъ. Дѣльное и въ высшей степени полезное предположеніе Наказнаго Атамана встрѣчено было, какъ намъ передавали, кавказскимъ начальствомъ съ полнымъ сочувствіемъ.

Первыми учителями, открывшими курсъ въ отдѣленіи, были: для арабскаго — кандидатъ Казанскаго университета Крашенинниковъ, слишкомъ рано похищенный смертью (онъ скончался во время нашего пребыванія въ Новочеркасскѣ). Десять лѣтъ трудился Крашенинниковъ надъ своимъ арабскимъ словаремъ. Все что только было издано въ Европѣ, по части арабской лексикографіи, было имъ пересмотрѣно и провѣрено. Смерть застигла его на послѣдней работѣ, — провѣркѣ составленнаго имъ лексикона съ извѣстнымъ арабскимъ словаремъ „Камусъ", но трудъ этотъ не пропадетъ для литературы, и просвѣщенное начальство Донскаго края хочетъ, кажется, издать громадный трудъ покойнаго на войсковой счетъ. Первымъ учителемъ татарскаго языка былъ Макаровъ, выдержавшій экзаменъ на званіе старшаго учителя въ Петербургскомъ университетѣ,

и потомъ отправленный на Кавказъ для ознакомленія съ обязанностью тамошнихъ переводчиковъ. Потомъ уже были вызваны съ Кавказа учитель аварскаго языка и младшій учитель арабскаго и татарскаго языковъ. Первый выпускной экзаменъ былъ въ январѣ 1856 года, и изъ 12-ти воспитанниковъ только пять удостоены званія переводчиковъ. Въ настоящее время на Кавказѣ находится до 20-ти человѣкъ военныхъ переводчиковъ, бывшихъ воспитанниковъ отдѣленія восточныхъ языковъ. Но не одними только переводчиками можетъ снабжаться и снабжается Кавказъ изъ отдѣленія восточныхъ языковъ. Одинъ изъ воспитанниковъ его, Кунаковъ, состоитъ теперь наибомъ въ Гунибѣ, и пользуется довѣріемъ и уваженіемъ туземцевъ, которые не хотятъ и вѣрить, что онъ не Аварецъ. Когда мѣста военныхъ переводчиковъ будутъ всѣ замѣщены, тогда, или они же или новые выпущенные воспитанники могутъ быть учителями въ безпрерывно вновь основываемыхъ училищахъ на Кавказѣ. Опытные же переводчики, ознакомившіеся съ нуждами края и народонаселенія, могутъ быть съ пользою употреблены по внутреннему управленію. Однимъ словомъ, это заведеніе существенно полезно не одной только кавказской арміи, но цѣлому краю.

Но съ большими затрудненіями приходится бороться отдѣленію, особенно при изученіи и преподаваніи татарскихъ нарѣчій. Руководствъ и лексиконовъ нѣтъ, и учителямъ приходится быть самимъ живыми лексиконами для воспитанниковъ. Они преподаютъ языки по

выпискамъ, что̀ отнимаетъ, конечно, много времени и у нихъ и у учениковъ. Сознавая вполнѣ это неудобство, учителя занялись составленіемъ и приготовленіемъ къ изданію руководствъ и лексиконовъ. Младшій учитель арабскаго и татарскаго языковъ Мирза Абдулъ Гассанъ Визировъ составилъ учебникъ для адербейджанскаго нарѣчія, заключающій въ себѣ грамматику, христоматію и словарь къ ней. Въ христоматіи помѣщаются всевозможныя формы дѣловыхъ бумагъ, употребляемыя на Кавказѣ туземцами. Учебникъ этотъ одобренъ восточнымъ факультетомъ Петербургскаго университета и печатается на войсковой счетъ.

Но главную трудность представляетъ изученіе аварскаго языка, неимѣющаго никакой письменности и, между тѣмъ, языка самаго распространеннаго въ цѣломъ нагорномъ Дагестанѣ. Преподаваніе его по необходимости должно было ограничиваться способомъ практически-разговорнымъ. Но вскорѣ затѣмъ учитель аварскаго языка, ученый Аварецъ Мухамедъ Хандіевъ составилъ учебникъ, состоящій изъ хрестоматіи, словаря и грамматики. Онъ примѣнилъ арабскій алфавитъ къ звукамъ роднаго языка, прибавилъ нѣсколько знаковъ и буквъ для тѣхъ странныхъ для слуха звуковъ, которыхъ нельзя было передать арабскими буквами. Его учебникъ будетъ первою аварскою книгой. Онъ ѣздилъ самъ въ Аварію, чтобы пополнить свой учебникъ новыми матеріялами и провѣрить на мѣстѣ составленный имъ аварско-русскій словарь.

Вопросъ объ аварскомъ языкѣ и аварской азбукѣ получилъ большую важность и обратилъ на себя вниманіе кавказскаго начальства, послѣ посѣщенія отдѣленія восточныхъ языковъ полковникомъ (нынѣ генералъ-майоромъ) Усларомъ, производящимъ историческія и филологическія изысканія на Кавказѣ и занимающимся составленіемъ одного общаго алфавита для кавказскихъ языковъ. Онъ пріѣзжалъ нарочно въ Новочеркасскъ, чтобы ознакомиться съ преподаваніемъ аварскаго языка, и тотчасъ же обратилъ вниманіе на рукописныя руководства, составленныя Мухамедъ-Хандіевымъ *). Отдавая полную справедливость прекрасному труду и отличному преподаванію аварскаго языка, г. Усларъ высказалъ мысль, что арабскій алфавитъ весьма неудобенъ для аварскаго языка, и неудобства возрастаютъ до такой степени, что распространеніе въ такомъ видѣ аварской письменности есть дѣло и трудное и почти даже невозможное. Со мнѣніемъ г. Услара вполнѣ согласился и подтвердилъ его покойный Крашенинниковъ. Пользуясь содѣйствіемъ его, Мухамеда-Хандіева и нѣкоторыхъ воспитанниковъ, наиболѣе оказавшихъ успѣхи въ аварскомъ языкѣ, г. Усларъ предпринялъ составить на основаніи системы, общей для всѣхъ кавказскихъ языковъ, азбуку для языка аварскаго, которая передавала бы всѣ точности произношенія, оставаясь чуждою неудобствамъ арабскаго

---

*) Мухамедъ-Хандіевъ умеръ. Трудъ его продолжаетъ назначенный на его мѣсто учитель Деборъ-Хандіевъ.

письма. На эту азбуку рѣшено было перевести руководства, составленныя Мухамедомъ-Хандіевымъ. Трудъ этотъ теперь уже исполненъ подъ руководствомъ и наблюденіемъ покойнаго Крашенинникова, и отосланъ уже въ Тифлисъ для напечатанія. При этомъ нельзя не упомянуть еще о томъ, что всѣ лица, участвовавшія въ этомъ трудѣ, отказались отъ всякаго вознагражденія, объявивъ, что считаютъ для себя особенною честью быть участниками въ столь важномъ дѣлѣ, какъ распространеніе письменности между кавказскими племенами. А какъ важно это предпріятіе и какія можетъ оно имѣть послѣдствія, объ этомъ нечего и распространяться. Русскій алфавитъ, положенный въ основаніе зараждающейся письменности кавказскихъ племенъ, есть такое завоеваніе, послѣдствія котораго не трудно себѣ вообразить Русская азбука съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ буквъ, выражающихъ придыхательныя, гортанныя и зубныя согласныя, оказались, по мнѣнію г. Услара, самою удобною для аварскаго языка, и мнѣніе его вполнѣ раздѣляютъ почтенные преподаватели отдѣленія восточныхъ языковъ, оказавшіе ему такое горячее и безкорыстное содѣйствіе. Нѣкоторыя подали мнѣніе за грузинскую азбуку, но этотъ алфавитъ употребляютъ только одни Грузины, да къ тому же онъ весьма рѣзко отличается и отъ русскаго, и отъ всѣхъ европейскихъ. Наконецъ, русская грамотность уже теперь значительно распространена между образованными Грузинами и Армянами; бóльшая же часть горцевъ съ

Грузинами сношеній почти не имѣютъ, но, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Русскими, чувствуютъ живо потребность учиться русской грамотѣ. И такъ, въ короткомъ времени мы увидимъ въ печати аварскую книгу, напечатанную русскими буквами. Дай Богъ, чтобы на этомъ первомъ шагѣ не остановились, но повели далѣе это общеполезное дѣло!

Библіотека отдѣленія восточныхъ языковъ пополняется съ каждымъ годомъ книгами и рукописями, благодаря вниманію и патріотизму донскихъ офицеровъ, служащихъ на Кавказѣ, и бывшихъ воспитанниковъ отдѣленія восточныхъ языковъ. Въ числѣ рукописей библіотека имѣетъ и такія, которыя, можетъ-быть, въ научномъ отношеніи и не представляютъ большаго интереса, но за то весьма важны по отношенію къ специяльной цѣли заведенія, а именно: письма, росписки, постановленія обществъ и селеній, рѣшенія кадіевъ, прокламаціи нашихъ генераловъ и т. п. однимъ словомъ, бумаги, разборомъ и переводомъ которыхъ воспитанники знакомятся еще въ отдѣленіи съ будущею своею служебною дѣятельностью, съ служебною перепискою и пріучаются къ разбору почерковъ (что̀ составляетъ также значительный трудъ); учителямъ же дается случай знакомить воспитанниковъ съ мѣстностью Кавказа, съ нравами, обычаями, домашнимъ бытомъ, религіозными обрядами и суевѣріями обитателей Кавказа и сообщать историческія свѣдѣнія о политическомъ значеніи нѣкоторыхъ горскихъ племенъ.

Въ доказательство, какъ много можетъ значить между восточными народами человѣкъ, знакомый съ восточными языками и съ мѣстною религiей, позволимъ себѣ еще привести одинъ случай, переданный намъ почтеннымъ директоромъ училищъ войска Донскаго. Въ 1854 году, отъѣзжая въ Крымъ, онъ взялъ съ собой двухъ воспитанниковъ съ цѣлью доставить имъ случай упражняться въ татарскомъ языкѣ съ тамошними Татарами. Одинъ изъ воспитанниковъ, Гаврiилъ Подхалюзинъ, на другой день по прiѣздѣ въ Керчь, пошелъ въ подгородную татарскую слободу къ кадiю. Послѣ обычныхъ привѣтствiй, конечно на татарскомъ языкѣ, кадiй спросилъ его, не изъ казанскихъ ли онъ Татаръ, и весьма удивился, узнавъ, что онъ донской казакъ. Но изумленiе почтеннаго кадiя еще удвоилось, когда Подхалюзинъ развернулъ лежавшiй передъ кадiемъ Коранъ, сталъ читать и переводить его на татарскiй языкъ. Старикъ сталъ угощать его фруктами, сластями, потомъ позвалъ сосѣдей посмотрѣть на *казака, знающаго Алкоранъ*. Татары цѣлою толпой проводили молодаго ученаго казака до дому, а впереди ихъ шелъ старикъ кадiй, останавливалъ каждаго встрѣчнаго Татарина и указывалъ на Подхалюзина, повторяя многозначительно: *Алкоранъ знаетъ*. Между почтеннымъ старцемъ и 17-тилѣтнимъ юношей завязалась тѣсная дружба, и когда случалось, что Подхалюзинъ не бывалъ по нѣскольку дней у кадiя, то старикъ приходилъ къ нему самъ съ книгой подъ мышкой и съ узломъ фруктовъ въ рукѣ.

Старикъ садился на кровать, развертывалъ книгу и читалъ самъ или заставлялъ читать молодаго человѣка. Очевидно, что люди, знакомые съ мусульманскою религiей, съ нравами и обычаями восточныхъ народовъ, будутъ болѣе пользоваться ихъ довѣрiемъ и гораздо скорѣе будутъ въ состоянiи проводить между ними и истолковывать имъ благiя намѣренiя просвѣщеннаго правительства.

Пожелаемъ же въ заключенiе полнаго успѣха такому прекрасному заведенiю, каково отдѣленiе восточныхъ языковъ въ Новочеркасскѣ, о которомъ, къ стыду нашему, мало знаютъ у насъ въ Россiи, но о которомъ упоминала не одинъ разъ *Times*. Этой газетѣ, какъ и слѣдовало ожидать, не очень нравится практическое направленiе училища восточныхъ языковъ, и притомъ между казаками, ближайшими сосѣдями кавказскихъ горцевъ.

Въ то же утро Великiй князь посѣтилъ Марiинскiй Донской институтъ — и въ сопровожденiи начальницы г-жи Буеровой осматривалъ все устройство заведенiя и классныя комнаты, въ которыхъ собраны были воспитанницы по классамъ. Воспитанницы поднесли Его Высочеству нарисованную ими карту Земли Войска Донскаго и большой коверъ своей работы. Изъ церкви, послѣ обычнаго молебствiя, Великiй Князь прошелъ въ большую залу, гдѣ стояли строемъ всѣ воспитанницы отъ самаго младшаго возраста до самаго старшаго. И здѣсь, такъ же какъ въ гимназiи, глядя на ряды вос-

питанницъ, мы любовались свѣжестью и здоровымъ цвѣтомъ лицъ и непринужденостью взгляда и движеній. На крайнемъ концѣ большой залы около раскрытаго рояля стояли пѣвчіе. При входѣ въ залу, Великій Князь встрѣченъ былъ хоромъ «Славься» изъ *Жизни за Царя*. Затѣмъ пропѣли всѣ вмѣстѣ „Боже, Царя Храни". Хоромъ управлялъ учитель музыки, казакъ Васильченковъ, въ казацкой формѣ, съ нотами въ рукахъ передъ роялемъ. Стройное пѣніе понравилось Великому Князю,— и Онъ пожелалъ еще послушать музыку. Двѣ воспитанницы сыграли сонату въ четыре руки, — и потомъ одна изъ воспитанницъ пѣла соло. Въ хорѣ слышалось много замѣчательныхъ голосовъ, но между ними особенно отличался одинъ превосходный контральтъ г-жи Турчаниновой, и мы еще имѣли удовольствіе слушать ее особо. Она пропѣла извѣстный романсъ Варламова *Ангелъ*. По выходѣ Великаго Князя изъ залы, воспитанницы толпою провожали Его по лѣстницѣ до самой улицы. Въ здѣшнемъ институтѣ, какъ повсюду на Дону, все имѣло своебразный видъ, и все особенно интересовало насъ. На Дону институтки дружнымъ хоромъ прокричали *ура* Великому Князю. «Мы здѣсь на военномъ положеніи» слышалось при этомъ изъ рядовъ спускавшихся по лѣстницѣ.

Посѣтивъ еще тюремный замокъ, Великій Князь вернулся домой, но въ 5-мъ часу предстоялъ еще большой обѣдъ отъ новочеркасскихъ торговыхъ казаковъ, то-есть отъ купечества. Право на торговлю въ Войскѣ

Донскомъ принадлежитъ исключительно казакамъ: никому изъ постороннихъ не дозволяется водвореніе и постоянное жительство въ Войскѣ для торговли: посторонніе могутъ производить торговлю только временно, съ платежемъ акциза въ пользу войска. Въ Землѣ Войска Донскаго всякій человѣкъ свободнаго происхожденія обязанъ быть казакомъ, то-есть исправлять служебную казацкую повинность въ теченіе положеннаго времени. Освобождаются отъ обязательной службы только казаки, записанные въ торговое общество, и платятъ за право торговли 57 руб. 15 коп. сер. въ годъ; но торговому сословію назначенъ опредѣленный комплектъ не болѣе 1.000 человѣкъ на всю Землю Войска Донскаго (нынѣ предполагается еще увеличить это число на 150 человѣкъ.) Оттого здѣсь купечество не отличается, какъ въ другихъ мѣстахъ, ни нравами ни одеждой отъ другихъ сословій: въ купцѣ видишь того же казака, въ томъ же казачьемъ чекменѣ (только безъ оружія), который носятъ здѣсь всѣ безъ исключенія, кто только считается казакомъ. Право на поступленіе въ торговое общество имѣютъ всѣ казаки за исключеніемъ чиновныхъ и урядниковъ: всѣ станицы участвуютъ въ семъ правѣ, соразмѣрно населенію. Законъ имѣлъ въ виду дать торговому обществу крѣпкую организацію сословія, связаннаго общею честью и общимъ кредитомъ. Каждый вновь поступающій долженъ удостовѣрить благонадежное свое поведеніе и доказать, что у него есть капиталу деньгами и товаромъ не менѣе 1.500 руб.

Въ концѣ каждаго года публикуется по всему войску объ открывающихся въ обществѣ вакансіяхъ, и между желающими поступить на вакансію соблюдается очередь; но по смерти казака одному изъ его семейства предоставляется право на его вакансію. Наблюденіе за торговлей и за цѣлостью взаимнаго довѣрія въ обществѣ принадлежитъ 12-ти довѣреннымъ, которыхъ общество избираетъ изъ среды своей; одному изъ нихъ, старшему по числу балловъ, присвоивается званіе *старшаго довѣреннаго*; подъ его предсѣдательствомъ составляется *совѣтъ довѣренныхъ* для общаго совѣщанія о дѣлахъ торговыхъ и о принятіи потребныхъ мѣръ. Но какъ этотъ совѣтъ, такъ и довѣренные въ отдѣльности, дѣйствуютъ подъ главнымъ руководствомъ Коммерческаго Суда. Казаки, не вошедшіе въ составъ торговаго общества, могутъ заниматься торговыми дѣлами свободно и безпошлинно, только эти занятія не освобождаютъ ихъ отъ служебной повинности, когда дойдетъ до нихъ служебная очередь.

Обѣдъ торговыхъ казаковъ, такъ же какъ и вчерашній, отличался радушіемъ и веселостью; тосты принимались съ особеннымъ одушевленіемъ и отвѣтные крики раздавались на нихъ дружно и весело. Видно было, что Донцы радостно смотрятъ на своего юнаго Атамана; повсюду слышалось, что рѣчь ведется о немъ, и видно было, что всѣмъ Онъ полюбился. Тосты провозглашалъ старшій довѣренный торговаго общества Устиновъ, а въ концѣ обѣда торговый казакъ Серби-

новъ, обратясь къ Его Высочеству, просилъ позволенія обществу заявить свои чувства по случаю посѣщенія Великаго Князя пожертвованіемъ 5 тысячъ рублей въ пользу раненыхъ.

Вечеръ этого дня былъ прощальный: на утро надо было выѣзжать изъ Новочеркасска. За чайнымъ столомъ у Великаго Князя собрались въ этотъ вечеръ всѣ старшіе чины войсковаго управленія, числомъ болѣе 30. Тутъ они простились съ Его Высочествомъ, получивъ отъ него на память портреты и фотографическія карточки.

ГЛАВА XXI.

Прощанье съ Новочеркасскомъ. Вопросы о преобразованіяхъ въ землѣ Войска Донскаго и журнальная полемика. Важность вопросовъ о поземельномъ владѣніи. Дорога до Грушевки. Антрацитовыя копи и состояніе антрацитоваго промысла на Дону. Значеніе Грушевской желѣзной дороги, ея устройство и виды на будущее. Завтракъ въ павильонѣ изъ антрацита. Обратный путь мимо Новочеркасска въ Аксай.

Мы съ сожалѣніемъ покинули Новочеркасскъ, вынося изъ него самыя пріятныя воспоминанія. Во время плаванія и въ станицахъ мы имѣли случай часто говорить о краѣ съ людьми, хорошо его знающими; ближайшее знакомство съ Дономъ, не по книгамъ и журнальнымъ статьямъ а по живымъ людямъ, оставило въ насъ отрадное ощущеніе живой связи здѣшняго края съ общею матерью Россіей: въ здѣшнихъ людяхъ течетъ истинно-русская кровь, и бьется истинно-русское сердце.

Гражданское устройство войска Донскаго тѣсно связанное съ военнымъ его устройствомъ, имѣетъ въ себѣ много особенностей, и эти-то особенности, въ которыхъ сами казаки еще не разобрались между собою со всею ясностью, — составляютъ камень соблазна и претыканія для общественнаго сознанія, особливо съ тѣхъ поръ какъ коснулась ихъ журнальная полемика и оказалось притомъ на первое время, что каждый понимаетъ ихъ по своему. На Дону, какъ и въ другихъ мѣстахъ, не могли не возникнуть въ послѣднее время вопросы о реформахъ и объ улучшеніяхъ: эти вопросы поднялись у насъ въ послѣднее время повсюду, и повсюду оказалось, что желаніе улучшеній разгорѣлось всѣмъ пыломъ прежде, чѣмъ прояснилось сознаніе и мысль успѣла разобраться въ своихъ матеріялахъ. Съ одной стороны бѣдность практическаго вѣдѣнія непросвѣтленнаго идеей, съ другой стороны — скудость и отрывочность теоретическаго вѣдѣнія вовсе отрѣшеннаго отъ практики, увлеченіе мечтой и отсутствіе реальности въ идеяхъ и представленіяхъ — вотъ причины почему всѣ вопросы объ улучшеніяхъ сбиваются у насъ въ одну кучу и всѣ голоса сливаются въ хоръ нестройный. Увлеченіе на первыхъ порахъ оказалось такъ горячо, что некрѣпкая и мечтательная мысль не въ силахъ была съ нимъ справиться. Такъ было повсюду, такъ случилось и здѣсь на Дону. Въ мысляхъ и во мнѣніяхъ произошла великая путаница; голоса раздѣлились по партіямъ, а партіи, когда не имѣютъ ни историческаго ни сознательнаго

основанія, не хотятъ обыкновенно слушать и не въ состояніи понять другъ друга и разобраться въ мнѣніяхъ. Одни стали кричать, что надобно преобразовать все на новыхъ началахъ и всякое злоупотребленіе исторгнуть съ корнемъ; но и эти голоса не согласовались между собою. Одни разумѣли подъ нововведеніями и реформами примѣненіе къ Войску Донскому всѣхъ тѣхъ учрежденій, которыя задуманы правительствомъ для цѣлой Россіи; другіе требовали передѣлки учрежденій на тѣхъ началахъ, которыя имъ самимъ, по мечтательному представленію казалось необходимо тотчасъ же водворить повсюду; третьи, домогаясь нововведеній, указывали на тѣ самыя идеальныя черты общественнаго устройства, которыя противная партія отыскивала въ исторіи вольнаго казачества, такъ что, ведя ожесточенный споръ съ противными голосами, въ сущности сходились съ ними въ своихъ требованіяхъ. Другая партія выступала не менѣе гордо со знаменемъ „стараго казачества.“ Донское казачество безспорно имѣетъ свою славную исторію и свои историческія особенности быта, которыя отрицать и насиловать невозможно, точно также какъ невозможно отрицать индивидуальный характеръ каждой личности; но на этотъ разъ пылкіе приверженцы псевдо-исторической идеи Дона, построили эту идею не по дѣйствительной исторіи, а по тѣмъ мечтательнымъ началамъ, которыя воображеніе показало и расписало имъ яркими красками въ исторіи стараго казачества. Съ этимъ идеаломъ соединили понятіе объ исключительности и замкнутости быта на До-

ну и старались возвесть на высоту начала подозрительное недовѣріе ко всѣмъ посторонпимъ, то-есть къ такъ называемымъ „иногороднымъ“,—названіе подъ которымъ разумѣлись ни болѣе ни менѣе, какъ всѣ жители другихъ губерній и областей—дѣти общаго для всѣхъ, и для казаковъ, отечества. Умы разгорячились, заволновалась неопытная молодежь, и вмѣстѣ съ нею, подъ вліяніемъ сплетень о замышляемыхъ будто-бы коренныхъ реформахъ на Дону, заволновались и нѣкоторые изъ старыхъ—одни изъ смутнаго опасенія новостей, другіе—изъ эгоистическаго стремленія къ консерватизму во всемъ, что для нихъ самихъ выгодно. А тутъ еще въ добавокъ съ береговъ Невы донеслись до Дона ребяческія мечты и сказки о самостоятельности всякаго рода племенъ въ русскомъ государствѣ, объ автономіи языка и учрежденій, о федеративномъ началѣ и т. под. Наносныя фантазіи смѣшались съ мѣстными, и завязались полемическіе споры, не послужившіе нисколько къ разъясненію поднятыхъ вопросовъ, развѣ къ затемнѣнію ихъ. Донскія Вѣдомости наполнялись самыми горячими и самыми раздражительными статьями, въ которыхъ обѣ партіи высказывали свои взгляды по вопросамъ объ исторіи Дона и о мѣстныхъ учрежденіяхъ. Любопытно прослѣдить всю эту полемику, чтобы убѣдиться, какія бури могутъ подниматься въ малыхъ сосудахъ; до какихъ размѣровъ можно раздувать вопросы произвольно поднятые и неимѣющіе дѣйствительнаго значенья, до какихъ крайностей можетъ

доходить иногда увлеченіе мечтою. Подозрительное отношеніе къ иногороднымъ, когда они приходятъ селиться или служить на Дону — не диво здѣсь и пожалуй, понятно съ экономической, хотя все-таки узкой, точки зрѣнія. Но чувство это въ полемикѣ доходило до смѣшнаго, когда нѣкоторые изъ юныхъ донскихъ писателей всякими неправдами раздували его до размѣровъ ненависти, стараясь подъискать ему историческую основу. Доходили до того, напримѣръ, что экономическую неразвитость быта и скудость промышлености выставляли въ видѣ какого-то идеальнаго состоянія, которымъ Донцы могутъ гордиться передъ всѣми,—указывали въ народной рѣчи какую-то капитальную особенность говора и этому говору домогались права—на какую-то автономію! По поводу назначенія класныхъ дамъ, учителей, надзирателей, педагоговъ изъ лицъ не Донскаго происхожденія, поднимали крики протеста и негодованія! и т. под. При такомъ крайнемъ увлеченіи обнаруживались, разумѣется, и смѣшеніе понятій и крайняя нетерпимость въ отношеніи къ чужому мнѣнію; вмѣсто исторіи часто разказывались сказки, и на исторію сваливали многое, что вовсе не имѣло съ нею связи. Такъ напримѣръ, исключительность поземельнаго владѣнія на Дону, строгая замкнутость населенія, запрещеніе приписки постороннихъ представлялись какимъ-го залогомъ гражданской свободы и достояніемъ исторіи: и никто не осмѣливался напомнить, что старое казачество держалось и наполнялось постояннымъ наплы-

вомъ вольныхъ людей со всѣхъ концовъ Россіи, что выходъ изъ него никому не былъ запрещенъ и что нынѣшняя исключительность и замкнутость есть не что иное какъ дѣло государства, правило утвердившееся въ законѣ не ранѣе 30-хъ и 40-хъ годовъ текущаго столѣтія и данное въ видахъ интереса государственнаго. Вся эта полемика ничего существенно не разъяснившая, смущала умы впрочемъ только на поверхности общества, и народу не было до нея никакого дѣла.

Независимо однакоже отъ наносныхъ фантазій, есть не мало практическихъ вопросовъ, ожидающихъ разъясненія и разрѣшенія. Самый важный изъ нихъ — вопросъ о поземельномъ владѣніи на Дону. Огромное поземельное пространство, составляющее Землю Войска Донскаго (14.500.000 десятинъ), до сихъ поръ почти исключительно считается войсковымъ фондомъ и распредѣляется между частными лицами во временное или зависимое владѣніе: кромѣ милліона десятинъ, составляющихъ калмыцкое кочевье, и 800.000 предоставленныхъ въ пользованіе заводчикамъ, болѣе 8.000.000 десятинъ, распредѣленныхъ на сто съ небольшимъ отдѣловъ, составляютъ общинное владѣніе станичныхъ юртовъ; около 3.000.000 дес. полагается на раздачу участковъ въ срочное владѣніе до 15 лѣтъ — безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ чиновникамъ Войска Донскаго. Затѣмъ одни только помѣщики, получивъ отъ Войска поземельный надѣлъ на крестьянъ своихъ, по-

селенныхъ на войсковой же землѣ въ то время, когда о качествѣ владѣнія и объ опредѣленіи вотчинныхъ правъ не было помину,—пріобрѣли земли этого надѣла себѣ въ полную собственность; да еще крестьяне, когда выкупятъ свой надѣлъ у помѣщиковъ, должны, по силѣ закона, сдѣлаться полными ея собственниками.

Естественно, что по мѣрѣ того, какъ усиливается въ краѣ промышленное движеніе и увеличивается значеніе и цѣнность личнаго труда, рано или поздно должно возникнуть стремленіе къ расширенію общихъ правъ на пріобрѣтеніе земель въ личную собственность, — къ чему нынѣшнее учрежденіе Земли Войска Донскаго поставляетъ препятствія и запрещенія. Это стремленіе безспорно возрастаетъ на Дону. Вопросъ о поземельномъ владѣніи на Дону могъ бы быть разрѣшенъ просто и удобно, если бы не былъ связанъ со многими другими важнѣйшими вопросами экономическаго и политическаго свойства, напримѣръ съ вопросомъ о запрещеніи иногороднымъ пріобрѣтать имѣнія на Дону, о правѣ вступленія въ казачье сословіе и выхода изъ онаго, объ обязательности казачьей службы, о внутренней войсковой администраціи и т. под. До сихъ поръ всѣ эти вопросы не были еще обсуждены въ общей связи между собой и съ коренною потребностью государства: они обсуждались лишь съ односторонней точки зрѣнія, полемически, и теперь, кажется, настала пора покинуть безплодныя фантазіи и приступить къ серіозному изученію и обсужденію предметовъ, имѣющихъ

безспорную важность для земли Войска Донскаго. Известно, что нынѣ уже приступлено къ пересмотру Войсковаго положенія, для чего устроенъ былъ мѣстный комитетъ на Дону, кажется окончившій свою работу, которая поступила на разсмотрѣніе Военнаго Министерства. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ пересмотрѣ удовлетворены будутъ всѣ существенныя потребности и желанія, состоящія въ связи и въ согласіи съ особенностями гражданскаго быта въ Войскѣ Донскомъ.

11-го августа утромъ, послѣ обѣдни отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Грушевку на копи. День былъ свѣтлый и невыносимо жаркій. Огромныя толпы народа провожали Великаго Князя, который здѣсь долженъ былъ уже проститься съ Черкасскомъ и прямо изъ Грушевки ѣхать въ Аксай. Народные крики, шапки вверхъ, букеты цвѣтовъ, институтки на горѣ, махающія платками отходящему паровозу, и, наконецъ, казаки, скачущіе по обѣимъ сторонамъ дороги, пытающіеся опередить пыхтящій паровозъ, — все это представляло картину въ высшей степени пеструю и разнообразную, но все это длилось нѣсколько минутъ. Вотъ еще изрѣдка промчится впередъ удалецъ на доброй лошади, вотъ опередитъ другой, но паръ беретъ свое, и мы уже въ пустынной и выжженной солнцемъ степи, по которымъ изрѣдка попадались намъ чумацкіе возы, нагруженные антрацитомъ. Селеніе Грушевка находится верстахъ въ 30 отъ Новочеркасска, при ничтожной степной рѣчкѣ Грушевкѣ. Поселеніе это было

вызвано антрацитными копями. Первымъ основанiемъ ему послужили временныя жилища углепромышленниковъ, бо́льшею частью вырытыя въ землѣ; стѣны этихъ ямъ обкладывались дикимъ сѣрымъ камнемъ (онъ здѣсь въ изобилiи), а земляныя кровли приходились въ уровень съ поверхностью земли. Но по мѣрѣ расширенiя разработки и сбыта угля начали воздвигаться болѣе прочныя жилища и даже зданiя довольно красивыя. Теперь каменныя и деревянныя строенiя тянутся на нѣсколько верстъ прямою линiей. Въ серединѣ линiи находится довольно обширная площадь, застроенная со всѣхъ сторонъ лавками и красивыми домиками. Здѣсь есть и церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла, освященная, если не ошибаемся, въ прошломъ году. Есть еще или вскорѣ будетъ прекрасное заведенiе, свидѣтельствующее о заботливости шахтохозяевъ къ участи рабочихъ. Отъ каждаго отводимаго участка вносится по 50 р., съ тѣмъ, чтобы на этотъ капиталъ устроить больницу для заболѣвающихъ рабочихъ. Зданiе должно быть въ скоромъ времени готово.

Мы подъѣхали сначала къ павильйону, сложенному изъ огромныхъ глыбъ антрацита, гдѣ Великому Князю были показаны образцы почвъ и каменно-угольныхъ формацiй, и орудiя, употребляемыя при разработкѣ. Здѣсь же разставлены были разнаго рода вещи, выточенныя изъ антрацита, что̀ очень удобно, потому что минералъ этотъ чрезвычайно плотенъ, блестящъ, принимаетъ политуру и не разрушается на воздухѣ. Здѣсь

насъ ожидали самыя разнохарактерные экипажи, на которыхъ мы и отправились на шахты.

Естественно, что при такомъ мимолетномъ посѣщенiи Грушевки, вы не можете ожидать отъ насъ точнаго и подробнаго отчета о копяхъ и вообще о состоянiи этой важной и много обѣщающей впереди отрасли промышленности Войска Донскаго. Мы смотрѣли да слушали, слушали да смотрѣли и можемъ быть только вѣрными передатчиками минутныхъ нашихъ впечатлѣнiй, да тѣхъ разнородныхъ и, къ сожалѣнiю, безпрерывно другъ другу противорѣчащихъ разсказовъ и мнѣнiй, которые намъ пришлось слышать на шахтахъ, во время переѣзда по желѣзной дорогѣ, и наконецъ въ теченiи всего того времени, пока мы находились на Дону.

Что драгоцѣннаго топлива много, что копи на сотни и тысячи лѣтъ могли бы обезпечить имъ и Волгу, и пароходство по Волгѣ, по Азовскому, Черному и Каспiйскому морямъ, и всѣ потребности прилегающаго къ копямъ края, на сотни тысячь верстъ въ окружности, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнiя, точно также какъ не можетъ быть сомнѣнiя и въ томъ, что весь этотъ край нуждается въ топливѣ. Но если мы зададимъ себѣ вопросъ, есть ли этому богатству вѣрный сбытъ и удовлетворяются ли нужды края въ топливѣ, то мы придемъ къ результатамъ весьма неутѣшительнымъ. Несмотря на всю потребность въ топливѣ, антрациту расходуется и сбывается не болѣе 3-хъ или 4-хъ миллiоновъ пудовъ въ годъ, а заготовлено на рудникѣ въ

настоящее время около 5 милліоновъ пудовъ не находящихъ сбыта, и запросъ очень слабъ. Ясно, что эта промышленность находится еще въ самомъ младенческомъ состояніи, что условія ея не достаточно еще выяснились, что неувѣренность въ сбытѣ задерживаетъ ея развитіе, а неувѣренность въ полученіи матеріяла ограничиваетъ запросъ, который обращается къ другимъ источникамъ, могущимъ во всякое время и въ какихъ угодно размѣрахъ ему удовлетворить. Здѣсь не видно еще ничего прочнаго и установившагося, а это съ своей стороны причиняетъ непостоянство цѣнъ и препятствуетъ введенію усовершенствованныхъ способовъ разработки, безъ чего -- въ этомъ, кромѣ развѣ самыхъ отъявленныхъ староверовъ на Дону, всѣ согласны, — немыслимы никакіе успѣхи въ этомъ дѣлѣ.

Еще недавно цѣна за пудъ антрацита на копяхъ была 6 копѣекъ, а въ концѣ 1860 года и въ началѣ прошедшаго года она дошла до 15 коп. Такая высокая цѣна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такое непостоянство цѣнъ естественно отбиваютъ всякаго покупателя, имѣющаго возможность изыскивать другія средства для полученія топлива, какъ напримѣръ Русское Общество Пароходства и Торговли, которое могло бы быть однимъ изъ главнѣйшихъ потребителей грушевскаго антрацита, но которое почти исключительно потребляетъ теперь англійскій уголь.

Грушевскій рудникъ находится въ настоящее время въ слѣдующемъ положеніи: На старыхъ отводахъ считается около 100 шахтъ, которыя всѣ залиты водой. На новыхъ отводахъ заложено 141 шахта, изъ которыхъ залито водой 50. Слѣдовательно изъ 241 шахты всего только 91 не залиты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при настоящей, можно сказать, хищнической системѣ разработки будутъ непремѣнно залиты водой и эти шахты, потому что притокъ воды пропорціоналенъ числу шахтъ. Естественно, что тутъ не можетъ быть увѣренности въ прочность рудника, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ установиться правильное отношеніе между запросомъ на товаръ и предложеніемъ. Страхъ быть залитымъ, не сегодня такъ завтра, побуждаетъ къ хищнической неправильной выработкѣ около самой шахты, и неминуемымъ послѣдствіемъ этого можетъ быть опущеніе крыши и прегражденіе доступа къ невыработанному углю.

Мы были на двухъ шахтахъ, на лучшихъ еще, какъ намъ говорили, и кромѣ того Великій Князь посѣтилъ еще недавно заложенную, по всѣмъ правиламъ горнозаводской техники, шахту на участкѣ, отведенномъ Русскому Обществу пароходства и торговли. Послѣдняя заложена еще недавно, съ большими издержками, и можно, какъ кажется, надѣяться, что настоящая попытка будетъ удачнѣе первой, когда Русское Общество положило на шахту по рѣчкѣ Кадамовкѣ около 200.000 р., не получивъ никакихъ результатовъ. Этою неудачей, во всякомъ случаѣ непростительной, колетъ постоянно глаза старая

рутина. Вотъ и ученье, а толку мало. Вообще нельзя сказать, чтобы казаки отличались особеннымъ уваженіемъ къ горнымъ инженерамъ и къ ихъ указаніямъ. Бывали такіе случаи, что казаки просили отвести имъ участки на мѣстахъ самыхъ неблагонадежныхъ. Когда инженеры поставляли имъ на видъ эту ошибку, то получали въ отвѣтъ, что найдти уголь уже ихъ дѣло, а они сами знаютъ что̀ дѣлать, и нерѣдко такая самоувѣренность кончалась раззореніемъ углепромышленниковъ.

Не удалось намъ спуститься въ шахты, но разсказы о нихъ, слышанные нами отъ вѣрныхъ людей, весьма грустны. Не говоря уже о водѣ, въ которой приходится нерѣдко работать промышленникамъ, воздухъ тамъ никогда не прочищается, и работы ведутся совершенно неправильно, ходовъ удобныхъ нѣтъ, ходятъ либо нагнувшись, либо ползкомъ. Нерѣдко приходится употреблять порохъ, чтобы раздроблять твердыя породы, а иногда даже рвать и самый антрацитъ. И вотъ, вставивъ трубки съ порохомъ, рабочій спускается внизъ съ фитилемъ, и поджигая порохъ, даетъ знать, чтобы его вытаскивали поскорѣе. Съ усиленною быстротой начинаетъ дѣйствовать конный воротъ, рабочій поднимается быстро на верхъ, а подъ нимъ порохъ дѣлаетъ свое дѣло; бывали случаи, что летящіе вверхъ куски камней достигали рабочихъ и ушибали ихъ. Работы производятся обыкновенно такъ, что въ верхнемъ угольномъ пластѣ дѣлается внизу врубъ и уголь отбивается, въ нижнемъ же пластѣ врубъ дѣлается вверху и

уголь поднимается забиваемыми клиньями; такъ отдѣляются куски иногда слишкомъ въ аршинъ длиной. Спускъ и подъемъ команды, подъемъ воды и угля производится на бадьяхъ, приводимыхъ въ движеніе конными воротами. Освѣщаются копи свѣчами и простыми сальными лампами. Мы уже упоминали выше, о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ водой, заливающей рудники. Въ числѣ мѣръ, долженствующихъ поднять антрацитовую промышленность на Дону и поставить ее на твердыя основанія— указываютъ и на необходимость общаго водоотлива, который единственно только и можетъ спасти рудникъ. Безъ него бо̀льшая часть площади рудника недоступна къ разработкѣ. Съ устройствомъ же его добыча можетъ быть обильнѣе, и, главное дѣло, она будетъ постоянная, а не случайная. Но тутъ является вопросъ: кто же устроитъ водоотливъ? Извѣстно, что здѣсь господствуетъ система отвода мелкихъ участковъ для разработки антрацита, а при такой системѣ естественно не можетъ быть никакого единства въ разработкѣ. «Очистная выработка одного и того же угольнаго поля (таково мнѣніе одного изъ горныхъ офицеровъ), производимая различными лицами, въ различныхъ мѣстахъ, при различныхъ средствахъ, въ разное время, никогда не можетъ быть ведена съ такимъ успѣхомъ и выгодой, какъ при одномъ цѣлостномъ предпріятіи. Въ каждомъ отводѣ есть своя шахта, между тѣмъ какъ при общей разработкѣ достаточно было бы имѣть на десять отводовъ лишь нѣсколько шахтъ. Отливъ рудниковъ,

провѣтриваніе ихъ и все вообще хозяйство могло бы быть гораздо систематичнѣе.» Но можно ли надѣяться, что сознаніе въ необходимости ввести такой порядокъ проникнетъ всѣхъ мелкихъ шахто-хозяевъ, что они составятъ компанію, которая бы обязалась работать правильно, соорудила бы водоотливъ, ввела бы порядокъ въ свои дѣла? Захотятъ ли всѣ шахто-хозяева подчиниться общему надзору, согласятся ли они ввѣрить и свои дѣла и свои капиталы одному выборному лицу? Припомнимъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно будетъ ввести и правильное счетоводство, и правильную отчетность. Все это вопросы трудные, надъ которыми много нужно думать, но которые такъ важны, что отлагать рѣшеніе ихъ въ долгій ящикъ опасно.

Поэтому многіе того мнѣнія, что въ вопросѣ о грушевскомъ рудникѣ необходимы энергическія мѣры со стороны правительства. Оно одно можетъ спасти рудникъ устройствомъ общаго, прочнаго и постояннаго водоотлива. Вопросъ объ антрацитѣ отнюдь не мѣстный только донской вопросъ. Это дѣло государственное, какъ и расчистка Дона и его гирлъ.

Наконецъ, если такъ необходимы энергическія реформы въ самой выработкѣ, то не менѣе необходимы заботы объ обезпеченіи доставки антрацита. Если доставка будетъ постоянная и правильная, тогда можетъ быть постоянная и правильная добыча, и не будетъ недостатка въ привычныхъ рабочихъ, которые будутъ знать, что навѣрно всегда найдутъ себѣ рабо-

ту. На Дону нѣтъ особаго класса людей, для которыхъ перевозка груза составляла бы исключительную промышленность. Къ извозу обращаются только въ свободное отъ другихъ занятій время. Съ окончаніемъ весеннихъ посѣвовъ, къ концу апрѣля и еще болѣе въ началѣ мая, мѣстные жители обращаютъ свой рабочій скотъ на перевозку запасовъ хлѣба въ азовскіе порты и антрацита къ пристанямъ. Являются въ то же самое время воловыя фуры изъ ближайшихъ къ Дону мѣстностей, изъ губерній: Екатеринославской, Харьковской и Воронежской и остаются на Дону весь май и даже до половины іюня. Во второй половинѣ іюня фуръ уже нѣтъ. Зимою перевозка тяжестей невозможна, потому что въ этихъ краяхъ зимой господствуетъ почти повсемѣстное бездорожье. Въ годы, благопріятные для хлѣбопашества, когда все занято перевозкой хлѣба, доставка антрацита бываетъ затруднительна; но и въ годы, самые обильные фурами, не было примѣра, чтобы вывозили всю пропорцію выработаннаго антрацита, а оттого и разработка послѣдняго мѣняется въ количествѣ, смотря по тому, есть ли виды на провозъ или нѣтъ.

И вотъ рабочіе, приходящіе на Донъ изъ сѣверныхъ губерній, или вовсе не находятъ себѣ работы, или же находятъ ее, но съ неудовлетворительнымъ для себя вознагражденіемъ. Тогда артели рабочихъ расходятся и распространяютъ слухи между другими, что работы на рудникахъ нѣтъ. Затѣмъ приходитъ время, когда условія благопріятствуютъ вывозу антрацита, углепро-

мышленники стараются усилить добыванiе его, а рабочихъ нѣтъ, и вотъ промышленность въ застоѣ, и вездѣ слышатся жалобы на недостатокъ рабочихъ, плата которымъ естественно возвышается, падая, конечно, всею тяжестью на стоимость антрацита.

Вотъ условiя, среди которыхъ находится, въ настоящее время, добыча антрацита, и пока они будутъ существовать, естественно не можетъ быть и рѣчи о развитiи промысла. Они же были главною причиной, вызвавшею постройку желѣзной дороги отъ Грушевскихъ копей до Аксая. Въ 1860 году, бывшiй Наказной Атаманъ сдѣлалъ представленiе объ устройствѣ желѣзной дороги отъ копей къ Мелеховской пристани на Дону, какъ самой ближайшей къ копямъ. Правительство утвердило представленiе Наказнаго Атамана и сдѣлало всѣ нужныя по этому предмету распоряженiя. По произведеннымъ подробнымъ изысканiямъ направленiе дороги на Мелеховскую станицу оказалось менѣе выгоднымъ другаго направленiя, мимо Новочеркасска на Аксайскую станицу. Послѣднее направленiе, правда, длиннѣе линiи на Мелеховскую станицу, но за то издержки на дорогу оказались на миллiонъ рублей меньше. Кромѣ дешевизны, были и другiя еще причины, заставившiя строителей выбрать линiю на Новочеркасскъ и Аксай. Полагаютъ, что такое направленiе привлечетъ на дорогу много другихъ грузовъ, кромѣ угля, что тутъ будетъ значительное передвиженiе пассажировъ, а все это взятое вмѣстѣ, можетъ дать лишняго сбора до

120.000 руб. Не беремся рѣшать эти трудные и сложные вопросы. Нельзя, однакоже, было не замѣтить, что на Дону проведеніе этой дороги имѣетъ гораздо болѣе враговъ, нежели поборниковъ, и общее мнѣніе таково, что она преждевременна, и что трудно ожидать большаго на ней движенія грузовъ. Мало того, намъ удалось слышать и такое мнѣніе, что Русское Общество Пароходства и Торговли, заложившее свою шахту и разчитывающее на добычу около 3-хъ милліоновъ пудовъ антрациту, имѣетъ въ виду свозить его на фурахъ прямо въ Ростовъ, а никакъ не по желѣзной дорогѣ. Вопросъ о желѣзной дорогѣ возбудилъ весьма живую полемику въ *Донскихъ Вѣдомостяхъ*. Строго говоря, побѣда въ этой полемикѣ осталась за строителями; выборъ линіи безспорно удачнѣе первой предполагавшейся линіи; жалобы на то, что дорога лишила жителей воды, отрѣзавъ ихъ отъ Аксая, лишены совершенно основанія; даже самый тонъ статей дѣйствуетъ не въ пользу ихъ составителей, обнаруживающихъ часто полное отсутствіе литературныхъ приличій. Въ нихъ рѣзко выразилось участіе съ одной стороны партіи, противодѣйствующей всѣмъ реформамъ и нововведеніямъ, въ необходимости которыхъ убѣждены всѣ лучшіе люди на Дону, а съ другой той жалкой и, къ сожалѣнію, пустившей и на Дону корни, породы дешевыхъ либераловъ, кричащихъ о самоуправленіи, о какомъ-то федеративномъ началѣ, всякаго иногородца называющихъ *сипою* и т. д., и думающихъ, что тогда только и бу-

детъ благо на Дону, когда послѣдній иногородный оставитъ Донъ. Но это вопросъ, о которомъ много пришлось бы говорить.

На устройство желѣзной дороги ассигновано 2.880.000 руб. Средняя стоимость версты должна обойдтись въ 43.000 руб.—дешевизна поразительная, которую не мѣшало бы имѣть въ виду всѣмъ будущимъ строителямъ, доказывающая ясно, что не всегда же казенныя постройки обходятся дорого, и что грѣшно строить по 100,000 слишкомъ за версту или соглашаться на условія, требующія такой суммы, какъ это было съ предложеніемъ Англичанъ касательно Севостопольской дороги. Еще страннѣе утверждать, это дешевле нельзя строить въ Россіи, когда примѣры противнаго передъ глами. Не грѣшно ли вводить страну въ лишніе расходы когда и безъ того времена трудны.

Въ стоимость версты Грушевсиой дороги входятъ и устройство обширной пристани въ Аксайской станицѣ съ снарядами для нагрузки и выгрузки и со складочнымъ мѣстомъ для угля, и устройство обширныхъ земляныхъ платформъ, поддерживаемыхъ каменными стѣнками для удобной нагрузки на Грушевскихъ копяхъ угля съ фуръ на вагоны, и устройство обширной механической мастерской въ Новочеркасскѣ, не для однихъ только потребностей дороги, но для нуждъ цѣлаго края. Дешевизна дороги особенно поражаетъ еще тѣмъ, что постройка ея вовсе не находилась въ выгодныхъ условіяхъ. Ей приходится идти 28 верстъ по

разливу Дона, который доходитъ до 30 верстъ ширины, вслѣдствіе чего, для упроченія откосовъ насыпи, нужно было имъ дать бо́льшую пологость и одѣть камнемъ. Устройство станціи въ Новочеркасскѣ потребовало огромныхъ земляныхъ работъ и глубокихъ фундаментовъ; отсутствіе всякаго рода рабочихъ и мастеровыхъ въ краѣ, скудость перевозочныхъ средствъ, дорогая цѣна лѣса, неурожайные годы, возвысившіе цѣну на жизненные припасы—все это имѣло вліяніе на возвышеніе стоимости работъ, но средняя стоимость версты никакъ не превзойдетъ 43 или 44.000 р. Много помогло тутъ и то обстоятельство, что правительство первый разъ, въ видѣ опыта, предоставило и строителю и комитету, учрежденному для желѣзной дороги, извѣстную долю самостоятельности въ распоряженіяхъ, освободило отъ безполезныхъ и тяжелыхъ формальностей, существующихъ у насъ вездѣ при производствѣ казенныхъ работъ, и разрѣшило вести дѣло и отчетность на томъ основаніи, какъ это дѣлается въ коммерческихъ предпріятяхъ.

Конечно, все здѣсь зависитъ главнымъ образомъ отъ личности строителей. Много приходилось намъ говорить съ ними, и трудно найдти людей болѣе преданныхъ дѣлу и болѣе патріотически смотрящихъ на великій вопросъ сооруженія путей въ Россіи. Бесѣды эти останутся въ памяти нашей надолго.

Но можно ли надѣяться, что Грушевская дорога вознаградитъ издержки и дастъ доходъ, можетъ ли разчи-

тывать она на большіе и значительные грузы? Если вглядѣться ближе въ условія передвиженія грузовъ въ здѣшней мѣстности, то конечно трудно себѣ представить, чтобы по этой дорогѣ, кромѣ антрацита, шло много другихъ грузовъ. Можетъ ли перевозка одного антрацита обезпечить доходность дороги? Наконецъ, можетъ ли перевозъ одного какого-нибудь продукта безъ обратнаго пріема грузовъ обезпечить дорогу? Все это вопросы, которые рѣшатся въ будущемъ, и которые невольно тѣснятся въ головѣ, при видѣ прекрасной дороги, дѣлающей честь нашимъ инженерамъ. Мы съ своей стороны сильно опасаемся, чтобъ эта дорога не представляла собой въ началѣ того же печальнаго явленія, какъ и дорога Волжско-донская, которой безспорно предстоитъ будущность, но которая покуда представляетъ печальную картину запустѣнія. Судьбы обѣихъ дорогъ зависятъ главнымъ образомъ отъ развитія антрацитовой промышленности, судоходства по Дону, по Азовскому и Черному морю, зависятъ отъ новыхъ линій желѣзныхъ дорогъ, которыя должны протянуться къ Черному морю. Много, однимъ словомъ, разнообразныхъ условій, могущихъ имѣть вліяніе на Грушевскую дорогу, которой въ добавокъ суждено вызвать къ жизни движеніе, а не удовлетворять насущнымъ потребностямъ движенія. Не должно также забывать, что есть мѣста, которыя теперь уже грозятъ соперничествомъ Грушевскому антрациту, что при постройкѣ нашей южной дороги опаснымъ ему конкуррентомъ можетъ явиться

уголь луганскій, на Волгѣ же уголь камскій, что все зависитъ отъ цѣны, и что на сильное пониженіе цѣнъ виды здѣсь пока еще очень ненадежны. Дай Богъ, чтобы все устроилось къ лучшему, но теперь еще нельзя питать сангвиническихъ надеждъ на успѣхъ дороги.

Послѣ осмотра шахтъ слѣдовалъ завтракъ въ павильйонѣ, за которымъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ превозгласилъ тостъ за преуспѣяніе *правильной* разработки антрацита, и во 2-мъ часу мы пустились въ обратный путь въ Аксай. Паровозы на Грушевской желѣзной дорогѣ устроены сильные. Они имѣютъ ту особенность, что весь паровой механизмъ расположенъ снаружи, по новой системѣ, представляющей, по отзыву инженеровъ, важныя преумущества передъ общепринятою системой Стефенсона. Товарные вагоны устроены также прекрасно и приспособлены для перевозки какъ мелкаго, такъ и крупнаго угля. На этихъ же вагонахъ можно перевозить длинный лѣсъ и всякаго рода грузы. Вагоны посажирскіе еще не готовы и для Цесаревича устроена была весьма удобно и уютно платформа.

Въ Новочеркасскѣ мы остановились не болѣе какъ на четверть часа, чтобы налиться водой. Здѣсь цѣлый институтъ ждалъ Великаго Князя, чтобы проститься; станція была окружена огромною толпой народа и громкія *ура* сопровождали нашъ отходящій поѣздъ. Дорога идетъ, какъ извѣстно, берегомъ Аксая. Здѣсь по обѣимъ берегамъ казаки приготовили своему Атаману но-

вое зрѣлище. Раздались выстрѣлы съ обѣихъ береговъ. На возвышенномъ берегу съ правой стороны стояли въ разсыпную казаки и сопровождали выстрѣлами проходящій поѣздъ, а на другомъ противоположномъ берегу джигитовали конные казаки. И чего не выдѣлывали эти молодцы и ихъ послушные, быстрые, пріученые кони! Вотъ несется нѣсколько десятковъ удальцовъ; въ одно мгновеніе они уже на землѣ, а лошади ихъ по данному знаку ложатся на землю, образуя собой живой брустверъ, изъ за котораго удальцы стрѣляютъ. Вотъ поднялись они снова и снова несутся, иные удальцы стоя на своей лошади, другіе на всемъ скаку пересаживаются къ своему товарищу. Но вотъ послѣдніе выстрѣлы смолкли, паровозъ оставилъ джигитовъ далеко за собой, и черезъ часъ мы были уже въ Аксаѣ, на *Атаманѣ*, усталые, запыленые. Но намъ предстоялъ еще подвигъ— торжественный обѣдъ въ Нахичевани, и вотъ каютъ-компанія начала чиститься и холиться, чтобы явиться на обѣдъ. Въ началѣ пятаго часа пароходъ присталъ къ Нахичевани.

ГЛАВА XXII.

Встрѣча и обѣдъ въ Нахичевани. Ростовъ на Дону. Прежнее и нынѣшнее его состояніе. Нужды Ростовской администраціи. Донскія гирла. Картины нижнихъ станицъ. Азовское море и Таганрогъ. Обѣдъ въ городскомъ саду. Домъ Императора Александра. Вечеръ въ домѣ Алфераки. Бердянскъ. Болгарская колонія. Вечеръ на Аргонавтѣ. Керчь. Осмотръ новыхъ укрѣпленій. Музей. Керченскія древности. Царскія могилы. Керченскій институтъ. Еврейская школа и синогога. Плаваніе по Черному морю до Ялты.

Едва успѣли мы оставить за собою казачество, какъ очутились посреди густой толпы восточнаго населенія, встрѣтившей Великаго Князя громкими криками и хлопаньемъ въ ладоши на азіятскій манеръ. Вокругъ его коляски скакали удалые наѣздники-Армяне, въ военномъ костюмѣ и огромныхъ бѣлыхъ папахахъ, и на проѣздѣ по улицамъ большаго города изъ всѣхъ оконъ, богато убранныхъ пестрыми коврами, смотрѣли на насъ женскія и дѣтскія лица въ пышныхъ полуевропейскихъ, полуазіятскихъ костюмахъ. Между молодыми женщинами много попадалось лицъ замѣчательной красоты. Изъ со-

бора, послѣ молебствія, Великій Князь прибылъ въ домъ Аладжанова прямо къ пышному обѣду. Несмѣтная толпа окружила домъ Аладжанова, и какъ только Великій Князь показывался у окна, привѣтствовала Его тѣми оглушительными криками, съ которыми только астраханскіе крики и рукоплесканія могли идти въ сравненіе. Къ концу обѣда начинало уже темнѣть; нельзя было долѣе медлить, потому что въ тотъ же вечеръ ждали Великаго Князя въ Ростовѣ на Дону, и мы спѣшили возвратиться на пароходъ сквозь толпы народа, съ жадностью тѣснившагося у пристани. Еще разъ мелькнули передъ нами улицы Нахичевани,—нарядныя красавицы въ окнахъ, красивыя дѣти, смотрѣвшія на насъ со всѣхъ сторонъ большими, черными, любопытными глазами, наѣздники въ бѣлыхъ папахахъ и тысячи улыбающихся и волнующихся зрителей.

Едва отошли мы отъ одной пристани, какъ показался издали освѣщенный огнями берегъ и иллюминованная пристань Ростова на Дону. Черезъ 20 минутъ пароходъ уже причаливалъ къ ней при свѣтѣ бенгальскихъ огней и съ пушечными выстрѣлами, гремѣвшими съ берега. Опять тысячи огней и тысячи людей на улицахъ, въ облакахъ пыли, и звонъ колоколовъ, и привѣтственные крики. Но прошедшій день принесъ уже съ собою такъ много новыхъ впечатлѣній, что всѣмъ хотѣлось отдохнуть и успокоиться на мѣстѣ до утра.

Начало Ростову положено правительствомъ не для торговыхъ, но для военныхъ и финансовыхъ цѣлей.

На низовьяхъ Дона необходимо было имѣть укрѣпленный постъ и мѣсто для сбора таможенныхъ пошлинъ съ судовъ; но мѣста, первоначально выбранныя для укрѣпленій, оказались неудобными, и потому сначала траншаментъ на Монастырскомъ урочищѣ, потомъ крѣпость Св. Анны, близь Старочеркасской станицы, были уничтожены. Въ 1761 году по волѣ императрицы Елизаветы, полковникъ Ригельманъ (авторъ извѣстной *Исторіи о донскихъ казакахъ*) пріискалъ для укрѣпленія урочище Богатый Колодезь близь устья рѣки Темерника, и на этомъ мѣстѣ основана крѣпость Св. Димитрія, положившая начало Ростову. Крѣпость эта въ свое время имѣла важное значеніе; низовье Дона вмѣстѣ съ низовьемъ Днѣпра служило въ то время единственнымъ рынкомъ для заграничной торговли Россіи съ югомъ Европы, то-есть съ турецкими и крымскими владѣніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ крайнимъ военнымъ постомъ для наблюденія за движеніями враговъ-сосѣдей, азовскихъ Турокъ, Нагайцевъ и Горцевъ. Притомъ, какъ на низовьяхъ Днѣпра новосѣченскій ретраншаментъ держалъ въ повиновеніи Сѣчь Запорожскую, такъ крѣпость Св. Димитрія на низовьяхъ Днѣпра наблюдала за порядкомъ въ подвигахъ донскаго казачества, не допуская его охотиться по произволу на азовскихъ Турокъ, Кубанцевъ и Крымцевъ. Около Ростова образовалось поселеніе и на низовьяхъ Дона составилась изъ выходцевъ особая милиція ново-донскихъ казаковъ. Но съ заключеніемъ Кучукъ-Кайнард-

жійскаго мира, крѣпость потеряла свое значеніе, а началъ рости форштадтъ, въ которомъ въ 1782 г. считалось 1.400 душъ. Когда съ 1824 года, при управленіи кн. Воронцова обращено было особое вниманіе на Новороссійскій край, значеніе Ростова стало еще очевиднѣе. Въ 1836 году цифра отпускной его торговли составляла 340.000 р. сер., а населеніе доходило до 7.000. Съ 1833 года, то-есть съ уничтоженія карантиновъ на Азовскомъ морѣ, значительно усилилась его торговая дѣятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ стала возрастать сила азовскаго каботажа: съ того же времени стали развиваться и обороты ростовскаго порта. Въ 1845 г. жителей въ Ростовѣ уже было не менѣе 20.000, а товаровъ отпускалось на сумму свыше 3-хъ милл. Въ 1857 году Ростовъ сталъ уже главнымъ рынкомъ на Азовскомъ морѣ для отпускной торговли: онъ отпускалъ за границу товаровъ и грузовъ почти на 12 мил. руб., да во внутренніе русскіе порты на 3 милліона. Въ настоящее время заграничная торговля Ростова, равняется отпускной торговлѣ Таганрога со всѣми остальными портами Азовскаго моря — Ейскомъ, Маріуполемъ, Бердянскомъ и Керчью; жителей въ немъ съ пришлыми около 40000 и числится болѣе 300 мѣстныхъ гильдейскихъ капиталовъ, болѣе 100 иногородныхъ и 12 конторъ иностранныхъ торговыхъ домовъ. Въ будущемъ предстоитъ Ростову рости и богатѣть еще больше, когда установится движеніе по Волжско-донской желѣзной дорогѣ и разовьется буксирное пароходство по Дону

и Азовскому морю. Но какъ необходимаго пособія для торговли и судоходства, весь этотъ край ожидаетъ расчистки гирлъ Дона, которыя находятся въ самомъ жалкомъ состояніи еще съ того времени, когда старое русло Дона, служившее главнымъ проходомъ для судовъ, завалено было взорванными остатками азовскихъ укрѣпленій *). Но развиваясь до значенія большаго города, Ростовъ до сихъ поръ остается почти при прежнемъ скудномъ штатѣ управленія и полиціи, разчитанномъ на одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Екатеринославской губерніи. Бо́льшая часть населенія въ Ростовѣ состоитъ изъ иногородныхъ и пришлыхъ людей, всякаго рода и племени. При такомъ населеніи обыкновенныя средства уѣздной полиціи вовсе недостаточны для поддержанія порядка, и потому грабежи, воровства и даже убійства въ Ростовѣ очень не рѣдкія явленія, да и въ отношеніи городскаго благоустройства сдѣлано для города еще очень мало, несмотря на значительную сумму городскихъ доходовъ. Только въ послѣднее время городское общество, избравъ себѣ новаго голову,

---

*) Низменное пространство на которомъ теперь Донъ развѣтвляется на 10—12 рукавовъ, протоковъ и ериковъ, составляло прежде сплошной заливъ Азовскаго моря. И теперь Донскія гирла, смотря по времени года и направленію вѣтра, то заливаются сплошь водою, то показываются отдѣльными протоками. Года два тому назадъ общество Волжско-донскаго пароходства предприняло расчистку главнаго протока посредствомъ двухъ черпальныхъ машинъ. Но эти трудныя работы идутъ медленно между тѣмъ дѣло это величайшей важности для нашей торговли.

дѣятельно принялось за улучшенія внѣшняго благоустройства въ городѣ. Въ короткое время, проведенное нами въ Ростовѣ, мы имѣли случай слышать множество жалобъ на то, что въ городѣ нѣтъ высшей административной власти, которая могла бы на мѣстѣ слѣдить за его нуждами и разрѣшать вопросы и пререканія, требующія немедленнаго разрѣшенія. Всѣ желаютъ учрежденія въ Ростовѣ особаго градоначальства: намъ сказывали что по этому предмету заведена была года два тому назадъ, официяльная переписка, но не привела до сихъ поръ ни къ какому результату, и до сихъ поръ къ Екатеринославу, отстоящему на 500 верстъ отъ Ростова, привязаны всѣ важнѣйшіе вопросы ростовской администраціи. Извѣстно какъ часто эти вопросы, завязываясь на дѣлѣ, переходятъ у насъ въ борьбу личностей, мельчаютъ и запутываются въ ней, не находя себѣ исхода въ правильномъ обсужденіи и правильномъ дѣйствіи органовъ администраціи. Это, безъ сомнѣнія, признакъ незрѣлости общественной, признакъ недостатка внутренней дисциплины въ общественныхъ дѣятеляхъ; но иногда буря въ стаканѣ воды, возникающая изъ-за борьбы личнаго самолюбія въ какомъ-нибудь общественномъ вопросѣ, происходитъ и отъ недостатка въ организаціи административнаго механизма. Когда смотришь со стороны на такую борьбу и видишь, до чего бываютъ иногда мелки и ничтожны тѣ причины, изъ-за которыхъ расходятся и раздражаются другъ на друга люди, которые въ су-

щественномъ могли бы дѣйствовать вмѣстѣ къ успѣху дѣла, невольно приходитъ на мысль, что о такихъ мелкихъ пререканіяхъ не было бы и помину, когда бы на мѣстѣ, посреди перессорившихся дѣятелей было третье лицо съ одинаковымъ для той и другой стороны авторитетомъ.

День проведенный въ Ростовѣ, промелькнулъ передъ нами незамѣтно: молебствіе въ новоотстроенномъ громадномъ соборѣ прекрасной архитектуры, нѣсколько напоминающей о московскомъ храмѣ Спасителя, — потомъ встрѣча Государыни Императрицы, прибывшей въ Ростовъ на пароходѣ *Донецъ* по пути въ Керчь, — торжественный обѣдъ въ зданіи клуба, данный ростовскимъ дворянствомъ въ честь Его Высочества, — и вечерняя прогулка по улицамъ, великолѣпно иллюминованнымъ и наполненнымъ толпами гуляющихъ. Къ ночи мы переѣхали съ *Атамана* на пароходъ *Донецъ* и рано утромъ отплыли отъ Ростовской пристани. До Азовскаго моря отсюда остается еще около 40 верстъ. За Ростовомъ продолжается снова Земля Войска Донскаго, и берега Дона становятся особенно живописны. Прекрасное, тихое, лучезарное утро давало намъ возможность видѣть ихъ во всей красотѣ. Есть поразительныя красоты природы, передъ которыми въ изумленіи останавливается всякій, не углубляясь, не изслѣдуя, не разсматривая подробностей, какъ будто захваченный пролетѣвшимъ мимо образомъ словно яркимъ свѣтомъ, который озарилъ глазъ и исчезъ, оставивъ въ

душѣ блестящее представленіе, и долго еще послѣ того, вспоминая о картинѣ, и страстный любитель красоты и лѣнивый зритель, готовый смотрѣть на все, что встрѣчается, говорятъ объ ней въ одинъ голосъ: я не видалъ ничего подобнаго. Есть другія картины, которыя, не поражая васъ блескомъ и громадностью, не вторгаясь внезапно вамъ въ душу, овладѣваютъ ею мало-по-малу и раскрываютъ постепенно во всѣхъ подробностяхъ очертаній и красокъ всю свою гармонію, до того полную и цѣльную, что не просто любоваться картиной и изумляться ей хочется зрителю, а хочется пожить въ ней и усвоить ее себѣ со всѣмъ, что въ ней есть, не оставляя ни одного уголка, ни малѣйшей подробности. Такова была картина тихаго Дона когда, миновавъ старое русло его, мы вошли въ низкіе берега, на которыхъ расположены Елисаветинская и Гниловская станицы. Влѣво по крутому берегу стараго Дона обрисовалась высокимъ амфитеатромъ церквей, домовъ и зданій Азовская слобода съ развалинами старыхъ Азовскихъ укрѣпленій, а впереди и по сторонамъ раскинулись широкимъ раздольемъ берега, покрытые зеленою травой, стадами, и раскидистыми деревьями: еще подалѣе, въ сторонѣ отъ рѣчнаго разлива, тянулись станицы красивыми домиками въ густой зелени. Тамъ и сямъ собиралось на берегу отдѣльными, пестрыми группами станичное населеніе на встрѣчу гостямъ, которыхъ давно не видывали здѣшніе берега.

Такъ мы вошли въ Азовское море вслѣдъ за пароходомъ *Волга*, на которомъ Государыня Императрица изволила выѣхать изъ Ростова. Выйдя въ море Ея Императорское Величество изволила перейдти на военный пароходъ *Казбекъ*, на которомъ и продолжала плаваніе прямо къ крымскому берегу. Нашъ *Донецъ* взялъ другое направленіе, и въ 4 часа мы подошли къ Таганрогу, гдѣ Великій Князь оставался до вечера. Въ 5 часовъ въ таганрогскомъ городскомъ саду городское общество давало обѣдъ въ честь Его Высочества. Затѣмъ Великій Князь заѣзжалъ въ греческій монастырь, гдѣ архимандритъ, окруженный прочимъ духовенствомъ, встрѣтилъ Его привѣтственною рѣчью и многолѣтіемъ. Изъ монастыря Великій Князь прибылъ въ достопамятный домъ, въ которомъ скончался Императоръ Александръ I. Домъ этотъ содержится въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ находился во время кончины государя, и въ той комнатѣ, гдѣ онъ скончался, устроена домашняя церковь. Съ тронутымъ чувствомъ проходили мы по комнатамъ, въ которыхъ жилъ и думалъ можетъ-быть утвердить свое пребываніе вмѣстѣ съ Императрицей Александръ Благословенный, и дивились простотѣ, которою во всемъ окружала себя Царственная чета.

Помѣщеніе для Великаго Князя было приготовлено въ домѣ Алфераки, отдѣланномъ съ замѣчательною пышностью и наполненномъ множествомъ прекрасныхъ картинъ. Изъ столовой залы въ нижнемъ этажѣ дома, ши-

рокая терраса ведетъ въ прекрасный садъ, составляющій роскошь въ здѣшнемъ краѣ, гдѣ приходится дорогою цѣной проводить воду для поливки растеній. Когда стемнѣло, садъ освѣтился множествомъ разноцвѣтныхъ фонариковъ причудливаго вида и красивыми бенгальскими огнями, что̀ придавало ему фантастическій видъ. Послѣ чаю Его Высочество уѣхалъ на пароходъ, куда и мы отправились на ночь, проведши остатокъ вечера въ семействѣ радушной хозяйки дома.

Слѣдующее утро застало насъ уже на другомъ пароходѣ *Волга*, и на дальнѣйшемъ пути къ Бердянску. День былъ тихій, и плаваніе обходилось безъ качки. Мы проводили бо̀льшую часть дня на палубѣ, любуясь на водяную волнистую равнину. Въ эту пору года вода въ Азовскомъ морѣ цвѣтетъ, то-есть покрывается волокнами морскихъ растеній и получаетъ оттого яркій зеленый цвѣтъ, который отливается издали множествомъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Когда стемнѣло и поднялась свѣтлая луна, на морѣ стало такъ хорошо, что съ палубой невозможно было разстаться и часто перерывалась рѣчь въ оживленной бесѣдѣ, чтобы вдоволь налюбоваться прекрасными картинами лунной ночи на морѣ.

Наконецъ показались огни Бердянской пристани, городскаго берега и новостроющагося мола, рисующагося на водѣ полукруглою линіей. Пароходъ сталъ не доходя до пристани, и мы доѣхали до берега на шлюпкѣ. На пристани былъ устроенъ круглый павильйонъ,

изъ котораго Великій Князь смотрѣлъ фейерверкъ, приготовленный на водѣ къ его прибытію. Тутъ же начальникомъ порта, кн. Максютовымъ, представлены были Его Высочеству пребывающіе въ Бердянскѣ консулы разныхъ европейскихъ націй. Затѣмъ, передъ домомъ купца Кобозева, бывшаго Бердянскаго головы, отведенномъ для Великаго Князя,—Его Высочество дѣлалъ смотръ казакамъ Азовскаго казачьяго войска. Управленіе его находится неподалеку отъ Бердянска, въ посадѣ Петровскомъ. Азовское войско составлено изъ водворенныхъ въ Екатеринославской губерніи Запорожцевъ, перешедшихъ въ Россію изъ Турецкихъ владѣній, съ присоединеніемъ жителей казеннаго селенія Новоспасскаго. Изъ этихъ казаковъ, сформированы команды (21) для крейсерства вдоль восточныхъ береговъ Чернаго моря, по берегамъ Мингреліи, Самурзакани и Абхазіи. Въ этотъ вечеръ мы еще не видали Бердянска—видѣли только огни, которыми унизанъ былъ весь городъ, и народное движеніе по всему пути отъ пристани до дому.

На утро открылись передъ нами высокія горы, у подошвы которыхъ на отлогомъ побережьи протянулся Бердянскъ и разрастается съ каждымъ годомъ и домами, и улицами, и людьми, и капиталами. Но зелени не видно въ этомъ городѣ, и весь онъ казался точно обожженный солнцемъ на горномъ припёкѣ: только съ одной стороны глазъ съ отрадою останавливался на густой рощѣ пирамидальныхъ тополей и другихъ деревъ

составляющей городской садъ въ Бердянскѣ; а съ вершины горы, покрытой виноградниками и фруктовыми садами, открывается прекрасный панорамическій видъ на весь городъ, на рейдъ покрытый купеческими судами и на всю зеленую равнину Азовскаго моря.

Послѣ обѣдни въ Бердянскомъ соборѣ Великій Князь изволилъ принять завтракъ въ домѣ нынѣшняго городскаго головы г. Геммерле, и затѣмъ въ сопровожденіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гамма, управляющаго южными колоніями Новороссійскаго края и Бессарабіи, отправился для обозрѣнія новой болгарской колоніи за 12 верстъ отъ Бердянска. Изъ Бердянска намъ предстоялъ путь въ Менонитскія колоніи; маршрутъ былъ уже заранѣе готовъ, и мы должны были рано утромъ выѣхать, но вышла какая-то путаница, путь оказался гораздо длиннѣе, колоніи не тѣ, куда предполагалось ѣхать, и потому рѣшено было ограничиться посѣщеніемъ одной только еще начинающейся Болгарской колоніи. Дорога шла степью, голою степью. Передъ самою колоніей нѣсколько верховыхъ встрѣтили Великаго Князя и провожали его до селенія. Это были Болгары изъ той части Бессарабіи, которая отошла отъ насъ по Парижскому трактату. Они хотѣли съ самаго начала уйдти въ Россію, но молдавское правительство обѣщало оставить за ними прежнія льготы, и Болгары на первое время остались. Тогда начались притѣсненія, побудившія ихъ выйдти. Выходъ ихъ въ Россію сопровождался ужасами и звѣрствомъ со стороны Молдаванъ;

ихъ силой хотѣли задержать и стрѣляли въ беззащитныхъ эмигрантовъ, но они успѣли все-таки уйдти.

Колонія уже нѣсколько обстроилась, хотя до сихъ поръ еще попадаются землянки. Церкви еще нѣтъ, но обществомъ собирается уже подписка на сооруженіе храма. Густая толпа колонистовъ, женщинъ и дѣтей, окружила Великаго Князя, вышедшаго изъ коляски. Почти всѣ понимали по-русски. Избы весьма напоминаютъ малороссійскія хаты, но убранство бѣдное, домашней утвари еще мало, и въ одной горницѣ налѣво отъ входа была насыпана верхомъ пшеница: изба служитъ вмѣстѣ и амбаромъ. Во всемъ видно еще начало. Поселенцы едва осмотрѣлись; они рады, что нашли хорошую воду въ степи, которая весьма бѣдна водой, но хлѣбопашество у нихъ пошло уже быстро впередъ, и нельзя не радоваться призыву этихъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. Цесаревичъ пробылъ въ колоніи около получаса и отсюда поѣхалъ прямо на пароходъ. Обѣдъ былъ на пароходѣ *Аргонавтъ*, на который перешли мы въ Бердянскѣ для дальнѣйшаго плаванія. До сихъ поръ мы плыли на пароходахъ Волжско-Донскаго общества, теперь предстояло плаваніе на пароходѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли: директоръ общества, завѣдывающій дѣлами его, г. Чихачевъ сопровождалъ Великаго Князя въ переѣздѣ отъ Бердянска до Крыма.

Весь вечеръ 15 августа мы провели на *Аргонавтѣ*: въ Бердянскѣ зажгли иллюминацію, и изъ города без-

престанно подъѣзжали къ пароходу шлюпки наполненныя народомъ, съ фонариками и фальшфейерами: около *Аргонавта* началось катанье съ веселыми пѣснями. Появилось нѣсколько красивыхъ шлюпокъ обвѣшенныхъ по всѣмъ снастямъ разноцвѣтными фонариками. Шлюпки были наполнены Италіянцами-рабочими: онѣ составили кругъ около нашего парохода, и работники пѣли хоромъ италіянскія національныя пѣсни. Когда все затихло и потухли огни, стало еще свѣтлѣе отъ полной луны, и въ полномъ безмолвіи теплой ночи на спокойномъ морѣ долго еще сидѣли мы на верхней рубкѣ, любуясь величественною картиной.

Въ часъ ночи двинулся нашъ пароходъ, а въ 8-мъ часу утра 16 августа мы уже подходили къ Керченскому проливу, и виднѣлся вдали городъ, расположенный полукружіемъ внутри небольшаго залива. Говорятъ, что Керчь производитъ тоскливое чувство въ путешественникѣ, который пріѣзжаетъ сюда съ береговъ Малой Азіи, съ Кавказа или съ южнаго берега Крыма, наглядѣвшись на величественныя картины роскошной растительности. Въ насъ, еще не видавшихъ южнаго берега, пустынные берега Керченскаго пролива не возбудили такого ощущенія: мы съ любопытствомъ смотрѣли на картину города, поражавшую своею оригинальностью: нѣчто подобное видали мы развѣ на гравюрахъ, изображающихъ виды Аѳинъ и городовъ греческихъ. У подошвы огромныхъ, совершенно голыхъ песчаныхъ горъ растянулись полукру-

жіемъ бѣлыя зданія, и кромѣ этого бѣлаго цвѣта на желтомъ песчаномъ фонѣ — никакими другими цвѣтами не оживлялась картина. Не даромъ при видѣ Керчи вспоминали мы о Греціи. Керчь расположена точно такъ, какъ обыкновенно располагались греческіе города — амфитеатромъ. Надъ амфитеатромъ тамъ возвышается Акрополь И здѣсь надъ городомъ возвышается площадка, увѣнчанная четвероугольнымъ зданіемъ съ колоннами, въ видѣ греческаго храма, въ которомъ помѣщался прежде музей, нынѣ же помѣщается церковь, а далѣе къ верху поднимается усѣченною пирамидой гора Митридатова. Мы проѣхали по свѣтлымъ широкимъ улицамъ мимо домовъ, построенныхъ изъ здѣшняго бѣлаго известковаго камня, съ балконами и колоннами: улицы имѣли странный видъ какого-то чужеземнаго города, и на каждомъ шагу встрѣчались физіономіи, напоминавшія Италію и дальній Востокъ — Турки, Армяне, Греки, Татары. У самой пристани расположились группами семейства Ногайцевъ, переселявшихся съ Кубани въ Турцію, въ ожиданіи парохода; по берегу расхаживали Турки, которые цѣлыми партіями пріѣзжаютъ сюда на работу изъ Трапезонта; на пристани разгружался пароходъ, а въ говорѣ пассажировъ слышались разнообразные діалекты Европы и Азіи.

Проѣхавшись по улицамъ, мы отправились за городъ осматривать земляныя работы, производимыя здѣсь въ громадномъ размѣрѣ подъ руководствомъ инженеръ-генералъ-майора Натта, для укрѣпленія береговъ про-

лива. Послѣ этого объѣзда мы вернулись на пароходъ. Послѣ обѣда Великій Князь ѣздилъ осматривать Митридатову гору; мы поднимались вверхъ по широкой монументальной лѣстницѣ, ведущей съ рыночной площади города къ Акрополю, и всходили на самую верхушку холма, которую неизвѣстно по чему одни называютъ Митридатовыми креслами, а другіе Митридатовою гробницей. Съ вершины холма открылась намъ вся панорама Азовскаго моря, съ городомъ, лежавшимъ у насъ подъ ногами. Здѣсь была Пантикапея, знаменитая столица Воспорскаго царства, здѣсь обдумывалъ Митридатъ, второй Аннибалъ римской исторіи, свою борьбу съ владыками вселенной, здѣсь, не уступивъ гордому Риму, онъ палъ отъ руки домашнихъ враговъ своихъ. Киммеріяне, Скиѳы, Греки, Генуэзцы — оставили здѣсь слѣды и памятники своего быта и владычества надъ краемъ, который служилъ когда-то житницею Греціи и славился своимъ плодородіемъ, а теперь представляется голою и безплодною пустыней.

Окрестности Керчи усѣяны множествомъ холмовъ одинаковой формы, и очевидно искусственнаго происхожденія. Это — курганы, служившіе гробницами древнихъ царей воспорскихъ, предшественниковъ и преемниковъ Митридата. Въ этихъ курганахъ археологія нашла себѣ обильную жатву, съ того времени какъ руское правительство принялось за систематическую ихъ раскопку: послѣ Геркуланума и Помпеи едва ли есть въ цѣлой Европѣ другое мѣсто, которое могло

бы сравниться съ керченскимъ некрополемъ по обилію и важности археологическаго матеріяла. Изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ раскопокъ видно, что здѣсь была погребальница не только археанактидской династіи и позднѣйшихъ царей воспорскихъ, но и нѣкоторыхъ древнѣйшихъ вождей скиѳскаго племени. Только при помощи медалей и монетъ здѣсь найденныхъ, наука получила возможность пополнить многіе пробѣлы въ исторіи Воспора, и перерывы въ спискѣ царей его.

На другой день утромъ, Великій Князь въ сопровожденіи г. Люценкова, директора здѣшняго музея, ѣздилъ осматривать два кургана и открытыя въ нихъ гробницы. Безъ сомнѣнія, эти памятники древности — единственные въ своемъ родѣ. Въ одномъ изъ кургановъ, извѣстномъ подъ названіемъ *Царской Могилы*, мы видѣли самую огромную изъ открытыхъ донынѣ гробницъ, монументальное зданіе, выведенное изъ громадныхъ тесаныхъ камней, въ видѣ храма съуживающагося къ верху пирамидальнымъ сводомъ; къ нему ведетъ галлерея такой же кладки, указывающей на ту эпоху, когда еще не было искуства овальной кладки сводовъ. Въ другомъ курганѣ меньшей величины, недавно раскопанномъ, мы должны были ходить съ огнемъ по узкимъ галлереямъ. Въ этихъ-то гробницахъ найдены были тѣ древности, которыми наполнено керченское отдѣленіе императорскаго Эрмитажа, куда отсылаются и нынѣ замѣчательнѣйшія находки; но и въ керченскомъ музеѣ, который обозрѣвалъ Великій Князь въ

то же утро, хранится собраніе вещей, на столько полное, что и по нимъ можно составить себѣ понятіе о характерѣ древностей находимыхъ въ Керчи; особенно замѣчательны въ этомъ собраніи мелкія вещи, служащія памятниками греческаго искусства и домашняго быта.

Вечеромъ Великій Князь посѣтилъ Керченскій институтъ для дѣвицъ, уѣздное училище и еврейскую школу съ синагогой. Въ синагогѣ ожидало его все собраніе еврейской керченской общины, мущины по одну сторону, женщины и дѣти по другую. Его Высочество при входѣ былъ встрѣченъ пѣніемъ на еврейскомъ языкѣ псалма: «Господи, силою Твоею возвеселится царь», затѣмъ слѣдовала молитва о здравіи и благоденствіи Государя Императора и Августѣйшаго дома, произнесенная раввиномъ, а въ заключеніе пропѣто было многолѣтіе по-русски и тѣмъ самымъ напѣвомъ, которымъ поется у насъ. Пѣли пѣвчіе, которыми управлялъ особый регентъ, и пѣніе было замѣчательно стройное, которое вводится теперь въ еврейскихъ синагогахъ новаго обряда, но отвергается старовѣрами. День окончился спектаклемъ въ керченскомъ театрѣ: давали оперетку Квитки: *Сватанье на Гончаровкѣ*, очень удачно исполненную мѣстною труппой.

Къ ночи поднялся вѣтеръ, а утромъ насъ ожидалъ переходъ по Черному морю; но къ утру вѣтеръ стихъ, и плаваніе наше совершилось благополучно. Едва показался берегъ, мы спѣшили на палубу и не сходили

съ нея до конца, любуясь изящными очертаніями южнаго берега Крыма. Передъ нами проходили въ живописной панорамѣ съ моря южные виды, столько разъ прославленные путешественниками — мысъ Кеатлама, гора Черная, мысъ Мегапомъ, Судакская долина, Аюдагъ, Гурзуфъ. Впереди, сквозь туманъ виднѣлась плоская вершина Чатырдага. Къ невѣдомому никому еще изъ насъ краю все манило насъ прелестью неизвѣданнаго еще ощущенія. Вглядываясь въ смутныя очертанія берега мы повторяли стихи родного поэта, стихи, которые скоро должны были отразиться въ насъ всею своею живописною правдою живаго собственнаго ощущенія:

Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ — холмы лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада.
Все чувство путника манитъ,
Когда въ часъ утра безмятежный
Въ горахъ, дорогою прибрежной
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Но вотъ показались бѣлые домики Ялты, изъ-за зелени выглянули Ливадія и бѣлые утесы Оріанды. *Аргонавтъ* поворотилъ къ пристани, якорь брошенъ и плаваніе наше кончилось.

Приложеніе къ страницѣ 127-й.

Д. Ст. Сов. Рихтеръ доставилъ намъ возраженіе противъ замѣтокъ, высказанныхъ нами по поводу возобновленія покоевъ Царя Михаила въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Считаемъ долгомъ привесть здѣсь это возраженіе:

„Приступивъ къ возстановленію зданія и по внимательномъ отобраніи кирпичныхъ позднѣйшихъ задѣлокъ и пристроекъ, я открылъ вполнѣ ясно сохранившіяся части древняго зданія, служившія мнѣ указаніемъ для всего хода работъ при возобновленіи его въ древнемъ видѣ. Эти-то остатки древности и двѣ наружныя вполнѣ уцѣлевшія верхнія двери доказали, что наружное крыльцо дѣйствительно существовало, притомъ внутренняго хода въ верхъ не было и не могло быть, по причинѣ существовавшихъ и повсюду сохранившихся древнихъ сводовъ надъ нижнемъ этажемъ. Какого рисунка и формы было это наружное крыльцо — теперь положительно опредѣлить невозможно; относительно же предполагаемой массивности крыльца можно сказать, что оно какъ часть нераздѣльная массивнаго зданія весьма грубой архитектуры и не могло быть инымъ и что размѣры его не могли быть менѣе ширины двухъ рядомъ сохранившихся древнихъ дверей; впрочемъ крыльцо могло показаться слишкомъ массивнымъ потому, что оно было еще вчернѣ, безъ оштукатурки, между тѣмъ, какъ вся остальная часть зданія уже была окончена.

Чтожь касается до предположенія, будто-бы оградина стѣны входила въ составъ стѣны самаго строенія,—то нераціональность та-

коваго заключенія будетъ очевидно каждому, хотя нѣсколько свѣдущему въ архитектурѣ: стоитъ только взглянуть на планъ и относительное положеніе оградной стѣны къ зданію; кромѣ того весь древній верхній карнизъ, коронующій зданіе, обходитъ его, какъ съ лицевой стороны, такъ и съ одного бока и со стороны ограды; внутри же строенія, ему не къ чему было быть. Наконецъ стѣна древней ограды имѣетъ два ряда зубцовъ и амбразуры, построеніе вѣроятно разныхъ эпохъ, которые и теперь ясно видны; ихъ скрыть нельзя, притомъ верхняя часть оной, т. е. надстроенная стѣна съ зубцами надъ зубцами нижней стѣны — есть произведеніе позднее и никакъ не существовавшее въ началѣ 17-го столѣтія и въ составъ келій войти не могло. Подобное невниманіе къ дѣлу и столь грубую ошибку, допустить было-бы непростительно. Если авторъ замѣчаній принялъ за древнія окна задѣлки проломанныхъ въ позднее время отверстій, для бывшихъ здѣсь пристроекъ, то само по себѣ это нисколько не доказываетъ существованія здѣсь древнихъ оконъ".

Замѣтки къ стр. 174.

(Замѣтка эта по недосмотру не вошла въ примѣчаніе).

Цыфры пошлинъ, взимаемыхъ съ привозныхъ машинъ въ означенныхъ государствахъ, обозначены въ запискѣ „о положеніи механическаго дѣла" не совсѣмъ точно. Исправлять мы не желали, не зная откуда заимствованы цыфры, да кромѣ того сущность дѣла отъ той или другой цыфры не измѣняется, и вопросъ о пошлинахъ остается во всей силѣ.

Во Франціи до 1859 года взималась пошлина самая разнообразная отъ 16 фр. 50 сант. до 212 фр. 50 сант. со 100 кило (100 кило = 6,105 пуд.).

Въ Бельгіи отъ 6 фр до 14 фр 40 сант. со 100 кило.

Въ Австріи отъ 20 фр. 88 сант. — 78 фр. 30 сант. со 100 кило. (Recueil des Tarifs des Douanes. Paris. 1859. Firmin Didot Fréres).

2007339687